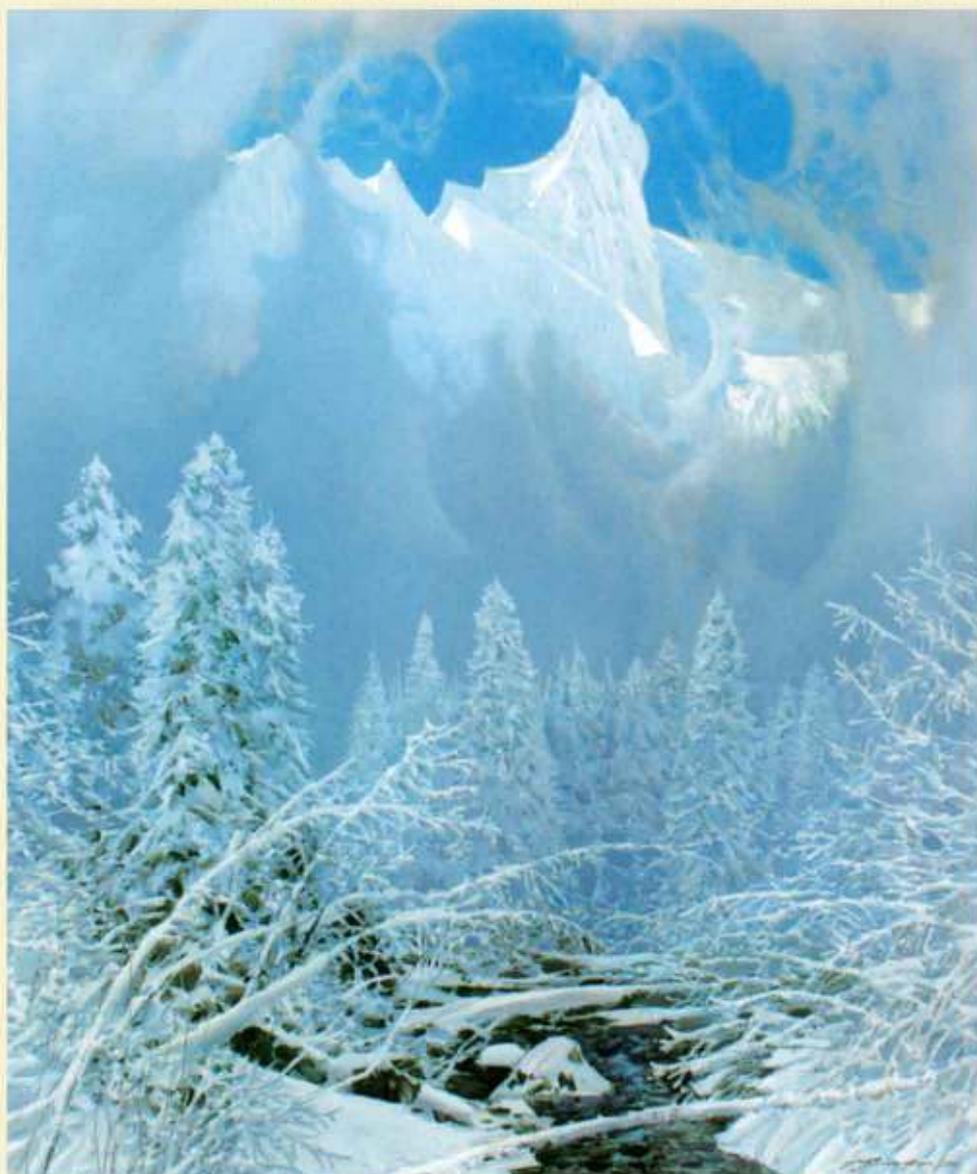

Голос Кавказа

Литература
Искусство
Публицистика

3' 2009

П. М. Гречишкин. Домбайская фантазия. 1990.

*На первой странице обложки — П. М. Гречишкин «Озеро у перевала».
На четвертой странице обложки — П. М. Гречишкин «В Каире»
Цветной вкладыш — работы художников В.Ф. Комарова и Н.Г. Кузнецова.
(Очерки о художниках см. в разделе «Искусство»)*

Основан в день 225-летия Пятигорска.
Учрежден коллективом Северо-Кавказского института по проектированию
водохозяйственного и мелиоративного строительства

Голос Кавказа

Северо-Кавказский
некоммерческий
литературно-
публицистический
и художественный
альманах

№ 3/2009

ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО
ПУБЛИЦИСТИКА

СОДЕРЖАНИЕ

Даниил ДОЛИНСКИЙ. Восемь строк солдатского поэта	3
Георгий ПРЯХИН. Звезда плакучая. Глава из романа.	9
Елена ИВАНОВА. На том пиру, где были мы...	29
Муса АХМАДОВ. Чтобы свечу не задудло ветром. Рассказ. перевод Э. Минкаилова	34
Абдуселим ИСМАИЛОВ. Легенда о говорящем камне и шахе Албурзе	49
Александр МОСИЕНКО. Пикник. Рассказ	53
Александр БУШКОВСКИЙ. Крысята для удава. Рассказ	60
Александр Мосинцев. По утрам нас будили трамваи...	67
Владимир Гнеушев. Там, в горах... Главы из романа	73
ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ КАВКАЗА	98
Валентина ДМИТРИЧЕНКО. Наталья ОКЕНЧИЦ. Виктор ЯРОШ. Магомет-Саид ПЛИЕВ. Сали АРЧАКОВ. Зинаида ЧУМАКОВА. Ия НИКОЛАЕНКО. Ауес БЕТУГАНОВ. Игорь ЛЯПИН. Гирихан ГАГИЕВ. Светлана КЕКОВА. Елена ЧЕРНЯЕВА. Давид ТАКИДЗЕ, перевод В. Саришвили. Захир АЗАМАТ, перевод Н. Мамедова. Майя САРИШВИЛИ, перевод А. Шахназаровой. Анатолий ДУГИН. Ольга РЕЗНИК. Ирина КАРАМОВА. Умар ЯРИЧЕВ. Григорий КУКАРЕКА. Иван УБУШАЕВ. Раиса ОЛИНА-ЛИТВИНЕНКО. Елена КРИВЕЦКАЯ. Светлана СЕДЫХ. Валентина НАРЫЖНАЯ. Иван ПАСЬКО. Екатерина ПОЛУМИСКОВА. Тамара СУХОРУКОВА. Игорь РОМАНОВ. Анатолий ТРИЛИСОВ. Надежда ХМЕЛЁВА. Михаил БЕГЕР. Светлана КЛИМЕНКО. Лула КУНИ	

ББК-84
(2 Рос = Рус)6
Г61

НАСЛЕДИЕ	
Виктор КРАВЧЕНКО. Коста, сын Леуана. Избранное из книги	116
Александр ОЧМАН. Зоценко и Кавказ. Уроки мастера.	129
Владимир ВАРДУГИН. Родник любви. А где-то в пышной осени Саратова...	140
Геннадий КОЛЕСНИКОВ. Стихи из «Чёрного блокнота»	144
МОЛОДЫЕ ГОЛОСА	
Марина ОСОКИНА. Мое путешествие в город Брянск. Эссе	152
Мадина ЯСАЕВА. Мы были, как цветы...	156
ИСКУССТВО	
Тамара КУЛИКОВА. Недреманные высоты	158
Ольга АЛЕКСЕНКО. В плену у пленэра	164
Ирина ПЕРЕВЕРЗЕВА. Тепло и свет души	166
АЛЕКСАНДР ЗОЛКИН. Художник остаётся с нами	169
ПУБЛИЦИСТИКА	
Владимир ЗАХАРОВ. Андрей АРЕШЕВ. Правовые аспекты признания Абхазии и Южной Осетии	171
Николай МАРКЕЛОВ. В полдневный жар в долине Дагестана	183
ЭПИСТОЛЯР	
Владимир СКОРИК. Юрка-разведчик. Друзья-фронтовики	196
ЗАДОРИНКИ	
Лёва КЛЁВЫЙ. Полиглот	199
СТРАНИЧКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ	
Валерий ХОТЛИН. «Нехорошие» слова. Как Аис бросил курить. Жизнь – штука трудная	200
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Николай БЛОХИН. Дело Чичикова. Эссе	207
Елена ГОНЧАРОВА. Хватит переписывать чужие сюжеты!	216
МИР БЕЗ ГРАНИЦ	
Поль ВЕРЛЕН. Я шёл, печаль свою сопровождая...	220
Екатерина СОСНИНА. Кавказ глазами Франции. Взгляд Фредерики Фрейганг	228
Вячеслав БРУС. Я вспоминаю сцены из былого...	234
Владимир ОЛЬХОВ. Событие года	237
НАШИ КОНКУРСЫ	239

Восемь строк солдатского поэта

О войне я начал на войне.
И дала армейская газета
восемь строк солдатского поэта,
хоть и были строки – не вполне.
Ничего, что кто-то в них махорку
завернул, прислюнивши слегка,
ничего!.. Зато я помню зорьку,
клок бумаги, трепет фитилька!
Боже мой, как это сладко было
той порой далекою, когда
я раскрыл газету... Было!.. Сплыло!..
И уже не будет никогда!
Никогда я лучше о войне
не скажу, как мне тогда казалось,
и не напишу, как написалось,
хоть и были строки – не вполне.
Не вполне... Но были они! Были!
И в окопе лютою порой
как тогда чудесно раскурили
их с друзьями! Как они всходили
теплыми дымками над землей!!!

1979

ДОЛИНСКИЙ Даниил Маркович (1925 года рождения), поэт фронтового поколения и известный переводчик, член Союза писателей и Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Калмыкии, автор более тридцати поэтических сборников и многих книг переводов с украинского, калмыцкого, балкарского, чеченского, польского, болгарского, грузинского, армянского и других языков.

Поезда... Поезда... Поезда...
На груди поездов – звезда.
А у нас, а у нас на груди –
слезы тех, кто уже позади.
Был в глазах их немой вопрос:
«Скоро ль, скоро не станет слез?!»
И теплушкам глядят вослед.
Ждут ответа. Ответа нет.
Поезда... Поезда... Поезда...
Кто вернется?.. А кто – навсегда?..
Впереди поездов – гроза.
Позади поездов – глаза...

1944

ПОЛЁТ

Моё крещение огнём!
Мой первый вылет боевой!
Приказ:
и мы в полёт идём над
огневой передовой.
Я – необлётанный птенец,
неопытная птица.
И я – лечу.
Гремит свинец,
ко мне в броню стучится.
На мне, наверно, нет лица...
А сердце
чаще, чаще:
«Держись, – стучит мне, – до конца,
прорвём разрывов чащи».
А вспышки шапками висят
с боков, вверху – завеса,
как будто шапками хотят
нас забросать из леса.
Я оглянуться не успел –
разрывы поредели.
Кричит ведущий:
– Слева цель! –
Пике –
и нету цели.
В тот день мне довелось понять,
что так всегда бывает:
кто даже не рождён летать, приказано – летает!

«Защитник Отечества», 1944

Вспомни день, когда я распрощался с тобой,
и как тополь шумел над дорогой листвой.
Он тихонько шумел, словно к сердцу взывал,
чтобы жив и здоров я к тебе приезжал.
В этот день по полям я с тобою ходил,
я цветы собирал и тебе их дарил...
Те цветы – это песнь, что я спеть не сумел,
те цветы – это речь, что сказать не успел...

«Боец РККЛ», 4 октября 1945

Первые с ветки на ветку
падают листья, летят,
словно уходят в разведку
и не вернуться назад.
Ветры провоят лихие,
солнышко бросит свой взгляд.
Листья вернуться. Другие.
Те – не вернуться назад.
В стужах бесчисленнолетних,
как миллиарды солдат, падают...
Нету последних! Первые листья летят.

1967

Я не лежал в долине Дагестана
с свинцом в груди. А мой сосед лежал.
И тихо догорала его рана,
и разгорался день, кроваво-ал.
Двадцатилетний, он с рассветом вместе
возрос в цене, того не зная сам,
что станет в это утро грузом «двести»...
На сколько ж эту цифру умножить нам?

От близкого разрыва глохнут уши.
Опять судеб развязан узелок...
Возносит Богу отданные души
усталый реактивный ангелок...

2000

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

КАЙСЫН КУЛИЕВ
с балкарского

СТАРИКИ И ВЕЧЕР

Тучи черны, как дно котла,
Гром над горами внезапен, как крик.
В старом бешмете, седой, как скала,
«Быть урожаю!» – сказал старик.

Грохот. Тяжелого ливня стена.
Будто орудия целят в аул.
Шепчет старуха у веретена:
«Где ж ты, сынок мой, навеки уснул?»

Вот они, все их слова. Старики
Двум одиночествам долгим верны.
Смотрят на тучи из-под руки –
Тучи над ними, как порох, черны.

Слушают гром над хребтами. Их взгляд
Может о многом поведать за них.
Может! Но два их молчанья таят
То, что не в силах выразить стих.

Отбарабанил по стеклам град.
Тучи за горы, в Сванетию, мчат...
Глядя на камни старинных оград,
Два старика весь вечер молчат.

РАИСА АХМАТОВА
с чеченского

Звездочка купалась в роднике.
Изловчилась – зачерпнула горстью.
Но не удержать воды в руке –
Расплескала, выронила гостью...
Встретила, на радость и беду,
Счастье!.. И забилося сердце шало!..
Но – не удержала, как звезду,
Потому, что крепко не держала...

ВЕРА ШУГРАЕВА

с калмыцкого

Красавица прошла, неудержимо,
Как ветром, платьем прошуршала мимо,
И, словно распогодясь, непогожий
День посветлел, как встреченный
прохожий!

Я, женщина, и то, не отрываясь,
Глядела вслед, продлить ее стараясь
Во взгляде, пораженном красотою,
Не виданной нигде доселе мною.

Красавица прошла, мелькнула светом
И – задышало все красою следом!

ГЕВОРГ ЭМИН

с армянского

**ГОРНОМУ ХРЕБТУ,
ИМЕНУЕМОМУ «АРМЯНСКИЙ ТАНЕЦ»**

... И после стольких бедствий, крови, слез,
Изгнаний и потерь неисчислимых,
После всего, что некогда стряслось
Пред взором ваших высей молчаливых,
И что стряслось, на горе нам, опять –
Еще вы, горы, в силах танцевать?!

И пришла ты, когда
Дома нет у меня.
Что питье, что еда?
Горе лишь у меня.
Среди снов, нету, джан,
Сна желанней тебя.
Где ж во сне ты, когда
Нет и сна у меня?

ЮЛИУС ФУЧИК

с чешского

СИЛЫ НАРОДА

У каждого есть слабости свои –
И у магната, и у бедняка.
Все это так. Но ты силен, народ!
И столько сильных у тебя сторон,
Что тонут в них все слабости твои!

АЛЕКСЕЙ БАДАЕВ

с бурятского

Жизнь собою сама возглашает
от века к веку:
«Человек предназначен земле,
а земля – человеку!»
Век короткий иль долгий,
бесславный иль славный им прожит –
Даже после кончины своей человек с ней
расстаться не может.
Но пока он живет – всё земля
матерински дарует:
Одевает и кормит, и солнцем целует,
Хоть еще сорняки и ползучие
твари – уроды
Тоже есть у нее... Впрочем, это –
ошибки природы.

ЗВЕЗДА ПЛАКУЧАЯ¹

Джеральдо ла-де-Пур, или Кое-что
о провинциальной поэзии шестидесятых

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

Впервые же дни моей работы в районной газете «Советское Прикумье» мне выделили стол, стул, а также причитавшиеся к ним тяжелую стеклянную чернильницу-непроливайку и массивную перьевую ручку. Причем сразу же предупредили, что мой предшественник, пользовавшийся этим стулом, этим письменным столом и этим тяжеловесным письменным прибором, покончил с собой. Повесился. Сообщила мне об этом бухгалтерша Солодовникова, строгая, положительная, монашеского вида женщина, у которой, как я потом узнал, только что воротился из тюрьмы единственный сын – видимо, она и заведовала всем нехитрым редакционным скарбом и устраивать новичков было ее обязанностью.

Сообщила и внимательно-внимательно, как на очередного претендента, поглядела на меня холодными серыми глазами, в которых даже недавнее возвращение сына из отсидки не продышало, не протаяло ни одной теплой проталинки.

У меня екнуло сердце, и я заметно замешкался с приземлением на капитальный, с дерматиновой сидушкой, стул.

Уселся, поерзал, – и рука сама потянулась к перу. Ну и, как там у классика: рука – к перу, перо – к бумаге. Писать мне было совершенно нечего. И я, как будто меня сюда тоже приняли бухгалтером, а не литсотрудником, стал тренироваться в выработывании собственной подписи, умудряясь впихнуть в заковыристый ее орнамент даже оба свои инициала, хотя никто в жизни еще Сергеем Никитовичем меня не величал.

Мне только что исполнилось семнадцать.

Забегая вперед, скажу: чем старше становился и чем более серьезные должности занимал (процесс этот вовсе не был единым, согласованным, лет с сорока пяти возраст круто пошел вверх, круче, нежели в семнадцать-восемнадцать, а должности, увы, покатались вниз), тем проще становилась подпись. Сперва из нее вылетел один инициал, потом другой, а после выскочила и сама фамилия. В те времена, когда мне доводилось подписывать в день сотни бумаг, у меня вообще выработалась идеальная роспись: просто волнистая, как на отпечатках пальцев, линия. Я вообще уже мог бы расписываться так, как расписывалась некогда

моя мама: окуная в чернила указательный перст и проставляя его в ведомости на зарплату. Лишь когда сам я пошел в первый класс, я научил-таки ее выписывать в соответствующей графе первую букву нашей фамилии. И она делала это так медленно, замороженно, как будто выписывала китайской кисточкой иероглиф. Царский вензель. Кассирша не выдерживала и, отбирая ведомость, выбрасывала ей в зарешеченное окошко ее триста дореформенных рублей: после шестьдесят первого они превратились в тридцать, а сейчас это, наверное, снова полновесные триста, гуляй на них – не хочу.

Мать, мне кажется, обижалась, что ее старательное художество прерывалось столь оскорбительно.

Мы были похожи в нашем фамильном усердии: я в свои семнадцать и она в свои сорок.

Почему-то я не отказался не только от стула и стола, но и от ручки покойника. И писал ею года два, пока не уехал в Москву, в университет. Колесил на перекладных, а то и на редакционном «козлике» или даже, если повезет, на мотоцикле «Иж-49» доведомом к старшему литсотруднику сельхозотдела Леше Никифорову, который по такому случаю напяливал пылезаститные очки и краги и становился похожим на испытателя стратосферы. А я ухватывал его за талию, словно мы летим в пылици не на одном мотоцикле, а на одном парашюте. Или мотылялся пешком по городу и району, а воротившись на рабочее место, этой самой ручкой сочинял «вести с полей», письма трудящихся и прочую матату. Сочинял, как говорится, из гущи жизни, и выводимые этой скорбной, облупленной самопиской неровные торопливые строчки мои вполне законно могли считаться уже и вестями «оттуда».

Оттуда, куда ушел, выпорхнул, воздевшись над унылой провинциальной повседневностью, мой незадачливый предшественник.

Получалось, что мы взяли друг друга в соавторы: я – его, а он – меня. И сочиняли, сидя на одной зарплате, на два голоса. Не зря заведующая отделом писем Валентина Федоровна Курилова, жизнерадостная, как малиновка, упрекала меня, что я вижу жизнь глазами утопленника. Ну размыто и как-то не духоподъемно.

А у меня не хватало ума объяснить ей, что в силу объективных причин взгляд-то у меня как раз с подъема, с высоты. С высоты солдатского табурета.

Справедливости ради надо сказать, что я хоть и числился литературным сотрудником, но зарплату мне первое время платили как техническому секретарю редакции. Пятьдесят рублей – недалеко я ушел, однако, от своей матушки. Так что некоторые основания для ущербности в мирозерцании у нас с моим соавтором были.

Мне рассказывали, что он писал не только заметки, но и стихи. Заметки – в газету, а стихи – в тот самый стол, что достался по наследству мне. Может, он и повесился из-за этого противоречия: подстольные стихи не хотели пребывать в согласии с настольной прозой. С заметками. А может, и по другой причине. Он повесился вскоре после того, как у него обнаружили злокачественную опухоль. В любом случае это был решительный человек, нашедший единственный способ подняться над действительностью. И очень худой. В верхнем ящике стола сохранилась его фотография, сделанная, видимо, нашим редакционным фотографом Валентином Пономаренко. Я время от времени, незаметно от жизнерадостных сослуживцев, выдвигал ящик и вглядывался в изможденное лицо с ввалившимися

¹ Полностью роман публикуется в журнале «Юность». 2010 г.

ся глазами. Он смотрел на меня снизу строго и даже осуждающе. Видел меня насквозь. Знал, что его решительностью я, увы, не обладаю.

Так я и жил. Сверху, мне казалось, за мною наблюдает мать, которой уже три года как не было на земле, а снизу иногда строго присматривал предшественник.

Я до газеты стихов не писал. И вообще попал в редакцию благодаря самой кондовой прозе. Я тогда, после смерти матери, учился и воспитывался в интернате. И если что и писал, то лишь обязательные школьные сочинения. И уж они-то были самого возвышенного свойства. Учитель литературы Валерий Федорович Антоненко, фронтовик, побывавший и в немецком тылу и в советском концлагере, потомок одного из потемкинских матросов-бунтовщиков, носивший ту же самую фамилию – Антоненко, хвалил их. Но всегда, как мне казалось, с несколько брезгливой миной на желтом и тощем – вот чьими твердыми глазами смотрел на меня мой персональный покойник из верхнего ящика письменного стола! – лице военнопленного обеих воюющих держав. А однажды, подняв мою тетрадку, двумя желтыми прокуренными твердыми пальцами и сдержанно похвалив ее, он при всем классе предложил мне написать заметку в районную газету о том, что у нас который год уже строят мастерские для интерната, а воз и ныне там.

– Только не витийствуйте. Ровнее дышите, – загадочно посоветовал мне тоже при всех.

Эти мастерские я знал не хуже любого интернатского мальчишки. В их недостроенных недрах мы разнообразно коротали редкие часы нашей детдомовской свободы.

Совет учителя выполнил с особым, подчеркнутым рвением. И даже остервенением. Валерий Федорович лично отнес заметку в редакцию, где у него, видимо, имелся кое-какой блат. Ее не просто напечатали – мне даже дали за нее вместе с гонораром в три рубля фотоаппарат ФЭД (аппарат у меня в спальне свистнули в первую же ночь после торжественного вручения), чтоб я, значит, впредь свои яростные заметки еще и иллюстрировал документальными фотокарточками. И даже пригласили внештатным сотрудником в редакцию. А затем, когда старшие классы в интернате расформировали и я перешел доучиваться последний, одиннадцатый, год в вечернюю школу рабочей молодежи, то и у меня сперва появился солдатский табурет в холостяцкой комнатке моего предшественника, а потом и дерматинный конторский стул в редакции, меня позвали и в штат.

Хотя стройка так и не подвинулась ни на йоту. Ее достраивали еще несколько лет после моей никем не замеченной заметки.

Из чего я на всю жизнь усвоил: как бы истошно ты ни прокукарекал, это вовсе не значит, что тотчас же наступит божий день. Свобода слова – это в первую очередь свобода его падения. И только.

Но наша районная газета, которая совсем недавно, за год-два до моего прихода, называлась совсем уж казенно и прозаично – «За социалистическое животноводство» – и особенно мое рабочее место каким-то непостижимым образом были связаны с поэтическим зудом. На этом же месте, перед моим непосредственным предшественником сиживал и поэт Иван Кашпуров. Это был уже настоящий поэт: во-первых, он печатался время от времени в самой «Ставропольской правде», а во-вторых, в редакции еще сберегались легенды,

как Иван появлялся на рабочем месте. Вихрь! Самум! Самой Валентине Федоровне ручку целовал, о чем она с гордостью сообщала каждый раз, когда речь заходила об Иване.

А в еще большей степени на поэтический дар Ивана Кашпунова, по мнению моих сослуживцев, указывала сама манера его передвижения между редакцией, располагавшейся в старинном особняке в центре города, в подножии у горкома партии, и типографией, которая находилась неподалеку, но уже в жилых кварталах, и помещение которой было столь ветхим и незавидным, словно в нем по старой памяти еще печатались какие-то подпольные листки. Мало того, что Иван курсировал в дырявых туфлях, не разбирая луж и размахивая, как ветряк, руками. Он еще и постоянно бормотал себе что-то под нос, переходя иногда на совершенно маяковский бас, странноватый при его небогатырском сложении, так, что встречные горожане иногда просто шарахались от него. А некоторых неповоротливых, не успевших отпрянуть, Иван хватал за грудки, притягивал к себе и, уставившись в жертву темными очами, вопрошал, как знаменитый мавр свою Дездемону:

– Вы видели, как умирает лань?...

Полупридушенный прохожий хрипло отнекивался.

– Как судорожно сводит ее колен божественный огран... грань..., рвань... фу ты, черт...

И, с миром отпустив полупреставленного, летит, вскидывая озябшие руки, дальше, вполголоса выбирая на ходу – дрянь... ткань... скань...

И шептал, нашептывал, как молитвы, заметьте, вовсе не заметки, с которыми несся, порой теряя их на ходу, в типографию. Ни про удои-отелы, ни про вспашку – про что там еще приходилось ему писать, сидя некогда на моем рабочем месте? – да про то же, что и мне самому. Нет. Им он по необходимости прислуживал, а вот служил совсем другому. Вечному. И, увы, бесплатному.

В городе у нас был еще один сумасшедший, беспрестанно бормотавший что-то на ходу. Я его застал – Павел Гайкович, родной брат одного из столпов нашего городка, директора авторемонтного завода Юрия Гайковича Лопояна. Наголо, по-каторжному стриженный пожилой армянин с лихорадочными, как сказал бы Булгаков, «исступленными» глазами. Он тоже не ходил, а бегал. Причем не в туфлях-ботинках, а в сапогах, что делало его похожим на Троцкого, и без конца нашептывал что-то вслух. Представляю, как они могли встречаться на одной тропе!...

– Вы видели?

– Разумеется...

Несколько лет спустя, уже в Ставрополе, я познакомился с Иваном. Но теперь уже в нашу молодежную редакцию заходил, в меру важничая, совсем другой человек. В костюме, в лакированных туфлях. На мое робкое сообщение, что его еще помнят в Буденновске, в районной газете, он рассмеялся:

– А-а... А я вот почему-то ни одного стихотворения о нем не написал. Не вытанцевалось... Захолустный городишко...

Ну да, какие ж лани в Буденновске? Тут и корову-то не сразу сыщешь...

Поэты взрослеют даже быстрее, чем обыкновенные люди, и умирают раньше.

Мне довелось поработать в нескольких маленьких редакциях. И у каждой в то время, как у последнего приюта умалишенных, был свой поэтический са-

док. Но у буденновской районки он оказался наиболее экзотическим, что ли. Время-то у всех было одинаковым: оттепель, когда даже мозги, а не только души, оттаяли, забурлили, потекли не только более или менее свободной разговорной, но и у самых умалишенных, еще и поэтической речью. Но Буденновск в те времена и впрямь был последним русским городом – на многие сотни километров. Дальше шли Ногайская степь и Большой Кавказ. А совсем уж дальше – Ближний Восток. Для кого-кого, а для нас он точно был ближним. Близким. Я уже писал: стоило мне, мальчишке, в своей Николе задрать голову на редкий-редкий, как и гром в наших засушливых местах, гул самолета, как я уже совершенно точно знал: на Тегеран! Места в округе испокон веку, с царских еще времен, ссыльные. А тут вышло послесталинское послабление, и люди, годами державшиеся глубинки, вдруг сами стали всплывать. Выходить из тени. И куда? Конечно же, на свет бакена. Так в редакции однажды появился Глеб Иоанникович Петров. Серебряная борода, смоляные усы, соломенная мичуринская шляпа. Он и был местным пшеничным Мичуриным – научным сотрудником местной сортоиспытательной станции, прародителем нескольких сортов засухоустойчивой пшеницы. Сын большого церковнослужителя, репрессированный в свое время вместе с отцом и ушедший потом в свою делянку, как в раковину. Он выступил в редакции с интереснейшей беседой на селекционные темы, после которой наш редактор, фронтовик, исполнявший обязанности коменданта какого-то крохотного немецкого городка, Георгий Григорьевич Путилин, спросил, обводя взглядом свой тоже крохотный коллектив:

– Есть ли у кого-то вопросы?

Вопросов ни у кого не было. Видимо, всем все было ясно, особенно в конце рабочего дня. И тогда я, отважившись, чистосердечно спросил:

– А что значит слово «шельмовать»?

Редактор и пожилой селекционер, улыбнувшись, переглянулись. И Путилин, сам познавший и хулу и похвалу, добродушно заметил:

– Это я тебе, Сережа, расскажу после работы.

Видимо, не хотел задерживать остальной, торопящийся по домам понятливый – понятливее меня, народ. Из своего почти на полвека запомнившегося вопроса даже сейчас понимаю, что беседа наша шла действительно на сугубо неселекционные темы.

А что уж говорить о поэтах! Их сносило к нам, как мотыльков. Одно такого мотылька я помню. Совершенно голомызый мужик в ватной телогрейке, в наших местах ее именовали интеллигентно «фуфайкой», из-под которой торчали красные, как ошпаренные, кисти рук, под два метра ростом распахнул кирзовым сапогом двери в нашу комнату и заявил с порога:

– Я – поэт. Василий Огурцов. Отбываю условно на Черных землях. Чабаном. Приехал на попутных к вам специально: почитать стихи... Я должен почитать стихи! – возвысил голос, заметив ошеломленное движение в комнате слабонервного женского персонала. И так с порога, расставив чабанские ручищи, чтоб, значит, ни одна мышь не выскользнула, стал декламировать наизусть.

Слов не помню. Но общее ощущение осталось: мне показалось тогда, может, с перепугу, что это действительно были стихи. Путилин, просунувшийся на шум под руками поэта Василия Огурцова – вход свободен, выхода

нет! – даже напечатал их через несколько дней в газете. Напечатал через несколько дней, а гонорар велел выдать сейчас, немедленно, авансом. Чтوب, значит, не задерживать большого поэта Василия Огурцова в нашей малогабаритной редакции. Тем более, что тот тоже оказался фронтовиком.

Но наибольшим экзотом, как и наибольшим фронтовиком, был, конечно, Джеральдо ла-де-Пур.

Совершенный красавец с вьющимися кольцами смоляных волос, с таинственно мерцающим перстнем на безымянном пальце правой руки, где носят обручальные кольца, и с золотой серьгой в правом же ухе, полумесяцем поблескивающей из-под жгучей южной шевелюры. Он появлялся в нашей редакции раз в несколько месяцев и уж его-то явления женский состав ждал с нетерпением, и в дни, когда он объявлялся, домой с работы этот самый состав не торопился. Так и сидел бы, так и слушал бы, так и ел бы глазами складного, элегантно одетого – это при том, что взгляд его ловко, шутя, как свежеиспеченную картофелину, раздевал, как им казалось, каждую из них, точнее, каждой, даже вполне положительной бухгалтерше, казалось, что исключительно ее так и ел бы взгляд залетного идадьго.

Да-да, Джеральдо ла-де-Пур – испанец. И даже боец, офицер – иногда он сам себя называл генералом республиканских сил, сражавшихся с генералом Франко. И вынужденный после поражения эмигрировать в Советский Союз. Живет он в Москве, имеет виллу на Кавминводах, за заслуги перед двумя отечествами сразу. Занимается помимо основной (левый глаз многозначительно прижмуривается, словно Джеральдо метит в кого-то напротив: в ответ счастливо зажмуривают сразу оба глаза все наличествующие при встрече женщины, включая даже сотрудниц горкома партии) деятельности посильным литературным творчеством. Мемуарами. «Поскольку с воображением у меня туго, я предпочитаю, крепко, по-солдатски держаться за канаты правды». – «Да что вы, генерал, – восклицает в ответ наша машинистка Лида. – Сама ваша легендарная жизнь – это и есть наилучшая литература!»

Лида по ночам принимает, поскольку телетайпа у районки нет, материалы ТАСС, поэтому тоже чувствует себя слегка причастной к основной деятельности генерала.

– Вот и на сей раз привез вам кое-что о штурме Эскуриала, – раскрывает он толстую черную папку и начинает листать в ней страницы в поисках необходимого.

Воспоминания у него написаны на машинке с заплывшим очком и, что меня всегда немного сбивает с толку, жутко безграмотно. Но, возможно, это, как и походка Ивана Кашпунова – юного, и есть первейший признак литературного дара? Джеральдо долго тасует страницы, поскольку, похоже, совершает кольцевой заезд по редакциям, и у него еще несколько дней пути и столько же вариантов воспоминаний, и наконец вынимает предназначенное для нас.

Дамы просят почитать, но читает он почему-то с запинками и занятие это не любит.

– Давайте я вам лучше что-нибудь расскажу своими словами.

Дамы почему-то больше всего любят спрашивать не о боевой, а о довоенной жизни генерала.

Он происходит из знатной кастильской семьи («Конечно, конечно, – перешептываются дамочки: тут же сразу две аристократические приставки – «де» и

«ла»; аристократ, а надо же – встал за рабочее дело, какой сознательный!» – это уже горкомовские). У него дом в Мадриде и замок, увитый виноградом, на Гвадалквивире. Он даже снится ему ночами, туманится взгляд у идальго.

Замок, вилла – в то время ни у одного из сотрудников редакции даже заноханной дачки не было, не разрешали, в лучшем случае огород за городом, в пойме, где выращивали помидоры и капусту...

И без обручального кольца!

И возраст – лет пятьдесят, а ни одного седого волоса...

Гонорар он тоже забирал, не дожидаясь публикации.

Рыцарь без страха и упрека приходил в редакцию с розой в петлице и, чтоб никто не обиделся, всякий раз оставлял ее на столе. На память. Но недолго хранила она аромат его летучего пребывания в наших стенах: наутро розы уже никогда не оказывались на месте.

На то она и ночная работа.

Рыцарь печального образа оказался жуликом.

Из крайкома партии пришла бумага, разосланная под копирку в десяток районных газет. В ней говорилось, что редакторы ряда районов – далее шел перечень фамилий – проявили халатность и полное отсутствие бдительности и щедро предоставляли газетные страницы мистификатору, выдававшему себя за героя гражданской войны в Испании. А он никакой не герой и вообще даже не участник Великой Отечественной. Актер-«расстрига» из Пятигорской филармонии, исполнитель цыганских романсов, изгнанный из филармонии за пьянство и дебоши в общественных местах и злостную неуплату алиментов. Вступил в сговор с бывшим литсотрудником газеты «Кавказская здравница», изгнанным из редакции за те же самые провинности. Изгнанный литсотрудник сочинял тексты «воспоминаний»; изгнанный разжалованный артист их воспроизводил. В настоящее время, когда им заинтересовались органы, исчез в неизвестном направлении.

Как в воду опущенный, зачитал редактор письмо на летучке. Даже свою фамилию не пропустил. Это вообще был странный редактор – таких мне больше не встречалось на моем длинном корреспондентском пути. На одной из производственных летучек он пожурил литературного сотрудника сельхозотдела Анатолия Финютина, только что прикочевавшего к нам откуда-то из-под Магадана – среди работников в те годы часто попадались такие профессиональные «кочевники», в несколько лет, от редакции к редакции, пересекавшие страну с юга на север, с севера на юг, с запада на восток и обратно, это отражало некую общую тенденцию великого перемещения воздушных и человеческих масс, охватившего страну после марта пятьдесят третьего – пожурил за якобы неточные цифры, приведенные в статье. Критику сотрудник проглотил. Но через неделю, на следующей летучке вынул из кармана заверенную печатью справку из райсельхозуправления – цифры оказались не с потолка взятыми. Путилин поднялся во весь свой респектабельный гвардейский рост – Анатолий Финютин был хромоножкой – и без лишних слов извинился перед новичком, перед своим невеликим подчиненным, который помимо всего прочего еще и в два раза моложе него.

Такого я вообще не видал ни разу.

Только и сказал: мол, надо было объясниться сразу же, а не носить в себе обиду целую неделю.

Путилин прочитал письмо, и все мы скорбно, как на похоронах, помолчали. И впрямь: жаль было расставаться с Джеральдо ла-де-Пуром. Вроде как на наших глазах снесли его за бугор. Одна Лида Волик поерзывала на стуле. Не поверила разоблачениям. Ей казалось, что одна она, в силу своей специфичной, почти засекреченной ночной работы, догадалась, в каком направлении исчез «идальго». В том самом – в сторону Гвадалквивира. Выполнять новое ответственное задание своей второй родины. А все остальное – только легенда прикрытия. Для таких вот наивных, как эти с раскрытыми ртами остолбеневшие ее сослуживцы. И сослуживицы.

Место заразительно. Не зря вон даже на птичниках, прежде чем заселить новую партию цыплят из инкубатора, проводят тотальную дезинфекцию. Мало-помалу я тоже начал писать стихи. И даже посылать их в центральные газеты и журналы. Но никто их не печатал. Своей же районке я их и не предлагал, потому что стихи, разумеется, про любовь. А что-то мне подсказывало, что, будучи, паче чаяния, напечатаны там, где меня знают как облупленного, они окажутся фальшивыми – какими, наверное, и были на самом деле. А вот опубликованные вдали, да еще в самой Москве, еще могут ввести кого-либо в заблуждение. Хотя бы одного человека – ясно, кого.

В районке же я по заказу штамповал стихотворные репортажи про «шаги семилетки», уборку «королевы полей кукурузы» и что-нибудь к красным датам календаря. И странное дело: вся эта дрянь выглядела совершенно уместно на газетных полосах, и я без зазрения совести получал за нее грошовые гонорары по пятым числам.

Еще в Николе, в сельской школе, а потом и в Буденновске, в интернате, начал декламировать стихи на всяких вечерах и смотрах: однажды меня даже взяли в Ставрополе, на краевой конкурс, и я привез оттуда грамоту. У меня сохранились всего три детские фотографии. Одна – где я совсем еще маленький, стою рядом с матерью, в беленькой накрахмаленной рубашонке и в коротких штанишках с одной косой помочей. Мать, тоже нарядная, в кофте в горошек, сидит на табуретке: ее только что сфотографировали как передовую доярку или свинарку, и она, сбегав за мною, наспех умыв и подчепурив меня, попросила присланного из района фотографа снять ее еще раз, теперь вместе с сынишкой. Это вообще единственная карточка, где мы вместе: нарядная косынка у матери задорно повязана чуть набок, набекрень, рукава у кофты как бы засучены, и молодые руки свои она веско положила себе на колени – представляю, как она драила дома их – и меня заодно – в щелочи, готовясь к парадному фотографированию. Поверх ее загорелой крестьянской ладони, почти что бабочкой, прилепилась и моя доверчивая ладошка. Еще более смуглая, чем ее, бабочка почти что персидских кровей. Следующая только та, где я, уже (или еще?) четырнадцатилетний, стою над ее гробом, держась за него рукою, как держатся за просмоленный борт навсегда отплывающей лодки. А на той мы оба вполне живые.

Есть еще фото, где я уже в интернате, в городе. Мне уже лет шестнадцать. Уж очень вычурно выстроен чуб – стилисту Звереву и не снилось, как мы, девятиклассники, истязали свои головы перед единственным зеркалом в нашем мужском умывальнике – и взгляд, вполне отрешенный от жизни. Еще бы: ведь рядом, на стуле – мальчишки за спинами, а девочки на переднем плане – сидит, сложив на коленях красивые руки, та, которую я после и хотел достать, пронять стихами аж через саму Москву. Странно, мы, мальчишки, тоже в одинаковых казенных

рубашках, но все-таки не выглядим так единообразно, как наши куда более увесистые, нагулянные, словно с другого пастбища, девчонки в своих байковых платьях. Фотографировались у них в спальне, на фоне какой-то картины – это был единственный случай, когда я оказался в интернатской девичьей – и поэтому они не в коричневой, школьной форме, а в домашней – толстая байка в цветочек.

А вот еще карточка, где мне лет десять-двенадцать. Еще жива мать, глазенки еще сияют, как у щенка, и я еще в родной сельской школе. Судя по всему, на сцене. Читаю стихи. Голова запрокинута, руки в движении. Карточка махонькая, чуть поболее марки, с такими же фигурными обрезанными краями, но пафос излучает до сих пор: не стерся, не выцвел. На мне куца вельветовая «чарльстонка» и широченные штаны: еще мгновение – и я выпорхну из них, как из скворечника.

Вы знаете, а ведь я промышлял декламацией, даже работая уже в районной газете.

Мать у меня хорошо пела, но мне достался не слух, а только звук.

И звуком этим, своими деревенскими легкими я пользовался вовсю. Мне казалось, чем громче звучат стихи, тем они лучше. Два-три года спустя едва ли не из каждого буденновского двора станут нестись надрывные песни – стихи Владимира Высоцкого: повальное увлечение им совпадает с появлением доступных для молодежи магнитофонов «Весна». Высоцкий и технический прогресс счастливо найдут друг друга. Не знаю, может, это была зависть, но тогда и то и другое казалось для меня ширпотребом. Тем более, что сам я оказался «на магнитофоне» еще раньше, чем Высоцкий, во всяком случае в наших местах. Меня еще в конце пятидесятых записали на только-только появившийся в школе магнитофон – его называли почему-то «комбайном», и своими размерами и скрежещущей ходовой частью он действительно соперничал с прицепным комбайном РСМ-8 – с каким-то воззванием против войны во Вьетнаме. По-моему, вьетнамцы тогда воевали даже не с американцами, а еще с французами. Магнитофон так громоздок, что не помещался ни в одном классе, ни в кабинете, и его держали в школьном коридоре. И однажды прямо во время уроков преподаватель физкультуры, местный наш Кулибин – он один всегда и колдовал над монстром – вдруг запустил его. Нечаянно. И я даже вздрогнул: так загредел из коридора мой гневный антиимпериалистический фальцет. И класс вздрогнул. И все классы в школе вздрогнули, и все двери в коридор распахнулись, и через мгновение из них, как из пушечных жерл, в коридор вывалилось по лопнувшему ядру полновзвучного хохота.

Я еще клеймил империалистов, а над ними, да и надо мной заодно, уже смеялись с первого по десятый класс нашей сельской школы.

Не знаю как до Вашингтона, а до Парижа уж точно докатилось.

Высоцкий зазвучал позже, а в шестьдесят четвертом в Буденновске надрывался покамест один только я. Причем спрос на меня был тоже почти что повсеместный.

И с районной газетой, где я тогда трудился, он не был связан никак.

Я был любимцем трудовых, рабочих коллективов.

Совершенно серьезно. Без брешешь, как говорят у нас в Николе.

Дело в том, что, работая в районке, я еще учился в вечерней школе рабочей молодежи. Парней и девчат, учившихся со мной, я бы не назвал со-

всем уж рабочими. Скорее это была молодежь с ногою, занесенною уже для следующего шага. На следующую, более высокую ступеньку. Моими соучениками были сцепщики вагонов, мастера, нормировщицы – из школы мы расходились в полночь, парами, и нормировщицу Ивницкую, узкобедрую красавицу одного со мной роста, я уже наметил было со следующего вечера себе в постоянные спутницы, если не на всю жизнь, то до конца учебного года, как вдруг проклюнулась моя предыдущая красотка, продавец из галантерейного отдела, уезжавшая на курсы повышения квалификации в Ессентуки, и мне пришлось изменить свой ночной маршрут. Перемена казалась не очень значительной, градусов на двадцать: Ивницкая жила на Чехова, а карьеристка из галантерейного – на улице местного революционера с балетно-сигаретной фамилией Прима, а вышло, черт возьми, очень круто: на всю жизнь.

Комсорги... Был даже один вчерашний зек со странным для такой категории лиц фамилией Плаксин, завязавший с жизнью предыдущей и туго проти-скивавшийся в новую. Да, школа хоть и называлась рабочей, но в последнем ее клане уже была молодежь, вышагивавшая из комбинезона – ну если и не в белые воротнички, то куда-то в более стиранное платье.

На работе у себя они слыли активистами, заводилами – вот они-то и таскали меня по своим красным уголкам и рабочим клубам. Выпихивали меня на сцену или прямо в круг, как начинающего городского сумасшедшего.

– Читай, – подбадривали, сидя сами где-нибудь в первом ряду.

И когда я начинал орать, даже горделиво оглядывались вокруг: каков, а? – прямо как непосредственно из дурдома, а не из школы рабочей молодежи!

Как ни странно, я тоже опосредованно подсоблял их карьерному росту: не каждый может привести за собою под красную дату такое чудо в перьях.

Своего я предусмотрительно не читал: хватало все же ума не выворачиваться-таки совсем уж наизнанку. Но Маяковского шпарил с остервенением. Причем почти исключительно любовную лирику. Особенной популярностью в моих рабочих аудиториях, и в первую очередь в красном уголке местной текстильной фабрики, пользовалось «Письмо Татьяне Яковлевой из Парижа о сущности любви». Может, потому что это не проходили даже в школе рабочей молодежи, а не только в обыкновенной. При всем своем юношеском тщеславии я, видимо, все же понимал, что стихи Маяковского будут-таки посильнее моих, и всю свою первую, нерастратченную – а она всегда роковая – страсть выражал, искусно легализовал чужими талантливыми словами.

Юные ткачихи все равно воспринимали их как мои собственные: девичье сердце, жаждущее обыкновенного чуда сильных чувств, не проведешь.

Уже по детской фотографии видно, что, декламируя, я решительно подсоблял себе руками. Поэтому и в красных уголках работницы взирали на меня с восхищенным любопытством – чужая страсть, как и чужое слабоумие, всегда вызывают восхищенное удивление. Не знаю, кем они воспринимали меня – неу-жели самим Маяковским? – но себя, несомненно, каждая осязала Татьяной Яковлевой на буденновском полустанке.

На буденновском захоластном полустанке – по пути в Париж.

Щеки у работниц рдели – от дерзких чужих любовных слов девицы разгорались так же, как загорался от них и сам я, выкрикивая этими чужими словами то, что сладко и больно творилось на душе у самого меня.

Они, наверное, загорались от предчувствия, я уже – казалось мне – от про-

щания, что, в общем-то, со временем и подтвердилось.

Предчувствие прощания навеки.

Комсорг лентоткацкой фабрики, с виду смиренная и порывистая, как цыганка, предложила включить меня в списки на бесплатную экскурсию в Пятигорск.

– Нам дают автобус, – сказала, поворачиваясь, чтоб не выдали слишком уж выразительные цыганские глаза. – А если захотите, у нас с вами будет там отдельная программа...

В общем, я и сам был уже почти что Джеральдо-ла-де-Пур.

Парни благодарили проще. Пускали по кругу шапку – и впрямь как для тронутого – и когда я благородно отказывался от денег (рубли и трешки такие мятые, как будто их выдавали им не в кассе, а тоже где-то на паперти), они посылали прямо с этой же шапкой самого молодого из них, салагу, хотя главным салагой был, конечно же, сам я, в продмаг и потом прямо в красном же уголке, на подшивке «Правды», резали колбасу и разливали портвейн «Три семерки».

И я был вполне горд своим гонораром.

А однажды мой однокашник по вечерней школе Юра Сошкин, бывший каким-то активистом в своей нефтеразведочной конторе, после такого коллেকтивного сабантуйа еще и завел меня к себе домой – у его родителей был дом с виноградником – и наточил мне из дубовой бочки трехлитровую банку домашнего вина: к седьмому ноября. Больших трудов стоило мне потом, обнимая ее, как обнимают свой живот запоздалые роженицы – вот-вот и выскользнет золотая рыбка – донести эту банку до хозяев, у которых я тогда квартировал: ведь мы с Юрой и к шлангу в подвале успели приложиться.

Не знаю, могут ли чужие, да и свои стихотворения прокормить, но пропойть в состоянии – это несомненно!

Юра, как и большинство моих однокашников был постарше меня, уже отслужил в армии. Основательный, немногословный крепыш, болгарская кровь окрасила его красивым нездешним оттенком и снабдила резкими мужскими чертами: мачо, жених на загляденье. А зайдя однажды ко мне в редакцию, увидел он Валю Маслову – женщину даже постарше него, разведенную, уже с ребенком, выпускницу философского факультета МГУ, подвизавшуюся у нас радиокорреспондентом. Робкая, застенчивая, на просыное зернышко похожая и считавшая себя неудачницей, закатившейся за ненадобностью аж в эту ногайскую глушь, Валя почему-то зарделась, увидев моего Юрку.

А через несколько месяцев я узнал, что Юра женился на ней: не такой уж простушкой оказалась наша Валюха, которую жалели все женщины в редакции.

Я остолбенел от этой новости, а теперь, с годами мне чудится какая-то связь между стихами, моей наивной декламацией, в которую Юра вслушивался, как в идущие из тщедушной моей глубины коварные звуки какой-то неведомой пока ему бурильной установки и его странной женитьбой: все досужие бабы редакции теперь стали дружно жалеть его.

Первая и, слава Богу, последняя жертва моих бродячих поэтических сеансов.

Зато как же повезло Валюхе и ее пацаненку, новообращенному Юриному пасынку!

Однажды меня пригласили читать Маяковского в районную библиотеку, где собрался ее читательский цвет. Я был в ударе – мне показалось, что в библиотечных сенях на какое-то время даже мелькнуло и личико той, которой и адресовались мои собственные вирши, направляемые ей «через Москву». Монастырская тишина слетела с читального зала, как простыня с юбилейного памятника. «Цветной» народ даже как-то угнул, вобрав – на всякий случай – голову в плечи. Но после в библиотеку и в прочие культурные места меня не приглашали. Видимо, манера моя больше приличествовала другим аудиториям. В читальных залах, во всяком случае, в мои времена, портвейн по полиэтиленовым стаканам не разливали и селедку на передовицах «Правды» не разделявали.

Больше всего в моем чтении людей занимало то, что я шпарил Маяковского наизусть. В красных уголках этим восхищались совершенно искренне и просто-душно. И даже подходили потрогать лоб: не горячий ли?

Когда вспоминаю, что группа недоучившихся или вечных студентов Литинститута собирала в шестидесятых стадионы, я тоже чувствую себя к этому причастным. И потому, что я также недоучившийся и даже отчасти вечный, поскольку моя учеба в МГУ растянулась в конечном счете на девять лет. И потому, что я тоже собирал. Если учесть разницу в населении Москвы и Буденновска, то вполне пропорционально: если и не «Лужники», то стадион «Торпедо» уж точно. Несколько лет назад оказался по случаю в одной большой школе Буденновского района. Ко мне подошла завуч и, отведя в сторону, чтобы никто не слышал, сказала:

– А я вас знаю. Вы нам про Татьяну Яковлеву читали...

Мы повнимательнее присмотрелись друг к дружке – не скажу, чтоб и ее так уж пощадили годы, хотя она лет на пять помоложе меня, – и улыбнулись.

Время было такое, поэтическое. Молодое.

Улыбнулись как знакомые, как однопланетяне, хотя я ее совершенно не помню.

Мы тосковали по поэзии, которая, по нашим представлениям, проживала где-то далеко, не здесь, тянулись ко всякого рода экзотическим проходимцам – кстати, именно на шестидесятые пришелся последний всплеск популярности в России испанской гражданской войны, возможно, потому что именно в эти годы многие из нас открыли для себя Хемингуэя, – а поэзия подчас проживала, как в коммуналке, прямо под боком. Неузнанная и неназванная. Угаданная лишь задним числом, лишь тогда, когда сами мы потеряли всякую способность к ней и к её восприятию.

Нашего редактора Георгия Григорьевича Путилина сняли. Рука так и тянется дописать по шаблону: «с треском». Но треска-то как раз и не было. Втихую. Просто вызвал его однажды первый секретарь Иван Тихонович Таранов, и из его кабинета, что располагался прямо над нами, на втором этаже, наш редактор вернулся уже не редактором.

Я хорошо помню Ивана Тихоновича. И помню всего лишь по одной встрече, когда наблюдал его более или менее вблизи. Это было в октябре 1964 года.

Иван Тихонович Таранов в октябре.

Он тогда только что вернулся с октябрьского пленума ЦК КПСС, на котором снимали Хрущева. И нас, сотрудников райкома и районной газеты, собрали в райкомовском актовом зале, чтобы Иван Тихонович, стало быть, из первых уст донес до нас, несмышленных, решения партии. Момент торжественный, и мы, в

том числе и я, юный восславитель «королевы полей», сидели несколько смущенные и обескураженные той ответственностью, которая вот-вот должна была на нас свалиться.

Начать с того, что Иван Тихонович, по рассказам мужик, вообще-то, свойский, начинавший когда-то в нашем же пригородном селе с задушевым именем «Покойное», вошел не вместе с нами, а с некоторым отлетом, когда все мы уже чинно и настороженно сидели в крохотном райкомовском зальчике, в котором было что-то будуарное: до революции, по-моему, особняк принадлежал какому-то здешнему армянскому купчику.

Я не помню в деталях, что он говорил и как убеждал нас в правильности решения пленума о смещении Хрущева, можно подумать, что кто-то из нас был бы против: народу всегда интересно, когда кого-то сгоняют с вышки, народ в таких случаях всегда только «за».

Потому что мое внимание в тот исторический момент было целиком и полностью поглощено другим – костюмом Ивана Тихоновича.

Таких костюмов я тогда отродясь не видывал.

Мой старший товарищ по «Комсомолке» Валерий Аграновский, описывая в свое время какого-то колхозного деда в обносах, привел его поговорку, которую я помню всю жизнь, Валерины строчки не помню, а эта дедова, «Щукаря», поговорочка-погудка талантливо точно, без творческой зависти воспроизведенная Валерой, прямо врезалась в память.

– Какие мы, такие и костюмы.

С ударением на последнем слогое.

Как бы не так!

Это не мы определяем качество наших костюмов, а наши костюмы определяют в конечном счете и наше собственное качество.

Я просто поразился добротности костюма и барственности его посадки. Он действительно сидел на Иване Тихоновиче, как сидит, картинно рисуясь, на жеребце прирожденный наездник. Он был, как я теперь понимаю, чистой шерсти и прекрасной выделки, уже осенний, в меру плотный, но, как бы это сказать, не мягкий, а даже на вид скорее живой, что ли, наверное, если прикоснуться к нему, то он брезгливо вздрогнет, как вздрагивают кожей, сгоняя с себя неопрятную и назойливую муху. Он облачил Ивана Тихоновича, уже тогда грузноватого и медведеподобного, и придал ему форму, отлил: так из вполне еще живых людей отливают памятники.

Не случайно в последующей своей жизни я чаще всего видал подобные костюмы на высокопоставленных покойниках – они и их делают почти живыми.

Похоже, райкомовские тоже не видели еще шефа своего в новом облачении: восторженный шепот пошел по рядам.

Уверенно, размашисто, молча кивнув нам всем вместо приветствия, прошел и сел в одиночестве за президиумный стол. Даже лицо его, простонародно-округлое и еще проклепанное, как дно у дубовой бочки, молодыми крупными ржавыми веснушками, осветилось благородным и взыскательным светом – говорю же вам: генеральского качества сукно!

В последующей моей жизни мне еще несколько раз довелось пересекаться с Иваном Тихоновичем: золото на голове его менялось серебром, причем тоже непревзойденной выдержки, а вот лицо заживо бронзовело – видать,

градус содержимого в дубовой бочонке повышался.

По ходу созревания глаза у наших больших ставропольских начальников превращаются в пронзительные сарматские щелки, а вот лица, напротив, развидняются, прибавляют в массе, обретая красно-винный, выдержанный цвет дубового мореного дуба: тоже известный закон тесного взаимодействия священного сосуда и не менее священного мира, в нем регулярно обретающегося.

Иван Тихонович в районе не задержался, и в моем представлении это каким-то таинственным образом было связано с костюмом, в котором он объявился из Москвы. Его забрали в край, в Ставрополь, и со временем он там дорос до председателя крайисполкома. Стал вторым человеком края. А на его место встал бывший второй райкома по фамилии Поделякин. Помоложе и попроще. Резкий, напористый, из тех, кто при случае и за грудки подчиненного приподымет. Выезжая на отчетно-выборные собрания в колхозы, он почему-то завел моду брать с собою в свой «козлик» и меня: видимо, я к тому времени тоже мало-помалу выходился, «выписался», перейдя со стихов на твердую районную прозу, благо что «королева полей», вслед за Хрущевым тотчас, как Мария-Антуанетта, была отправлена на эшафот. Помню, приехали мы под вечер в Преображенское, подруливаем к правлению, где нас уже ждут, люди в зале собрались. Вот и председатель по фамилии Лаврик на крыльцо в распахнутом полушубке выскочил, а Поделякин, выбравшись из «козла», бросает мне через плечо:

– Пойдем в туалет!

Я маленько опешил:

– Да я, вроде того...

– Пойдем, пойдем, – решительно взмахнул рукою Поделякин и в обход правления и Лаврика, застывшего на крыльце в позе встречающего правительственный аэроплан, двинул на зады, в тыл, где одиноко торчала треугольная деревянная будка: все удобства в одном флаконе.

Я, недоумеваю, послушно топал за ним.

Решительным шагом, с развевающимися полами городского двубортного ратинового пальто приблизился Поделякин к колхозному кособокому общественному галюну, одной рукой рванул на себя скособочившуюся щелястую дверь, а двумя пальцами другой сразу замял свой крупный и тоже в меру созревающий уже нос.

– Подойди сюда! – обернулся назад. Но команда на сей раз предназначалась не мне, а грузно трюхавшему позади меня председателю.

– Подойди, полюбуйся...

Ну я тоже, вежливо пропустив запыхавшегося Лаврика вперед, полюбопытствовал, заглянул.

Да можно было и не заглядывать: что я, мало колхозных уборных на своем интернатском веку видывал, а ведь впереди у меня еще и армия действительная была с временными щитовыми казармами в столице нашей отечественной противоракетной обороны Тейково, что в Ивановской области, и с еще более загаженными солдатскими отхожими местами.

Я-то отошел сразу, а председатель долгонько-таки еще опасно заглядывал по-скворчиному в дверь, на которой и треугольную отдушину прорезать не зачем – она и так вся в щелях и дырах.

Намерзший бугор нечистот на месте очка, наметенные снежные «зайчики» по углам, ну и пронизывающий сквознячок со всех четырех сторон.

– У тебя ж и женщины, небось, сюда ходят. И какая-никакая поллюбовница, наверное, в бухгалтерии сидит, – сурово отчитывал председателя Поделякин.

– Они домой бегают, – понуро оправдывался тот по первому вопросу, предусмотрительно пропуская мимо ушей второй, подводный.

Прямо с туалета и начал свое выступление на собрании первый секретарь. Промороженный зальчик, в котором все сидели в ватниках и телогрейках, сгибался от хохота в три погибели, один председатель, – как пунцовый громоотвод, одиноко торчал.

От Поделякина же после собрания, когда остались в узком кругу в правлении, я и услышал знаменитую притчу о том, почему в СССР не пьют только телеграфные столбы. Мне, молокососу, ведь тоже в свой черед протянули эмалированную солдатскую кружку, а я, упираясь глазами в пупок, интеллигентно промямлил, что, мол, того, пока не пью. (В самом деле, какая ж нужда в нужнике у человека, который покамест даже не пьет?)

– Не пьют у нас одни только телеграфные столбы, – наставительно изрек уже порозовевший Поделякин. – И то лишь потому, что чашечки фарфоровые, изоляторы у них неграмотно прилеплены: кверху дном, проливается...

Сидевший около меня дебелий, хотя и немногочисленный народ, видно, не раз уже слышавший эту истину, вежливо прыснул, и я, криво и виновато, как председатель возле уборной, улыбаясь, принял-таки кружку и отважно хватанул ее, после чего, выпучив глаза, с минуту сидел совершенно обезумевший и бездыханный. Даже хохот, разразившийся вокруг меня, в переполненные уши мои не проникал: о силе его я лишь догадывался по степени перекошенности лиц, составлявших честную компанию.

У Поделякина, как и у меня, тоже слезы на глаза выкатились. Только причина у наших слез разная: мне-то действительно было не до смеха.

– Когда будешь писать отчет, ты уж, так и быть, про туалет, пожалуй, не упоминай, – милостиво разрешил Поделякин, когда мы уже садились в «козла», а Лаврик нас гостеприимно провожал. Меня тошнило, и я только согласно кивнул головой. Зато Лаврик тут же вновь протянул через дверцу мне свою большую и горячую руку для повторного прощания.

Имя-отчество у Поделякина – Павел Денисович. «Павел Первый» – звали заглазно его в городе и районе. Много лет спустя, уже пенсионером, он тоже будет переведен в край, в Ставрополь – председателем общества пчеловодов. И теперь уже, выезжая по старой памяти «на места», в дружеских застольях, в том числе и «на лоне природы», к чему так тяготеет все наше южное начальство, в кругу старых и новых друзей, рекомендовался с исчерпывающей простотой:

– Поделякин. Главный трутень Ставропольского края.

Знаете, чем мудрость отличается от ума? Ум – это когда человек умеет тонко посмеяться над другим человеком или над человечеством в целом. А мудрость – когда он способен посмеяться над самим собой.

Иван Тихонович – другой.

Может, я все-таки что-то путаю?

Ведь много лет спустя я догадался о чудодейственной природе нового костюма Ивана Тихоновича и таинственной, но верной связи этой обновки с его скорым переводом на повышение в край. Делегатов партийных съездов

в те времена одевали в Москве. Они приезжали в столицу заранее, и тех, кто покруче, обшивали в здешних закрытых ателье, а кто из простых, из токарей-комбайнеров, тех водили в закрытые секции ГУМа – на импортное, на готовое.

И уж если человек «из актива» попадал на партийный хурал, ему однозначно открывалась дорога наверх.

Иван Тихонович попал.

Но, если не ошибаюсь, в октябре 1964-го был не съезд, а пленум. Пусть внеочередной, но все-таки пленум. Или следом за ним состоялся и съезд?

А скорее всего пленуму придавалось такое значение, что пригласили на него и большую группу партийных секретарей «с мест» и даже приурочили к нему раздачу шикарных импортных костюмов – в первую очередь представителям партийной «глубинки». Как будто кто-то из них мог быть «против», мог что-либо вякнуть в защиту Хрущева.

Да нет же: если снимают, срезают «шишку», весь народ у нас, снизу доверху, и партийный и беспартийный, будет только «за»!

Напрасные предосторожности!

Итак, партийному пленуму по снятию Никиты придавали статус съезда – и, зная, что Хрущев больше всего насолил именно «низам», оттуда, снизу, и мобилизовывали мощную группу поддержки инициаторов переворота. Мало ли как поведут себя кандидаты и члены ЦК, а тут наготове «девятая рота», которая и сама только и ждет случая, счастья для рывка наверх, на замену некоторым не очень надежным на этой заветной верхотуре.

Партийному пленуму придавалось значение съезда – и провинциалу Ивану Тихоновичу обломился столичный фрак.

Если я чего-то не путаю.

И вот наш редактор поднялся по вызову к нему, а спустился уже не редактором.

Совершенно случайно я оказался свидетелем того, как он спускался по широкой, парадной, райкомовско-купеческой лестнице. Всегда статный, молодеватый, с орлиным носом и живыми яркими глазами на крупном и бледном лице, он ступал, придерживаясь кончиками подрагивающих пальцев за крашенные белыми каменные перила: лестница нашему особняку досталась с чужого, даже не купеческого, а боярского плеча.

Меня Путилин почему-то не заметил.

Потом долго сидел, запершись в своем крошечном кабинетике, чего с ним тоже никогда не бывало: двери всегда нараспашку, а Путилин, слишком большой для своей клетушки, высовывался наружу и, кого б ни увидел, зывал к себе – на чай и просто так, поговорить. Ему скучно в одиночестве. Если долго никого не удавалось перехватить, залучить, то он сам начинал величественно разгуливать по нашим редакционным кабинетам.

Иногда даже с собственным заварным чайником.

И чаще всего присаживался в нашей комнате.

Странная тишина установилась на нашем этаже.

Первой не выдержала Валентина Федоровна. Встала, одернула свое золотое, в искру, платье, как одергивается в строю солдат, прежде чем подойти к своему командиру. Платье делает ее еще больше схожей с дородной, но туго спеленутой пчеломаткой на вертикальном взмыве. Росточком Валентина Федоровна тоже невеличка, но формы выпуклые, нежные, плодovitо тучнеющие книзу. Это

и понятно: грандиозным верхом наши пчеломатки только берут, слизывают невесомую, сладко мажущую губы пыльцу, а медок-то, совсем другого удельного веса, копится-множится в иных, куда более земных и спелых амфорообразных недрах, – поправила на холеных пальцах золотые кольца – все ходят на работу, как на работу, и только Валентина Федоровна ходит в редакцию, как в театр, – и пошла.

Долгонько-таки стояла она, осторожно, просительно постукивая в дверь золотым колечком перед его кабинетом.

И вернулась в слезах.

Вернее, так.

Каким-то сбивчивым – будь и в коридоре перила, тоже, наверное, держалась бы кончиками пальцев за них, – шагом возвратилась в наш общий кабинет, прошла к своему столу, что стоял одним боком впритык к высокому, старинному, стрельчатому окну, которое всегда так красиво освещало ее. Грузно и молча села, оперлась локтями, о столешницу. И сразу же уронила в руки свою большую, с красиво зачесанными вверх висками голову, с фигурно выщипанными по тогдашней моде бровями и с густо намазанными губами, в которых мне всегда чудились та изумительная асимметрия, тот невнятный оскал, который приобретают красивые женщины, долго и вызывающе держащие в уголке рта надушенную розу или другой, более безопасный и гладкий цветок...

А едва уронила ее – как подрубленную – и прямо из-под колец на столешницу брызнули крупные и тоже золотые, породистой пчеломатки, слезы.

– Ты бы вышел, – строго сказала мне бухгалтерша, которая сидела в одной комнате с нами – ее большие, иконописные глаза странно потемнели, как будто икона тоже готовилась мироточить.

Я вышел.

А еще через полчаса редактор собрал нас в самом большом кабинете редакции, где находились сразу и промышленный отдел, и сельскохозяйственный, и даже машбюро в лице нашей единственной машинистки Розы и где всегда проходили летучки и собрания.

Путилин обвел всех печальным взглядом и сказал, что уходит.

– Ухожу по сугубо личным причинам. По собственному желанию. Не хочу, чтобы вы узнали об этом позже других и с чужих слов...

Обычно летучки и собрания проходили у нас шумно. Я даже помню, как однажды машинистка Роза швырнула в лицо нашему профсоюзному активисту Леше Никифорову тяжеленный расписной чайник. Тут была какая-то загвоздка, связанная с Восьмым марта. То ли Леша просчитался и количество подарочных чайников не совпало с числом редакционных женщин, то ли просто забыл вручить ей профсоюзный подарок вовремя и делал это, повторно созвав коллектив, с запозданием. Не помню. Но вращательный полет расписного увесистого чайника в Лешину голову зафиксировался в моей памяти прекрасно – его кометная траектория проходила в непосредственной близости с моим носом.

Удивительно не то, что Роза смогла весьма профессионально метнуть такую тяжесть – при ее габаритах она могла бы посоревноваться с самой Тamarой Пресс.

Удивительно, что тонкий и звонкий одессит Леша сумел этот пузатый

чайник поймать.

Поймал и на этом конфликт рассосался. Роза, которая уже успела и сама ужаснуться содеянному, а в преступлениях любого рода она знала толк, ибо муж ее служил заместителем начальника нашей милиции, всплеснула пухлыми могучими руками, кинулась к Леше, обвила его вместе со злосчастливым чайником и целовала поочередно то чайник, который ополоумевший Лешик выставлял теперь как собственный трофей и единственную надежную защиту, то самого чудом спасенного: смотря кто в данный момент попадался под ее сочные губы.

В общем, чайник от алой помады стал еще цветастее, а Лешина мандельштамообразная физия начала походить на его фаянсовый трофей.

Два чайника в одних замечательных Розиных руках!

Все облегченно рассмеялись, и в этот общий смех весьма естественно вплетался и хрипловатый Путилинский басок.

Теперь же всем не до смеха.

И вид и тон Путилина таковы, что и вопросов как-то не предполагали.

Один человек мог задать вопрос, но его-то как раз и не оказалось: Валентина Федоровна на собрание не явилась.

А увольняли Путилина за связь с нею – жена его написала жалобу в крайком партии.

Оказывается, об этой опасной связи знала не только редакция, но даже и редакторская жена.

Все, кроме меня, глупого молокососа, – для меня это известие обернулось громом среди ясного неба.

Наутро Валентина Федоровна зашла в редакцию – пошептаться о чем-то с бухгалтершей – и направилась на автостанцию: автобус на Ставрополь уходил в десять утра.

Поехала в крайком. Объясняться.

Была она в прекрасном приталенном костюме зеленого цвета, в театральных туфлях – как будет взбираться в них в «Икарус»? – с высоко взбитой прической Мари-Антуанетты, но без золотых колец. Все-таки – крайком.

Темный, глубокий румянец последней решимости горел на ее щеках.

Я не мог отвести от нее восхищенного взгляда – какой крайком устоит перед такой женщиной?

У ее элегантности, как я теперь понимаю, имелись парижские корни: племянник Валентины Федоровны был дипломатом и служил в посольстве в Париже. Иногда даже навещал любимую тетку. Я даже запомнил его родовитую фамилию: Баскаков. По-моему, после он дослужился где-то и до чрезвычайного и полномочного. Судя по всему, эту же странную восточную фамилию носила в девичестве и сама Валентина Федоровна – в Буденновске она оказалась уже разведенной.

Не знаю, бывала ли она в те годы у племянника в Париже, но происхождение ее нарядов – в эпоху всеобщего кримплена – было явно парижским: племянник на тетке не экономил.

Валентина Федоровна – львица восточных кровей, волею судеб оказавшаяся в нашей провинциальной конуре, но отсвет чудесных огней далеких столиц все равно гулял по ее затянутой в шелк плодovitой пчелиной фигуре.

Они просто не могли не отыскать друг друга, не наткнуться друг на друга в крошечном нашем городке.

Только потом, задним числом, я уловил: а ведь Путилин на людях никогда не смотрел прямо на нее, но всегда, похоже, видел ее, упоенно, собственнически держал в поле зрения, самодовольно скашивая свой темный, птичий, орлиный глаз!

Для сведения: в нашей редакции работала корректором и личная машинистка маршала Тимошенко, прошедшая с ним всю войну. Миниатюрная женщина с огромными серыми глазами, которые иногда загорались совершенно задорным не по годам, кошачьим огнем, и с копной скобкою, по-фронтальному, стриженных волос – в военных делах маршал, как известно, был не очень удачлив, а вот в личных, допускаю, – вполне.

Как она очутилась в заштатном Буденновске? Неисповедимы пути господни.

Львица бросилась на защиту. Повезла с собой письмо: дескать, это она одна во всем виновата, сбита с пути замечательного, порядочного человека, фронтовика и сама должна за все отвечать. Согласна с треском вылететь с работы – да вот и заявление готово, прилагается. Пускай влепят ей строгача, даже вовсе выгонят из партии...

В редакцию явилась на третий день. Пришла хмурая, ненакрашенная и ненарядная. Теперь она ходила в редакцию не как в театр, а как на работу: Путилина здесь уже не было.

Ей отказали.

Отказали, может быть, еще и потому, что никто, кроме инструктора, ее в крайком не принял. А к этому инструктору сектора печати, ведущему районные газеты, все районки относились так, как относятся в казарме к своему брату-дневальному: что есть он, что нету его. А все потому, что изначальная, родная фамилия его была Глемезда и, женившись, он поменял ее на женину, более благозвучную. Поменял человек фамилию на более красивую, а отношение к нему стало не то чтоб возвышеннее, а просто плевым стало отношение. Насмешливым. Никто по новой фамилии его в своём кругу и не звал. Так и погоняли:

– Да это тот, который Глемезда...

Глемезда, наверное, не умел ценить красивых женщин. Или сам был такой несокрушимой супружеской верности, что адюльтера, даже чужого, боялся как огня.

Не понял ни Валентины Федоровны, ни Путилина.

Да и что мог инструктор, тем более с такой фамилией?

А вот если б пробралась Валентина к кому-либо из секретарей крайкома, да хотя бы к тому же Горбачеву, дело, может, и повернули бы вспять. Не пробилась. Не повернули.

Золотая, цветочной пылью умытая пчеломатка на глазах обернулась обыденной конторской мушкой.

Путилина перевели директором средней школы. В то же лето я уехал в Москву. А через несколько лет, уже в Москве, меня настигло печальное известие. Путилина любили в школе – да его, по-моему, любили даже в немецком городишке, где он был комендантом, – и выпускники того года, которых он вел, подарили ему велосипед с моторчиком. В провинциальных городках тогда была мода на них, поскольку на полноценный мотоцикл или мотороллер денег не хватало, то радовались и этому в меру крылатому железному

ослику. Путилин привязался к нему, его часто видели разъезжающим на этом почихивающем драндулете по городским улицам. Он, крупный и по-прежнему еще статный, как-то очень легко и естественно пересел с комфортного автомобильного сиденья на дерматиновый велосипедный насест. Едва ли не из каждого двора окликали его весело здоровающиеся люди.

А однажды на каком-то углу Путилина сбила машина. Городок когда-то, переноса из поймы на возвышенность, строили по чертежам, и все улицы пересекаются здесь под прямым углом, и почти все аварии случаются именно на перекрестках.

Сбили насмерть. И самого Путилина и его моторизованную стрекозу. Представляю, как ничком лежали они рядом на жесткой бульжной мостовой: большой, странный, много чего повидавший человек с орлиным носом и его изувеченный мопед.

А лет шесть назад случайно увидел и Валентину Федоровну. Оказался в Буденновске по глупым выборным делам. Зашел и в Дом культуры.

– Сережа! Ты?! – окликнули меня из зарешеченного окошечка, где касса.

Я нагнулся и заглянул сквозь решетку.

Крепко-крепко старенькая женщина смотрела на меня. Мы почти соприкасались носами. Физиономия моя теперь даже не в каждую собачью будку влезет. А ее лицо собралось в кулак. Лишь по едва уловимому, остаточному изгибу подмалёванных губ, в уголке которых будто навсегда лукаво закушена ромашка, я и догадался, кто это.

Две легких старческих слезы свободно выкатились и необременительно повисли на ее глазах.

Окликнула-то она меня. А вот вспомнила, мне кажется, другого: мы с Путилиным были тезки.

Жива ли она сейчас? Боюсь, что нет. Не исключено, что из всей той редакции один только я в живых пока и остался. Высунут, как хлипкий православный крестик над братской могилкой.

В том числе и над могилою чьей-то нечаянной, ворованной любви.

А знаете, чем еще умный человек отличается, по-моему, от мудрого?

Умный говорит то, что думает. А мудрый – то, чего от него ждут.

А вот что он думает на самом деле, кто же его, мудрого, знает?

На том пиру, где были мы...

СПРУТ

Не ведают корни, что деется в кроне.
А в чёрном дупле змеи тихо сплелись,
Рвут падаль, на ветках рассевшись, вороны,
И тучи затмили небесную высь.

Не ведают корни в земле о высоком,
Им низкую долю судьбина дала.
Всё гонят и гонят добытые соки
По жадным сосудам дурного ствола.

Безмолвствуют корни. Их дело – работа,
Которую чёрной недаром зовут.
Что там, наверху, им и знать неохота...
Работают корни на дерево-спрут.

Гроза разразится, и спрут пошатнётся,
И рухнет, ветвями змеясь, шевеля...
Когда-то кончается всё! Остается
Животворящая мать-земля.

О НАРОДЕ

Народ весь – по конуркам.
Едим, и пьём, и спим.
Та – со своим придурком,
Та – с гением своим.

А гений, вне сомнений,
Бездарный паразит.
«Из удобрений гений!» –
Соседка говорит.

Попробуй-ка тут вникни
В загадку эту вот:
Откуда ж он –
Великий –
В истории
Народ?!

Как в сказку не поверю,
В какой Иван-дурак
Заполучил царевну
И царство –
Просто так!
...Без сказок:
В жизни нашей
Велик в делах своих,
Кто плавит сталь,
Кто пашет –
В упор
Не видим их!

Зато в телеокошке,
Чтоб ты был просвещён,
Те семеро, что с ложкой,
Да и с какой ещё!

КАВКАЗУ

Земля орлиного полёта!
Всю – от степей до горных скал –
Для исполинских крыльев кто-то –
Кто как не Бог? – тебя создал.

И в ясный день зарёй огнистой
Я вижу, как, взбодрясь чуть свет,
Вздыхает остро и бугристо
Крыла
Заснеженный хребет.

И с высоты
Степей скрижали
Открыты повестью живой.
Не ты ль в российский герб державный,
Орёл, впечатал профиль свой?

Россия-ласточка!
Немирный
С орлом Кавказа твой союз.
Но зря ль Кавказ воспет был лирой
Великих самых русских муз?

Мне верится, земля такая,
Что, как Божественный престол,
Должна от края и до края
Благовестить любви глагол.

Пусть в веках тебя, Россия,
Возносят к Небу два крыла:
И нежность ласточки, и сила
Непобедимого орла!

СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН

Дело это иль не дело,
Только как-то между дел
На него я поглядела,
На меня он поглядел...

Я сказала, взгляд потупив,
И в окошко отведя,
(Получилось очень глупо):
– Не дожидаться нам дождя...

И сказал он (глупо тоже,
И не глядя мне в глаза,
А в окошко)
– Отчего же?
Будет, кажется, гроза...

В тишине струна запела...
Молча перьями скрипя,
Злоумышленное дело
Замыслили про себя.

Тишь опасная зависла...
Пела, пела всё струна:
«Это что же он замыслил?»
«Что замыслила она?»...

ЛАНДЫШИ ЮНОСТИ

Пока искали ландыши
Мы на краю земли,
Одежды наши – надо же? –
Знать, черти унесли.

Необитаем остров-то –
Необитаем ведь! –
Чертям же было просто так
Разуть нас и раздеть.

В кустах с веселья прыгали:
Ещё бы – донага!
Листочков, благо, фиговых
Повсюду до фига.

Мы даже ног не пачкали,
Ходя по тем коврам.
Венки из одуванчиков
Обвили кудри нам.

На солнце обгорела я,
Но это не беда.
Зато в ладье той – Евою,
На вёслах же – Адам.

Заметила не сразу я,
Что он позолотел.
А брызги-то алмазами
Сияют в бороде!

Такие мы свободные!
Плывём себе, плывём...
И радость первородная –
Кругом, везде, на всём!

ПОЭМА ПРОЩАНИЯ

1.

На том пиру, где были мы с тобой,
Слова речей зазданных не звучали.
Лишь только неба купол голубой
Да цвет весны – венчальными свечами.

Как щедро драгоценное вино
Я тратила с тобой!

Но с каждым часом

Меня трезвее делало оно,
Тебя – угрюмей...

Будто бы опасным

Мы шли путём...

Ты скрылся!

Словно тать,

Украденное пожелавший спрятать.
И филин начал ухать, хохотать,
Как будто в глухомани этой спятил!

И знать тебе теперь уж ни к чему,
Как я искала в темноте дорогу.
Нашла. Пришла. Опять в своём доме.
«Всё кончено, – шепчу. – И слава Богу!»

2.

Ты умер, а угрюмый твой двойник
В окошко постучал рукой неверной.
В ночи, как бледный призрак, он возник,
Я в дом его впустила суеверно...

Он сел за стол и, глядя сквозь меня,
Как будто я сама была лишь тенью,
Пил зелье, низко голову клоня
В каком-то неотступном размышленьи...

Сидел. Молчал. Поднялся и ушёл.
Зачем приходом так беспокоил?
Был шаг его медлительный тяжёл,
И сердце, дрогнув, сжалось вдруг с тоскою!

Лишь глянет вопросительно – и строго
Я ей отвечу, голову склоня:
– Иди, Любовь, иди своей дорогой!
Я знаю всё... Не трогай ты меня.

Иди вон к той. О, ей не отвертеться!
Каков румянец! И каков наив...
Мне так легко с моим пустынным сердцем –
Как страннице в скиту плакучих ив.

■

ЧТОБЫ СВЕЧУ НЕ ЗАДУЛО ВЕТРОМ

РАССКАЗ

Сквозь густую пелену снега, падающего большими хлопьями, покачиваясь, двигался автобус. Размеренно бегающие дворники очищали от снежинок, налипающих густой массой, лобовое стекло, и их скрип, сливаясь с шумом мотора, создавал своеобразную мелодию – грустную и убаюкивающую.

Часть пассажиров клонило ко сну, другие предавались своим размышлениям. От них отличалась молодая женщина. С тех пор, как автобус тронулся в путь, она непрерывно плакала, повернув голову к окну и часто утирая слезы платком. До того, как заплакать, она повернулась назад и окинула взглядом автобус, словно пытаясь найти знакомого человека. Потом быстро отвернулась – видимо, не увидев никого.

Ашми заметил, что у нее большие глаза – темно-синие или зеленые, точно определить их цвет ему не удалось. По тому, как она смотрит, он понял, что она чеченка, беженка, которую война вынудила покинуть родной дом. Взгляд беженца отличается от прочих. В какой бы части света он ни находился, беженец остается беженцем – человеком, лишенным крова, очага, покинувшим родину... Его не может понять тот, кто сам не был беженцем, а тот, кто был им, поймет: в сердце беженца – пустота, бескрайняя пустыня, где вечно воют холодные ветры. Нет, это не раскаленная солнцем песчаная пустыня – это покрытая снегом и льдом, бескрайняя, вечная мерзлота, которая никогда не оттает. Он, Ашми, почувствовал холод этой пустыни еще десять лет назад. В то время он работал в единственной в мире чеченской газете, жил в доме родственников, писал статьи о литературе, культуре, обычаях, традициях. Ему больше ничего не было нужно, лишь бы все кругом оставалось так, как есть: чтобы каждое утро он мог ходить на работу в Дом печати, возвращаться домой, готовить себе ужин, строить планы на будущее...

Но все изменилось в один день: порядок, который казался незыблемым, рушился, разваливался, уходил в прошлое; многие из товарищей видели в этом хаосе хорошее, новое, упрекали его, что он проявляет симпатию к властям, хотя никогда не состоял в партии.

Однажды, возвращаясь с работы, Ашми увидел, как к памятнику Ленина прицепили трос (удивительное дело, как этот щедедушный немолодой человек,

АХМАДОВ Муса Магомедович, народный писатель Чеченской Республики, главный редактор литературно-художественного журнала «ВАЙНАХ».

нездоровый на вид, самостоятельно, словно паук, взобрался на памятник, чтобы набросить трос на шею Ленина) и «КАМАЗ» свалил его. Ашми сказал стоявшим рядом товарищам: «Это варварство». Из-за этой реплики он – хотелось ему этого или нет – прослыл «заступником партии». Вскоре обвинения еще более усилились. «Разве не помнишь, – говорили ему, – как тебя таскали по разным инстанциям из-за того, что писал статьи о чеченском быте, о водяных мельницах, о значении лошади в хозяйстве горцев, о своеобразной архитектуре башен?» Он помнил об этом и обо всем другом, но сердце подсказывало ему, что бездумные действия этих людей приведут к большой беде. Однажды вечером, увидев, как на митинге двое – работник Дома культуры, тщательно изучавший для вступления в партию труды Маркса, Энгельса и Ленина, чуть ли не спавший, положив их под подушку, а также поэт, сочинявший хвалебные стихи, не пропуская ни одного красного дня календаря, – смело выступали, обвиняя известных в крае людей, угрожая самому могущественному в мире государству, он убедился в этом окончательно. Удивительно было не то, что они так осмелели, а то, что так легко, безоглядно переступили соблюдавшиеся до сих пор чеченцами правила приличия, перестали соблюдать этикет во взаимоотношениях и разговоре между собой. Еще до того, как они вдвоем вышли из здания телевидения, Ашми почувствовал исходящий от них холодок хамства – хамства людей, которым все дозволено... Потом они проникли в разные учреждения... Больше всех по душе им пришелся Дом радио... По радио днем и ночью звучала одна и та же песня:

Дует ветер холодный, холодный...

Возможно, тогда исполнялись и другие песни, велись и другие разговоры, но в его памяти осталась именно эта:

Дует ветер, холодный, холодный...

Барга, барга, барга, барг...

Утром, днем, вечером, в полночь, на рассвете:

Дует ветер, холодный, холодный...

Оказывается, они пели о ветре, который теперь постоянно дует в его душе...

Приблизившись к окраине какого-то села, водитель несколько снизил скорость. День клонился к вечеру, снег не переставал падать. На улицах села виднелись люди, занимающиеся хозяйственными делами, а также скот, выгнанный на водопой. На остановке стоял мужчина, он попросил остановить автобус. Перед ним стояло несколько ящиков с гуманитарной помощью от Красного Креста. Автобус остановился, мужчина со своими ящиками поднялся.

– Эй, чеченцы, как много вас оказалось, – сказал старик, сидевший на переднем сидении, смеясь своей реплике. – И здесь вы, и в Грозном, и в Москве, и за границей... Вас оказалось так же много, как китайцев.

Беженец, не ответив, уселся на место, которое уступил ему молодой человек, поставил перед собой ящики с гуманитарной помощью.

Шутку старика никто не поддержал, она никак не соответствовала

подавленно-грустной атмосфере, царившей здесь. Старик и сам, видимо, поняв это, быстро достал из кармана четки и стал перебирать их.

А у окна плакала молодая женщина, часто утирая слезы и глядя на ребенка, которого держала на руках.

Ашми опять задумался.

Дует ветер, холодный, холодный ...

Да, под эту песню люди, нарушая все границы и запреты, ожесточившись, остервенело метались, говоря о том, во что не верят сами, провозглашая несбыточное, яростно заклинали, страстно разоблачали, варя на улицах котлы, поедая мясо. Они не различали дозволенное от недозволенного, принижали великое, носили достойное, забросив свое хозяйство, бродили по городу, словно животные... Воры поучали, сумасшедшие лечили, полные женщины выли по-волчьи, худые записывались в армию, курицы кукарекали по-петушину, кошки лаяли по-собачьи, кони ржали по-ослиному, ослы лягались – все закружилось, предвещая что-то страшное.

Война... Она была не такой легкой, как предсказывали, сверкая глазами, на площадях старики, а тяжелой, жестокой, с бомбежками городов и сел.

Ашми довольно долго оставался в своем доме, расположенном на окраине города: мол, я никому ничего плохого не сделал, поэтому мне ничто не угрожает. Но когда на его улице от осколка ракеты погибла старушка – она пасла свою бурю корову, продавала молоко и перебивалась этим – он понял, что война не разбирает, кто виноват, а кто нет: этому дракону все равно, лишь бы была добыча, которую можно проглотить.

Ашми уехал в горы, в село, где родился и вырос. Там он привел в порядок дедовский дом и провел пять месяцев, прощаясь с жизнью каждый раз, когда налетавшие с равнины самолеты начинали бомбить окраину села. Хорошо, что он переехал в село: рядом была мать, родственники, они утешали его, он – их, были опорой друг другу. А кто знает, что случилось бы в городе?

Через пять месяцев, в начале весны, когда сельчане вскапывали и засеивали свои огороды, заскакивая при налете самолетов в вырытые во дворе ямы – подвалов у горцев не было, они никогда и не думали, что в них будет необходимость, – да в то время, когда зеленеют горные склоны, появляются желтые и светло-голубые цветы, он, загрузив свои пожитки на машину, отправился в город. Он не знал, что творится в городе, переживал за остающихся в селе. В сознании мелькала мысль: «Если от имени государства бомбят своих же граждан, не различая виновных и невиновных, исходя из того, что просто кто-то будет поражен, мир, люди изменились, перешли в другое качество, при котором не различаются понятия «добро – зло», «жестокость – милосердие».

В этом он еще больше убедился, когда на одном из блокпостов, увидев скопление людей (как и он, с гор в свои дома возвращались горожане), задал вопрос: «Почему задерживают людей?»; не получив ответа, направился прямо к солдатам, вынул из кармана красное удостоверение и едва успел протянуть его со словами: «Я член Союза журналистов СССР», как его остановил солдат с косынкой на голове, передернул затвор автомата и прикрикнул: «Да хоть космонавтом будь! Мне все равно! Вон!» Да и СССР больше не было, и мир изменился.

Потом он увидел город: центр полностью разрушен, окраины разбиты, места,

по которым ходил в детстве, изуродованы до неузнаваемости, перепаяны войной, кругом закопченные печные трубы разрушенных домов. Но все же некоторое время люди, уверенные, что беды и лишения навсегда остались позади, были энергичны. Турецкие фирмы обнесли руины в центре города красивым забором и обвесили их белой бумагой, на которой были какие-то надписи на их языке. У большинства людей ощущался порыв к созиданию, желание все расчистить, восстановить, отстроить заново. Но оказалось, что настоящее зло только начиналось – об этом в ту пору не было известно ни ему, который, устроившись на телевидении, начал делать передачи о народных традициях и необходимости их возрождения, ни ей, девушке с большими синими глазами и светлыми волосами. Она вела передачу «Столица» на русском языке, рассказывая о светлом будущем чеченской столицы, находя в позитивных мелочах его ростки. Они были близки друг другу не только своей верой в будущее. Ашми нравились ее большие синие глаза, удивительно синие, как цветы, появляющиеся в начале весны. Их замечал не только он один. Таких было много. Но она выбрала его. Возможно, причиной тому стал случай, произошедший во время видеосъемок в Веденском районе, когда похитители людей попытались захватить их в плен, а он, достав гранату и взявшись за чеку, спас их от грозившей беды. Или ей по душе пришлось то, что он вместе с ней, когда перекрыли дороги и людям не давали уходить с гор (ее бабушка жила в маленьком горном хуторе), а сердца их разрывались, как небо, от рева непрерывно налетающих самолетов, забыв про усталость, обивал пороги чиновников с просьбами и заявлениями, писал сначала вежливые, затем нелюбезные телеграммы Ельцину в Москву: «... если Чечня – субъект России, обеспечьте право на жизнь своих граждан...» Через неделю хлопот, благодаря помощи международной гуманитарной организации, наконец-то был дан коридор по лесной дороге, и Ашми с Элимой вместе пришли в село. Люди, доведенные до отчаяния бомбежками, плача, бежали им навстречу; уподобив их пришедшим на помощь святым, засуетились, а он, утешая их, прося известить всех, выступил перед ними с короткой речью.

Возможно, Элима сделала свой выбор и из-за другого случая. Это произошло на узкой лесной дороге (хорошо, что не было дождя, иначе была бы непролазная грязь), машины тронулись вниз и в облаке пыли столкнулись, одна из них свалилась в пропасть, пострадали люди; Ашми отдал редакционную машину, чтобы вывезти раненых. (Тогда она как-то особенно посмотрела на него, удивляясь и восхищаясь).

Но, оказывается, он ошибся и в этом: через год после знакомства она сама рассказала о причине своего выбора: «Хотя на вид я казалась беспечным человеком, на сердце была печаль, я тревожилась о своей будущей судьбе, не знала, как буду жить в этом жестоком мире, ведь я единственный ребенок престарелых родителей. Мне показалось, что ты почувствовал мою незащищенность, я заметила в тебе сострадание, желание стать опорой моей потерянной душе». Он ответил ей: «Я ничего не заметил, просто увидел твои большие синие глаза – два озера Кезеной...» – «Однажды ты спросил, почему я не ношу темные очки, сказал, что они бы подошли мне... Я много думала об этом. Почему ты так сказал?» – «Знаешь, почему? Чтобы в озерах твоих глаз не купались отражения посторонних людей... Они были нужны мне одному...» После этого она долго смеялась: «Я и не думала, что ты такой...»

● МУСА АХМАДОВ ● ЧТОБЫ СВЕЧУ НЕ ЗАДУЛО ВЕТРОМ ●

Ее теперь нет, и ему казалось, что таких глаз больше ни у кого не может быть. До сегодняшнего дня... Женщина с такими глазами сидела в этом автобусе, впереди него, она непрерывно плакала, то и дело глядя на своего ребенка, улыбающегося во сне. Было огромное желание заговорить с ней, расспросить обо всем, утешить, облегчить горе. Но он не сделал этого, потому что было неизвестно, как она воспримет его участие, как это растолкуют находящиеся здесь люди... Он опять задумался.

Ашми женился на Элиме, недорого купил полуразрушенный дом на окраине города, восстановил его с помощью родственников, но не успел прожить там и двух месяцев, как судьба Грозного вновь перевернулась. Боевики вошли в город и захватили его, а федералы беспорядочно бомбили, подвергали минометному обстрелу жилые дома. Боевики и не думали уходить, они быстро обосновались, открыли тюрьму, начали задерживать «людей, продавшихся русским» и спешно предавать их суду, словно боясь не успеть. Ашми и его жена тоже оказались в их числе, потому что работали на телевидении. Поэтому сосед, переживавший за него (несмотря на уговоры, тот часто ходил в центр города, чтобы выяснить, что к чему; во время той войны с ним ничего не случилось, а на второй войне он подорвался на mine) – да, тот сосед сказал, чтобы он с женой ушел, потому что ему самому и всем, кто их знает, будет трудно пережить, если с Ашми и Элимой что-нибудь произойдет. «Не беспокойтесь, мы подумаем и решим что-нибудь...»

«Как бы вы не опоздали, как бы не опоздали...» – как-то грустно покачал головой Абдул-Гапур, складывая руки за спиной. На какое-то мгновение он показался Ашми похожим на человека, стоящего на похоронах; представил он и похороны, свои собственные похороны, на которых стоят опечаленные люди. Эта картина напугала его, хотя это только видение, кто знает, может в нем какой-то знак? В этот день вместе со своей женой он отправился в путь. Абдул-Гапур довез их на своей старой машине до вершин склона Суйр-корта – там она остановилась, закончился бензин. Абдул-Гапур сказал, чтобы они быстро двигались дальше, так как все равно ничем не могут помочь ему, чтобы спасались, спустились к поселку Гикало и шли дальше.

Они послушались его, ушли пешком, по пути наткнулись на две обстрелянные из вертолетов машины – «Камаз» и «Уазик»... Машины еще дымились, догорая... Четверо погибли, пятеро получили ранения. Погибших и раненых уже увезли...

Машины увязали в пыли, как в болоте, натужно ревя, дергались на месте, тогда они казались несчастнее идущих пешком. Люди, не вынося жалобный рев машин, подталкивали их, сдвигали с места, если оказывались места, один или двое из идущих садились в них... Но от этого пеших не становилось меньше, их было очень много. Когда в небе начинали кружить самолеты, они укрывались в придорожных ямах, в зарослях, а машины продолжали двигаться. Они были в большей опасности, чем пешеходы, так как были хорошо видны с самолетов, и поэтому абсолютно беззащитны...

Один водитель, узнав Ашми, остановил свой набитый людьми автобус и открыл двери со словами: «Если сможете, садитесь...» Но Ашми махнул рукой и сказал, чтобы тот ехал дальше. Автобус скрылся в облаке пыли, как и этот в снегу теперь...

Прерывая размышления, он опять обратил внимание на женщину у окна и ее ребенка... Опять всей душой и телом почувствовал он своеобразное тепло

прошлого. Он сожалел о том времени, мысленно вновь вернулся назад. Конечно, это были не сожаления о самом прошлом, а о взаимоотношениях с Элимой, он вспоминал их шемящую сладость. А то время было и трудным, и странным, и смешным, и безжалостным, как страшные сновидения, в которых все перемешалось. Время, когда произносились высокопарные речи, наполненные торжественными словами, когда упитанные женщины слагали гимны в честь победителей, а артисты – песни, после чего герои становились еще смелее и начинали угрожать всему миру, когда в каждом селе ставили высокие стелы-трубы погибшим на войне, устраивали жертвоприношения, когда играли свадьбы, когда похищали людей, а потом продавали их за деньги, когда устраивали расстрелы на площадях, на которых собиралось много любопытных, когда по телевидению, созданному на деньги, выделенные одним известным евреем, звучали песни о том, что освободят Иерусалим от иудеев, когда банды грабили людей, когда тот, кто хотел жить честно, перебивался с трудом, когда убивали одиноких стариков, чтобы присвоить их дома, когда в мечетях передние ряды занимали грабители, приносившие в жертву часть награбленного, и вновь совершали убийства, похищения людей... Это был апокалипсис, какой-то апокалипсис.

Шли дни – без работы, без зарплаты, если даже устраивался на работу, то без оплаты труда, видя кругом все усиливающиеся пляски несправедливости – в пыли разрушенного города, в грязи, когда шел дождь или снег. Все труднее становилось честно зарабатывать свой хлеб. Нищета, осознание того, что ни ты сам, ни твои знания на родине не востребованы, холодили сердце; хотелось уйти куда-нибудь, туда, где нет лицемерия, нет людей, на природу, уйти до того, как завершится день, пока не наступит ночь...

А с наступлением ночи нужно было возвращаться домой, запирали ворота на засов, закрывали двери, штормить окна и укрываться, положив в изголовье оружие, и каждый раз, услышав шум машины на улице, хвататься за оружие, думая, что пришли за тобой... Ночь не успокаивала, наоборот, она усиливала тревогу; эта тревога, наполнив собой весь мир, плескалась через края; она таким же образом наполнила и его сердце, и поэтому один из них – или он, или мир – должен был взорваться...

Но ни мир, ни он сам не взорвались, а на их улице взорвалась бомба, сброшенная с самолета, убив пятерых – среди них было и двое детей, возвращавшихся из школы.

Ему было жаль Элиму, которая в надежде на то, что у нее будет семья, нормальная жизнь, покой, поверив в него, ушла из своего дома, оставив в одиночестве свою мать...

Однажды Элима сказала ему, что надо уходить, потому что их уже не двое, а трое. Это известие заставило его на время забыть происходящее: бомбежку, смутнение людей. Оно на время освободило его от отчаяния, Ашми перестал чувствовать опасность. Но не успел закончиться день, как тревога увеличилась стократно из-за опасения за жизнь сына (или дочери – неважно, – это был его ребенок).

Он не имел теперь права оставаться там, где идет война – если нужно, он уйдет даже на край света, у него нет денег; но все равно он уйдет, хоть пешком...

Он перебрался в село, но и там происходило то же самое, что и в городе

– бомбили окраины, центр села. Погибали люди, погибали животные, которые паслись; животных погибало больше, людей – меньше...

Ашми захотелось быстрее покинуть этот край, забрав с собой близких (среди них был и их еще не родившийся ребенок, о котором знали лишь он и Элима).

Решившихся уйти оказалось двенадцать человек. Загрузив на машины то, что захватили с собой, они направились в сторону ингушской границы.

И впереди, и позади них двигались машины, над ними кружили самолеты. Они постоянно бомбили, обстреливали ракетами обочины дорог. Как только появлялись самолеты, молодой человек, ехавший на «Уазике» на две машины впереди них, прыгивал и, направив камеру вверх, начинал съемку.

Когда он проделал это несколько раз, один старик, высунувшись из машины, крикнул: «Парень, не нужно этого делать». Но тот не послушался. Опять появились самолеты, парень снова выпрыгнул из машины. Шум, взрывы, вспышки – потом стоны, крики, плач... Оказывается, самолеты пустили ракеты. И снимавший, и старик, отговаривавший его от этого, а также множество других людей погибло – всего девятнадцать человек. Машины были разбиты, сожжены. Их машину не задело, Бог миловал...

Людей, которых держали три дня, не пропуская через границу, наконец-то пропустили. Он, Ашми, вспомнил дракона из сказки, который лежал вокруг родника, не подпуская к воде, пока ему в жертву не отдадут девушку или юношу... Дракон же, который преградил путь им, наелся не так легко, ему понадобилось проглотить девятнадцать человек... Автобус остановился. Люди начали сходить... Плачущая женщина, вытерев слезы, направилась к выходу, держа на руках ребенка.

Да, убегая от войны в прошлый раз, они остановились здесь же, на этой автостанции. Темнело, становилось холодно. Он встретился с одним чеченцем из Грозного. Его звали Бувайсар. Он снимал две комнаты и позвал Ашми к себе: «Заходи, скоротаем ночь, а завтра что-нибудь придумаем». Их было двенадцать, а там – еще шестеро... В двух комнатах – восемнадцать человек... Ночь была трудной, особенно для Элимы. Ей не хватало воздуха. Несколько раз она выходила. Находилась там, пока не начинала мерзнуть, потом возвращалась в дом.

На автостанцию до самого утра приезжали машины, слышались голоса беженцев, шум, плач детей...

Некоторые беженцы жгли костры из старых покрышек и, греясь вокруг них, провели ночь на улице.

С рассветом Ашми стал обходить этот маленький городок, входя в каждый двор, спрашивая, не примут ли они у себя постояльцев за некоторую плату... Но, по словам хозяев, дома были заняты людьми, бежавшими от войны; двое-трое сказали, что сдадут жилье за сто долларов, за меньшую сумму не согласны.

Он вернулся, когда уже начинало темнеть; ноги ныли от долгой ходьбы. Он не смог в этот вечер взглянуть в глаза Элимы. «Я не нашел жилья», – сказал он, не поднимая взгляд, упершийся в пол; в комнате установилась необычная тишина, тишина, наполненная недовольством им. Им были недовольны все: и живущие здесь – тем, что они пришли и осложнили им жизнь, и приехавшие вместе с ним – тем, что он не увел их из этого дома, не устроил где-нибудь.

А что он мог поделать? Знал бы, что так сложится, остался бы дома...

Эту тягостную тишину нарушил Бувайсар:

– Не расстраивайся, здесь не так легко найти жилье. Завтра поищем

вместе...

На второй день все повторилось: походив до вечера, он вернулся, устав как собака... На третий день, увидев Макшерипа, который работал вместе с ним в газете, он несколько успокоился: он из этого города, сможет помочь... Схватив за рукав, он остановил его, когда тот проходил мимо.

– Не узнал... Богатым будешь, – сказал Макшерип.

– Да, я так изменился, что меня уже невозможно узнать... Много времени прошло с тех пор, как мы расстались – целых полгода...

Дела Макшерипа, по его словам, обстояли еще хуже, чем у него. Найти здесь жилье невозможно, может быть, лучше уехать во Владикавказ или Нальчик... В этот день Бувайсар тоже ничего не нашел. На четвертый день, когда вышел во двор, он услышал разговор Бувайсара с женой.

– О чем ты говоришь? Ты хочешь, чтобы я сказал этим людям, чтобы они уходили?

– Если ты этого не скажешь, мы все здесь задохнемся... Люди ведь живут в палатках, в вагонах, пусть идут туда.

– Потерпи! Потерпи же! – прикрикнул Бувайсар.

Голоса доносились из-за дома, он медленно, пытаясь остаться незамеченным, отошел в сторону и, задыхаясь, пошел бродить по улицам этого маленького городка. Когда редкие прохожие начинали внимательно осматривать его, он вытирал руками лицо... Оно было мокрым от слез, которые текли вопреки его воли. Слезы падали, как теперь этот снег... Он еще долго бродил в этот вечер... Нашел нечто похожее на жилье. Сказали, что поставят буржуйку, можно заселиться на следующий день...

Уже после того, как стемнело, он вернулся к жилью, которое снимал Бувайсар. Тот стоял во дворе, ожидая его. «Твоей жене стало плохо, ее отвезли в больницу», – сказал он. Мысли Ашми прервал женский голос.

Недалеко от него стояла та самая женщина, которая плакала в автобусе. На остановке, посреди снега, в сгущающейся темноте никого не было видно, кроме них.

– Ты не звала меня?

– Уже несколько раз.

– Да, увлеченный мыслями, я ничего не расслышал. Что такое?

– Ты не знаешь, как найти здесь улицу Горького?

– Конечно, знаю. Я пешком обошел здесь все улицы. Все они безрадостны и горьки. Какой дом тебе нужен? Да, нужно идти в ту сторону. Я провожу тебя. Я никуда не спешу. Как тебя зовут? Падам? Хорошо, Падам. Меня зовут Ашми. Дай мне свою сумку. Я провожу тебя, ступай за мной. Нам нужно идти достаточно далеко.

«А я буду вспоминать дальше... Мысли давят, если не довести их до конца... Поэтому я продолжу... Мысли, наполненные грустными воспоминаниями. Да, Падам, ты, твои глаза вернули меня в прошлое, к воспоминаниям. Теперь слушай, если хочешь; не хочешь – не нужно. Я опять возвращаюсь к тем дням, к дождливым, холодным осенним дням...

Я тотчас же направился в больницу. Врач сказал: «Ребенок умер в утробе, прошло несколько дней, ее кровь заражена... Необходима срочная операция... Нужно много крови... Чтобы перелить... Кровь... Много крови...» Я сдал кровь, пока не свалился без сознания. Сдали Бувайсар, многие беженцы из

Чечни... много крови сдали чеченцы. Кровь, кровь... Но она не спасла Элиму...

Перед смертью она позвала меня: «Я не вижу тебя, но чувствую, – сказала она. – Ты не слишком отчаивайся из-за моей смерти... Но не забывай меня... Не оставайся в одиночестве, женись...»

Да, Падам, через несколько дней она умерла... Ее похоронили здесь же, на кладбище, так как никто не решился везти ее тело домой... Какой-то таксист сказал: «Дома и без нее много мертвых, даже не успевают хоронить...» Я не обиделся на него... Какая разница, где похоронят человека... Земля, сотворенная Богом, одина...

Ты меня слушаешь, Падам? Говоришь, что плохо слышишь? Ничего, я это говорю сам себе...

После этого у меня, разуверившегося во всем, обозлившегося на всех, появилось желание умереть, сразившись со всем миром. Потом хотелось кричать во весь голос, повергая в ужас мир, проклиная всех – и тех, кто решил затеять эту войну, создал оружие, приказал применить его, и тех, кто пустил его в ход, и тех, кто кормил, восхвалял воюющих, и тех, кто придумал создавать государство, выступал на площадях, и всех властителей мира – всех-всех подряд. Потом захотелось подняться в снежную ночь на высокий холм и завывать по-волчьи, выть днем и ночью, не останавливаясь, изливая свое горе земле и небу... Затем, охрипнув от воя, упасть и лежать там, замерзая, заносимый снегом.

Но я не стал делать ни того, ни второго, ни третьего. Я просто продолжал ходить по земле, слыша последние слова Элимы: «Не слишком отчаивайся...» Чем больше времени проходило, тем яснее мне становилась суть этих слов: мне стало понятно, что я действительно впал в отчаяние. Мне казалось, что вся эта война затеяна для того, чтобы убить мою жену и еще не родившегося нашего ребенка, что все беды выпали только на мою голову. Но, когда спала с глаз пелена, я понял, что Чечня переполнена пострадавшими, чьи беды еще тяжелее.

Нет, Падам, неправда, что чужие беды заставляют забыть о своих. Чем больше я вижу их, тем тяжелее становится на сердце. Ты же видишь, как умирают люди, разорванные бомбами, раздавленные танками, подорвавшиеся на минах, как они гниют в тюрьмах, как у них, обезумевших от горя, разрываются сердца, происходят кровоизлияния в мозг, как они, рассеянные по всему свету, стоят в очередях за гуманитарной помощью, мерзнут в развалинах Грозного и палаточных лагерях, как главы разных государств говорят о них, исходя из своих интересов – одни, чтобы били еще сильнее, другие – чуть щадяще, как третьи выражают соболезнования, четвертые – хоронят, пятые кричат: «Кошмар, на помощь!», но изо дня в день уничтожение народа продолжается.

В том, что все обстоит именно так, я окончательно убедился, когда однажды, возвращаясь с вечерней молитвы из местной мечети, оказался посреди стоявших по обе стороны дороги призраков, кутавшихся в промокшие от холодного дождя лохмотья. Их темные силуэты несколько выделял свет, который падал из окон мечети. «Подайте, ради бога... Подайте...» У меня не было возможности подать всем... Нет, я не виню этих женщин – они вышли, чтобы спасти от голода своих детей. Винаваты были чеченские мужчины, у которых не хватило ума и сил, чтобы защитить женщин, не доводить до этого. А женщины, оставив на время обычаи и запреты вайнахов, вышли спасать своих детей. Чеченские женщины и сегодня белыми птицами кружат над нашим краем, стараясь сохранить в наших очагах огонь жизни...

...Падам, ты говоришь, что не слышишь меня. Ничего, я рассказываю самому себе. Скоро мы дойдем. Да, буран усилился. Этот дом находится вон там, на повороте. Видимо, я иду быстро, ты довольно далеко отстала. Раз так отстала, понятно, почему не слышишь меня. Я буду идти медленнее, догоняй.

– Если бы ты отдала ребенка, чтобы руки отдохнули...

– Спасибо, я не устала...

– Мы дошли. Вот дом, который ты ищешь...

– Спасибо, да вознаградит тебя Бог... Ты потрудились...

– Сначала войди, посмотри, находятся ли здесь те, которых ты ищешь, – Ашми не ушел и стал дожидаться на улице.

Вскоре Падам вышла на улицу.

– Говорят, тетя переехала... – растерянно проговорила Падам. – Еще две недели назад... Теперь не знаю, что и делать.

«Алхамдуллилах, хвала тебе, Аллах, что дал мне возможность в эту зимнюю ночь помочь им...», – мысленно поблагодарил Ашми Бога.

– Сестра моя, не расстраивайся... Сегодня рядом с тобой находится твой надежный брат, – решительно сказал Ашми.

– Не знаю, как и быть... Отвлекаю от дел тебя, незнакомого человека... Если бы только где-нибудь переночевать... – Падам склонила голову над ребенком.

– У тебя есть место, где переночевать, оплаченное на три месяца вперед... Нет, не говори ни слова... Отдай мне ребенка... Это девочка или мальчик? Мальчик?! Да продлит Аллах его жизнь... Как его зовут?..

– Магомед, – чуть слышно проговорила женщина.

Ашми, шедший впереди, заметил, что она снова плачет...

– Падам, я прошу тебя, не расстраивайся из-за этой неудачи... И без этого и у тебя, и у меня так много горестей... – сказал он, не оборачиваясь назад.

Через некоторое время они подошли к пятиэтажным домам. Ашми вошел в подъезд одного из них. Падам несколько замешкалась. Потом вошла. Среди домов кружила метель. Ветер с грохотом захлопнул двери. Когда поднялись на второй этаж, Ашми, передав ребенка Падам, открыл одну из четырех дверей. Он вошел, зажег свет и пригласил Падам. Она вошла, держа ребенка на руках, и в нерешительности остановилась у входа.

– Входи, входи, – сказал Ашми, прикрывая за ней двери.

– Не знаю, как быть... что я делаю... такая ситуация... – тихо проговорила она.

– Ситуация была бы тяжелой, если бы не встретила со мной, и тебе пришлось ходить по улицам, стучаться в чужие двери, проситься на ночлег... Тогда действительно дело обстояло бы плохо, из рук вон плохо... Я видел и таких, – сказал Ашми, принимая из ее рук ребенка.

Падам сняла пальто, стряхнула снег и повесила его. Осторожно уложив ребенка на кровать, Ашми ушел на кухню. Он зажег газ, поставил на плиту чайник, чтобы вскипятить воду. Сам задержался на кухне, чтобы не стеснять Падам, пока та кормит и присматривает за ребенком. Когда он переставлял чайник, в котором закипела вода, на кухню зашла Падам с бутылкой детского питания в руках.

– Без этого он не наедается, – Падам поставила бутылку в кипяток.

Ашми про себя заметил, что она сказала ему об этом как-то просто, без

стеснения. Выходит, что она приняла во внимание его просьбу.

Вынув из кастрюли с кипятком бутылку с молоком, Падам встряхнула ее, потом отвернулась и сделала глоток, пробуя молоко на температуру. Когда Ашми зашел из кухни в зал, ребенок, наевшись, опять заснул.

– Пойдем, выпьем чаю, – пригласил он гостью на кухню.

Женщина молча перешла на кухню и села за стол. Ашми налил две чашки чая. За чаем они узнали, кто откуда.

– Где отец мальчика?

– Погиб, – сказала Падам. – Сказал, что не станет убегать от войны, раз другие воюют. Ушел и погиб. Прошло уже десять месяцев.

– Он знал о том, что у него есть сын?

– Нет, он родился через месяц после его гибели.

– Да продлит Аллах его годы! Пусть Аллах простит грехи его отцу.

– Благодарю! – Падам встала и начала убирать посуду со стола.

– Падам, вы спокойно отдыхайте... Вы проделали долгий путь, наверное, устали... Я ухожу к своему товарищу, переночую у него... Завтра покажусь...

– Мы лишили тебя жилья, – извинилась Падам, заметно покраснев.

Ашми понимает ее мысли: ей хочется сказать, почему ты уходишь из своего дома, ведь здесь две комнаты... Ей хочется так сказать, но она не говорит: неизвестно, как он, мужчина, это воспримет. Точно так же и ему не хочется ночевать здесь: неизвестно, что она подумает. Чеченские обычаи, чеченские мысли. Поэтому он уходит, чтобы она спокойно провела ночь, без ненужных размышлений.

– Ничего! Спокойной ночи, – Ашми вышел на улицу. Он опять вспомнил ту прежнюю песню: «Дует ветер, холодный, холодный...». Затем – вторую строку: «Той, что любил я, рядом нет...», весь куплет:

*Грустно, грустно глядя в небо,
Больше я не буду ждать...*

Он шел, напевая эту мелодию, пока не дошел до улицы, где жил Бувайсар...

Прошли год и два месяца с тех пор, как он не приходил на эту улицу. Он раза два видел Бувайсара, тот приглашал его. Он ничего не говорил в ответ. Ему казалось, что причиной смерти ребенка стала нехватка воздуха для Элимы, когда они ночевали здесь... Возможно, все было и не так...

Но все равно он возненавидел весь мир, еще больше – этот край, этот город, улицу в этом городе. Поэтому он обходил эту улицу. Появись возможность, он уехал бы и из этого города, и из этого края.

Однажды он уже засобирился, взяв займы деньги. Но не уехал, откладывая изо дня на день, задержался до наступления зимы. Наконец-то он разобрался в своих сомнениях: с одной стороны, хотелось уехать отсюда куда-нибудь далеко-далеко, забыть обо всем; с другой стороны, здесь была похоронена Элима...

Он устроился на работу в одной арабской гуманитарной организации и остался... По возможности, он не приходил на эту улицу, обходил ее, даже бывая здесь по делам. Этой ночью у него нет желания избегать этой улицы, ноги сами ведут его сюда. Нет, это не означало, что он забыл Элиму, ее здешние мучения; просто он теперь не связывал их с этой улицей и с этим домом.

*Дует ветер, холодный, холодный...
Той, что любил я, рядом нет.
Грустно, грустно глядя в небо...*

«Что можно увидеть в небе, когда дует холодный ветер и вокруг метель?», – задавая себе вновь и вновь этот вопрос, он остановился. – Что же произошло? Он не ощущал той тяжести на сердце, которая давила в последнее время, походка была легкой. Ему не захотелось искать причины этих перемен, они были ему по душе, поэтому были нужны. «Раз продолжаешь жить, необходимо перемениться, освободиться от мрачных мыслей; раз без них нельзя, нужно, чтобы они были такими же белыми, как этот снег. Белый снег... Элиме тоже нравилось ходить по улице в снежную ночь. Так же нравилась ей и весна в белом цветении... И к белым рубашкам меня приучила Элима...» Этой ночью мысли об Элиме были какими-то легкими, если в них и была боль, ее стало меньше... С ними был свет...

Он дошел. Тихо постучался. Бувайсар вышел.

– Здравствуй, Ашми! Что с тобой? Ничего не произошло? – увидев его, засуетился тот.

– Да нет. А без этого к тебе нельзя, просто так?

– Конечно, можно! Заходи.

Ночь прошла в сновиденьях, Ашми снились то снег, идущий ночью, то сливовые деревья в белом цвету.

На второй день он ушел рано, но некоторое время бродил по улице, чтобы не тревожить с утра женщину с ребенком. Зашел в магазин, купил погремешку, которую привязывают к колыбели, фрукты, сладости, и к обеду пошел к своим гостям. Метель прекратилась, ярко светило солнце, ясный выдался день, под ногами поскрипывал снег... Мороз обжигал лицо. «Холодный, холодный дует ветер... Мох или мохь¹... Ветра же сегодня нет... хотя и холодно... Так это крик... Да, все эти десять лет... Я кричал о том, чтобы не бросались в пропасть... Так это был тот крик?.. Наверное, он. Но был и другой... Пронзительный крик его сердца... С тех пор, как в ненастную осень Элима покинула его... Сегодня он не слышит этот крик. Но все равно: «Холодный, холодный дует ветер... Той, что любил я, рядом нет...» Ему не хочется, чтобы эта мелодия вертелась в голове. Но она все же вертится...

Когда дошел домой, отомкнул двери и вошел, он заметил перемены в комнате, где жил эти последние полгода. Перемена была в том, что там находилась женщина, а там, где она присутствует, бывают особенными и порядок, и воздух, и ощущение жизни.

– Доброе утро, – произнес он.

– Здравствуй! – в ее голосе не ощущалось никаких чувств, кроме безнадёжности, безразличия, душевной пустоты. Это несколько расстраивало, но было великое благо, что она находится здесь, а с ней – маленький ангелочек. Они изменили это жилье, оно стало светлым, благодаря солнцу и им.

Мальчик спал, Падам пригласила его на кухню. Она приподняла перевернутую на столе глубокую тарелку, под которой стопкой лежали чепалгаш², потом налила чай.

У Ашми, который вспомнил свою прошлую жизнь с Элимой, застрял

¹ Мох и мохь – на чеч. яз. игра слов: мох – ветер, мохь – крик.

² Чепалгаш – чеченское национальное блюдо: лепешки с творогом.

ком в горле.

– Я хотела уехать с ребенком во Францию... У меня там сестра, в Ницце... Там всегда тепло, есть жилье, питание...

Падам, стоя у окна, постепенно разговорилась. Солнце высветило красоту ее тела, просвечивая платье. Ашми на мгновение задержал на ней взгляд. Его оказалось достаточно, чтобы оценить увиденное. Словно обжегшись, он опустил глаза. Но не успел он съесть и двух долек чепалга, как появилось желание снова взглянуть в сторону окна. Не решился, съел еще один чепалг. Желание оказалось сильнее запрета. Когда он взглянул в ту сторону, ее уже не было у окна, а там, где она стояла, был солнечный свет, щедро разливающийся по полу. Падам ушла в тень, куда не доходили лучи солнца. «Наша гостья жадная», – подумал Ашми. Но он знал, что не прав, это была не жадность, а что-то другое.

То, что это именно так, осложняло путь, ведущий к надежде, возникшей в глубине его души, но все равно радовало его.

– Рассказывай, Падам, я тебя слушаю, – Ашми сделал глоток чая.

– Потом... тетя сказала, что будет ждать нас... Обещала помочь получить загранпаспорт... Правда, я не смогла приехать сюда в назначенный срок.

– Почему ты пытаешься уехать туда, Падам? Как бы хорошо ни было, человек, приехавший туда жить, остается в роли попрошайки.

– Я не знаю... Я не из-за себя... Ради этого ребенка... – она опустила глаза к полу.

– И это верно... Чем я могу помочь тебе?

– Не знаю... Если бы можно было провести здесь несколько дней, пока не уладятся дела.

– О чем ты говоришь, Падам? Оставайся хоть на несколько дней, хоть на неделю, на месяц...

– Не знаю... как-то неудобно...

– Падам, я понимаю... это трудное время... Люди перестали доверять друг другу, очерствели... Но я хочу, чтобы ты поверила мне, в мою искренность. Я благодарю Аллаха, что он привел вас ко мне. Ведь то, что в эти страшные дни я имею возможность оказать вам помощь, – великое благо для меня...

Падам ничего не сказала ему в ответ. Глаза ее наполнились слезами. Чтобы не разрыдаться, она ушла в другую комнату.

Однажды Ашми, задержавшись на работе, пришел к Падам и ее сыну, когда уже стемнело. Он засиделся за разговором. Когда уже поздно ночью собрался уходить, Падам сказала:

– Здесь две комнаты, для нас достаточно одной.

Ашми ничего не сказал ей в ответ, он устроился в оставленной для себя комнате. Но спать не хотелось. Он лежал, долго думал и, наконец, пришел к выводу: Падам и ее сын Магомед были для него одиноко горящей свечой в мире, столь для него мрачном; какой бы слабой ни была эта свеча, она давала свет, хотя, горящая на ветру, она была очень беззащитной, а ветер – холодным и безжалостным («Дует ветер, холодный, холодный...»). Поэтому ему нужно было быть очень осторожным, так как одного его случайного движения или слова, которое можно было бы неправильно истолковать, окажется достаточным, чтобы задуть эту свечу. Он опять начинал думать: нет, невозможно предугадать желание женщины, поэтому будет лучше, если не торопить события, а подождать до поры до времени. В эту ночь он заснул перед рассветом.

Утром, вопреки своему решению, которое принял ночью, он, когда пил чай

на кухне, разговорился, удивляясь сам себе.

– Падам ... Я хочу... чтобы ты правильно меня поняла... Год назад у меня была семья... Как и у тебя... Она умерла... Оказалось, что еще раньше нее умер наш неродившийся ребенок... Я рассказывал тебе об этом... Поэтому мне хочется, чтобы у меня было право... да, право... постоянно оберегать вас, помогать вам... – сердце учащенно билось, язык заплетался.

Нечто подобное уже происходило с ним очень давно, в молодости, однажды осенью, когда после очередного порыва ветра на землю падали пожелтевшие листья, вечером, наполненном запахом спелой айвы, когда под ней, слушая Ашми, остановилась девушка, возвращающаяся с родника... Выходит, что прошлое, его юность, не исчезли бесследно, и прежние ощущения могут вернуться...

Он замолчал, не зная, о чем говорить дальше.

– Я согласна, – с какой-то легкостью ответила Падам. – Пусть наши отношения закрепят по мусульманскому обычаю. В Той-юрте живет мой дядя...

Сознание Ашми в этот миг просветлело, оно уподобилось заснеженному склону горы. Он знал, что это только на некоторое время, но это было настоящим чудом. Он вышел, на улице шел снег. В этот год снега было много. Он вспоминал слова, сказанные Падам, они были произнесены с какой-то легкостью, без душевного волнения. Потрясения, беды заставили ее забыть про волнение: свое решение она приняла заранее, не слушая сердце, одним разумом, а с ним не бывает волнений... Какая разница, как это случилось... Если идет снег, дует ветер...

*Дует ветер, холодный, холодный...
Той, что любил я, рядом нет...*

Нет, она рядом, слава Аллаху. Она подобна свету, который виднеется там, вдалеке, в темноте, согревая сердце, озаряя путь...

В Грозный они доехали, когда уже стемнело. Снег местами стаял, был сырой холод, иногда набегал ветер, пронизывающий насквозь. Ашми несколько удивился, что в этом разбитом, мрачном городе так много людей. Они ходили быстро, молча, боясь опоздать, чтобы до наступления темноты где-то спрятаться, затаиться, замереть. Несколько маленьких автобусов отъезжало, они не смогли сесть в них. Люди, ни на кого не обращая внимания, невзирая на возраст, протискивались в машину, двери закрывались. Бородатый, в годах мужчина обратился к ним.

– Если так будете стоять, сегодня не доберетесь домой. Бросьте условности, протискивайтесь, поднимайтесь и устраивайтесь... Люди убегают от ночи... Ночами происходят страшные вещи...

– Что же происходит ночами?

– То же самое, что и днем... Людей убивают, похищают, грабят... И днем, и ночью... Но люди все равно боятся ночей.

Ашми отошел от автобусной остановки и стал голосовать проезжающим рядами машинам. Но никто не останавливался.

– Брат мой, похоже, что ты давно не был в этом городе, – сказал бородатый.

– Как ты об этом узнал? – спросил Ашми.

– Люди уже другие. Если не знают человека, машину не останавливают...

Доверия нет, остался только страх...

– А ты не боишься?

– Чего?

– Ночи.

– Для меня дни и ночи одинаковы. Люди, подождите, подождите! А вы идите сюда! Я не сажусь... Это семья... маленький ребенок... – он затолкал их в автобус.

Автобус остановился достаточно далеко от улицы, на которую им было нужно. Они шли в наступающей темноте, под ногами хлюпала грязь, дул холодный ветер. На руках Ашми был ребенок, а у Падам – сумки. Там, где раньше были улицы – ямы, лужи, руины... Кое-где из-под развалин виднелся свет – газ, горящий в трубе.

Через полчаса дошли до дома, на их улице было темно, как в могиле, нигде не горел свет. В конце улицы показалась свора собак. Они ушли, облаяв их, иногда поворачиваясь и угрожающе рыча. Ворота его дома были закрыты. Передав ребенка Падам, он попытался перелезть через забор, но соскользнул вниз, так как не во что было упереться. В поисках удобного места он отошел на пару шагов. Там от забора не осталось и следа. По его двору была проложена тропинка, на которой различались следы людей и собак. Он прошел по этой тропинке и открыл ворота, запертые изнутри. Затем – двери дома.

– Теперь мы уже дома... Я сейчас зажгу свечку... Вы пока присядьте здесь, на диване. Наверное, его не унесли потому, что слишком стар... Усадив Падам с ребенком, он достал из сумки свечу. Спичка несколько раз тухла, не разгораясь, наконец-то свечка засветилась, освещая комнату.

– Завтра подведем газ... Сейчас я разведу огонь в печи, – с виноватым видом засуетился Ашми.

Падам, ничего не говоря в ответ, достала из своей сумки бутылку воды, намочила кусок марли и стала вытирать пыль со стола. Магомед спал.

Ашми вышел во двор. К счастью, дрова были. Когда приехал летом, он топором разрубил абрикосовое дерево, сваленное снарядом, и сложил дрова под навесом. Они оказались кстати. Сначала он взял тонкие ветки, затем – потолще. Когда он с дровами направился ко входу, сотрясая землю, прогремели взрывы. Приседая на месте, он обратил внимание на то, что пламя свечи, горящей у окна, заметалось, но не погасло. Взрывная волна сотрясла дом, выпало лопнувшее стекло. Задувший в окно ветер опять чуть не погасил свечу... Он поднял упавший в снег уцелевший осколок стекла и поставил его на место, закрепив маленьким гвоздиком...

Большими снежинками начал идти снег, часто слышались выстрелы, в сознании рождались мысли, которые превращались в молитву, обращенную к Богу...

Сердцу было тяжело, но одновременно и как-то легко... И было желание среди этих развалин, взрывов, ожесточившихся людей создать какой-то островок спокойствия – вокруг себя, вокруг этой семьи – островок, на который падает снег... Чтобы свечу, которую он зажег этой ночью, не задуло ветром, чтобы рассветало и вечерело, чтобы наступила весна, чтобы вспахивалась земля, засеивалась кукуруза, чтобы шли дожди, а потом светило солнце...

Перевод с чеченского Э. Минкаилова

ЛЕГЕНДА О ГОВОРЯЩЕМ КАМНЕ И ШАХЕ АЛБУРЗЕ

Повстречался Говорящий камень. Этот большой валун на пути из нашего Яркинского магала в Касумкент в былые времена одной стороной нависал над ущельем. А со стороны дороги он весь был на сколках: родители, чьи дети долго не начинали говорить, отбивали от него кусочки и уносили домой. По поверью, Говорящий камень помогал детям овладеть языком.

Кроме того, существовала и такая традиция: тот, кто впервые оказывался у Говорящего камня, должен был присесть возле него на минуту, поцеловать камень и лишь после этого продолжать свой путь. Особенно это касалось детей и молодежи. Старшие следили, чтобы обычай соблюдался строго, втолковывали молодым: если обойдешь стороной Говорящий камень, то слово твое в конце пути не будет иметь цены, а значит, и дело не заладится и вся путь-дорога окажется бесцельной. В этой своей мысли они, конечно, были правы.

Будучи ребенком, и я присаживался у Говорящего камня, и прикладывался к его покатоному боку губами. И как-то я пристал к отцу с расспросами о Говорящем камне. И вот какую историю он поведал мне в те далекие времена.

Давным-давно между Каспием и Черным морями тоже было море. Потом, через много веков, эти водные просторы закипели, как котел, и в дыму и пламени выросли горы. Еще прошли времена, и в горах родилась жизнь. Турьи копыта проложили тропинки на скалах и по склонам. В лесах и на лугах запели птицы. Везде поработала рука человеческая. Люди, разделенные на племена и роды, охотились на животных и птиц, ловили рыбу в реках, собирали в лесах плоды и ягоды. И в каждом племени были уверены, что они единственные в этих горах. Мужчины на весь день уходили на охоту, а женщины с детьми ждали их в своих пещерах.

Так шли времена.

Теперь поведем речь об одном из таких племен и о вожаке его по имени Албурз. Сильный, как лев, стремительный, как ястреб, Албурз был самым смелым, самым мудрым и добрым охотником в племени. Ни он, ни мужчины его племени не причиняли зла зверю, если не было в этом нужды. Люди этого племени были великодушны и отважны. Каждый день, следуя за Албурзом, они вдоль и по-

перек обходили свою долину, радовались удачам и огорчались неудачам.

В один из дней стрела, выпущенная из лука, не попала в тура, охотники преследовали его, и Албурз, в горячке погони, оказался в соседних горах, где никогда еще не ступала его нога. Вдруг до его ушей донеслись какие-то голоса. Посмотрел он в ту сторону и увидел людей. Таких же, как сам.

– Смотрите: люди, такие же, как мы! – движениями рук он указал на них своим.

– Уйдем отсюда! – также знаками предложили ему соплеменники.

Албурз с этим не согласился. Без шума подкрался он к тем людям. Удивили они Албурза. И чем же? Своими разговорами. Албурз знал, что горный козел мекает, что волк воет, что птичка чирикает, но чтобы такие, как он сам, люди говорили, он видел впервые. От удивления Албурз закричал, как животное, и невероятной своей силой сломал ствол попавшего под руки дерева. Дикий крик его поднял на ноги женщин и детей, сидящих вокруг костра. Мужчины, вооруженные камнями и луками, заметались, раздались командные выкрики. И увидел Албурз, что женщины и дети, как комары от дождя, заспешили за огромный камень на поляне, и исчезли за ним. Потом туда же ушли и мужчины.

Албурз вышел из леса и приблизился к огромному камню. И услышал он, как люди, ушедшие под камень, о чем-то говорят.

– Идите сюда, слушайте! – дал он знак соплеменникам.

Те тоже подошли к камню и, припадая к нему то одним, то другим ухом, стали ловить неведомые звуки.

Прошел этот день. А на следующий день Албурз попал стрелой в горного козла. Поднял тушу на плечи, и отправился к людям говорящего племени.

Заметив издали человека с козлом на плече люди у костра засуетились. Но на этот раз они не ушли под камень. Мужчины подняли луки и камни, а вперед вышел самый высокорослый и сильный, их вожак. Албурз подошел к нему, бросил козла к его ногам, и, приложив правую руку к сердцу, сделал поклон.

– Козел! – громким голосом произнес вожак, обращаясь к своим. – Нам? – спросил он, смотря на Албурзу.

Албурз ответил поклоном и приложил руку к сердцу.

– Козел! Нам! – еще раз радостно произнес вожак. И эти слова повторили остальные: – «Козел! Нам! Козел! Нам!»

И увидел Албурз, что они, повторяя одно и то же, взявшись за руки, пошли танцевать вокруг огромного камня. Самый высокорослый и сильный втянул в круг и Албурза. И с языка Албурза неожиданно сорвались: – «Козел! Нам!»

Весь оставшийся день Албурз ходил и повторял эти слова. Люди его племени удивлялись и покачивали головами. На следующий день, рано утром, Албурз собрал все племя, мужчин и женщин, детей и стариков, построил их в круг и заставил их, держась за руки, ходить вокруг костра. Сам он тоже ходил с остальными и повторял: – «Козел! Нам! Козел! Нам!»

Сначала один, потом другой, затем и остальные начали повторять эти слова. Таким вот образом, не выпуская рук друг друга, во главе с Албурзом, они направились к тому племени, которому он вчера подарил козла.

И между племенем говорящих и племенем великодушных и храбрых пролегли соединяющие их пути-дороги. Они стали вместе охотиться, делиться добычей. Они вместе спускались в неведомые долины, поднимались на незнакомые горы. И увидели они, что в этих бесконечных горах и долинах живут такие

ИСМАИЛОВ Абдуселим Абумислимович (1947 года рождения), поэт, прозаик, драматург, автор поэтических книг для детей, издававшихся в издательствах «Малыш» и «Детская литература»; в Дагестанском книжном издательстве вышло несколько поэтических сборников; по пяти его пьесам поставлены спектакли.

же, как они сами, люди и племена, владеющие умелыми и сильными руками, живут в построенных из камня домах. Другие, обладающие сладкими голосами, живущие в своих пещерах, и в пути, и на охоте подражают пению птиц, голосам зверей, шуму листвы и грохоту водопадов. Великодушный Албурз нашел тропинку к сердцу каждого из них, нашел язык, понятный всем. Он приводил людей то одного, то другого племени на стоянку говорящего племени. И все удивлялись говорящему камню, слушали целыми днями, и все к нему привыкли. Как-то раз Албурз созвал все племена на эту поляну.

– Каждое из наших племен обладает какими-то познаниями, – сказал им Албурз. – Если мы все объединимся, то будет хорошо. Каждое наше племя имеет своего шаха, – продолжил он. – А при общем шахе нам будет еще лучше.

– Шах-Албурз! шах-Албурз! – раздалась возгласы тут и там. Потом все в один голос закричали: – шах-Албурз! шах-Албурз!..

Дни шли за днями, год проходил за годом. Умеющие говорить, научили этому и всех остальных. Владеющие умелыми и сильными руками повсюду построили дома. От сладкоголосых остальные научились петь и веселиться. Великодушные и храбрые удивлялись всему этому и все честно служили Албурзу. А те, кто жил под большим камнем, и утром, когда выходили на свет белый, и вечером, когда возвращались к себе, целовали свой камень. И этот камень превратился в святыню для людей всех племен.

Прошло еще время. Старых уносила смерть, рождались новые люди. Не щадило время и шаха-Албурза. Он сторбился, волосы у него поседел. К чистоте его сердца и щедрости его души прибавилась и мудрость ума, и он продолжал верховенствовать над людьми.

– Довольно! – заявили те, кто имел намерение занять его место. – Он стар, немощен, он уже не может охотиться, теперь он малоподвижен...

Недруги Албурза разожгли разногласия между людьми, перетянули на свою сторону недалеких, нечистых душой, обиженных судьбой, не умеющих различать хорошее и плохое, доброе и злое. И увидел шах-Албурз, как нарастает недовольство у людей. Собрал он все племена на поляне у огромного камня.

– Вот теперь говорите, кто, как думает! – обратился к ним шах-Албурз, и провел рукой по своей бороде, белой, как снег.

– Дома принадлежат тем, кто их строит! – заявил один из собравшихся

– Албурз стар и немощен, изберем шаха из нашего племени! – закричал другой.

– Мы отберем у вас наш язык! – возмутились третьи.

Шах Албурз движением руки остановил их и сказал:

– Выбрать нового шаха – это ваше право, но во всем остальном вы не правы. Разобщить племена, которые объединились за долгие годы с помощью говорящего камня, – это значит превратиться во врагов самим себе.

– Не слушайте его! – прервали шаха Албурза. – У каждого племени будет свой шах, своя долина и своя гора! Что может быть лучше?!

– Вы заберете с собой и наш язык? – спросили умеющие говорить.

– И язык останется с нами. Его мы получили не от вас, а от этого камня. Пусть и камень этот будет принадлежать всем!

– Давайте, расколем его на части! – особенно нетерпеливые и неумные с криками кинулись на говорящий камень.

– Остановитесь, люди! – возвал шах Албурз. – Этот камень сблизил и объ-

единил вас всех! Не трогайте его! Берегите и любите его! Поклоняйтесь ему! Не надо его раскалывать, его надо любить и целовать!

Те, кто услышал шаха Албурза, опустили головы, начали целовать камень, а другие били по камню, чем попало, и откалывали от него куски.

Мудрый, но бессильный перед ними шах Албурз отвел глаза от этой жуткой картины и ушел от людей, потерявших разум.

Да, ушел Албурз. Ушел, не оглядываясь и не останавливаясь.

Шел он днем и ночью. И однажды ранним утром дошел до вершины самой высокой горы. Только здесь его глаза опять стали видеть. И увидел он, что под ногами его лежит снег, а кругом возвышаются гряды горы. А далеко-далеко, за самой дальней горой поднимается красное-красное солнце. Албурз сел на камень, лицом к солнцу и просидел так день и всю ночь. А на следующее утро, перед восходом солнца, он почувствовал, что к нему приближаются люди. И увидел он людей из племени великодушных и храбрых.

– Мы пришли по твоим следам, шах Албурз, – сказал один из них. – Хорошо, что ты не видел до конца сумасшествия тех, кто остался внизу. Они начали воевать и убивать друг друга. Когда не сумели расколоть на части Говорящий камень, срубили половину леса, сложили на камне и разожгли огромный костер. А ночью полил дождь и нагретый камень начал трескаться и раскалываться на крупные и мелкие обломки. И каждое из племен унесло с собой от этих обломков, кто сколько мог. Один только обломок остался на поляне...

Шах Албурз не промолвил ни слова. Сердце его еще билось, кровь у него еще теплилась, но язык его превратился в кусок льда, а глаза – в замерзшие родники, и голова с белой бородой уподобилась ледяному утесу.

Говорят, что и те, кто пришел по его следам, тоже превратились в камни и глыбы льда. Лишь один из них вернулся обратно. Он ходил от одного племени к другому и поведал всем о случившемся с шахом Албурзом.

С той поры эта гора получила имя шаха Албурза. И по пути, проторенному шахом Албурзом, люди поднимаются на зиярат¹. А племена, оставшиеся внизу, со временем убедились, что выбрали они несправедный путь, и поняли они, что те, кто разбил на части Говорящий камень, их враги. Люди также поняли, что обломки, больше никогда не станут целым камнем. Но каждое племя берегло свой обломок, поклонялось ему, как святыне.

– И этот камень, сынок, есть обломок того большого камня, – закончил отец свой рассказ. – Присядь перед ним и поцелуй его. В нем заключается та сила, что объединяет все горские племена, в нем самая дорогая память об их прошлом. И со своей вершины шах Албурз видит все, – отец показал на снежную вершину. – И до наших дней продолжается паломничество на гору Шах-Албурз. И так будет всегда, ибо на той горе навечно остался шах Албурз.

¹ место паломничества

ПИКНИК

РАССКАЗ

1.

Крутые кавказские парни, независимо от того, какие дела проворачивают – большие или малые, всегда хлебосольны и с готовностью угощают нежданного гостя. Каждому доставляет удовольствие собрать как можно больше гостей и блеснуть своими возможностями, накормить-напоить и... решить собственные проблемы. Как водится, чаще приглашают именно того, чьё положение прочно. И делается всё это душевно, глаза в глаза, которые лучатся родственным светом.

– Гарик, надеюсь, не забыл? К одиннадцати. У меня дома. Конечно, с Люсином, – звучит первое напоминание. – Примем аперитивчик и – на Солёное озеро! А там сюрприз, – магически подмигивает руководитель холдинга. – Всё! Договорились!

– Рома-джан, привет! Помнишь? Я на всякий случай хочу напомнить. Стрелка, где назначена? Сначала у меня, потом на озере. Сам знаешь: публика знатная, элитная.

– Атаману привет! Знаю, что дисциплинирован, но ведь и занятой. Как прошла ночь? Без происшествий? Хорошо, теракты нам не нужны. Вот и слава Богу! Время то же. От меня – сразу на Солёное озеро. Погодка славная. Не опаздывай! Жену прихвати.

Напоминания по мобильнику о пикнике продолжались с полчаса. Хозяин холдинга с интригующим названием «Не зевай, Маруся!» Илья Ильич, в кругу близких – Люша, собирал у себя (его очередь) самых влиятельных людей города. Только мэра не стал звать, потому, как задуманное против него не позволяло смотреть главе города в глаза. Зараза-совесть, ещё не до конца потерянная, выдавала Люшу. Он знал за собой этот грех и побаивался публичного разоблачения.

Сделав последнее распоряжение телохранителю вовремя доставить «сюрприз» к месту пикника, он ещё раз вместе с супругой проверил сервировку стола, сбросил с себя лёгкий испанский халат, натянул шорты, майку с короткими рукавами и сладко потянулся, ласково обращаясь к жене:

– Ляля, я на тебя надеюсь... Чтоб всё было в лучшем виде. Не жалей домработницу... Эти розы надо заменить – мелкие слишком. Сам схожу в сад и срежу крупные. Гости-то особые...

– Чего суетишься? Гости особые... А ты сам разве не особый? – фыркнула Ляля.

– Особый. – Люша похлопал жену чуть ниже поясницы и пошёл не в сад, а к воротам усадьбы: приехали первые гости – военком и начальник железной

дороги региона.

– Проходите, проходите, друзья, – обнимая гостей, Люша позвал жену: – Ляля, принимай друзей!

Ляля повела гостей во двор, где под навесом были накрыты роскошные столы, украшенные гладиолусами, розами, а Люша остался у ворот встречать подъезжающих.

Гости, важно занимая знакомые кресла, перебрасывались репликами. Когда все места были заняты, Люша взял слово:

– Друзья, великое дело – традиция! И как здорово, что никто из нас её не нарушает. Сегодня моя очередь принимать вас по полной программе, и делаю это от всей души. Начнём в доме, где вы не раз бывали, продолжим на Солёном озере. Мои люди уже там. Всех ожидает сюрприз. А пока, как сказал поэт, «поднимем бокалы, содвинем их разом» – за дружбу и взаимопонимание!

– Верно – за понимание! – поддержал хозяина директор студии телевидения Хазин.

Грянуло «ура», зазвенели бокалы, заработали ножи, вилки. Пили по желанию, кто хотел – коньяк, кто – водку, кто – вино, соки, минералку. Выбор закусок был богат, всего не перечислишь. Читатель сам домыслит, а гости поймут, что никакой это не аперитивчик...

– Слово нашему дорогому банкиру Пал Палычу, – предложил вдруг Люша.

Банкир заулыбался, ему было приятно, и он знал что сказать.

– Господа, – торжественно начал банкир. – Мы все работаем от зари до зари, подвергаем свою жизнь опасности. И как хорошо, что у нас бывают отдушины, когда мы, не оглядываясь на конкурентов, можем расслабиться. Я благодарен Илье Ильичу, нашему дорогому Люше, за прекрасную идею – свободно встречаться в кругу своих людей, всячески помогать друг другу. Объявляю: мой банк для всех вас открыт. При щадящем проценте, конечно... Но довольно о делах! Мы собрались отдохнуть от дел суетных. Мой тост – за Люшу!

– Ура! – снова напомнил о себе директор студии телевидения. Гости дружно поддержали его.

Друг Люши, доктор филологии Сугреев, молча пил коньяк, закусывая чёрной икрой. Илья Ильич отметил, что у малоимущего друга какое-то отсутствующее лицо и обратился ко всем:

– Друзья, вы даже не знаете, какая это мощная фигура – профессор Олег Олегович Сугреев, оказавший нам честь, присутствуя сегодня. С ним в школе сидел за одной партией, и он, замечу, безвозмездно давал мне списывать у него задачи.

– Люша, не надо, – попробовал остановить Илью Ильича профессор Сугреев.

– Нет, я должен закончить свою мысль, – невозмутимо возразил Люша. – Олежа впервые на нашем форуме. Это исключительно порядочный человек. И хотя он бизнесом не занимается, я его по-прежнему люблю и считаю, что без таких людей мы бы давно...

– Люша, прошу, не надо, – умолял профессор. – Сегодня не мой день рождения, поэтому давай оставим меня в покое.

– Вот видите, – воскликнул Илья Ильич. – Он – сама скромность, а ведь Сугреев автор ряда крупных монографий, и я лично ни одного серьёзного решения не принимал, не посоветовавшись с ним. Это мой большой друг и генератор

идей. Предлагаю тост за профессора Сугреева, жемчужину нашего коллектива единомышленников.

– Ура! За жемчужину! – вслед за Люшей искренне выкрикнул директор студии телевидения и добавил: – Как это мы ещё не сделали о нём передачу?

Гости троекратно повторили «ура». После чего профессор Сугреев встал и заявил:

– Извините, у меня алаверды.

– Давай, профессор, давай, – дружно прокричали гости.

– Я благодарен своему школьному товарищу, что он не зазнался, ввёл меня в круг интеллектуалов, но позвольте, на правах доктора филологии, внести ма-а-ленькую поправочку.

– Вноси, тут все свои! Ансамбль спевшийся.

– Спасибо. Раз здесь собрались все свои, кое-что скажу... Вот, к примеру, наше родное телевидение не боится сорвать голос, кричит «ура». А знаете ли вы, господа, этимологию этого слова? Что оно означает?

– Радость.

– Вдохновение.

– Одобрение.

– Призыв к наступлению, – демонстрировали свои энциклопедические знания гости Ильи Ильича.

– Почти правильно – резюмировал профессор. – А надобно знать ещё один его смысл – главный. В немецком языке есть слово *hugah*, что означает «быстро двигаться». А вот в тюркском существует слово «ур», то есть «бей». Так вот во времена татаро-монгольского нашествия турки бежали на русских и кричали «ур, ур!» А русские в ответ: «а-а-а!». Два этих возгласа слились в один, известный во всем мире – «ура». Поразительно, но никто сегодня не задумывается над тем, что одно из основных значений возгласа – «бей». И выходит, что, проходя в колоннах демонстрантов, мы кричим «ура», что означает «бей тех, кто на трибунах!» Так что, извините, но я бы рекомендовал всем и особенно родному телевидению быть воздержаннее со словом «ура».

– Олежек, спасибо за просветительскую беседу, – поблагодарил Илья Ильич, – но забудем о политике и прочем другом, что не связано с отдыхом. Ведь мы собрались, чтобы расслабиться, не забивать себе головы всякой этимологией. В общем, я повторю тост: «За моего школьного друга профессора Сугреева!»

2.

Люди Ильи Ильича с утра трудились на озере. Оцепили территорию южного пляжа метров в триста вдоль берега и столько же в глубину. В тот день никто из посторонних тут не мог появиться. Парни в камуфляжной форме отправляли желающих принять солёные ванны на «хутор бабочек ловить». Непонятливым объясняли:

– Сегодня здесь проходят учения. Завтра приходите...

В тени деревьев установили раскладные столики, сервировали, подготовили деревянный спуск к воде, очистили всю пляжную линию от мусора и ждали кавалькаду иномарок во главе с Ильёй Ильичом. Машины по обозначенному флажками проезду проследовали к центру предстоящего праздника и остановились в тени деревьев. Гости, как по команде, высыпали из своих машин.

– Красота! – восхищались женщины.

– Господи, да зачем нам Канары? Эффект тот же, а затраты мизерные. И время – не надо впустую его тратить, – радовался военком.

– Господа, – зычным голосом обратился ко всем Илья Ильич. – Для начала предлагаю окунуться в эту божественную водицу. Кто пожелает, может сам или с помощью медработников принять целебную грязь. Она полезна всем, даже тем, у кого ничто не болит.

Предложение принято. Женщины с визгом плескались в прозрачной воде.

– Как на Мёртвом море – не утонешь, такой плотности солёная вода, – восхищалась жена Ильи Ильича, не раз бывавшая здесь.

– Мальчики, плывите к нам, – приглашала жена прокурора. – Здесь так классно!

– Люшенька, где же сюрприз? Неужели хочешь удивить только солёной водой?

– Сюрприз скоро будет, не волнуйся, – успокоил любимую женщину Илья Ильич.

– Сурен, что там с сюрпризом? – с раздражением спросил хозяин праздника.

– Заминка вышла, – оправдывался Сурен. – Молодой барашка, смиренный. Связали его и – в багажник. А он развязался, замок внутри сломал. Теперь багажник не откроем.

– Хочешь меня опозорить?

– Не волнуйся, хозяин, всё будет о'кей!

Из багажника машины донеслось жалкое бляение барашка: «Бэ-бэ-е». К машине стали подходить гости и, конечно, среди них были мастера по вскрытию сейфовых замков. Однако и у них ничего не получалось. А барашек всё твердил своё:

– Бэ-бэ-е!

Время шло. Илья Ильич стал опасаться, что его затея сорвётся, стал кричать на Сурена:

– Пять минут даю. Если не откроешь, уволю.

– Увольнять не надо, багажник открылся.

Сурен схватил ягнёнка за ноги и поволок в кусты. Все потянулись вслед за ним. Там уже была готова к использованию перекладина.

– Господа, – обратился Илья Ильич ко всем пришедшим. – Тут-то и начинается сюрприз. Женщинам присутствовать не обязательно. Вы станете свидетелями того, как опытейший боец разделает нам для шашлыка замечательного барашка, а чуть позже приготовит из него ароматный шашлык и питательный шулюм. Вы пробовали шулюм? О, это потрясающее блюдо – хоть под водочку, хоть под коньяк... Начинай, Сурен.

Ягнёнок, словно почуяв, что наступает последнее мгновение в его жизни, особенно жалобно заблеял: «Бэ-е-е», «Бэ-е-е». И в этом его бляенье слышалась мольба: «Не надо... Бэ-е-е».

Ловким движением Сурен выдернул из ножен сверкнувший на солнце острый кинжал, и в одно мгновение перехватил горло барашку, связал задние ноги и, подвесив несчастное животное на перекладину, стал свежевать. Руки его были быстры, никто и не заметил, как повар снял шкуру.

– Так разгорячённый мужчина снимает сорочку с желанной женщины, – за-

метил кто-то шутливо.

Раздались дружные аплодисменты, телевизионщик Хазин, снимавший всю эту жестокую процедуру, хотел, было, крикнуть «ура», но, перехватив взгляд профессора Сугреева, произнёс: «Сюжетец, надо сказать, не для слабонервных».

Потом все покатило по отработанной схеме: варили шулюм, мариновали и тут же нанизывали на шампур парное мясо, пили коньяк и вино. Женщины, без всяких тостов, приложившись к горлышку, по третьему разу бросались в воду. Вслед за ними ныряли мужчины, доставая со дна целебную грязь. Мазали на берегу себя, своих и не своих женщин. То же самое проделывал с клиентами врач-профессионал из грязелечебницы.

В мангале уже тлели угли. Сурен устроил сразу два десятка шампуров – первая очередь. Щекоучий ноздри шашлычный запах пополз по всему берегу.

– Шашлык! – торжественно кричали женщины.

– Не торопитесь, ещё пару минут, – остановил разгорячённых подруг Сурен, поливая мясо сухим вином.

В тени акаций, прямо на траве в обнимку сидели в ожидании шашлыка подвыпившие военком Криворожский и профессор Сугреев. И философствовали.

– Как хорошо создан мир, – говорил полковник. – Хорошо поработавшие люди могут устроить себе праздник.

– Разогнав с помощью своих волкодавов весь пляж, – усмехнулся Сугреев. – И отдав его нам, элите города, винтикам отечественного бизнеса.

– Вы неправы, профессор. Винтики не могут быть элитными. Это металл, винтик, а мы – люди. Честные, порядочные.

– Не надо о честности, полковник. Слышал, как вы пообещали прокурору Звонарёву откосить от армии его сыночка. И сделаете это. Разумеется, безвозмездно.

Военком отпрянул от Сугреева.

– А ещё профессор! Нехорошо подслушивать, – устыдил он Олега Олеговича, с которым минуту назад дружески обнимался.

– Я пока на уши не жалуясь, и мой друг Люша не отдавал команду затыкать их ватой. Да, да... Нет, полковник, надо бы ещё впрыснуть. До шашлычка.

– Давай!

Они направились к крайнему столику. Там с дамой, томившейся одиночеством, пил на брудершафт начальник железной дороги.

– Вот видите, полковник, не только мы желаем пригубить.

– Господа, минуточку внимания! Дорогие подруги, вылезайте-ка из воды! – командовал Люша. – Шашлык готов.

С визгом, дружно женщины потянулись к столам. А профессор Сугреев продолжал донимать военкома:

– По единой, полковник, и продолжим нашу беседу... Вы меня слушаете? Этот железнодорожник зажимает жену директора мясокомбината, а тот делает вид, что ничего не случилось.

– Довольно, профессор. Я не хочу дальше дискутировать. Мы же на отдыхе...

– Вот-вот – на отдыхе. Хотите, расскажу, чему ещё стал свидетелем?

– Не хочу, это безнравственно.

– Нет уж, позвольте! Люша спрашивает железнодорожника: «Опять повысите цены за проезд?» – «А куда денемся? Рынок требует».

– Не выдержит пассажир. Вы доповышались, что большинство людей не только на свадьбу, на похороны родственников не могут поехать. Поездка во Владивосток, например, выше годовой зарплаты. И это только в один конец. Нет, не выдержит пассажир!

– Всё выдержит. Как говорят политики, пипл всё схавает, что ни подбросят ему власти! Знаете, полковник, за эти слова я готов набить ему морду, но не могу подвести Люшу: он ведь сегодня разводящий. Потом с ним поговорю.

– Господа, подходите ближе. Шашлык готов, – не унимался Илья Ильич.

На столы принесли поджаренные шашлыки.

– Ешьте, пейте, отдыхайте! Ещё и шулюм будет. Давайте выпьем за наших милых дам, дорогих жён, которые скрашивают нашу трудную жизнь.

– За женщин «ура»! – прокричал депутат городской думы, не слышавший толкования Сугреева слова «ура».

Тост поддержали все. Началось веселье. Гости что-то вспоминали из личной жизни, травили анекдоты, рассказывали были и небылицы. Охрана меняла разовую посуду, приносила новые шампуров, уносила пустые тарелки, ставила бутылки, замороженные в холодильнике. В общем – море разливанное!

– Мальчишки, – подала голос Ксюша, жена директора мясокомбината. – Мужики вы или не мужики? А ну, идём на озеро купаться.

Всем купаться! – в тон Ксюше потребовал прокурор.

К воде направились Люша и почти все гости. Профессор и военком остались у шашлычного столика.

– Я не пойду. Мне на солнце нельзя, – признался Сугреев.

– И мне, – ответил военком.

– Вот и замечательно! Пообщаемся... Помните, Антуан де Сент Экзюпери говорил о самой большой роскоши на свете – роскоши человеческого общения... Хорошо, когда есть с кем поговорить.

– Вы бесконечно правы, – вторил военком профессору. – Давайте ещё по одной. Больно коньячок хорош – «Кремлёвский». И шашлык неподражаем! Люша молодец – может организовать праздник!

– Может, – подтвердил Сугреев. – Скажу откровенно: у меня борются два чувства. С одной стороны, он мой друг детства. Не скажу, чтобы талантлив, а с другой – такой размах, такое влияние в обществе! Откуда у него всё это? Кто и когда наделил его таким талантом?

– Может, армия, он всё-таки три года оттрубил, а может, сама жизнь.

– Я отговариваю его от самовыдвижения в кандидаты на пост мэра, а он упирается: «Не отступлю!» Я ему: «Люша, зачем тебе власть?»

– Не мне, отвечает, городу я нужен. Пора, мол, разогнать всю эту банду в администрации.

– Одну банду заменить другой?

– Филологические глупости. Они все мои люди. Я чувствую их поддержку. Они меня выдвигают...

– Чтобы потом как куклу дёргать за нужные им ниточки.

А он смеётся. Покровительственно смеётся.

– Неужели тебе холдинга мало? – спрашиваю его.

– Повторяю, – уже орёт на меня. – Это нужно не мне. Городу, городу!

– Благодетель нашёлся. И откуда это у него?

– Оттуда, – показал пальцем в небо военком.

КРЫСЯТА ДЛЯ УДАВА

РАССКАЗ

Моя эпопея с аквариумистикой продолжалась недолго. Всего один день, а вернее, вечер. Хотя думал я об этом давно. Уж больно понравился мне аквариум дома у Шиша, небольшой, но уютный. Антипод поднебесного мира. К тому же сын уже несколько раз заводил разговор о том, что у одноклассников живут попугаи и хомяки, у соседей – собака, у бабушки – кошка Тася, а у нас никого. Хотелось ему живое существо, ведь братик или сестричка всё никак не появлялись. Я перебирал в голове варианты с домашними питомцами, которых мы могли позволить себе завести, и на очередной нерешительный намёк сына задал прямой вопрос:

– Что ты думаешь об аквариуме с рыбками, сын?

– С рыбками?

– Ага.

– Не знаю... Можно и рыбок.

По-моему, он не сильно обрадовался, скорее, озадачился, и я, чтобы не упустить инициативы, стал расхваливать это интереснейшее занятие.

– У дяди Андрея, знаешь, какой классный аквариум! С водопадом, гротами, водорослями. И рыбки красивые, разные.

Сын немного растерянно улыбался:

– Ладно. Правда, я хотел животное, но и аквариум – хорошо.

В зоомагазине пахло хомяками, кошачьим кормом, пронзительно кричали попугаи, свистели канарейки, и только стена аквариумов играла красками и мерцала золотом рыбьих боков, извивалась водорослями и бурлила воздушными пузырями в толще воды. Хорошо стоять у стеклянной стены и грустить о несбывшихся мечтах. Я разглядывал барбусов и скалярий, читал названия неизвестных мне рыб и тут увидел у соседнего прилавка знакомый профиль. Это был Малёк. Точно. Хотя я и давно его не видел, он почти не изменился. Коротко стриженный, в спортивном костюме, с толстой барсеткой в руке, он что-то спрашивал у продавщицы, показывая на клетку с крысами. В другой руке он держал большую стеклянную банку.

– Здорово, Лёня! – негромко сказал я, подходя сбоку.

Малёк дёрнулся и напрягся, но узнал меня и, как мне показалось, обрадовался:

– Ух, ты! Здорово, Пух! – он широко улыбнулся, – сто лет тебя не видел. Как дела?

– Нормально.

Пожали руки. Мы с Мальком знакомы давным-давно. Ещё до армии жили

– Может быть. Но вы, как вас по отчеству – Пётр Сергеевич? Понимаете Пётр Сергеевич, эта долбанная перестройка, простите мне бульварную лексику, раздавила человека в человеке. В нас поселился бизнес, ему подчинено всё – честь, совесть, правда. Вот взять нас с вами. Я консультирую клиента за гонорар. У меня большая семья, её кормить надо. А раньше я мог за так, без денег. Или взять вас: помогаете, используя своё служебное положение... А стоит ли того наш кандидат? Не порочите ли вы свою честь? У меня только что родилась мысль, вполне трезвая. Мы с вами, да и многие, как те бараны, вздёрнутые на перекладину, из которых нажарили шашлыков, чтобы насытить нужных людей. Бизнес – тот же шампур, на который нанизывают нас с вами, господин военком, и вертят на костре, а мы безмолвствуем, потому что уже не бараны и не люди.

– Олег Олегович, вы во многом правы, но вы – страшный человек. Буду откровенен, Люше надо опасаться вас.

– Давайте ещё по одной. Коньяк «Кремлёвский» – чудо напиток!

Профессор плеснул по бокалам.

– На брудершафт?

– На брудершафт.

С озера вернулся Илья Ильич. Ему доложили, что шулюм готов. Сложив ладони рупором, он позвал:

– Господа, на шулюм!

На берегу уже толпились женщины, обмазанные целебной грязью.

– А в таком виде шулюм пьют? – забеспокоилась жена мясника.

– Можно, только руки вымойте, – добродушно ответил ей Люша.

Увлечённые захватившей всех игрой в папуасов, чёрные от целебной грязи, взявшись за руки, гости кружились под непонятно откуда взявшуюся музыку папуасов. И напрасно Люша звал их.

– Шулюм, шулюм ждёт вас! Поторопитесь, а то остынет.

Но гости страстно исполняли никогда не репетированный ими танец, очень похожий на тот, который исполняют аборигены острова Пасхи.

– Шулюм, шулюм! – натужно кричал Илья Ильич.

– Шашлык, – произнёс профессор Сугреев и отключился, как если бы электрический штепсель вынули из розетки.

в одном общежитии. Особой дружбы между нами не было, но товарищ он был надёжный, весёлый и отчаянный, хулиган и спортсмен. Серьёзно занимался боксом, получал разряды, выступал на соревнованиях и считался перспективным. Потом я ушёл служить, а он из спорта в бизнес, и мы на время потерялись, а потом пересекались редко.

– Да, не виделись давненько, – я тоже рад был его видеть, крепкого, жилистого, с той же озорной улыбкой на лице, – ты чего здесь?

– Надо пару крыс купить для домашнего зоопарка, – Малёк усмехнулся.

– У тебя прямо парами, как на ковчеге? И много тварей?

– Приходи – посмотришь. Не пожалеешь! – Малёк обрадовался моему ответу, – а ты что здесь ищешь?

– Хочу сыну на день рождения аквариум купить, с рыбками. Да не знаю, с чего начать.

– Тебе, братан, повезло! Ты разговариваешь с экспертом по аквариумным рыбам. У меня дома колба на четыреста литров. Хотя начинать надо не с такого большого объёма. Но и не с маленького. Это самая первая ошибка дилетантов.

Теперь уже я заинтересовался:

– Слушай, Лёня, проведи ликбез, объясни, с чего начать!

– Это долгая песня, Пух. Сейчас некогда. Ты когда свободен?

– Хоть сегодня!

– Заезжай в гости...

– Что, прямо сегодня можно?

– Можно и сегодня. Вот тебе мой телефон, звони в любое время, – он вынул из барсетки и протянул мне чёрную с золотом визитку.

– В любое? – спросил я с сомнением, читая золотые буквы «Генеральный директор».

– Я развёлся, один живу. Камнем вот занимаюсь. Гранит-мрамор, стелы-мемориалы. Ты-то как? – Малёк говорил с доброй улыбкой.

– Я на пенсии. Сторожем работаю.

– Хорошо! – удивился он, – какая пенсия, к чёрту?

– Да так, военная.

– А, да! Ты же где-то там колбасился, мне говорили. Ну, и как на пенсии?

– Да ничего, времени свободного много.

– Куда оно тебе, время это? – Малёк сопроводил вопрос нетерпеливым жестом ладони.

– Так, болтаюсь, мечтаю о том о сём, – я тоже отмахнулся.

– Работать надо, деньги зарабатывать, а не мечтать, братан. Со здоровьем-то что?

– Со здоровьем нормально, работать лень...

– Ладно, Саня, пока не покупай ничего, вечером созвонимся, могу даже заехать за тобой.

– Не надо, Лёнь, я на колёсах.

– Отлично. Девушка, дайте мне двух крыс вот отсюда, – позвал он продавщицу.

– Вам каких?

– Любых.

– Самочка с самцом будут очень быстро плодиться. А однополые могут начать драться.

– Ничего, я их рассажу. Вы их мне в банку...

– Клетка вам не нужна, разве?

– Клетка у меня дома есть.

– Тогда мисочка, поилка, корм...

– Всё есть, хозяйюшка, всё есть.

Продавщица открыла большую клетку и осторожно достала из неё двух сонных крысят. Третий, тёмненький, остался в клетке, спал, свернувшись шариком, зажмурив раскосые глаза и спрятав нос под бархатный живот.

– Что-то они мелковаты у вас, – констатировал Малёк.

– Им по два месяца всего, – стала оправдываться продавщица, – но они умненькие, чистоплотные. Весёлые, играют, пьют из поилки.

– А постарше-то нет?

– К сожалению...

– Ладно, давайте...

Продавщица подтолкнула крысят в банку, и Малек закрыл её крышкой с дырочками.

– Звони, – махнул рукой Малёк и бодрой походкой вышел из магазина. Сквозь стеклянные двери я наблюдал, как он уехал на длинном чёрном мерседесе, похожем на катафалк. «Положение обязывает», – подумал я.

Вечером мы созвонились, и я приехал к нему в пригород. Он жил в кирпичном коттедже за железным забором. Первый этаж занимал гараж, но мерседес стоял во дворе, возле гаражных ворот. Малёк открыл мне въезд.

– Паркуйся возле меня, – крикнул он, и я въехал во двор. В углу двора, за сеткой вольера, сидел огромный зверь, похожий на белого медведя.

– Это Нэнси, моя алабайша. Я её в клетку загнал, чтобы тебя не нервировала. Так она обычно двор охраняет. Никто не рискует без стука зайти. Удобно, она без дела не гавкает. Да и по делу тоже, только ворчит. «Нэнси, красавица моя», – нежно протянул Малёк. Собака встала и, не отрываясь, глядела на меня матовыми карими глазами.

Мы вошли в дом и поднялись на второй этаж. Дом был большой, богато обставленный, но какой-то полумёртвый. Хотя пыль и была вытерта с мебели, но жилого духа не чувствовалось.

– Я домой только ночевать приезжаю, – стал объяснять Малёк, – А так женщина специальная приходит, прибирается. Пойдём, аквариум покажу. Да ты не снимай ботинки.

– Как-то неудобно...

– Чего неудобного? Жена с дочкой у тётки живут, я в «колёсах» по дому рассекаю. Пива хочешь?

– Можно. А сколько дочке уже?

Он достал из холодильника упаковку пива, оторвал банку и протянул мне.

– В школу пойдёт осенью. А у тебя?

– У меня сын. В третьем классе.

– Да, время идёт... Сторожем, говоришь? А я вот целыми днями мотаюсь, скачу по городу, как резиновый заяц. Вроде, директор, а всё надо самому. Никому ничего доверить нельзя. Ладно, я привык... Вот моя баночка с

мальками.

На ореховой тумбе с ногами из массива стоял аквариум – квадратный стеклянный ящик с зелёной водой, размером с письменный стол. Внутри, по углам, от каменного дна до лампы над поверхностью колыхались зелёные джунгли. В центре, в толще воды, неподвижно стояла стайка камуфлированных рыбок, формой и размером с детскую ладонь. У них были лобастые головы с круглыми глазами и плотно сжатыми губами, с трудом закрывающими зубы.

– Это чанчиты, они мексиканки, из породы пираний, – стал рассказывать Малёк, – хищные. Травоядные мне надоели уже. Они слабенькие. Много возни. А эти живучие, хоть и не такие яркие. И с ними интереснее.

Я подошёл ближе. На дне аквариума, на тёмной гальке, лежало полое бревно. Из него к поверхности поднимались жемчужные пузырьки воздуха. Джунгли по углам росли из глиняных горшков. В чаше стеблей и листьев прятались две плоские чёрно-белые скалярии. Их я уже отличал.

– Скалярии?

Малёк кивнул.

– Раньше у меня много всяких рыбок было. Потом один в доме остался, реже стал появляться, реже кормить, и начался естественный отбор. Этих скалярий сначала было три штуки. Недели не кормил – мексиканки одну подкараулили, остался только кусок черепа. А так всё едят. Червей, сосиски, даже кошачий корм могут. Надо только чистить иногда. И чем лучше кормишь и чистишь, тем они красивее становятся. Красные, зелёные, лиловые. Охотятся вообще классно, потом увидишь.

– Лёнь, мне-то с чего начать?

– Слушай, Пух, пойдём в гараж, зверинец тебе свой покажу, а потом вернёмся, всё объясню. А?

– Конечно.

По кафельной лестнице мы спустились в тёмный гараж. Ещё до того, как Малёк включил свет, я почувствовал угрозу в тяжёлом воздухе его зверинца. Захлопнулась дверь, мигая, загудели лампы дневного света, и прямо перед собой я увидел чёрного питбультерьера, широкогрудого, на высоких лапах. На большой голове не было ушей, зато хватало шрамов. Давних – белых и свежих – розовых. Не двигаясь, пёс внимательно смотрел на нас желтыми глазами.

– Познакомься, Саня. Это Кил, – с удовольствием сказал Малёк, – он у меня чемпион. В городе равных нет. Иди сюда, морда!

Кил сделал пару шагов, сухо постукивая когтями по цементному полу.

– Свой, Кил, – представил меня Малёк и уже мне добавил:

– Можешь спокойно гладить, он на людей не притравлен. Все думают, что бойцы тупые, а этот всё понимает даже без слов. Смотри!

Он присел на корточки, взял Кила ладонями за щеки и пристально посмотрел в глаза. Тот попытался отвести голову в сторону и спрятать взгляд, но Малёк не дал ему этого сделать. Тогда пёс тихо зарычал, и это рычание показалось мне настолько угрожающим, что я напрягся ещё сильнее.

– Ну! – так же угрожающе тихо сказал ему Малёк, и Кил лизнул хозяина в лицо розовым языком.

– Вот так, мальчик! – Малёк вытерся рукавом и повернулся ко мне, – Это он перед тобой выпендривается, стесняется целоваться. Погладь, пусть понюхает тебя.

Я с трудом пересилил себя и осторожно провёл ладонью по мощному затылку Кила. Тот спокойно вытерпел. «Всё равно, что медвежий капкан гладишь», – подумалось мне.

– Пойдём, покажу мелкого! – начал экскурсию Малёк. Я огляделся. В двух углах гаража, под лампами, стояли прозрачные ящики, похожие на аквариум, а в третьем – вольер из металлической сетки, с будкой внутри. Четвёртый угол был пуст. Малёк направился к вольеру.

– Бул! – позвал он.

Из глубины вольера к сетке подбежал такой же чёрный питбуль, только меньшего роста. И без шрамов на морде. Он вскочил на задние лапы, воткнув передние в сетку, и заскулил, тяжело дыша и размахивая хвостом.

– Радуетса, задрыга! – довольно сказал Малёк, – В клетке держу, чтоб не дрались. Этот молодой ещё, глупый, начнёт к большому приставать, тот его порвёт. А этот тоже не отступит, до смерти будет упираться. Ну, как тебе?

– Монстры! – похвалил я.

– Ещё бы, американские питбультерьеры! Смотри! – Малёк вошёл в вольер и закрыл за собой дверку. Я остался снаружи вместе с Килом и скрестил руки на груди, не зная, куда их деть. Кил встал рядом со мной, внимательно глядя на хозяина. Тот потрепал за загривок Була и поднял с посыпанного опилками пола изжёванную мотопокрышку.

– Давай, малыш, куси её! – Малёк помахал крышкой перед носом пса и легонько стукнул ею того по лбу. Бул молниеносно вцепился в резину и мощно задёргал головой из стороны в сторону, извиваясь жилистым телом и стараясь вырвать игрушку из руки хозяина. Хозяин перехватил крышку двумя руками и резким движением приподнял пса от земли. Тот глухо зарычал и ещё крепче сжал челюсти. Малёк несколько раз крутанул крышкой с вцепившимся в неё Булом, а затем повесил её на крюк, видимо, специально вбитый в стену. Пёс затих и опустил лапы, но зубы не разомкнул. Хозяин извлёк непонятно откуда деревянную дубинку, похожую на милицкий жезл, и несколько раз без замаха, но ощутимо приложился ею к ляжкам и плечам своего питомца.

– Держать! Держать, мальчик! – командовал Малёк, а пёс только рычал после каждого удара и, яростно скосив глаза на дубинку, рвал с крюка тренажёр.

– Держи! – напоследок ещё раз сказал хозяин, спрятал куда-то жезл и вышел из вольера. Снаружи скулил и пританцовывал Кил, наблюдая тренировку.

– Если палку не спрятать, сгрызёт в щепки, – прокомментировал Малёк.

– И долго может так висеть?

– Пока не скажу «хватит». Полчасика повисеть сможет. Пойдём дальше.

В другом углу стоял большой пластиковый куб, разделенный на два отсека фанерой. Над ним горела белая лампа. В каждом отсеке, полузасыпанные слоем опилок с песком, лежали матовые обрезки пластиковых труб. В них кто-то сидел. Видны были только кончики мохнатых лап.

– Птицееды, – сказал Малёк, – видел таких пауков?

– Нет пока.

– Тоже красавчики. Но вылезают только ночью. Можно красную лампу включить, и подождать маленько. Жаль, сейчас кормить нечем.

– А чем кормишь?

– Чтоб интересно было, надо тараканов или кузнечиков. Они их ловят, душат, слизью поливают, а потом высасывают потихонечку. А так тоже бойцовые. Мне уже люди предлагают стравить. Но я пока жду, присматриваюсь. Ладно, пойдём к Кеше.

Мы пошли к самому большому стеклянному ящику в дальнем углу. Он стоял на дощатом столе-верстаке с дверками. Над ним тоже горела белая лампа. На полу ящика лежал кусок берёзового бревна с кривыми ветками, в углу – миска с водой, а обитателя я увидел не сразу.

– Кеша! – тихо позвал Малёк и легонько ткнул пальцем в стекло, указывая мне направление. Я увидел на опилках, за бревном, свёрнутый кусок брезентового пожарного шланга со змеиной головкой в центре мотка. Он был совершенно неподвижен и так совпадал по цвету с опилками, что я не сразу разглядел в нём удава, а тем более его рябой жёлтый глаз с тоненькой чёрной стрелкой зрачка, глядящего в пустоту.

– Обыкновенный удавчик. Боа. Почти взрослый, под два метра уже, – Лёня скромно наслаждался производимым эффектом, – нравится?

Удав был грязно-желтого цвета, с серым рисунком на тускло блестящей коже и плоской головой, без выражения на морде.

– Круто, – я не кривил душой, – трудно содержать?

– Да нет, нормально. Сейчас понаблюдаем кормёжку.

Он вытащил из-за дверки в столе банку с крысятами и снял с неё крышку. Потом приоткрыл окошко на верхнем стекле и вытряхнул их из банки в террариум. Сделано это было просто и быстро. Всё, что делал я – стоял и смотрел.

Крысята не понимали, что происходит, но страшный запах они, видно, чуяли и сидели, почти не двигаясь, только шевелили усами и робко переступали передними лапками, похожими на руки. Взгляд удава не переместился ни на йоту, как не шевельнулся и весь моток его тела. Он только стал ещё более неподвижным, если это возможно, но мне стало ясно, что расстояние до жертвы измерено.

Броска удава я не заметил, просто за стеклом что-то изменилось. Смотанное в тугие витки тело вдруг оказалось в центре террариума и замерло в другой позе. Голова и передние лапы крысёнка оказались в пасти удава, тельце обвито и сдавлено двумя медленно стягивающимися удавьими кольцами, а снаружи остались только трясущийся хвост и сжатые в агонии пальцы задних лап. Несколько секунд удав дожимал и ломал добычу телом, словно прессом, а потом стал толчками запихивать её себе внутрь. Его нижняя челюсть при этом сдвинулась вниз относительно верхней так, как сдвигается стальная губа разводного ключа, обхватывающая слишком большую гайку. А рябой глаз продолжал неподвижно смотреть в пустоту.

Через несколько секунд из пасти удава остался торчать только кончик хвоста крысёнка. Второй крысёнок бегал по ящику в поисках товарища. Он ничего не понял пока. Ну и хорошо. Всё равно я не смогу ничего сделать. Если рубить Малька, то надо сразу в горло или в висок... Иначе он сам... Но не убивать же за это? Да и собака... Говорить что-то нет смысла. Ругаться, плевать? Смешно. Просто уйти?

– Слушай, Малёк, не хочу я смотреть на эту лажу, – сказал я скучным голосом, не глядя на него. Я почувствовал, что он удивился, но сразу всё понял, и ничего не сказал в ответ.

– Поеду я домой... – добавил я и поставил банку с остатками пива на пол.

– Ладно, давай, – через паузу ответил Малёк и вышел через гаражную дверь на улицу. Пока он открывал ворота, я сел в машину, так что жать друг другу руки нам не пришлось. Я спокойно выехал, глядя прямо перед собой, и не сказал ничего, даже то, что лучше сказать поздно, чем никогда.

– Слышь, Малёк!

Не трогай крыс.

Пусть они живут,

ведь и ты хочешь жить.

И не известно ещё,

кто из нас достойнее

этой жизни – ты, я

или крысы.

Жаль, что я бросил курить. По дороге я купил пачку сигарет, и половину пачки выкурил в машине. Потом пришёл домой и лёг спать. Утром я снова приехал в зоомагазин и прошёл мимо мерцающей стены аквариумов к прилавку. Тот маленький чёрный крысёнок всё так же спал в клетке, свернувшись шариком и запихнув нос под меховой живот. А за прилавком стояла та же продавщица.

– Я его куплю, – сказал я, – и ещё мне нужна будет клетка, домик и поилка. Корм для него тоже...

– Это девочка, – улыбнулась продавщица и разбудила крысёнка, сунув руку в клетку через дверцу, – подержите пока. Смотрите, вот так на ладонь сажаете, а пальцами слегка за хвост удерживаете, и никуда не денется. Только сильно не сжимайте.

Я осторожно взял крысу на ладонь. Она суетливо шевелила усатым носом и тарачила чёрные раскосые глаза. Хвост оказался тёплым и шершавым, а когти щекотно царапали. Ещё она сразу меня описала.

– Много корма не сыпьте – избалуется, и когда будете выпускать из клетки гулять, будьте осторожны, не наступите. У меня дома такая же крыска, всё время под ногами болтается, попрошайничает. Смешно так, на задние лапы встаёт и ждёт, когда ей в руки что-нибудь вкусное сунут.

– Не наступлю, – пообещал я.

По утрам нас будили трамваи...

СЛОБОДА

Теперь у нас без музыки хоронят.
По-скорому, почти как на войне.
Ну разве что слезу на гроб уронят,
Чтоб пересудов не было в родне.
Среди вранья, раздора и разлада,
По глупости, по пьяни, по нужде
Устои потрясенного уклада
Расходятся кругами по воде.
Все чаще, неприглядней и ранимей,
Ведут двory имущественный спор.
И чем роднее, тем непримиримей
Он у супругов, братьев и сестёр.
Ждут дети смерть родительскую. Жёны
Кончину прочат придуркам-мужьям.
Наследники – скромняги и пижоны –
Ладони трут, готовясь к дележам.
Что с нами?
Опрокинутые веком,
Теряющие веру в благодать,
Мы заняты теперь иным успехом –
Обломок покрупней себе урвать.
Плывём, плывём, захлебываясь в пене.
А между тем, не чувствуя стыда,
Акацией, жасмином и сиренью
С весною закипает слобода.
В окне раскрытом – свежесть дождевая,
Все улочки молитвенно тихи.
Трамвайный перестук предупреждая,
Как встарь, орут блаженно петухи.
И тот же храм, и благовест пасхальный,
И солнце, отражённое в стекле.
И чудится: уклад патриархальный
Живёт на перестроенной земле.
И хочется, как в детстве позабытом,
Вновь прочесать по улке босиком.
Не обольщайся! За окном раскрытым
Пронизан воздух волчьим холодком.

МОСИНЦЕВ Александр Фёдорович (род. в 1938 г.). Член Союза писателей России, поэт, лауреат губернаторской литературной премии им. Андрея Губина, автор девяти поэтических сборников, награждён медалью «За доблестный труд».

* * *

Ну надо же!
Я со страстной недели
Затерян в неприкаянном апреле.
То дождь блеснёт, то встрепенётся ветер,
С черешен обивая лепестки.
От этого порханья двор наш светел
И полон бликов, словно у реки.
И, может, потому, являя милость,
Ко мне душа с похмела возвратилась
И удивилась: дом стоит на месте,
В распадках гор застряли облака,
И с куполом, поднятым из бесчестья,
Ей даже церковь сделалась близка.
Вбирая дух земного обновленья,
Встав на балконе, слушай да кури.
Какие вести нам о воскресенье
Теперь несут под окна сизари?
Всё в мире вешнем мыто-перемыто,
Кричит соседке девочка с угла:
– Спускайтесь поскорее, тётя Рита,
Я очередь за хлебом заняла!

* * *

Батюшки-светы, вот это дела!
Из забытья, отболев немотою,
Языками хвалятся колокола,
Медь их гудит над листвою золотою.

Я пришёл из провинциальной осени
Звону внимать, проникаться виной.
Господи, сколько мы дорог наелозили,
А для души не ищи – ни одной.

В городьбе вся низина, холмы и овражины.
Облетает листва, и уже до весны
Слободские двory, как раздетые, заживо
В этой осени погребены.

Всё теперь на виду, в опаденье и устали,
Убывающий свет и мерцание вод.
За ограду заглянешь – там грядки капустные,
Да намокшие куры, да псы у ворот.

О, как трепетен запах листвы увядающей,
Наша жизнь ножевая быльём поросла.
Но, как прежде, гудят над Россией пылающей
Оголтелые колокола.

Я уже не спешу, я стою огорошенно
У судьбы и у века на самом краю,
Потому что под ветром всё смято и брошено
Вслед ликующему воронью.

НАРЦИССЫ

По утрам нас будили трамваи,
Выходя из депо, за окном.
Синий свет соловьиного мая
В легких шторах ходил ходуном.

Наши сны предрассветные сглазив,
Отказав переменам в судьбе,
Рупор громкой диспетчерской связи
Рокотал на недалнем столбе.

Я угадывал времени вызов
И с балкона глазел на фасад.
Словно бабочек стая – нарциссы
Опустились в ночной палисад.
Но едва только солнце займётся,
Золотя навесные кусты,
Легкокрылая стая взметнётся,
И видали мы наши цветы.

Улетят. Сожалеть бесполезно,
Не прикроешь незримую дверь,
Потому что в России любезной
Никому не прожить без потерь.

Впрочем, я не печалил подругу,
Пусть ей верится в лучший расклад,
Будто счастье, срываясь, по кругу
Закатилось и в наш палисад.

Сберегая дремотную душу,
Каждый думает пусть о своём.
Одурачены веком минувшим,
Мы надеждой, как прежде, живём.

* * *

Мне чудился торжественный мотив
Служения в соборе. Без причины,
Проснувшись в пять, окно полуоткрыв,
Смотрел я, как затеплились вершины
Лиловых сосен. Наступал восход.
И перед ним, весь чуточно-зелёный,
Толпой стоял молитвенный приход –
Берёзы, яблоньки да молодые клёны.
Ещё не освещенные, в тени,
В ознобе снов, росы и ожиданья,
Как вслушивались вдумчиво они
В понятные лишь им переживанья.
Но вот пошевелил листьями клён,
Потом ещё, потом уже, как с горки,
По саду, отряхающему сон,
Шёл шепелявый шум скороговорки.
А между тем светлели облака,
Стволы деревьев, шишки, листья, травы,
Предчувствуя уже наверняка,
Что день сегодня выдаться на славу.
Выкатывалось солнце налегке,
Мерцанье оживляя и порханье,
И, кажется, я слышал вдалеке
Неповторимой музыки звучанье.
Всё было в ней для сердца и души,
И голова хмелела без привычки,
Пока весь лес и сад не оглушил
Летающий грохот первой электрички.

* * *

Мне мать с рождением подарила лето,
Где смуглым зноем налиты зрачки,
Где вдоль просёлков в зелени кюветов
Зорюют озорные сквозняки.
Там сохнут клочья сена у обочин,
Поля на взгорках бредят молотьбой.
Дни – до упаду, до побачки – ночи,
Как промельк звёзд, сгоревших над водой.
Метался свет в садовом беспорядке,
От птичьих криков вздрагивал затон.
И я невольно замирал в догадке
О том, что мир прекрасно сотворен.
Как неподдельно сердце ликовало,
Но это было всё-таки начало.

И открывался новый круг познания,
И потому вгоняли душу в дрожь –
Томительная прелесть увяданья,
Надсада журавлиного рыданья,
Гусиный или галочий галдёж.
А следом шёл стеклянный блеск мороза,
А там ещё весёлый хруст снежка,
Разбег саней, простор, стихи и проза,
Восторг и боль под сенью лозняка.
Теперь мне в пору самую признаться,
Уже без обольщения собой,
Что жизнь – удача, ей не примелькаться,
Как звёздам, пролетевшим над землёй.

* * *

Черны деревья, словно чернецы.
Март отошёл, но снег лежит в низинах.
И всё-таки досужие скворцы
Вовсю орут, как пьянь на именинах.

Ах, как они весной опоены!
Я слушаю их утренние бредни
И сам готов не к теще на блины,
К весне скользить по наледи последней.

Скользить, чтобы от века не отстать.
Свой вздор отщепелявила метелица,
И хочется опять чего-то ждать,
Хоть, может быть, и не на что надеяться.

Чего уж там, весна, как полынья,
Всегда с напоминаньем об устоях.
Она мои восторги бытия
По глотку студит ледяной водою.

Едва придёт, забот невпроворот –
Хозяйственных, посадочных, садовых.
Тут, милый мой, совсем не до красот,
Не та, как говорил поэт, основа.

А может, и не стоит сожалеть,
Прими, как есть, заботы возрастные
И радуйся, что Бог дал уцелеть
В такой непредсказуемой России

КРЕЩЕНСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Крещенский полдень. Дел особых нет.
Высь осиянная продута и промыта.
Зима не клеится, вбирая горний свет,
Снег у обочин синькою пропитан.

Я без почтения думал о себе,
О прошлой жизни, перепадах власти,
Которые, оставив след в судьбе,
Несут то взлёт, то новые напасти.

А я как бы вне времени стоял,
Мучительно в себе соединяя,
Те времена, что вовсе не знавал,
И те, в которых жизнь прошла былая.

Трамваи шли с базарчиком впритир,
Собаки, лёжа, грелись под кустами.
И, как впервые, я смотрел на мир
Нездешними, сторонними глазами.

Я был чужим в крещенской суете,
Из времени иного и начала.
Распятая Россия на кресте
Мне ничего уже не обещала.

На тротуаре, разложив тряпье,
Старушки безуспешно торговали.
С орешников орало вороньё,
Бесстыжие сороки стрекотали.

Достану рубль, верчу его в руке:
Чёт или нечет? А какая разница!
Кто там стоит на нищенском толчке,
Уж не моя ли это одноклассница?

Я понимаю, как наивен торг.
И можно ли с улыбкою прощенья
Вернуть душе утраченный восторг
На скорбном сходе нашего крещенья?

ТАМ, В ГОРАХ...¹

В БЛИЖНЕМ ТЫЛУ ВОЙНЫ

Август 1992 г., г. Изобильный. В том году над этим городком пронеслись катастрофические явления природы, главными из которых были затяжные ливни, размывшие поля, побиравшие цветы в садах, то и дело сменявшиеся страшною жарою. В прежние июли и августы идешь, бывало, по улицам, а они сплошь алые от множества созревших вишен, которые никто почти и не срывал. А в девяносто втором их совсем не было не только для удивления приезжих, но и для самих себя, для варений, сушений и вкусных домашних наливок, от лета до лета густевших в прохладных погребах. Да и сами погреба, залитые ливнями, стали рассадниками тяжелых, словно вертолеты, комаров, расплодившихся будто и, вправду, к войне.

Стихия... Жара... На корню сохнут овощи в огородах, жухнут травы в степях, что от века скатертью-самобранкой расстилались у подножия ледяных вершин Кавказа. Травы жухнут, а в горах гремят выстрелы межнациональных войн, что также от века были длительными и кровавыми. Тревожно прислушиваются к этой пальбе жители здешних просторов, понимая, что война еще далековато от них, но в любой момент может явиться и здесь.

В прежние времена казаки уже седлали бы коней, на жестком волосе гривы пробовали остроту шашек, туго набивали бы подсумки патронами. Но сейчас нет казаков, а если и появляются их формирования, то дряблые какие-то, разношерстные, скорее для хора, чем для боя. И нет в них того единого ладу, той великой спаянности и самоотверженности, которые когда-то лишь существованием своим удерживали врага от самонадеянного «почина».

Эта дряблость – от общей вялости страны. От холодного равнодушия властей, от их откровенной алчности, холуйского подбострастия перед чужими и чуждыми порядками, презрительного, а то и брезгливого взгляда на свой народ, погрязший в нищете и наивной вере в то, что его не предали, а всего лишь слегка подзабыли в размышлениях о «высших человеческих ценностях».

Жара... Мы сидим с моим другом юности у него в тесном дворике под рано начавшими опадать виноградными листьями и больше молчим, чем говорим. Лишь изредка роняем фразы, настолько близкие нам обоим, что мы могли бы их и не произносить, а только кивать головами. Но мы все же говорим.

– Знаешь, – размышляет мой друг, – а напрасно Дудаев жаждет войны. Он мог бы спокойно жить, скажем так, от одного решения нашего правительства до другого. Россия сейчас, как ядом, наполняется прущими в нее со всех сторон но-

сителями криминала. Они, словно волчьи ягоды в облетевшем лесу, видны всем, но с ними власти не только не борются, но, похоже, поощряют их, обвиняя нас в национальной нетерпимости. И довольно настойчиво готовят новый закон – об отмене прописки. Тогда то, что сейчас делается лишь с помощью взяток, станет дозволено официально. И на краденные у России же деньги будут скуплены не хутора да села, как нынче, а целые регионы. Ты посмотри, что творится хотя бы на Ставрополье.

Приезжает в облюбованное место некий человек «кавказской национальности», прикидывается беженцем. Его по доброте извечной принимают, жалеют, последней картошкой делятся. А он уже на следующий день является к бабуле одинокой и предлагает ей за ее халупу деньги, о которых бабуля слышала только в фильме «Богатые тоже плачут». И соглашается. И уезжает в город, к деклассированному своему внуку, который ее с радостью и обчистит.

А вчерашний «беженец» бульдозерным ножом сносит бабулину халупу и на ее месте ставит двух, – а лучше трехэтажный особняк с восточными колоннами и арками, с оцинкованной крышей, на вершине которой укрепляет бронзовый полумесяц. И вот уже вся его многочисленная семья прописалась под этой великолепной крышей, а вскоре сельчане, не успев опомниться, как и весь шумливый клан перебрался к ним, уже на законном основании требуя себе территорий, выкупая у местных руководителей доходные должности. И все это в пору, когда параграф прописки действует худо-бедно. А что будет, если он в отмену уйдет – уму непостижимо. Краснодарцы вон изо всех сил сопротивляются такой отмене, да кто их слушать будет, коль свершится и это предательство?

Друг мой какое-то время молчит, Молчу и я, вспоминая московскую чуму бомжей на вокзалах и в утепленных подвалах, подъездах, чердаках, загаженных ими до полного маразма. Людей жаль, конечно, да кто виноват в их беде.

– Есть тут у меня один знакомый чеченец, – прерывает мои размышления друг. – Он чабан. Отличный, надо сказать, чабан. Горцы ведь все – прирожденные скотоводы. Но дело еще и в том, что им привилегии большие дают наши власти. Не без выгоды для себя, конечно. Если, например, у чеченца, даргинца или ингуша в отаре тысяча овец, то пятьсот – колхозные, а пятьсот – свои. Пастбища и корма – всем поровну. И получается, что, как минимум, миллион рублей у чабана в отаре содержится. И каждый год прибавляется почти настолько, нашим чабанам такое и не снится. С них ведь взятку не возьмешь. Но зато, если гость к председателю приехал или начальство какое – он к чеченцу их повезет, а не к своим чабанам, где богатого угощения не поставят. А, глядя на ворованного барана, не разглядишь, чей он. И потому год от года растет в душе наемного чабана нечто вроде презрения к местным жителям. Не умеете, мол, жить, дураки. И от такого к нам отношения волей-неволей возникает в нас чувство неполноценности, что ли. Может, и правда дураки?

А строители чужие? По всему краю строили коровники и прочие сооружения братья-армяне, бешеные деньги им платили. Кое-где добросовестно строили, но чаще – халтурно. И постройки их разрушались быстро, потому что цемент ребята успевали продавать на сторону. Но своих строителей те же председатели на наших окладах держали, помыкали ими, как хотели.

Погляди на дороги, вчера проложенные «варягами». Сегодня они уже лебедой поросли, асфальта и на понюх не осталось. Зато у всего начальства подъезды к дворам да и сами дворы укатаны плотно, на долгие годы. Да, прав был

¹ Окончание. Начало в № 1. 2007 г.

товарищ наш, Маркс. Жажда наживы убивает в человеке человеческое. И уже не слеза сострадания Христова в глазах наших светится, а зловещий символ бандитского доллара.

Я уж подумал, что друг мой совсем забыл о знакомом чеченце, но он, помолчав, к нему вернулся:

– Так вот, этот мой знакомый чабан – человек богатый. И богатство свое нажил на нашей земле. Но нас недолюбливает. И как только в Чечне известные события начались, он мне как бы в шутку брякнул за бутылкой вина:

– Ну теперь мы с вами быстро справимся. Это Сталину легко было выселить нас, потому что мы тогда на одном клочке земли сидели, в Чечне. А сейчас мы по всей стране, и за рубежом наших ребят полно. Если что, мы такое всем вам устроим!..

Я ему на это нашу притчу о венике рассказал, который целиком ломать трудно, а по веточке легче легкого. Разозлил он меня. Это, говорю, с властями продажными так поступить можно. И обмануть, и дразнить, и даже угрожать. Ну а если народ разозлится да за оружие схватится? Или вот, говорю, суховей какой веет, жара, не дай Бог, спичку кто возле дома зажженную бросит...

– Ну и что же он ответил?

– А ничего. Помолчал, вздохнул и еще по стакану налил. Домашнего, виноградного. У нас тут кругом виноград да вишни. Ты от меня куда едешь?

– В Кисловодск. Гараж надо продать, а то развалится. Машину уже не купить на пенсию. А потом домой, в горы.

– Ну насмотришься там – сочувственно сказал друг.

* * *

Август 1992 года, г. Кисловодск.

Сойдя с электрички и забросив сумку с вещами к знакомым, я отправился на кисловодский рынок, чтобы там перекусить по старой памяти в шашлычной, где подавали прежде горячие хинкали с холодным пивом. Но цены начисто отпугнули меня от прилавка, и я почти бесцельно пошел вдоль рядов с потускневшей от солнца зеленью и увядшими овощами. И вдруг услышал, как из одного ларька меня окликнули. Пригляделся и узнал старого товарища, игравшего когда-то на аккордеоне в ресторанном оркестре. Еще раньше он был способным педагогом, преподавал математику в школе, писал и печатал в местной газете стихи. Но зарплаты и гонораров для большой семьи не хватало и он, разработав новый вид восточных сладостей, стал торговать ими. Потом – ресторан с аккордеоном, а теперь вот, судя по всему овощной ларек, чему я как-то не удивился.

Он призывно махнул мне рукой.

– Сколько лет, сколько зим! – радостно говорил он, тряся через окошко мою руку.

– Какими судьбами?

– Недвижимость приехал продать, – неохотно сказал я, зная, что армяне всегда болезненно воспринимают такого рода вести, даже если они не касаются их лично. Недвижимость – символ стабильности, и ничто людей не выводит из равновесия так сильно, как ее вынужденная утрата.

Товарищ мой при этих словах помрачнел, покрутил головой, вздохнул и поморщился, как от зубной боли.

– С этим сейчас тут тяжело. Я своей запасной, что там же, где и твой, продаю. Да покупателей мало. А продавцов все больше. Бежит народ потихоньку. Война рядом. Набегом до нас один переход. Буденновск, Нальчик, потом мы. Санатории в большинстве уже не работают, город как будто опустел. Мародерство процветает...

Он махнул рукой, повернулся в глубь ларька и сказал высокому красивому и крепкому парню:

– Ашот, сынок, поработай один. Мы с дядей Володей поедем пообедаем. Давно не виделись...

Машина его стояла тут же, на рынке, новенькая с виду «тойота» с тонированными стеклами. Едва хозяин дотронулся ключом до дверцы, машина загудела прерывисто и тревожно. Быстро распахнув дверцу, хозяин шелкнул где-то тумблером, и машина покорно замолчала. Мы сели и осторожно выбрались из множества других машин.

– Куда мы? – спросил я.

– Домой, конечно, – откликнулся мой товарищ, – сейчас нигде больше и не поешь безопасно. Нет Чапая, умер Гурген, спился Дарико, уехал в Россию Хачик, Циклоп тоже умер, бедный. Жизнь протухает, как дохлая свинья. Эх, Володя, дорогой, помнишь, как мы в «Замке» песни пели, какие шашлыки кушали у Шаляпина в гроте...

Мы въехали в какую-то тесную улочку в армянском районе города, подкатили к воротам, которые сами и растворились по короткому сигналу из машины, пропустив нас во двор, половину которого занимали постройки с обширным домом под красной черепицей в центре. Узкая дорожка к гаражу, а остальное пространство – горизонтальное и вертикальное, включая и забор, через который во двор не заглянешь, было сплошь занято помидорами, перцем и виноградными лозами.

– Зачем тебе это? – удивился я. – Насколько я понял, ты ларьком командуешь овощным. Неужели такая уж честность обуяла, что взять ничего для себя не можешь?

– Да что ты! – удивился и мой товарищ. – Откуда я знаю, чем торгую? Может, чистыми нитратами. А тут, кроме слабого раствора купороса, ничего не гуляло. А за городом у меня и участок картошки. Тоже совершенно чистой, уверяю тебя. Здоровье надо беречь, – закончил он наставительно.

Обед был, как в давние времена: парная баранина, зажаренная в помидорах и баклажанах, всевозможные домашние соленья, какими славится любой армянский дом; по рюмке тутовой водки для начала, а потом большой глазированный кувшин с вином. Кувшин, принесенный из погреба, сразу же запотел на столе, а затем разукрасился полосками, проделанными стекавшими каплями.

– Хахетинское, – небрежно бросил хозяин, – из Грузии друзья передали. А может, ты хочешь попробовать моего домашнего? Чистая «изабелла».

Очень, видно, нравится ему, что у него все чистое.

– Гадкая пошла жизнь, скажу тебе, – говорил между тем хозяин, отрываясь от бараньего ребрышка. – Как звери, люди стали. Как перед пропастью рвут друг у друга все, что можно урвать. Я ведь почему из ресторана ушел? Там сейчас нищие заработки. Даже богачи нынешние не раскошелятся. Разве уж сильно напьются. И не властей боятся, а друг друга. Почти каждый приходит с оружием, а не каждому объяснишь, что в пианиста стрелять не надо. Скандалы,

поножовщина, мат, визг пьяных девок – дело обычное. Пришлось вот в ларек переходить. Сколько это мне стоило – не спрашивай, все равно не скажу. И во что сейчас обходится – тоже не скажу. Сколько такое время продолжится, не знаю, но крах будет обязательно. И крах оглушительный. Фортиссимо крах! – неожиданно закричал он и рассмеялся невесело.

– Но, может быть, жизнь постепенно наладится? – спросил я, чтоб только спросить. – Ведь и властям не выгоден дальнейший развал. Люди их выбрали ради надежды на лучшее.

– Власти, – опять невесело рассмеялся мой товарищ, бросил косточку на стол и салфеткой вытер руки. – Болт они на все забили. Да ты разве не видишь, что мы давным-давно отдельно живем друг от друга? Не слышишь, как говорят в народе: «мы» и «они». «Они» – это власти. «Мы» – это народ, или, как теперь говорят, ближе к истине, население...». Вот эта пословица – самое страшное и есть. Как будто все мы едем в одном потоке в машинах с тонированными стеклами, вот как у меня. Что снаружи – видно, а что внутри – не разглядишь. В одном я только уверен. В том, что лживые политические игры на Кавказе к добру не приведут. Мир мы только улыбками изображаем. Да и то натянутыми. А внутри всех нас война уже идет...

Как в прежние времена, тепло и ласково светило кисловодское солнце. Вино счастливых долин лилось в бокалы, и длилась беседа, но счастья в душе не было, и горечью раздавленной виноградной косточки отдавала беседа...

* * *

Август 1992 года. Лабинское ущелье.

Ранним утром я шел по дороге от поселка Курджиново к шлагбауму Бескесского лесокомбината, слабо надеясь уехать на попутной машине в свой поселок под Санчарским перевалом. Слабой надежда была потому, что за последние месяцы производство в лесокомбинате резко упало, поговаривали, что и вообще прекратится. Наплыва машин ждать не приходилось.

Примерно в километре от шлагбаума, на Мостовой поляне, стоял пассажирский автобус, возле которого неторопливо прохаживались крепкие молодые ребята. Я почему-то отметил, что вот не в форме они, но впечатление как от военных – выправка, сила, единство. На ногах – тяжелые, рассчитанные на сложные походы в горах, кроссовки марки «Адидас». Одинаковые. Возможно, они и способствовали впечатлению, на машине – номера Кабардино-Балкарии. Проходя мимо, я поздоровался, как полагается в горах. Ребята сдержанно, но дружно ответили. Я пошел дальше.

Могучая, голубая с прозеленью, река Большая Лаба бежала под откосом, гулом своим заглушая птичий свист и мычание утренних коров. Слева от дороги и справа, там, за рекой, почти отвесно поднимались горы, густо поросшие лиственными лесами. Солнце поднималось все выше, светом своим заливая долину, протягивающую к небу прозрачные золотые столбы.

У шлагбаума неожиданно увидел будку на автомобильных колесах с надписью, торопливо намалеванной водянистой краской: «ГАИ». И вспомнил случайно услышанный разговор в райотделе милиции, что чеченские и кабардинские боевики продвигаются к перевалам на Абхазию, но где именно могут появиться, знать никому не дано. Как током ударило: да вот же они, на Мостовой поляне стоят!

Несколько женщин сидели в беседке. Тоже попутку ждали. Я остановился у будки, заговорил со знакомым сторожем о странном автобусе, и тут же из окошка будки высунулась голова сержанта из райотдела. Сержант был в майке, сонный, сказал:

– Здоров, Григорич. Куда ты это ни свет, ни заря?

– Домой, – ответил я и подколот:

– А ты чего это распался на службе? Сейчас кабардинцы подъедут, они тебя быстро оденут.

– Какие кабардинцы? – начал просыпаться сержант.

– На Мостовой стоят, наверное, автобус меняют на проходимую машину.

– Ох, йоп..., – окончательно проснулся сержант и пропал в окошке. Через минуту он, полностью одетый, с автоматом на плече торопливо вышел к дороге. За ним выскочил еще один сержант, и тоже с автоматом. Тут показалась и машина военная, «ГАЗ-66», тяжело переваливающаяся на ухабах. Она была полностью и глухо крытая, лишь узенькие окошки по бортам, тускло отражавшие солнечные лучи. Шлагбаум был плотно закрыт. Машина с адыгейскими номерами, повинувшись указанию жезла, свернула на обочину и остановилась. Из нее легко, спортивно выскочили человек шесть из тех, кого я недавно видел на дороге, медленно подошли к сержантам, которые стояли, держась чуть поодаль друг от друга.

– Куда едем? – подчеркнуто обыденно спросил сержант.

– На кислые источники, – тоже обыденно ответил один из прибывших, что постарше других, с большой загорелой лысиной и жесткими серыми глазами. – На нарзаны, в общем. Отдохнуть надо.

От нарзанных источников, которые бьют под самым перевалом Адзапш, до Абхазии два километра по легкой пешеходной тропе.

– Да, вид у вас больной, – не удержался сержант, – прямо-таки изможденный.

Крепкие ребята криво улыбнулись шутке, но не поддержали ее.

– Документы есть? – обратился сержант к водителю. Тот достал путевой лист и молча протянул сержанту. Пока сержант рассматривал лист, а вслед и удостоверение, протянутое из кабины, я прошелся мимо раскрытой задней двери машины и увидел сидевших в глубине еще человек восемь, мрачно на меня поглядевших. По бортам машины стояли какие-то прочные ящики, укрытые спальными мешками, на них и сидели люди. В торце – гора огромных рюкзаков. Оружия, конечно, не было видно, но чувствовалось прямо-таки осязаемо. Я вернулся к сержантам. Проверивший документы говорил:

– Все правильно тут у вас. Но надо съездить в дирекцию лесокомбината и взять пропуск. Это ведь заказник и порядок такой, что въезд только по пропускам.

Ребята досадливо переглянулись, а сержант продолжил:

– Кроме того, съездить придется и к начальнику райотдела милиции, товарищу Чесебиеву, он поставит визу на разрешение.

– А это еще зачем – возмутился молодой парень и нахмурился. Сержант развел руками:

– Порядок такой. Да тут недалеко, километров тридцать.

– Ничего мы запретного не везем, сержант, – опять проронил молодой. – Думаешь, оружие у нас, что ли? Так полезай в машину, осмотри.

Старший остановил молодого движением руки и предложил засмеявшемуся сержанту:

– Не обращай внимания. Молодой, горячий. Давай отойдем, обсудим положение.

– Хорошо. Идите к сторожу в будку, я сейчас, – сказал сержант и направился ко мне.

– Без паники, Григорич, тихонько иди к женщинам, забирай их и спускайтесь к Лабе. Дело хреновое. Это ребята из Кабарды. Ясно, что на помощь к абхазцам идут. Адыгейцы прислали им машину. Уводи женщин ближе к поселку...

И направился к будке охраны шлагбаума. Второй сержант – за ним, но в будку не вошел, каменно стал у дороги. Остальные приезжие медленно, но безостановочно передвигались вдоль бортов машины, как бы блокируя ее.

Я отошел к беседке. Там приглушенно беседовали женщины. Я услышал, как одна, в темном платке, говорила:

– Господи! Хоть бы скорее снег упал...

Мне показались удивительными эти слова. Стоял август. Зеленые леса поднимались по склонам гор. Сливы в садах тянули ветки книзу, грозя обломать их, помидоры в огородах лишь слегка зарумянились боками. А женщина мечтает о зиме. Но вторая женщина объяснила:

– Да, – сказала она, – скорее бы засыпал снег перевалы, тут все и закончится...

Я передал женщинам приказ сержанта, они послушно стали спускаться по откосу к реке, а я остался в беседке, откуда все было видно. Через некоторое время из вагончика вышел молодой парень, медленно пошел к своим. На ходу сделал движение руками, словно отталкивал что-то от себя. Понятно, что переговоры ни к чему не привели, прогоняют, мол. Вышел из вагончика и старший, а сержант задержался, видимо, по телефону звонил. Потом появился и с порожек ободрающе кивнул головой.

От Мостовой поляны послышался гул тяжелой машины, желтый самосвал показался оттуда, подъехал, зашипел тормозами, подняв тучу пыли.

– Куда? – крикнул сержант.

– На Пхию! – ответил шофер, свисая из кабины.

– Возьми людей, – махнул сержант в мою сторону. – Григорич, где там твои бабы? Зови...

И мы поехали. По дороге я спросил, видел ли он добровольцев, ведь каждый день по этой дороге ездит. Оказалось, видел и не раз. Останавливали? Только однажды, спросили, где хлеба купить можно. Ну и как они? Нормальные ребята. А этот пост они по горе обойдут. Напрасно только милиция рискует...

К обеду мы были дома. А ночью я проснулся от необычного гула. Он был каким-то свистящим и легким, похожим на самолетный, когда тот на взлет выходит. Шли бэтэры спецназа. Потом они шли и днем. И машины военные шли, набитые солдатами. И снова бэтэры. Часть их оставалась в поселках, через которые шли, остальные торопились все дальше и дальше, к перевалам, к снегам...

К вечеру второго дня мы собрались у моего друга Серафимыча для обсуждения столь важных событий. Было тревожно. От дороги по-прежнему

доносился гул тяжелых машин. Над поселком несколько раз прошел боевой вертолет – то к перевалам, то обратно. Однажды, уже пролетев поселок, вдруг начал разворот. Отчетливо чернели силуэты ракет. Вертолет опустился ниже, прошелся почему-то над моим двором. Потом поднялся выше и направился к перевалам.

– Беги домой и вали свою мачту, – сказал Серафимыч. – А то они вернутся еще раз, пальнут ракетой, и от поселка только пыль останется.

Надо сказать, в нашем поселке, кроме одной молодой семьи, живущей особняком, все остальные – исключительно пенсионеры. У нас выработалась привычка обращаться к друг другу по отчеству. Мачта, о которой сказал Серафимыч, – это очень высокий сухой ствол молодой пихты, которую я приволок из леса, вкопал возле дома, предварительно укрепив на вершине корабельный топ-сигнал. От него вниз шли провода к батарее. Ночью я этот сигнал включал, чтобы окрестности знали, что хозяин дома. Все вместе действительно напоминало радиомачту. Возможно, что вертолетчики и в самом деле вообразили нечто подобное, но, конечно, быстро разобрались. Поэтому я и не двинулся с веранды, на которой мы все сидели. Вдруг Серафимыч призвал нас к молчанию и показал на тропу, ведущую с гор к дороге и броду через Большую Лабу, что находилась метрах в трехстах от нас. По тропе двигались люди. Гуськом, нагруженные тяжело. Исключительно мужчины. Показалось ли мне, что сверкнула лысина у идущего впереди? Шли быстро, но сторожко. И вскоре скрылись на спуске к реке.

– Туристы, – предположил Серафимыч.

– Хренисты, – категорически поправил Сергеич. – Их теперь тут знаешь сколько? И все с автоматами.

* * *

Август 1992 г. Лабинское ущелье.

В два часа ночи к леснику Алексею Прохорову, дом которого стоит вдалеке от поселка, на лесной опушке, постучали. Перед этим он услышал, как пролаяла и резко замолчала собака. Гости к Прохорову приезжали редко, а сейчас, в пору заготовки сена, он и вообще никого не ждал. Может, начальство какое приехало? Невдалеке от него, на соседней лесной поляне, еще в застойные времена был построен так называемый «гостевой домик», приличная деревянная дача с просторной верандой, на которой начальство расслаблялось время от времени. Но уже давно никого не было. Не то время.

Стук настойчиво повторился. Алексей поднялся, нащупал фонарик на столе, подошел к двери и спросил:

– Кто там?

– Открывай, – ответили из-за двери, – свои.

– Что еще за свои в такую темень, – проворчал Алексей, хотя уже понял, что открывать придется. Подумал только, что очень кстати дочь с внуком уехали с вечера в соседний большой поселок Пхию и там остались ночевать. Там же и сын, недавно вернувшийся из армии. Дома лишь жена да он сам, ничего страшного не должно произойти. И звякнул крючком.

Под небом было светлее, чем в доме, и он сразу увидел, что перед ним стояли несколько человек, а дальше, у ворот и за воротами, было много еще молчаливых, с автоматами. Всего, прикинул он, тридцать или тридцать пять. Не имело смысла спрашивать, кто они.

– О! – воскликнул он с улыбкой, – да тут у меня, оказывается, охрана хорошая!

Улыбнулись и те, что стояли рядом. Один сказал: «Нам переночевать нужно,пустишь?!» – «Да ведь дом у меня небольшой, – засомневался Алексей. – Ну человек десять-пятнадцать, может, и размещу, а остальных куда?»

– А если в том домике? – махнул боевик рукой в сторону «гостевого».

– Ну там, – понял Алексей ситуацию, – места поболее будет. Пойдемте.

Открыв дом, Алексей собрался к себе, пожелав гостям спокойной ночи, но старший группы задержал. Показал на стол. Там стояли бутылки водки, банки консервов, которые боевики открывали ножами.

– Угостись с нами, – сказал старший.

– Да вас тут много и без меня, – попытался отнекиваться Алексей, но старший посуровел глазами.

– Всем хватит. Разбудишь нас в шесть часов...

Возвращаясь к своему дому, Алексей увидел двоих, сидевших по бокам его калитки. «Это чтоб я никуда не делся», – понял он.

В половине шестого сторожей у калитки не было. Алексей подоил коров, велел жене во двор не высываться, и отправился будить боевиков. Там все спали крепким сном, хоть голыми руками их бери. Но поднялись мгновенно. Старший, бородач, спросил:

– Молоко у тебя есть?

– Да, только что коров подоил, есть.

– Принеси нам, сколько можешь.

Алексей, слив во флягу два ведра, принес. Сам вышел на воздух, стал прибирать сено в копну. Вскоре появились и боевики. Старший сказал тоном, послушаться которого было неразумно: «Идем с нами. Покажешь брод через Лабу».

Алексей молча пошел впереди. Так же молча первым и брод пересекал. Боевики шаг в шаг – за ним. Все обошлось благополучно, указал им на тропинку, ведущую к ближайшему перевалу, и вернулся домой, слегка жалея по-крестьянски, что молоко даром отдал. Зашел в «гостевой домик», чтобы прибраться, и на столе увидел кучу банок говяжьей тушенки. Пересчитал. Оказалось восемнадцать, намного дороже, чем два ведра молока. От души отлегло, и он начал приборку.

А к обеду приехала машина из Пхии. А с машиной знакомый лесоруб вниз спускался. Он и рассказал, что в их поселке ночью пекарню чеченцы обокрали. Пекарь с вечера испек хлеб с запасом, а они замок сломали и все забрали. Теперь недостача будет у пекаря.

– Да ночевали они у меня, я ничего плохого не заметил. За молоко хорошо заплатили.

– Значит, шли они от Архыза, – просчитал лесоруб. – А куда ж направились?

– Через Дамхурц я им показал. Сегодня же в Абхазии будут.

– Ну да не обеднеет пекарь, – подытожил лесоруб. – На нас все одно отыграется...

У добровольцев Северного Кавказа была, видно, неплохо поставлена разведка, потому что они тщательно и всегда верно обходили посты спецназа. С местными жителями тоже старались не встречаться, исключая случаи,

когда приходили купить чего-нибудь съестного. Но без происшествий все же не обходилось. То двое чеченцев пришли в поселок ночью и почему-то открыли стрельбу из автоматов. Палили в воздух, но все же пришлось по рации связаться с подразделением, стоявшим в соседнем поселке. Оттуда быстро пришел БТР и забрал этих двоих. То вот хлеб взяли из пекарни. То возвращавшиеся из Абхазии добровольцы почему-то побросали в лесу боеприпасы – гранаты и патроны. Может, тяжело нести было. Эти гранаты вблизи поселка нашли дети, принесли в поселок и стали играть ими, словно пасхальными яйцами. Эту мрачноватую картину увидел егерь Николай Шевелев и конфискованное военное имущество сдал командиру подразделения. Это уже позже люди научились припрятывать найденное оружие. Но вначале были законопослушными. Все больше по-мирному происходило. Спецназ, похоже, тоже не был склонен к близкому общению с боевиками.

Впрочем, одна встреча, похожая на столкновение, все же произошла. У бронетранспортера «полетела» некая деталь, которую в полевых условиях выточить было нельзя. Командир группы обратился к местному инженеру, но и тот помочь ничем не смог. Надо везти в лесокомбинат. Командир выделил тяжелую машину, крытую брезентом, и двоих сопровождающих солдат. «Снимите с машины брезент, – сказал инженер, – а то у встречных добровольцев обязательно появится желание прошить его из автоматов». Солдатам добавил: «Если встретимся с добровольцами и они нас остановят, скажете им, что везете меня в больницу с тяжелым приступом аппендицита. Притвориться я сумею».

Было известно, что снизу к перевалам движется большая, человек в двести, группа боевиков. Встреча с ними неминуема, потому что дорога одна, а результат встречи во многом зависит от того, где она произойдет: если вблизи поста спецназа – одно дело, если вдаль – совсем другое. К счастью, боевикам понравилась большая солнечная поляна на берегу Лабы, там они расположились отдохнуть, а машина промчалась мимо них на большой скорости.

Обратно инженер ехал уже на другой машине, на легковой. Деталь была в кармане, настроение неплохое, но километрах в десяти от речки Заканки, где начинается тропа на перевал Умпырь, граничащий с Абхазией, машина догнала боевиков. Неосторожно вывернулась из-за крутого поворота, а тут и вся их огромная группа. Боевики ее тут же остановили, пассажиров высадили, а машину загрузили боеприпасами под потолок. Инженер попросился:

– Тут поселок мой недалеко, отпустите, я пешком дойду.

– Сиди, – коротко приказали ему и выразительно пошевелили автоматами.

– Да я жрать хочу, – нарочито грубо сказал инженер, – с утра ничего не жрал!

Ему молча подали банку консервов. Своим ножом, на который боевики только лениво глаза скосили, открыл, оказалось – перловка с мясом.

– Жри и не двигайся, – приказали. – Машину потом заберешь в верхнем поселке.

Да, местность они хорошо знали. Впрочем, как после оказалось, у них и проводники были из местных карачаевцев.

– Не боялся? – спросил я инженера.

– В тот момент – нет. А вот когда отпустили, подумал, что спокойно могли спустить в речку. Боевики никогда мира не приносили.

Октябрь 1992 года, г. Черкесск.

Меня предупредили, что полковник Эркенов любит точность, и я, покаяная немощность и расхлябанность городского транспорта, постарался добраться к нему от автовокзала с максимальной быстротой. Правда, для этого пришлось часть пути проделать пешком. Дежурный офицер проводил к дверям кабинета, предложил войти.

Из-за стола, который был ярко освещен настольной лампой, поднялся высокий, очень широкоплечий человек и протянул широкую крепкую ладонь. И я сразу задал ему вопрос, который в то время мучил не только меня:

– Скажите, Борис Хамидович, когда вам стало известно, что добровольцы горских народов Северного Кавказа могут пройти по территории Карачаево-Черкесии в Абхазию?

Он ответил вопросом:

– А почему вы думаете, что шли только представители горских народов? Там были многие. И казаки. И даже на одной из горных троп я встретил калмыка. Спросил его: «А ты куда?» Он ответил, махнув рукой в сторону Абхазского хребта: «Туда. За справедливость драться...»

После короткой паузы и на мой вопрос ответил:

– Предполагали значительно раньше самих событий. А планировали конкретные действия сразу же после заявления Конфедерации горских народов о помощи братскому абхазскому народу.

– Но почему они пошли именно через Карачай?

– Да потому, что шли не против Грузии воевать, а защищать Абхазию. В противном случае были ведь другие, более близкие перевалы. Крестовый, например, Клухорский. А наши перевалы – Санчаро, Адзапш, Дамхурц ведут непосредственно в Абхазию, хотя путь к ним значительно труднее.

– Вас такой выбор поставил в нелегкое положение?

– В очень тяжелое. Республика стала как проходной двор. Мелкие и крупные группы добровольцев, хорошо вооруженные автоматами, гранатометами, пулеметами, даже ракетными установками двигались в основном не по дорогам, где могли ожидать задержания, а по сложным горным маршрутам, чтобы избежать такой возможности. Ведь горы для них – дом родной.

– Борис Хамидович, – сказал я. – Вы заместитель начальника Управления внутренних дел республики. И курируете здесь службу общественной безопасности. Какие задачи были поставлены перед вами руководством и как вы понимали свою задачу сами?

Он ответил буднично:

– Основная, она же и главная задача – обеспечение безопасности граждан, проживающих в районах передвижения боевиков. Наших сил было при этом явно недостаточно. И тогда для взаимодействия с нами были присланы подразделения спецназа внутренних войск.

– А откуда они были присланы?

На этот вопрос я не ждал ответа. Но он, помедлив, все же сказал:

– Ну сначала из Москвы. Затем из других мест. Они менялись.

– Случаи контактов с добровольцами у вас были?

– Столкновений с применением оружия не было. Это однозначно. Была, можно сказать, встреча с крупным их подразделением. Мы не хотели пропу-

сказать их в Абхазию. Тогда они заявили, что вынуждены взять заложников. Начались переговоры. Была совершена попытка взять заложников. Спецназ запросил свое командование – что делать? Пока ждали ответа, добровольцы в три часа ночи потихоньку снялись и ушли через перевал. Спецназовцы, как говорится, проводили их глазами. Ответа от своего командования они так и не получили.

– Это был опасный момент?

– Да. Очень опасный. Когда сближаются два таких высоких напряжения, как спецназ и бойцы, решившие отдать жизнь за свободу своих братьев, ситуация становится весьма критической. Достаточно было случайного выстрела или какого-нибудь истерического крика, и контакт напряжений стал бы неизбежен. Об этом страшно подумать. Война могла перекинуться сюда, на Северный Кавказ. Должен сказать, что в данном случае руководство спецназа и добровольцев проявили поистине благородный разум и мужскую выдержку.

– Не могли бы вы, Борис Хамидович, – попросил я, – дать личную оценку всех этих событий?

Эркенов ответил не сразу. Закурил, выдохнул дым, быстро заскользивший вдоль ярко горевшей лампы. Глянул за окно, где сумрачно сочился серенький осенний день. Потом заговорил тоном, каким сообщают истину, твердо живущую в сознании:

– То, что сейчас происходит в Абхазии, прямо втягивает наши регионы к участию в них. Затрагивает и наши интересы. Все это может плохо кончиться. Тот же Шеварднадзе, например, недавно заявил, что почти не видит политического решения абхазской проблемы. Это означает войну, неизбежно захватывающую все более широкие пространства. Сейчас многие боевики возвращаются домой. А мы знаем, что боевик, провоевавший хоть месяц, отныне всегда будет готов ко всему. Афганская война – тому свидетельство. Боевик – потенциальный командир группы новобранцев. Вот и судите.

– И что вы хотели предложить нашим политикам?

– То, к чему они и призваны – срочно решать проблемы политическим путем. Мы ведь видим, что сейчас повсюду, во всем рухнувшем Союзе идет борьба за власть. У кого-то уже есть президентское кресло, «Белый» или «Зеленый» дом, у кого-то еще нет, но страстно хочется. Для достижения цели, по их убеждениям, все средства хороши, а страдают народы. Но если уж так случилось, что возникли суверенные государства, то никаких «прозрачных» границ! Это нелепица в наших условиях, уловка хитрящих либо желающих дальнейшего распада связей между бывшими республиками и автономиями. «Прозрачные» границы не устанавливаются. Они рождаются в тесном и длительном взаимодействии экономических и культурных связей. Даже Западная Европа десятилетиями шла к такому решению, а у нас ситуация куда более сложная. Нам рано и думать об этом. Политики определяют развитие мира, но они не всегда могут обуздать его...

– Борис Хамидович, – сказал я, – существует такое предположение, что цель Конфедерации горских народов – объединение многих автономий Северного и Западного Кавказа на больших территориях, вплоть до соприкосновения с Турцией. Вы считаете такую перспективу реальной?

– Я считаю ее утопической, – резко ответил Эркенов. – Пересмотр границ всегда означает войну. Но военным путем мы никаких проблем не решим.

– Я знаю, что вы по национальности – карачаевец. И вместе со своим народом были репрессированы. Вы и родились-то на чужбине. И вот, положила руку на

сердце, скажите, есть для вас нелюбимый народ?

Эркенов усмехнулся и ответил сразу:

– Такого народа у меня нет. Судите сами: мой отец – карачаевец. Моя мама – русская. Моя жена – черкешенка. Дети – карачаевцы. Кого я должен любить, а кого ненавидеть? Но главное в том, что я исхожу из постулата: никогда и никакой народ не может нести ответственности за преступные решения своих правителей либо поступки отдельных отщепенцев, движимых корыстью и неудовлетворенными амбициями. Репрессированными же оказались слишком многие народы нашей страны, в том числе и русские. Вспомните времена раскулачивания и расказачивания. Нам надо поскорее и по решительнее создавать законы о репрессированных народах. Потому что те законы, которые уже есть, – всего лишь кость, брошенная голодному, если не сказать резче. Но и они не выполняются. Они лишь всех насторожили.

– И последнее, Борис Хамидович. О политиках мы уже говорили. А чего бы вы пожелали народам, ну хотя бы родного вам Северного Кавказа?

– Меня беспокоит происходящее сейчас расползание оружия. У нас уже есть случаи изъятия автоматического оружия у мирных, казалось бы, граждан. Я не политик, чтобы выступать с пожеланиями глобального порядка. Я солдат. Задачи мои более скромны, хотя, полагаю, не менее ответственные. Поэтому людям нашим, товарищам, гражданам и господам, это уж как кто себя ощущает, желаю здравого смысла, всем – от пастухов до президентов...

Октябрь, 1992 года. Лабинское ущелье.

Посты ОМОНа начали встречать нас, едва мы отъехали от Кисловодска. У станицы Суворовской, а потом и дальше, через короткие промежутки, шишкообразно был положен асфальт, таким образом, что если бы кто и захотел проскочить пост на большой скорости, он неминуемо оказался бы далеко за кюветом. Но проверка была выборочной. Нас не проверяли. Пропустили без особой канители и на шлагбауме в Курджиново. А вот у моста через речку Заказку стоял пост спецназа. Начинаясь особая зона. Ребята в пятнистой форме, под которой топырились бронежилеты, при виде машины рассредоточивались, как для боя, их «калашниковы» были наизготовку, рядом стоял БТР, приземистый, как перед прыжком.

– «Это он маленьким только кажется, – рассказывала нам чуть позже одна молодая женщина, удостоившаяся того, чтобы ребята довезли ее до поселка. – А внутри очень даже просторно. И едешь по ухабам не то, что в ваших «жигулях». Тут сидишь, хоть чай пей...»

С нами ребята обошлись покруче, чем с этой женщиной. Приказали всем выйти и тщательно осмотрели машину – сверху, снизу и внутри. После этого дали «добро» на проезд. Через несколько километров – новый пост. Здесь уже было несколько бронетранспортеров. Перевалы становились все ближе...

В этот раз новостей в поселках было немного. Или они стали привычными, а потому мало и запоминающимися. Боевики старыми маршрутами начали возвращаться домой. По одному, по двое. С оружием, но, похоже, без боеприпасов, которые либо использовали за перевалами, либо побросали где-то на горных тропах, где их стали обнаруживать все чаще. Пришел как-то

под вечер и заночевал у Алексея Прохорова один чеченец из той группы, что ночевала у него же при походе «туда», пришел он порядком измученный и в рубахе без рукавов. А на ногах вместо обуви были подвязаны эти самые рукава, мокрые после перехода Лабы вброд. Алексей насчет обуви спрашивать не стал, а о пекарне напомнил, как хлеб они забрали, когда шли от Архыза. Пекарь, мол горевал, недостача у него.

– Да врет ваш пекарь! – разозлился чеченец. – Мы ему в три раза больше денег оставили там, на столе. Ну я к нему наведуясь. Мне все равно по дороге...

На вопрос, почему он так быстро идет назад, возвращенец только рукой махнул: «А–а! Обещали хорошо заплатить, а на деле...»

Больше вопросов не было...

Пару дней спустя Алексей поехал в Пхию и там узнал, что чеченец действительно приходил к пекарю, спросил о деньгах. «Да нашел я их! – испугался пекарь. – Ветром их со стола сдуло, а под стол не заглянул. Вы же двери не закрыли», – упрекнул он чеченца. «Не делай так...», – сказал чеченец и ночью ушел в Архыз...

Из крупных и опасных акций была попытка захватить заложников. Собственно, они уже были захвачены добровольцами. Автобус, шедший по маршруту «Черкесск–Зеленчукская» в станице Зеленчукской не остановился, а, повинуясь приказу боевиков, проследовал без остановки до поселка Рожкао. Среди пассажиров были женщины и дети. Дальше в горы автобус пройти не смог, и заложников боевики попросту бросили. Не дожидаясь, пока шофер придет в себя после потрясения, пассажиры, благодаря Бога и Аллаха – в нем были и русские и карачаевцы – уехали домой на попутных.

Именно об этом захвате рассказал мне полковник Эркенов. В дальнейшем все происходило именно так, как он рассказывал...

В моем поселке меня ожидала беда. Я, конечно, понимал, что уж если рядом война, то добра не жди. И все же, как любой человек, много лет настроенный на мирный уклад жизни, не думал, что и меня зацепит. Но зацепило.

Двери, ведущие в дом, выбиты. Их вообще-то легко можно было открыть, замочек едва держался, но они были именно выбиты, и наружная и внутренняя. Кто-то гвоздями их прихватил, чтобы собаки не лазили. В доме все разбросано и распахнуто, тарелки и миски валяются на полу, постели смяты и тоже сдернуты на пол. На старенькой ковровой дорожке, что под ногами у постели, нагажено. Почерневшее от копоти ламповое стекло разбито, осколки хрустели под ногами. Я приехал поздним утром, но до вечера таскал воду из речки, мыл, чистил. Сжег в саду изгаженную ковровую дорожку, проветривал дом, а потом снова мыл и снова проветривал, благодаря Господа, что сын мой всего этого не увидел. Он, спецназовец ВДВ ГРУ, был в то время во второй командировке в Таджикистане и писал мне оттуда, как хочется ему в тишину и покой родного дома...

Еще дня два я тем же самым занимался да подбирал посуду и по саду и вдоль речного берега – чашки, ложки, закрученные в штопор вилки, кастрюли, битое стекло бутылок. Приходил Сергеич, бывший лесник Володя Ивлев. Он поведал мне, что всего несколько дней назад в поселок привозили человек сто омонцев – то ли ростовских, то ли еще откуда. На отдых, сказали. После боя в Чечне.

– Я ходил к их командиру, – говорил Сергеич, – что же вы, мол, делаете? Что люди о вас подумают?

Командир молчал, только желваки по щекам бегали, а потом сказал, мол, да пусть отдохнут, они из боя...

Чтобы проветриться и тоже отдохнуть, побрел я на третий день к Алексею Прохорову. Он рассказал, что и к нему те омовцы приходили. Пришли утром, человек пять, увидели овец возле двора, обрадовались. «Твои?» – спросили. «Мои» – говорю. Один из них, здоровый такой, брюхатый, зарежь, говорит, одну, а то консервы надоели.

– Пошел отсюда – сказал я ему. – У тебя брюха ишо на месяц хватит.

– Гляньте на него! – заголосил брюхатый, – барашку ему жалко! Мы его защищать приехали, а он жметя!

– Давай, давай отсюда, – говорю, – не надо нам таких защитников!.. Ну, правда, они постояли и ушли. А тебя ж не было, вот они там и погуляли. Это я гвоздями двери приколотил. А собирать уж ничего не стал, чтоб самому видно было, что за гости приходили. В хату не заглядывал.

– А зря, – сказал я Прохорову – а то б удовольствие получил, на коврике...

Но объяснять ничего не стал...

Вечером собрались на веранде у Серафимыча, но настроение уже совсем было не августовское. И не только потому, что сеялся мелкий затяжной осенний дождь, было сумрачно и тоскливо в природе, но и оттого, что конца не предвидится начавшейся за хребтом войне, которая ежедневно напоминала о себе здесь, в ближнем ее тылу. Движение боевиков мало заметно, они по-прежнему не стремятся к общению с местными жителями, но появились другие приметы, как принято говорить, нестабильности. Недавно, например, поселок подвергся крупной акции мародерства, неизбежному спутнику любой войны. Вскрыто пять домов, хозяева которых отсутствовали. Забраны продукты, сапоги, фонарики и фонари, все то, без чего в горах обойтись трудно. Кто-то пользовался слухом, что мародеры приезжали издалека, аж из Курджинова, за пятьдесят километров по разбитой горной дороге. Другие советовали заглянуть во дворы куда более близкие. Война. Хоть за хребтом еще, но война.

Милиция на лошадях объезжала посты в горах. Напоролась на абхазов, тоже конных, стремившихся к заповеднику на браконьерство. При задержании оказали вооруженное сопротивление. Двое убитых, трое живых. Всех доставили в райотдел, в станицу Преградную. Там получили начальственное распоряжение: оружие отобрать, мертвых отдать живым и отпустить. Поступили по распоряжению. Война...

Сидели мы допоздна. Пили сливовый самогон, купленный в соседнем поселке, ели холодец из кабана, неудачно выскочившего на охотника. На соседнем стуле лежал, притворившись спящим, рыжий, хитрый и шkodливый кот по имени Чубайс и ждал момента, когда мы отвернемся от стола. Дождалься, потянул холодец лапой вместе с тарелкой, грохнул ее на пол. За это был пойман, выдран за ухо и под собственный жалобный вой выдворен из теплого дома в холодную черноту ночи.

В этой холодной черноте вскоре и мне пришлось пробираться к своему дому. Мелкий, почти неслышимый дождь продолжал сыпаться с ощущаемого низкого неба. От перевалов дул ветер. Канаву, пересекавшую мне путь, я на-

щупал ногами и благополучно перебрался через нее. Теперь поворот налево, к лесу. Отсчитываю полтора шага и поворачиваю вправо. Еще двести шагов, и еще налево. Даже леса не видно, так темно вокруг, но, нагнувшись, трогаю руками тропу и убеждаюсь, что иду верно. Теперь снова надо забирать влево, на подъем к моей калитке...

В разоренном доме было, кажется, еще холоднее и неуютнее, чем под открытым небом. Ощупью собрав, чем накрыться, не раздеваясь, лишь сбросив мокрые ботинки, я повалился в постель. Даже дверь не запер. Еще совсем недавно ее тут и не требовалось запирать. Приходили ночью люди, чаще всего пастухи, спускавшиеся с гор, за хлебом и водкой. Кричали из-за двери: «Григорич! Можно к тебе?» Хотя знали, что двери не заперты. Я грел им чай, доставал постель, а когда утром поднимался, пастухов уже не было, постели аккуратно сложены, дверь тщательно прикрыта. Можно было оставлять дом без замка хоть на несколько дней, и никто ничего никогда не трогал – по закону гостеприимства. Но хрупкими оказались эти законы, едва только были нарушены основы нашего общего бытия. Почти мгновенно стали править не обычаи, а инстинкты, которыми в природе вообще руководствуются преследующие и преследуемые. Мы поделились на охотников и жертв. Растерявшиеся политики начали издавать весьма поспешно и во множестве некомпетентные либо преступно тщательно продуманные постановления и указы, противоречащие духу народов, которых они касались. И пролилась первая кровь, которую теперь уже не остановить. Предательство и воровство на государственном уровне, невиданная коррупция в высших эшелонах власти породила – не могла не породить! – последнюю стадию сопротивления народа беспросветной лжи и глумливой бессловесности власть имущих – пессимизм и апатию.

С такими чувствами в людских душах государства не возрождаются. Да и хотят ли те, кто нами правит, возрождения нашей Родины? Положа руку на сердце, не похоже, что хотят. Ибо если б хотели, зачем бы им множить и повторять ошибки, лихорадочно ставить все новые и новые эксперименты, волочащие общество уже не на колени, а кладущие его плашмя, чтоб не смогло подняться? Для чего угрожающий тон высоких высказываний, неизбежно вызывающий адекватную реакцию тех, на кого этот тон обращен? Или прав мудрец, сказавший, что если власть слабеет, она становится агрессивной?..

С такими невеселыми мыслями до позднего осеннего рассвета ворочался я в сырой постели и зыбким сном забылся лишь, когда уже начало светать. Но спал недолго. Сквозь дрему услышал стук щеколды на калитке, а потом и скрип дощатого тротуара, ведущего к двери. Прекратился скрип у окна, рядом с которым стоит моя кровать, и я услышал голос Серафимыча:

– Григорич! – прислонился он к стеклу, пытаюсь меня разглядеть, – вставай, какого ты там валяешься?

– А ты какого шляешься ни свет ни заря? – обменялся я с ним любезностями.

– Снег в горах упал, – сообщил Серафимыч. – Да сильный очень!

И сапоги его вновь заскрипели в сторону калитки. Я выскочил из постельного пригрева и рванул на улицу. Выпал снег, засыпал вершины и перевалы густо и надолго. Теперь до будущего лета. Яркое голубое небо, предвещающее морозы, по снеговалу за Лабой коротко прокатилась и застыла небольшая лавинка. Вот аж когда сбылась мечта женщины в августе, у шлагбаума! Ну, слава Богу...

...Через несколько дней мы услышали новый указ Президента России, призывающий остановить столкновения между осетинами и ингушами. Мы поняли, что гражданская война перекинулась и на Северный Кавказ...

Февраль 1993 года, г. Изобильный.

Морозные тихие солнечные дни под синим небом стояли в городе Изобильном, когда в один из таких дней пошли мы с моим старым другом Борисом Шимко в хлебный магазин и там, на коричневой деревянной двери прочитали объявление, похожее на призыв: «Казачи! Все на круг! ... февраля, который будет проходить в помещении милиции. Повестка дня: перевыборы атамана и его помощника».

– Надо бы пойти, если пустят, – сказал я, поглядев на Бориса. Он молча кивнул головой.

Утро следующего дня тоже было морозным, но солнце все же пригревало почти по-весеннему, и снег под ногами слегка подтаивал, вернее, – переставал хрустеть, мягчел, хотя было холодно совсем еще по-зимнему.

Во дворе милиции, где отдельно стояло одноэтажное серое здание клуба, народу было немного. Сквозь стекла тоже виднелись люди, но и внутри здания их было мало. Человек десять красовались в казачьей форме, которую, по слухам, шьют в Ставрополе и по цене сравнительно недорогой – всего за ваучер. Остальные одеты было повседневно, но что-то внутренне объединяющее – сдержанность, что ли, строгость в движениях или легкая, но серьезная задумчивость, какая всегда овладевает людьми перед принятием серьезного решения, – спланивало их всех.

Собрание, или, как сказано было в объявлении, круг, не начиналось довольно долго – ждали священника, который по традиции должен круг благословить. Наконец священник появился. Суровый, не улыбочивый, сопровождаемый пожилой помощницей, он прошел к сцене, но на нее не поднялся, остановился внизу. Косо поглядывая на барельеф Дзержинского, висевший среди устаревших лозунгов, священник прочитал молитву, и круг начался.

Слушать было горько. И без того малочисленная казачья организация в Изобильном, как выяснилось, раздиралась внутренними противоречиями, продиктованными тем, что не все собравшиеся были уверены в прочности возрождающейся казачьей ячейки, а может, и в самой ее необходимости. Чем иначе объяснить, что ни сам атаман, ни его помощник не сочли нужным прийти на круг, чтобы либо заявить о своей отставке, объяснив своим товарищам причины, либо высказать встречные предложения?

В результате они были смещены со своих постов просто по причине неявики.

Это малодушие, я думаю, не случайно. Поднявшиеся на волне эйфории возрождения казачества многие казаки очень быстро стушевались, утратили активность не потому, что этой активности было в них мало, а потому, что очень многие средства массовой информации, в том числе и местные, скептически, если не враждебно отнеслись к идее такого возрождения. Появлялись и появляются до сих пор в печати и на телевидении серьезные статьи и выступления. Но вместе с тем активно подключились к ним наши доблестные сатирики и юмористы, представляющие дело жизни миллионов людей как некую

несвоевременную казачью дурь. Слабонервные и капитулировали, испугавшись примитивной искусственной иронии. И слава Богу, хочется сказать. Таким было настроение казаков в Изобильном, и потому они, не мешкая, тут же избрали других руководителей, доказавших своей активностью, что достойны избрания.

Не ахти какими большими делами и значительными решениями могут пока что похвастать изобильненские казаки, но в искренности их и в горячем желании работать на возрождение сомнений ни у кого не возникало.

Вот небольшие примеры.

Именно казаки навели порядок на местных рынках, где буквально свирепствовали спекулянты и перекупщики, в основном пришлые. Уверен на основе знания: никакая милиция такого порядка навести не смогла бы. Уж не скажу почему. Быть может, и вправду потому, что к милиции привыкли как ко всякой формальности, исполнение которой необязательно. Или сама милиция обрела репутацию организации, с которой так или иначе поладить можно. Иное дело с казаками. Это не столько власть, сколько народ. А спорить с народом трудно, ослушаться его опасно. «Против мира не попрешь», – говаривали прежде. «И не уйдешь ты от суда людского, как не уйдешь от Божьего суда». Это уже Пушкин, у которого даже ощущения неоспоримы.

И вот парадокс. Казакам не доверяют. Они ходят на дежурства по наведению порядка и вместе с милицией и отдельно от нее. Их приказам подчиняются чаще и охотнее, чем милицейским. Но оружия, которое так необходимо нынче при наведении порядка, им не дают. И ходят они рядом – милиция с автоматами и в бронежилетах и казаки с бесполезными сегодня кинжалами на поясах.

Умельцы унижений, знатоки психологической розни, сторонники разрушений любого толка, лишь бы не воспряла ненавистная им российская государственность, не позволяют себе отдыха, понимая, что время работает на них, едва только они занежатся в дреме побед. И постоянно ищут все новые и новые формы подавления или хотя бы угнетения сил болезненно возрождающегося самосознания россиян. И в особенности казачества, этого наиболее эмоционального, неустрашимого общественного и воинского единения, раз и навсегда принявшего присягу верности стране. Это уникальнейшее в мире единение, в разные времена возникавшее на остриях глобальных исторических событий, само стало историческим событием, обвальным повлиявшим на судьбы народов и стран. Характер казаков, гибкий и восприимчивый к обстановке, в которой они оказывались на долгие годы либо навсегда, впитывал в себя все лучшее, все достойное от тех народов, на рубежах с которыми они оказывались. Отсюда сходство не только внутреннее, но даже внешнее, скажем, казаков Кавказа с чеченцами, черкесами, карачаевцами, даже с отдаленными турками. Механизм возникновения такого сходства великолепно показан у Шолохова в «Тихом Доне» на примере семьи Мелеховых. Даже форму казаки переняли у горцев – практичную, удобную в бою. Но и горцы многое взяли у казаков. Например, любовь к земледелию и к постройке удобных жилищ.

И быть бы горцам и казакам народами-побратимами (а в быту побратимовкунаков было множество), да властям с той и другой стороны такое положение выгодой не светило. И вот в разное время и разными вождами, преследуя каждый свои цели, разжигали ненависть и вражду на земле. В единстве простых людей вожди всегда видели угрозу себе. Различие методов компенсировалось единством цели – беспредельной власти над народами. Для достижения такой цели

надобно было возводить одни народы в героические, другие – в недоумков. Позволительно было временами и переставлять знаки между народами – отрицательные на положительные и наоборот. Но всегда герои нужны вождам либо воюющие, либо мертвые.

Полагая, что ничего из вышесказанного не изменилось и нынче, я смею сказать, что геноцид по отношению к горцам и казакам продолжается и сейчас. Он заключается в беспримерном, пожалуй, натравливании одних на других. И рождается в потерянных душах великий соблазн устроить собственное бытие за счет соседей. Сильных – за счет слабых. Вооруженных – за счет тех, кому вооружаться строго запрещено.

Теперь вопрос: как относятся люди вооруженные к тем, кто оружия не имеет? Ответ: вначале с сочувствием. Потом снисходительно. Позже – с презрением. И, наконец, при необходимости, какой бы она ни была, жестоко. Такова жизненная логика, если отнестись к ней без ханжества и намеренно закрытых глаз.

Да, снова наступили в нашем государстве смутные времена. Для начала надо с полной откровенностью признать это положение, чтобы сохранить возможность выйти из него. Желательно – с честью. И с полным уважением друг к другу. Первый шаг к уважению – понимание. Именно понимания ждут сейчас все народы и весь народ, в том числе и казаки. Быть может, именно казаки нуждаются сейчас в понимании больше других, потому что среди всех они находятся в жалкой роли просителей, тогда как на их стороне правда и право. Между тем большинство высказываний в силу, быть может, новизны вопроса страдает похожими недугами. И распространеннейший из этих недугов – недоумение. Почему, мол, вообще возник этот вопрос? Ведь сколько лет жили без казачества, прожили бы и еще. Мне приходилось слышать и развитие такой мысли. Мол, не надо было и других возвращать из ссылки – карачаевцев, ингушей, калмыков. Примеры тому есть: сколько лет боролись крымские татары за то, чтобы ступить на землю предков? А Грузия и сейчас ни под каким видом не желает отдавать туркам-месхетинцам законные их земли. И расселяются эти бедолаги где кто может. В основном во всемирной униженной и оболганной России. Вот ведь удивительнейший феномен в мировой, пожалуй, истории: и клюют Россию и плюют в нее, а припрет нужда – бегут в нее же и спасаться. И не только турки или армяне. А множество множеств.

Второе, что оскорбляет оппонентов казачества наряду с недоумением, – борьба казаков за право, которое оппоненты называют оскорбительным словечком «претензия». И третье – зачем казачеству вооружаться, создавать свои войска? Можно было и продолжать обозначать плоды недоумений, но разберемся с этими тремя.

Ну с недоумением просто. Оно рождено обывательским желанием сохранить собственный покой, а еще лучше – сохранить превосходство, оставить в неприкосновенности сложившийся быт, привычки, возможность не допустить к себе того, кто способен объявить и о своем желании неприкосновенности.

Со вторым посложнее.

Казачество решительно выступает за свои права. Оппонентам столь же решительно не нравятся эти выступления, потому с ходу и называют их претензиями. Ведь любая не мнимая претензия в человеческом обиходе вызывает

раздражение, она неестественна и враждебна норме. Вот, скажем, претензия на власть. По какому праву она у казаков? Или претензия на то, чтобы иметь свое войско. Но для чего оно? Ведь когда нет войны, казаки становятся рыбаками, землепашцами, строителями. Как все люди. Приходилось мне читать интервью по этим вопросам, где собеседники строят свой разговор как бы по сценарию, созданному ленивым следователем районного масштаба со свидетелем того же полета. Происходит допрос, где вопросам подсказывается ответ. Задача в нашем случае – показать несвоевременность и ничтожность «претензий» на фоне других событий, туго подступающих к сердцевине нашей жизни. Хотя невозможно не понимать, что подступающие события являются прямым следствием нежелания властей рассматривать их в прямой зависимости друг от друга.

Третий вопрос вообще странен и страшен. И особенно тем, что требует немедленного решения. Но о нем чуть позже. Сейчас хочется коснуться вопросов, которые более академичны, что ли, но тоже вызывают недоумение. Это – о происхождении казачества. Многие оппоненты по слабости знания или по злому умыслу делают вид, что не ведают (а может, и в самом деле не ведают), будто казаки могут иметь любую национальность, лишь бы православными были. И хорохорятся: по какому праву русские утверждают, что только они казаками могут быть.

Ну, прости Господи, как в лужу дуют. Да никогда русские не претендовали на такое. Более того – всегда отреклись!

Как раз казаки издавна считали себя особой нацией. И считали так в силу справедливого осознания того, что состоят они из народов самых разных, а не только из половцев да калмыков. Украинцы, татары, башкиры, даже немцы и шведы были в казачестве. Я уж не говорю о таких явлениях, как осетинские полки в Терском казачьем войске. Под казачьи знамена приводило их всех не различие или сходство языков, обычаев и привычек, а глубинное родство душ, любовь к свободе и, простите, тяга к социальной справедливости, как сказали бы ныне. И, конечно, непоколебимая вера в Бога единого, православного.

Что касается вопроса – нация или нет, то решение его лежит в глубине исторического сознания. Ведь говорим же мы: «американская нация». Хотя прекрасно знаем, какой конгломерат эта нация собой представляет. И не от российского казачества восприняли вольные люди Америки, сбегавшиеся туда едва ли не со всего света, гордое осознание себя как создателей новой на земле нации? Пантеизм и бесстрашие российского казачества были известны в мире задолго до создания на Американском континенте Соединенных Штатов.

Обвиняют казаков еще и в том, что они требуют для себя якобы необоснованных привилегий, в частности, чтобы им в первую очередь предоставляли землю. Но ведь казаки требуют предоставления им земли, которую обрабатывали их предки и которую сейчас обрабатывают они сами. Не привилегии им нужны, а возвращение священных прав, нагло попранных духовными наследниками Троцкого и Свердлова. Не забудем, что казаки – такие же репрессированные народы, как все, подвергшиеся этой участи, ставшие жертвами низменных страстей узурпаторов, кому всегда верно служили и служат невежество, злоба и трусость.

Обвиняют и в недоброжелательности к «пришлым», к так называемым новым «иногородним». Но и это ложь. Проблема «пришлых» на всем Северном Кавказе широко известна и требует незамедлительных решений. Преступно перед Россией, перед всеми народами, ее населяющими, не замечать этой проблемы, а

– Что ты можешь сказать о сдаче оружия в Чечне и о судьбе боевиков и наемников после этой сдачи? – спросил я одного из басаевцев, с которым меня познакомили едва ли не на пороге пограничной заставы. Молодой мужчина лет тридцати, среднего роста, но налитой могучей природной силой, какой отличаются горцы, первый и единственный раз за всю нашу беседу откровенно рассмеялся:

– Боевики и наемники будут воевать, как это им и положено. Сдача оружия населением – дело хорошее. Ведь сдается оружие уже изношенное, а то и вовсе негодное, старье всякое. Россия же платит за него деньги, на которые можно свободно купить новые автоматы и все прочее. Не отходя от кассы...

Интересна сама история нашего с ним знакомства. Она, можно сказать, самоговорящая.

В августе я приехал в тот поселок взять интервью у начальника заставы. Говорить, правда, довелось с начальником более высокого ранга, который тоже в те дни оказался там в командировке. Он обстоятельно рассказал о задачах пограничников в контролируемом ими районе. Район этот горный, граница проходит по Главному Кавказскому хребту. Контролировать его чрезвычайно сложно, даже если бы пограничники имели необходимые для этого технику и вооружение. Ни того, ни другого они там не имели. Единственное, что они смогли сделать, – забаррикадироваться. Навесили вокруг своего здания колючую проволоку, поставили вышки, рассадили по углам территории довольно добродушных собак. Днем выставлялись посты, особенно на дороге, соединяющей соседние поселки, и строго проверяли документы у всех проходящих и проезжающих.

На ночь посты снимаются, отводятся на укрепленную заставу. По дороге и по тропам передвигайся, кто хочешь и с кем хочешь. Бывало, правда, что пограничники задерживали небольшие группы транспортировщиков наркотиков либо просто людей без документов и отправляли их по назначению – в милицию. С группами численностью побольше (человек десять-пятнадцать) пограничникам рекомендовано не вступать в конфликты. Понятно в связи со всем этим, что в случае с обострением обстановки польза от заставы будет минимальной. Она в таком виде всего лишь государственный знак, обозначение принадлежности данной местности к России. Но ведь это – для законопослушных, которых сегодня, увы, становится все меньше.

После этого столь мизерного интервью солнечным днем, жарким и сухим, сидели мы со старыми знакомыми в тени карагача и занимались делом обыкновенным после долгой разлуки. Шипели шашлыки, набирала мощь беседа, все чаще звякала разнокалиберная посуда. В какой-то момент я спросил знакомого пастуха-карачаевца:

– На лугах там, наверху, спокойно? Никто не шалит?

– Нет, – ответил он. – Никто не шалит. Сейчас это опасно.

– Да? – удивился я. – С чего бы это? Ведь, кажется, кругом разбой и воровство...

– Сейчас головой можно заплатить за воровство, – снова повторил знакомый.

Мы чокнулись посудой, выпили, потянулись к сочным шампурам. Через некоторое время мой знакомый, наклонившись ко мне, хотя и без того нас никто не мог подслушать, проговорил, понизив голос:

– Слушай, Григорич, я тебя хорошо знаю, ты не подведешь. Хочешь, познакомлю с одним человеком? Он там, наверху.

– А кто он?

– Человек. Он был проводником у Басаева, когда в девяносто третьем его батальон шел на помощь абхазам...

Я вспомнил адыгов в Лабинском ущелье и кивнул головой...

– Завтра с утра или к обеду жди меня на загеданской тропе. Если он разрешит, я за тобой спущусь, – прошептал мой знакомый...

Назавтра я поднялся рано и медленно пошел по давно заброшенной лесорубами дороге вверх по боковому ущелью, густо заросшему ежевикой, малиной, иван-чаем. Состоится встреча или нет, все равно замечательная прогулка получится. Всегда прекрасен Кавказ, даже и сейчас, тяжело палимый внутренним жаром.

Часа через полтора хода, когда уже просвечивала сквозь деревья граница леса и альпийских лугов, я увидел спускавшегося по тропе всадника. Узнал в нем своего знакомого. К хвосту его коня был привязан поводом другой конь, осторожно ступавший след в след. Я понял: беседа состоится...

Мы сидели на вершинной плоскости горы. На крутых склонах ее паслись овцы и небольшой табун лошадей. Мой знакомый сидел там, на скале, с которой хорошо просматривалась вся тропа до самого поселка. В руках он что-то держал: то ли автомат, то ли карабин. Было не разобрать. Еще ниже поблескивал под солнцем водопад, но шум его к нам не долетал.

– Когда ты вел группу Басаева на Абхазию, вы шли по ущелью? – спросил я.

– Нет, мы старались идти по хребтам. Так безопаснее.

Говоря, он странно улыбался. Странно, потому что улыбались только его глаза. Немигающие, жесткие, пожалуй, даже жестокие. Лицо при этом оставалось неподвижным. Лицо человека, видевшего не один бой. Помолчав, я спросил:

– Тебе, конечно, приходилось убивать? Что ты чувствовал при этом?

Он долго молчал, взглядывая на меня с этой странной своей улыбкой, потом обронил обыденным тоном:

– Ничего особенного. Разве только счастье, что еще один враг убит.

– Ты говоришь, что шли по хребтам. Но переходные тропы лишь на перевалах. Насколько я знаю, в этом районе их всего пять. Они были под наблюдением.

– Я могу назвать тебе еще четыре, о которых знают только охотники и абраги.

Он употребил слово, о котором мы знаем по фильму о Дате Туташхиа, благородном разбойнике. В жизни они далеко не все благородные.

– Разве абраги еще существуют?

– Они существуют всегда.

– Ты участвовал в буденновских событиях?

– Нет. Там были другие люди. Я теперь мирный пастух.

– А если Басаев или кто другой позовет тебя снова?

– Кавказ должен быть свободным. Русские должны уйти отсюда. Он будет свободным.

Впервые за беседу улыбка покинула его глаза вовсе. Осталась только жест-

кость. Я почувствовал, что сейчас он старается не смотреть на меня.

Потом был чисто пастушеский обед, дружеский. Во всяком случае, почти дружеский, по-горски гостеприимный. Шулюм. Огромные горячие куски баранины, айран – кислое молоко. Выпили и бутылку водки, что я захватил с собой. Уже прощаясь, я все же задал ему еще один вопрос:

– Внизу застава. Ты не опасаясь ее соседства?

Глаза его опять одиноко заулыбались. Его слегка отпустило.

– Я эту заставу один могу взять.

Тема боевиков и наемников отнюдь не нова. Она существовала и будет существовать, пока не закончатся на земле вооруженные конфликты. Боюсь, правда, что этого не случится до конца истории. И надо еще, пожалуй, помнить, что никакое явление бытия не может оставаться без развития, такова обязательная анатомия наемничества. И раз уж мы понимаем, что уничтожить, повергнуть вспять это конкретное явление не в наших силах, то мы должны помнить: оно будет развиваться и совершенствоваться, пока не исчезнут причины, разъединяющие людское сообщество. Значит, мы просто обязаны стремиться ко всеобщему согласию, чтобы не погибнуть, не разбиться в мелкие брызги, как водопад в горах.

Впрочем, на уровне народа такое согласие возможно всегда. Потому что у народа заботы простые, открытые, понятные всем. Иное дело тщеславие, лукавство политиков, которых мы выбираем во власть. Тут мы должны глядеть в оба, чтобы не обалдеть от их предвыборного сладкого пения. А если опять проглядим... Тогда нам ничего другого не останется, кроме как по старой привычке одуроченных развести руками и кивнуть головой.

● ТАМ, В ГОРАХ...
● ВЛАДИМИР ГНЕУШЕВ

НОВЫЕ КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

- *Маркелов Н.В., составитель. Кавказское Горное общество. Избранная публицистика 1904-1916 гг. «Снег», ИП Ютишев А.С. Ростов-на-Дону, 2010 г.*

ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ КАВКАЗА

ВАЛЕНТИНА ДМИТРИЧЕНКО

Я ДОЧЬ ТВОЯ, КАВКАЗ

Во мне таких намешано кровей,
Что никакому предку не приснится...
Как у отца – разлет моих бровей
И как у мамы – губы и ресницы.

Конечно, это замысел Творца,
А я – итог невыдуманной сказки.
Характером я – все-таки в отца...
Мне нравится характер мой кавказский!

Он холодом сибирским закален,
Он волен и свободен, словно птица...
Был Казахстан когда-то заселен
Кавказцами, чтоб я могла родиться.

Ни в скорбный день, ни в свой последний час
Родства с тобой вовек я не отрину.
Прими меня, я дочь твоя, Кавказ,
Я дочь твоя, хотя б наполовину!

НАТАЛЬЯ ОКЕНЧИЦ

* *
* *

Я знаю, детство не прошло:
Оно в душе моей ютится
Смешною маленькою птицей,
Слегка поранившей крыло.

А в памяти Сары-Озек,
Его овраги с красной глиной.
Такой далекий и любимый
Судьбы неистовый разбег.

А жизнь сложилась – не сложилась,
Об этом разве мне судить?
Всегда старалась доброй быть.
А там... уж то, что получилось.

Опять мечта во мне таится,
И время замедляет бег.
Хочу в полет – и вновь напиться
Воды твоей, Сары-Озек.

ВИКТОР ЯРОШ

РОДНАЯ ХАТА

*Памяти бабушки моей –
Жаворонковой Пелагеи Никифоровны*

В казачьей хате было так уютно!
Зимой и летом. В общем, круглый год.
Под печкою сверчок ежеминутно
Напоминал нам, что он там живет.

Потом смолкал надолго. Было тихо.
Стучали ходики. Дремал на печке кот.
И как-то обходило хату лихо:
Петух бродил на страже у ворот.

А во дворе хозяйственные куры
Бездумно хлопотали целый день.
Корова на базу, жуя понуро,
Гоняла жвачку, глядя сквозь плетень.

А ласточки под камышовой крышей
Так щебетали звонко, как могли!
Потом взлетали. Выше, выше, выше!
Покой родного неба берегли.

Цвела картошка бурно в огороде.
И старый пес, не открывая глаз,
Спал на крыльце. Но все, что происходит,
Он чутко понимал в полдневный час.

Дышалось так привольно и беспечно!
Родная хата. Улица. Порог.
Все потому, что это было вечно.
И вечно будет. Только дал бы Бог!

МАГОМЕТ-САИД ПЛИЕВ

НЕ ЗАБЫВАЙ

Десятилетия проходят над землей,
Но все ж никто из нас забыть не может
Свой первый бой и свой последний бой
Над безымянной энской высотой,
Тот век войны, который нами прожит.

Четыре года длился этот век,
В нем миллионы головы сложили.
В те годы мы, как каждый человек,
С семьей прощались накрепко, навек
И, как солдаты, Родине служили.

Но, если вспомнить, если рассказать
О тех, кого в боях мы потеряли,
О тех, кого теперь нам не поднять,
Кого не оживить, кого не сосчитать –
И долгой жизни хватит нам едва ли.

Над временем, над веком, надо мной
Сраженные, затравленные встаньте,
Хотя давно вы проросли травой,
Не раз, не два покрывшей шар земной,
Глазницами живыми снова гляньте.

Пока фашизм еще живет во мгле,
Пока фашизм кого-то заражает,
Пока по крови, пеплу и золе,
По войнами измученной земле
Он где-то, пусть вдали от нас, шагает.

Не забывай, что он еще живой,
Хоть в той большой войне мы победили.
Ты не забудь, прошу, товарищ мой,
Наш первый бой и наш последний бой,
И что фашизм покуда не в могиле.

САЛИ АРЧАКОВ

ЭХ, КАК ПОРОЙ НУЖНЫ КОЛОКОЛА...

Бывало, когда горе приходило,
То, чтобы каждый был оповещен,
Колокола так истово гудели,
Что под ногами ощущался стон.

Теперь набатный гул услышишь редко,
Но так порой нужны колокола,
Чтобы сердца скорее пробудились,
В ком доброта однажды умерла.

ЗИНАИДА ЧУМАКОВА

О КАЗАХСКОМ ОБЫЧАЕ

Традиция эта от века стара –
Под звон серебра пожеланье добра:
Улыбчивым людям дарить свой привет,
Бросая пригоршни монет и конфет.

Налево – удача, направо – успех!
Осыпать всех счастьем, обрадовать всех.
Я этот обычай вам в дар приношу,
Знакомя с казахским обрядом «шашу».

В нем исстари мудрость народа живет –
Душевная радость от сердца идет.
И к юрте, и к сакле, и к шалашу
Достаток и счастье приносит «шашу».

Дождем благодатным прольется тот дар.
Пусть дом ваш минует нужда и пожар,
Болезни, тревоги исчезнут навек.
Аллах да поможет тебе, человек!

Былые обряды недаром даны:
В них сила и святость седой старины.
Так будем достойны мудрейших, прошу,
Что с миром к нам входят, даруя «шашу».

ИЯ НИКОЛАЕНКО

БУДЬ МУЖЧИНОЙ

Ты приходил ко мне с повинной,
Забросив все свои дела,
Твердил мне: «Слушай, будь мужчиной!»,
Но я ведь женщиной была.

Что я могла? Обнять покрепче,
С порога в дом тебя ввести,
Твои взволнованные речи
К себе и вправду отнести.

Я не судила. Не прощала.
А ночь сама лишалась сна.
И в доме нашем расцветала
Лесным подснежником весна.

Но если вдруг меня лавиной
Накроет горя злая мгла,
Я умоляю: «Будь мужчиной,
Чтоб я быть женщиной могла!»

АУЕС БЕТУГАНОВ

РОДИТЕЛИ

Незаметно годы пролетели –
Ни мольбы не сдержат их, ни лесть.
Матери с отцами поседели,
И морщин на лицах их не счесть.

Сколько ласки и терпенья ими
Было детям отдано сполна!
Знаем, сами делаясь седыми:
От тревог за нас их седина.

Где б ни оказался я порою,
Дом в душе родительской храню.
Пусть дела навалятся горою –
С ним я рад любому в жизни дню.

Да, любой из нас взрослеет тоже,
Сами мы родители давно,
Но забыть отца и мать негоже,
С ними нам расстаться не дано.

ИГОРЬ ЛЯПИН

* *
*

Что за горести-печали
Не дают забыться сном?
Что за птицы прокричали
За гостиничным окном?

Застонал полночный ветер
Так, что мне не по нутру.
Да и месяц слишком светел.
Слишком. Тоже не к добру.

Лезут в голову догадки,
Душу травит маета.
Где-то что-то не в порядке,
С кем-то впрямь-таки беда.

Под ее полночным эхом
Я терзаюсь, сам не свой,
Если с близким человеком –
Значит, именно с тобой.

О МЕСТИ

Скажите: в мести смысл есть ли?
А если смысл все же есть,
Кого и от каких пороков
Избавила на свете месь?
Кому она дала опору,
Кому добавила ума?
Кого от зла расколдовала
И добрым сделала весьма?
Зачем гордимся, торжествуя,
Ломая ближнему хребет?
Ведь в нас самих победа эта
Любви и веры гасит свет!
Месь – не геройство,
но паденье,
Ступенька в подземелье – месь.
Нет в мести смысла никакого,
А вот в прощенье смысл есть.
Оно прощенным
даст прозренье,

ГИРИХАН ГАГИЕВ

И нам оно – как сто наград...
Прощенье – как ступенька в небо,
А месь – дорога
В черный ад!

СВЕТЛАНА КЕКОВА

* *
*

Природа в упадке. На яблоки взвинчены цены.
На пестром базаре мешаются хохот и брань.
Герои-любовники чахнут и сходят со сцены,
И в душной провинции мирно разводят герань.

Уходит Антоний, рыдает его Клеопатра.
Рабочие сцены включенным оставили свет.
В осеннем пейзаже, как в призрачном мире театра,
Уже ни суфлера, ни вечного зрителя нет.

Но мы выживаем. И снова под сводами зала,
Где свет непрерывен, а день укорочен на треть,
Случаются драмы, где страсти такого накала,
Что птицам, как людям, приходится плакать и петь.

И влагою в почву уходит в поэзию проза,
Чтоб встретились в слове бумага, душа и перо,
И воздух осенний, как тонкий смычок виртуоза,
На брошенной скрипке сыграет тебе «Болеро».

ЕЛЕНА ЧЕРНЯЕВА

* *
*

Опаловая нежность в небесах
Распахнута, как первое объятье,
И изумрудный звон стоит в лесах,
И облачко, как сброшенное платье.
На скомканных листочках есть печать
Искусства, первозданности и тленья,
И хочется торжественно слагать
Из уст в уста – стихотворенья.

ДАВИД ТАКИДЗЕ

ЕВА

Из чьего ты ребра – и не помнишь, наверное,
Ни смущенья в тебе оттого, ни стыда.
Ты Адаму нужна, как печаль сокровенная,
Ты, как воздух, нужна, ты нужна, как вода.
Обнимает волна твои бедра разъятые,
И ветра, задыхаясь от зноя, летят,
И на тело твое, обращенное в статую,
Вожделеньем горя, устремляется взгляд.
И небес синева с горизонтом сливается,
И курчавится пеной соленый прибой.
И потомки твои все никак не расплатятся,
Ева, Ева, за грех, сотворенный тобой.

Перевод В. Сариивили

ЗАХИР АЗАМАТ

ДИАГНОЗ

Окна домов никогда
не открываются
куда мы хотим

каждый считает что
именно из его окна
открывается самый скучный
вид на свете
по-моему развитие
человечества после
изобретения телеги
ошибочно
иначе сегодня мы бы ютились
не в стоячих коробках
а в домиках с колесами
то есть как цыгане
и туристы

и не смогли бы нас покорить
вещи

Перевод Н. Мамедова

МАЙЯ САРИШВИЛИ

* *
*

Лице Стурца

Как высоко Вы живете!
И Вам не страшно?
А вдруг в открытое окно заплывет облако?
Или солнцу в глаза попадет пыль,
Когда вы делаете уборку.
Птицы летают под Вами,
А бабочки – еще ниже.
Ваши вещи стоят на цыпочках,
Чтобы увидеть из окна,
Как цветут внизу фонтаны
Или как разбивается,
Сверкнув, стекло
На первом этаже.
Как высоко Вы живёте!
До Ваших окон не могут подняться
Ни птицы, ни мячи, ни фонтаны.
И скучающие занавески
Порой вырываются на волю
И развеваются крыльями Ваших комнат.
Как высоко Вы живёте!..

Перевод А. Шахназаровой

АНАТОЛИЙ ДУГИН

ПОТУСКНЕНИЕ

«Светло в России от берез...»
Ты помнишь, как ценились строчки.
И на полотнах чистых грез
Дрожало серебро листочков.

Такой палитры нынче нет.
Бездушье – наша панорама.
Вчерашний солнечный сонет
Темнит холодная реклама.

Нет, я по климатам не спец,
Хотя твердят о потеплень.
Оледенение сердец
В мое проникло поколень.

ОЛЬГА РЕЗНИК

ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ

*«... да, а что же все-таки
было в моей жизни?
И отвечаю себе: только тот
холодный, осенний вечер»*

И. Бунин

Холодная осень. Начало войны.
Особенный свет окон дома.
Ничто не нарушит тоску тишины,
Лишь голос до боли знакомый.

Совсем зимний воздух. Пуховый платок.
Да вкус поцелуя прощальный.
Перрон. Полустанок. Последний гудок
Становится песнью венчальной.

И будет что вспомнить в наджизненной мгле:
Холодную осень, тот вечер.
Быть может, и жизнь нам дана на Земле
Для этой единственной встречи.

ИРИНА КАРАМОВА

* *
* *

Коварны горы, неприступны,
Неисто щима сила в них.
В молчанье вечном, неподкупном
Есть тайна истин вековых.

И я величьем сим ранима,
Опять стою пред ликом гор,
Чья суть, увы, непостижима
Никем на свете до сих пор.

УМАР ЯРИЧЕВ

* *
* *

Петухам не спится, как и мне.
Я пишу. А им-то что не спится?!
На полу улягусь и во сне
Что-то необычное приснится.

Незаметно так подкрался сон,
Как заката тени к перевалу...
Но все тот же петушиный звон
Не дает уснуть душе усталой.

Чувствую, дела мои плохи.
Голову упрячу под подушку.
Ну ни черти, что ли, петухи?!
А теперь стреляйте хоть из пушки!

Знаю же, что снова, в пять утра,
Я проснусь от этих «серафимов»...
Видно для поэта и... пера
Петухи почти необходимы!

ГРИГОРИЙ КУКАРЕКА

НАШЕ ВРЕМЯ

Засыпаю в ворохе газет,
просыпаюсь в ворохе событий.
Спозаранку застыт белый свет
– в наше время! –
сводки об убитых.
Взрывы... Взрывы
громче летних гроз.
Бог зайдет гневом:
в нашей мгле может жизнь
вся на корню сгореть...

... Целым морем материнских слез
стало больше
на моей Земле.

ИВАН УБУШАЕВ

ПОКЛОНИТЕСЬ СТАРОЙ КАЛМЫЧКЕ

Поклонитесь старой калмычке,
И поймите: её глаза...
Повидали, пройдя по жизни,
Океаны горя и зла.

На войну проводила мужа,
Брата кровного и отца.
И... работала! В снег и в стужу!
До победного, до конца!

Сжав проклятую похоронку,
Поднималась в вагон и – в путь!
От родимой своей сторонки
Оторвали! Чтоб не вернуть!

Разгрузили где-то в Сибири,
Да в крещенские холода!
От Ямала до Сахалина
Потянулись дни и... года.

Прижимая к груди детишек,
Поднимала, считая дни.
Не отстала, не отступила,
В люди вывела. Для страны.

Поклонитесь старой калмычке,
Посмотрите в её глаза...

РАИСА ОЛИНА-ЛИТВИНЕНКО

ДОМАШНИЕ ГУСИ

Переключка гусей с улетающим клином,
Обескрылевших, сытых от домашней еды.
Мне их жаль. Догадались о веке недлинном,
Сияясь в воздух подняться, кричат у воды.

Переловит хозяйка их всех без усилья.
Крики эти напрасны, как все мятежи!
Лишь в глазах обреченных блеснут виражи
Диких родичей их, не утративших крыльев.

ЕЛЕНА КРИВЕЦКАЯ

* *
*

*Стань птицей, живущей в моем небе.
Помни, что нет тюрьмы страшнее, чем в голове.*

В. Цой

Будь небом – для каждого неба отыщется птица.
Нет худшей свободы, чем та, что тебе навязали.
У каждого есть для любви и надежды граница
И всяк по себе выбирает пределы печали.

Мы сами придумали то, что зима неизбежна,
Что каждому – счастье свое, да воздастся по вере,
Что нужно отсчитывать сны и дозировать нежность
И тщательно взвешивать каждую долю потери...

А можно ведь просто дышать – не отмеривать вдохи,
Свободные ветры ловить и туманы – без счета
И смело шагать – по любой неизвестной дороге,
И просто любить. Без причины.
Любить – да и все тут.

СВЕТЛАНА СЕДЫХ

* *
*

Не пишу разгневанных стихов.
Разлюбила, милый, разлюбила.
Мост сожгла, узлы все разрубила.
Вот тебе – порог, да будь таков!

Вороватость торопливых встреч –
Бледное подобье резвых салок.
На цветистую купилась речь,
Как на броский – с рынка – полушалок.

Лжи – битком возы да короба.
Правды – кособокая арба.
Поведу озябнувшим плечом:
А любовь-сиротка здесь причем?..

ВАЛЕНТИНА НАРЫЖНАЯ

* *
*

Я верю, я верю: грядут перемены,
Снега и метели уймутся, пройдут.
Не будет на свете ни лжи, ни измены,
У каждой дороги цветы расцветут.
Я верю, я верю – грядут перемены
И светом любви озарится восход.
И в городе каждом, и в каждой деревне
Вздохнет облегченно
страдалец-народ.

ИВАН ПАСЬКО

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

*У здания школы в калмыцком поселке
стоит скромный памятник А.С. Пушкину,
любовно оберегаемый жителями*

Он здесь не просто каждому заметен.
Пред ним снимают шапку старики,
И вещие слова на постаменте
Любому здесь со школьных лет близки:

*«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык».*

Поэт был прав. Он люб и чтим в народе.
Для нас он – гордость, совесть, разум, честь.
И кажется, не так страшны невзгоды,
Поскольку у народа Пушкин есть.

Страна в кругу проблем и в малосилье,
На памятьливость, может быть, скупа.
Но к Пушкину – певцу Всея России –
Не зарастёт народная тропа.

ЕКАТЕРИНА ПОЛУМИСКОВА

* *
*

В убогой чадре перед русским посольством
Стоит на коленях она.
Ни бывшему мужу, ни Родине бывшей –
Теперь никому не нужна.

Не верят слезам ни Москва и не Аден.
И тянутся дни без конца,
Без прав, без гражданства, почти без надежды,
Без имени и без лица.

Отправившись в Город Палящего Солнца
За принцем «арабских кровей»,
Она потеряла и честь, и свободу,
И веру, и двух сыновей.

У входа в посольство ей молча, украдкой,
Кто – деньги, кто – хлеб подает.
А вечером поздним хозяин борделя
Уводит её от ворот.

Что дальше – на дно или в горную пропасть?
Не скажут ни Храм ни Мечеть.
Сначала – в Россию обратно вернуться,
И только потом – умереть!

Но где он, в какой запредельной Вселенной
Остался родительский дом?
Лишь в небе чужом самолет на мгновенье
Сверкнет серебристым крестом...

ТАМАРА СУХОПУКОВА

* *
*

Не замечай меня в толпе,
Не жди звонков моих ночами...
Пусть все завертится сначала –
И я сама приду к тебе.

На струнах серого дождя
Я песню грустную сыграю:
О том, как я жила, сгорая,
Вдали от счастья, без тебя...

ИГОРЬ РОМАНОВ

* *
*

Всю жизнь боюсь кого-нибудь стеснить,
Нечаянно доверчивость обидеть,
Мне горестно печаль на лицах видеть
И хоть невольно в том виновным быть.

Попробуй сладить с совестью своей,
Когда осмыслишь, что помочь не в силах,
А друга так недоля подкусила –
И казни не придумается злей.
Не будет мне покоя до конца,
Не убегу от мысли, не уеду.
Что не всегда я
 праздновал победу,
На перепутье встретив подлеца.

АНАТОЛИЙ ТРИЛИСОВ

ЕГО «ТОПОЛЯ»

Памяти Геннадия Колесникова

А кто сказал, что Гена умер?
Живёт ведь матушка-земля:
И пчёл гудящих полон улей,
И пух роняют тополя.

И кто сказал, что Гена умер?
«Тук-тук!...» – постукивает трость..
Из родника воды пригубим,
Набрав её, студёной, в горсть.

С утра идём по Пятигорску
Весёлой дружною гурьбой
И яблок полную авоську
Несём, как солнышко, с собой.

А Гена, как фламинго, вольно
То ввысь взмывал, то падал больно,
Себе пощады не моля...

И над Землей уже раздольно
Его звенели «Тополя»...

И Губин «Молоко волчицы»
Колесникову прочитал...
Над нами звёздной колесницей
Двадцатый век прогрохотал!

Поэт живёт не ради славы, –
Чтоб голос жизни не затих.
Чтоб в час раздумий –
Сгинь лукавый! –
Бессмертный народился стих!

НАДЕЖДА ХМЕЛЁВА

* *
*

Прикосновение маминой ладони
Снимало боль за несколько минут...
Прошепчет мама: «Успокойся, доня,
Не бойся ничего, я рядом, тут».

Ни страха ни боли нет и в помине...
Есть только сон, её тепло, покой...
Необъяснимо чудо и поныне
Как мать лечила ласковой рукой!

МИХАИЛ БЕГЕР

* *
*

Звёзды светят неярко.
Грусть-тоска, лети прочь.
Нагадай мне, цыганка,
Мою белую ночь.
Нагадай мне удачу
И к рождению дня
Подари мне в придачу
Вороного коня.
Встречусь в поле с рассветом,
Чувствам светлым гореть!
Мне к далеким планетам
Никогда не лететь.
Потому вороного,
Да чтоб ветра резвей.
Я скажу своё слово
О России моей!

СВЕТЛАНА КЛИМЕНКО

* *
*

Я как-то заскучала по весне,
Намаявшись разлукой нашей досыта.
Звоню, а виртуальный голос мне:
«Ваш абонент пока вне зоны доступа».

И вновь: Алло! – А мне гудки в ответ
Короткие. Опять Вы кем-то заняты.
Меж нами провода разлукой наняты,
От их гудков нигде спасенья нет.

И снова жду и жду свободной линии,
Но кем-то занят номер Ваш опять.
И я настойчиво учусь уменью ждать.
А за окном такие ночи синие...

ЛУЛА КУНИ

* *
*

Памяти Р.А.

Вот и отобраны пути земные.
Синяя жилка застыла у рта.
Песни земные, обретшие крылья,
Не возвратятся на круги своя.
Не возвратятся. Не потревожат
Старое сердце звучанием сфер.
Зависть статистов уже не стреножит
Легкую душу жужжанием стрел.
Мерное, тихое тиканье Вечности...
Мир суетливый в греховной беспечности
Не удосужился вспомнить тебя.
Где они –
Толпы слезливых поклонниц?
Где почитатели тихих бессонниц,
Душу твою рифмовавших в стихах?
Тихо. Сморгнулись в платочек советчики,
Созаседали в дразгах копеечных.
Тихо. Безмолвствует ныне толпа.

Только в окне твоём форточка бьется
Птицей подстреленной. Серая мгла.

Наследие

ВИКТОР КРАВЧЕНКО

КОСТА, СЫН ЛЕУАНА*

3 (15) октября 2009 г. исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося осетинского поэта Константина Левановича Хетагурова. В

дни юбилейных торжеств в Пятигорске, ставшем вскоре столицей Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), в сквере, примыкающем к улице Коста Хетагурова, открыт памятник поэту, художнику, публицисту, общественному деятелю. Юбилею поэта посвятил свою новую книгу ставропольский писатель-краевед Виктор Кравченко.

В предисловии к книге журналист Наталья Быкова пишет:

«Пожалуй, впервые за последние три-четыре десятилетия внимание исследователя привлечено к фигуре известного осетинского поэта, которого ставропольцы считают и своим.

Написанная простым и вместе с тем теплым, я бы даже сказала, проникновенным словом, книга читается на одном дыхании, оставляя ощущение встречи с очень светлой личностью, несмотря на все порою трагические, часто – просто несчастливые перипетии описываемой судьбы. Неизвестный Коста становится нам ближе, понятнее, мы как будто вспоминаем радостно: да он же наш! Вот оно, чудо русской культуры – впитать в себя все лучшее от национальных культур составляющих Россию народов, слиться с этим национальным, вырастающим до единого, мощного и прекрасного целого».

Предлагаем вниманию читателей альманаха выбранные места из книги, которые, раскрывая наиболее значимые и светлые в жизни поэта страницы, помогут представить внутренний образ этого выдающегося сына осетинского народа и незаурядной, яркой личности.

КРАВЧЕНКО Виктор Николаевич (род. В 1945 г.) – писатель-краевед. Член Союза писателей России. За книгу «М. Ю. Лермонтов в Ставрополе» (1-е издание) награжден юбилейной медалью в ознаменование 190-летия поэта.

* Коста, сын Леуана. – Ставрополь: «ЮРКИТ», 2008.

«Все́му начало здесь, в краю моём родимом...»

Осень пылала и растекалась по долине Кубани щедрым многоцветием красок. Прозрачный воздух, пронизанный мягким солнечным светом, принёс запоздалое тепло в тихое и спокойное селение Георгиевско-Осетинское, тянущееся широкой полосой вдоль левого обрывистого берега реки.

Стояло 3 октября 1892 года. Над селением, как бы охраняя примыкающую местность, одиноким молчаливым стражем возвышалась купольная церковь Святого Георгия, сложенная из добротного камня тысячу лет тому назад и опоясанная защитным крепостным валом. К ней вела торная дорога, по которой неторопливым, привычным шагом поднимался Коста Хетагуров, в широкополой войлочной шляпе и домотканой шерстяной рубашке. Выйдя к наружным стенам, он остановился перевести дыхание, вытер ладонью загорелое лицо.

Храм, наполненный звенящей тишиной, стоял пустой. Сияющие лучи заглядывали внутрь тяжёлого здания в просветы крыши, неровно освещали алтарь и византийский иконостас сквозь узкие оконные отверстия. В стороне бормотал и плескался студёный ручей, над которым деловито носились и гудели дикие пчелы. Коста опустился на одно колено, зачерпнул полную горсть прозрачной воды, сделал пару глотков и двинулся дальше. Прошёл церковным двором, обогнул с запада старинную кладку, покрытую пятнами мха. Дорога вскоре перешла в едва заметную тропинку, которая вначале терялась в узкой расщелине между отвесными уступами желтоватого известняка, а затем крутыми порожками вывела Коста в тисовую рощу, каким-то чудом выросшую на вершине Шоанинской скалы. Он ступил на крохотную прогалину среди увядающих цветов, присел на сухую землю, закинул руки за голову, прислонился к узловатому стволу дерева.

Внизу, в долине, мирно дремало селение. Виднелись очертания невысоких домов, над которыми плавал лёгкий печной дым, хозяйственные постройки, неровные заплаты заботливо возделанной земли, загоны для скота, маленькие фигурки людей...

Когда Коста становилось нестерпимо плохо, он поднимался сюда наверх, оставаясь наедине с мучительными раздумьями, искал утешения в собственном одиночестве. И сегодня испытывал удовлетворение оттого, что в свой день рождения сможет побыть здесь отрезанным от всего мира. Тридцать три года. Возраст Христа. Но радости не было, только неизбывная печаль. Сумрачные мысли не покидали его, цеплялись одна за другую. Недавняя кончина отца, старого Леуана (осет.), отняла все силы, опустошила душу. Боль от потери самого близкого человека была невыносима, и хотя притупилась, но не утихла. В памяти Коста не сохранился дорогой образ матери, Марии Гавриловны (в девичестве Губаевой), умершей вскоре после родов (1837-1859 гг.).

*... Я в пору малолетства
Жестко был лишён капризною судьбой
Священной радости ликующего детства
Играть под звуки песни матери родной...*

– вспоминал позднее Коста. Поэтому мальчик с младенческого возраста искал понимания у отца, о котором с благодарной нежностью отозвался в одном из писем: «Отца я не только любил, но обоготворял. Таких самородков, гуманнейших, честнейших и бескорыстных, я больше никогда и нигде не встречал. Мы с ним никогда не имели разногласия, и никогда он мне с самого раннего возраста не делал резкого замечания, не говоря уже о каком-либо подзатыльнике. Только долго он не понимал цели поступления моего в Академию художеств и постоянно спрашивал: «Кем ты будешь, кем?» Он очень хотел, чтобы я был военным, но я уже и тогда так же принципиально смотрел на военную службу, как теперь, и он мне не стал возражать».

Вскоре стало ясно, что природный дар Коста далёк от армейской карьеры. В стихотворении «Надежда» сын ответил на сомнение отца:

*Что брови сдвигаешь,
Отец? Ты не прав!
Зачем принимаешь
Ты к сердцу мой нрав?
Чей сын ожиданья
Отца оправдал?
Кто в юности ранней
Ошибок не знал?
По мне ль твоя слава
И гордая честь?
Оставь меня, право,
Таким, как я есть.
Ружья не держу я,
Не мчусь на коне,
И шашку стальную
Не выхватить мне.
Пусть чванный злословит, –
Ему ты не друг!..
Волы наготове,
Исправен мой плуг, –
То дум моих бремя,
То вещей фандыр;
Несу я, как семя,
Поэзию в мир.
А сердце народа!
Как нива оно,
Где светлые всходы
Взрастить мне дано.
Мой край плодоносен,
Мой полон амбар,
И в море колосьев
Нырятся арба.
Не бойся за сына,
Отец! Ты не прав.
Тебя без причины
Тревожит мой нрав!*

Леван Елизбарович Хетагуров когда-то служил во Владикавказе помощником командира конной сотни постоянной Терской милиции. Воспитание он получил в частном учебном заведении, после окончания которого поступил на службу в русскую армию. Лихой кавалерист, участник боевых операций на Кавказе, Венгерской кампании и усмирения Польши, он имел ранения, удостоивался наград за отвагу и храбрость, был произведён в прапорщики. Леван Елизбарович был умным, честным и бескорыстным человеком. Прекрасно понимая значение образования, он всегда мечтал дать его своим детям: сыну Константину и дочери Ольге (от второго брака), поэтому отдал мальчика в Нарскую церковно-приходскую школу, где учительствовал брат его жены Иоанне Губаев, а после окончания школы добился определения Коста приходящим учеником во Владикавказскую прогимназию.

В 1870 году Леван Елизбарович Хетагуров, офицер-дворянин, добился у императора Александра II разрешения переселиться малоземельным осетинам на плодородные казенные земли Баталпашинского уезда Кубанской области, по которым в древности проходил караванный путь к Чёрному морю. В том же году земляки Хетагурова перебрались на скрипучих арбах, запряжённых волами, из ущелья Бешеной реки (так звучит название Ардон в переводе с осетинского) на родину своих далёких предков – алан, заселили нагорную полосу и основали селение Георгиевско-Осетинское, часто называемое Лаба. В числе переселенцев была и семья отставного подпоручика Хетагурова.

«Возможность дать приличное воспитание моим детям, – писал Леван Елиз-

барович, возглавивший переселенцев, – была самая главная из причин, побудивших меня к переселению».

Через шесть лет, в марте 1876 года, постановлением Кавказского комитета в Санкт-Петербурге подпоручику Хетагурову «в вознаграждение оказанных им заслуг» был отведен в потомственную собственность участок земли в Кубанской области размером 200 десятин.

Леван Елизбарович обратился к властям с просьбой об определении сына на учёбу в единственную в то время на Северном Кавказе Ставропольскую мужскую гимназию.

24 июля 1871 года начальник Кубанской области сообщил департаменту Главного управления наместника Кавказского (Великого князя Михаила Николаевича Романова – прим. автора), что он «сделал распоряжение об отправлении в пансион при Ставропольской гимназии сына прапорщика милиции Левана Хетагурова, Константина, зачисленного по приказанию его императорского высочества наместника кандидатом на одну из горских вакансий в пансионе названной гимназии».

...Коста вздохнул, рассеянно перевёл взгляд вправо, туда, где сливались Кубань и Теберда, где белели горные кряжи с полосками свежесвалившегося снега и не просматривался просторный горизонт, а могучие хребты невидимой чертой сливались со светло-голубым небосводом далеко-далеко на юге, и только опытный взгляд мог отличить воздушные облака от заснеженных вершин.

Коста вспомнил себя двенадцатилетним подростком, каким отец впервые привёз его в губернский Ставрополь. При воспоминании о гимназии глаза его заблестели, уголки губ тронула лёгкая улыбка. Двухэтажное здание классической гимназии занимало добрую половину квартала в центре города. Широко раскинув крылья-корпуса, оно, как большая птица, охватывало внутренний двор с ухоженными аллеями для прогулок и смотрело фасадом на Александровскую площадь. Десять лет, проведенные в стенах учебного заведения, знакомые классы, добрые лица воспитателей, учителей: русского языка и словесности Краснова, естественной истории Миловидова, латинского языка Бенедиктова, истории Воскресенского, географии Кригера и других – остались самой светлой полосой в жизни Коста. Ставрополь, как чудесный сон, полюбился сразу и стал для него не чужой стороной, а вторым домом, полным юношеских надежд.

Талантами богато одарён

«Коста был общим любимцем гимназистов и преподавателей», – вспоминал однокашник И. Цырульников, а Э. Туганов, хорошо знавший начинающего поэта по гимназии, писал: «Самое яркое впечатление о Коста – от субботних вечеров, когда по просьбе сурового директора Гнипова на радость всем пансионерам Хетагуров читал стихи. Отчетливо, звучно, со своеобразным тембром и открытым ртом, при блеске вдохновенных орлиных глаз неслось в покорной тишине:

*Тиха украинская ночь,
Прозрачно небо...»*

В гимназии формировался и литературный талант Коста. К этому времени он в совершенстве овладел русским языком, прочитал произведения классиков: Грибоедова, Гоголя, Пушкина, Кольцова, Некрасова, Островского. Коста пробует свои силы в поэзии, пишет два стихотворения на осетинском языке «Новый год» и «Муж и жена», которые вместе с большим рассказом «Зима» на русском языке были помещены в гимназическом литературном сборнике за 1880-1881 гг. Автору не удалось, к сожалению, отыскать рассказ «Зима», а раннее стихотворение «Муж и жена» удивляет своей наблюдательностью и иронией.

Тогда же Коста написал свою первую картину «Знамя с горным орлом» и портрет отца. Смирнов был восхищен этими работами и рекомендовал Хетагурову продолжить обучение в Академии художеств. К сожалению, чрезмерное увлечение литературой, спектаклями, рисованием, стихосложением отвлекали Хетагурова от

учебы. Учился он крайне неровно. Хотя в характеристике, одобренной педагогическим советом, говорилось, что «... вне зависимости от своей склонности к искусству, Хетагуров представляет недюжинные способности во всех областях учения и мог быть одним из лучших учеников по всем предметам, если бы не отдавал он всё своё время и свои симпатии рисованию и родственным с ним занятиям», ему пришлось всё-таки проучиться по два года в 4-м и 5-м классе. Весной 1881 года, чувствуя, что гимназию ему окончить не удастся, по совету Василия Ивановича, Коста подал на имя директора гимназии прошение с просьбой о выдаче ему документов и свидетельства об успехах для поступления в Санкт-Петербургскую Императорскую Академию художеств. Директор гимназии Василий Демьянович Гнипов и педагогический совет поддержали прошение своего воспитанника и обратились к начальнику Кубанской области. 10 мая в гимназии получили ответ из Екатеринодара:

«... я вполне изъявляю согласие на предоставление воспитаннику вверенной Вам гимназии Хетагурову стипендии, оплачиваемой из горских штрафных сумм для специального образования его к художественному ремеслу в том учебном заведении, в какое благоугодно будет Вам определить...»

Генерал-лейтенант Кармалин»

Одновременно Начальник Кубанской области сообщил в Петербургскую Академию художеств:

«Директор Ставропольской гимназии, ввиду того, что во всё время пребывания в гимназии воспитанника Хетагурова, жителя Баталпашинского уезда, укрепления Хумар, замечал в нём преобладающую способность и склонность к художественной деятельности, в которой он достиг значительного совершенства, так что его рисунки с натуры посылаются гимназиею на Московскую всероссийскую выставку, просил меня в предоставлении ему одной из двух стипендий, оплачиваемых из горских штрафных сумм, которые в текущем году будут свободны за окончанием курса наличными стипендиатами с целью оказания ему содействия на пути художественного образования в Императорской Академии художеств. На этом основании зачислив Хетагурова стипендиатом одной из вакансий, оплачиваемых из горских штрафных сумм для поступления в Императорскую Академию художеств, об этом имею честь уведомить академию, присовокупляя, что о переводе причитающейся на означенный предмет суммы вместе с сим сделано мною соответствующее распоряжение». Таким образом, всё складывалось для Коста вполне благоприятно.

В северной столице. Скитания и лишения

Во второй половине июля Хетагуров приехал в северную столицу, блестяще выдержал вступительные экзамены (шесть кандидатов на одно место), был принят в число воспитанников академии на живописный факультет. Ему выдали для свободного проживания в Санкт-Петербурге сроком по 1-е сентября 1884 года свидетельство, удостоверяющее, что он «состоит академиком в Петербургской академии художеств».

В формировании Хетагурова-живописца немалую роль сыграл известный своими демократическими взглядами педагог, адъюнкт-профессор Павел Петрович Чистяков (1832-1919), который руководил «Главным гипсовым классом» и обучал реалистической манере живописи. Академическая программа требовала от учеников тщательного рисунка и грамотной композиции, и Коста пришлось немало потрудиться, о чем свидетельствуют его успешные экзаменационные отметки.

Через два года из Кубанской области пришло ошеломляющее известие, после которого Коста долго не мог прийти в себя. Ему перестали выплачивать 25-рублевую стипендию, так как деньги, предназначенные для специального образования одаренных горских юношей, были растрочены начальником Баталпашинского уезда полковником Кузовлевым Ф. А.

Коста Леванович обратился в канцелярию Академии с просьбой о выдаче ему, по бедности, бесплатного билета для посещения лекций. Петербургский градоначальник сообщил Академии, что «вольнотрушатель от академии, сын подпоручика Константин Леванов Хетагуров, как оказалось по собранным сведениям, 23 лет от роду, поведения хорошего, суду и следствию не подвергался, имущества у него, кроме носильного платья и белья, другого никакого нет, состояния крайне ограниченного, имеет отца, отставного подпоручика милиции Левана Елизбаровича Хетагурова, 76 лет, мать Марию, 46 лет (правильно: Кизьмида Сохиева-Хетагурова, мачеха, – прим. автора) и сестру Ольгу 17 лет, проживающих в Георгиевско-Осетинском посёлке Баталпашинского уезда Кубанской области, где владеют домом и землёю, доходами с которых и существуют, но воспитывать детей на собственный счет, по отзыву просителя, не могут, последний получал стипендию из горских сумм означенного уезда в количестве двадцати пяти рублей в месяц, выдача каковой с 1 января сего года прекращена».

Хетагуров остался в Академии на правах вольнотрушателя, но в билете бесплатного посещения лекций ему было отказано. Начались мытарства в поисках работы. Коста был вынужден зарабатывать на жизнь тяжелым поденным трудом – грузчиком в невском порту, где разгружал баржи, и всё равно нуждался и влачил полуголодную жизнь.

Надежда Шарাপова-Прошинская, современница поэта, лично знавшая Хетагурова во Владикавказе и принадлежавшая к кругу городской интеллигенции, писала:

«Я невольно вспомнила рассказы моей сестры о тяжёлой жизни Коста в Петербурге, где он буквально голодал, терпя всякие лишения, старательно скрывая от всех своё ужасное положение. Курсистки, желая помочь ему, на перерыв приглашали его к себе на чай, угощали бутербродами и колбасой, но он всегда уверял, что сыт и только недавно пообедал, а между тем все знали, что он не обедал несколько дней. Скрывать свой аппетит вошло у него в болезненную привычку».

Вспоминая об академических годах, Коста Леванович впоследствии писал:

«... я стал посещать академию очень неаккуратно, а потом и совсем бросил, благодаря полнейшему недостатку материальных средств».

Просуществовав в нужде до весны 1885 года, Коста занял у своего ближайшего родственника, врача по профессии, Андуканара Хетагурова денег на дорогу и выехал из Санкт-Петербурга в Георгиевско-Осетинское, а осенью перебрался во Владикавказ. Он был потрясён бедственным положением своего народа, его нищетой, бесправием, духовной подавленностью. Чувство социальной несправедливости тревожило Коста, вызывало у него естественное желание помочь обездоленным и беспомощным. Своё отчаяние от первых впечатлений на родине Коста выразил в стихотворении «Взгляни!...», в котором от безысходности обращается к небесному покровителю осетин Уастырджи, чтобы тот оказал помощь несчастному народу:

*... Но более бедным, чем я,
Вернувшись, нашёл я тебя,
Народ, изнурённый заботой,
Нет места тебе ни в горах,
Ни в наших привольных полях:
Не стой, не ходи, не работай!
Достойных так мало у нас!
И что мы такое сейчас?
И чем мы со временем будем?
Ползёшь ты вслепую, мой край.
Взгляни ж, Уастырджи, и не дай
Погибнуть измученным людям!*

Во Владикавказе основным заработком Хетагурова стало выполнение многочисленных иконописных (к сожалению, советское время не пощадило их) и портретных заказов. Кроме того, Коста Леванович, работая художником-декоратором

в театре, организовал выставку своих работ, занялся многообразной культурной деятельностью и литературным творчеством на осетинском и русском языках, освещал горскую жизнь в местной печати, что привлекало к нему симпатии простых людей.

Осенью 1887 года Ставропольская мужская гимназия отмечала свой 50-летний юбилей. Открытая 18 октября 1837 года в присутствии императора Николая I, она многие годы оставалась единственным учебным заведением на Северном Кавказе. В гимназии обучались юноши разных сословий и национальностей, в её стенах состоялось духовное рождение многих воспитанников. Хетагуров откликнулся на это событие и посвятил юбилею стихотворение «Воспитанникам Ставропольской гимназии», в котором дал наставление молодому поколению.

В то же время Коста написал картину «Скорбящий ангел», безусловно, одно из наиболее выразительных его полотен. Газета «Терские ведомости», официальный орган администрации области, сообщала:

«Наш местный любитель – художник г-н Хетагуров выставил во Владикавказском собрании для продажи ещё новую картину (копию с картины Ланделя), носящую название «Скорбящий Ангел»... В художественном отношении картина отличается мягкостью тонов, правильностью освещения. Выражение скорби на лице ангела так естественно, что заглавие излишне. Особенное внимание на себя обращает левая, слегка согнутая в локте и сильно отделившаяся от креста рука. Она как живая и положительно всех приводит в восторг. Произведение господина Хетагурова может удовлетворить любой изысканный вкус и служить украшением христианской церкви».

Хетагуров никогда не отказывался от христианской веры. Выросший в православной семье (младенца крестили в Нарской церкви 18 января 1860 года), Коста Леванович черпал в христианстве вдохновение. Вера была для него жизненной позицией, содействовала развитию его таланта. Трудно судить, насколько глубоко он веровал, но писал же Коста стихи о Христе, память о страданиях которого, по мысли поэта, даёт силы и мужество, помогает не падать духом.

В августе 1889 года Хетагуров, уже известный читающей публике поэт (только состоялась первая публикация его поэмы «Фатима»), поспешил из Владикавказа в Пятигорск на открытие памятника М. Ю. Лермонтову, приуроченное к 75-летию со дня рождения поэта. Среди многочисленных гостей Хетагуров встретил В. И. Смирнова, приехавшего из Ставрополя. Коста возложил к пьедесталу скромный венок из роз с надписью «От сынов Кавказа». Он посвятил любимому поэту стихотворение «Перед памятником». В письме к Юлиане Цаликовой Коста отмечал, что стихотворение «не было напечатано, а между тем довольно интересное». Его опубликовали лишь десять лет спустя и то анонимно:

*Торжествуй, дорогая отчизна моя,
И забудь вековые невзгоды, –
Воспарит сокровенная дума твоя, –
Вот предвестник желанной свободы!
Она будет, поверь, – вот священный залог,
Вот горячее вечно светило,
Верный спутник и друг по крутизнам дорог,
Благородная, мощная сила!..
К мавзолею искусства, в храм науки святой
С ним пойдёшь ты доверчиво, смело,
С ним научишься ты быть готовой на бой
За великое, честное дело.
Не умрёт, не поблекнет в тебе уж тогда
Его образ, задумчивый, гордый,
И в ущельях твоих будут живы всегда
Его лиры могучей аккорды...
Возлюби же его, как изгнанник-поэт
Возлюбил твои мрачные скалы,
И почти как святыню, предсмертный привет
Юной жертвы интриг и опалы!..*

Отсутствие диплома об окончании Академии сводило на нет все попытки Коста Левановича устроиться на преподавательскую работу или государственную службу. В декабре 1890 года Хетагуров обратился в Академию с прошением о выдаче ему свидетельства «на право преподавания, если не при реальных училищах, то по крайней мере при классических гимназиях и женских средних учебных заведениях».

К прошению Коста приложил публикации местных газет с положительными и восторженными отзывами о его живописных работах и выставках в подтверждение того, что не забросил искусство и постоянно находится в творческом поиске. Из Санкт-Петербурга пришёл отказ.

Личная жизнь Коста в эти годы была по-прежнему неустроенной. Безусловно, это накладывало отпечаток на его общее физическое и душевное состояние. Он оставался свободным художником, но был стеснён в средствах.

Любовь и одиночества печаль

В последний раз Коста посетил Ставрополь в августе 1902 года. Нина Васильевна Смирнова вспоминала:

«Мне было тогда уже лет десять. День был жаркий, я шла по улице и вдруг увидела – проехал на извозчике Коста. Я – бежать домой, рассказала. И вскорости пожаловал Коста, как раз поспел к вечернему чаю. Он очень любил пироги, которые пекла наша мама. Пришёл Коста, и в доме оживление и смех. Он смеялся раскатисто, говорил громко и весело. Одет был тогда в серую черкеску с чёрным бешметом и белым башлыком, чёрные брюки, заправленные в хромовые сапоги, на голове – чёрная каракулевая шапка. По-русски он говорил хорошо, без акцента, но всегда носил национальную одежду. Выглядел он в тот день хорошо, был очень оживлён. Ночевать тогда у нас не оставался».

В доме Смирновых¹ уже на закате своей жизни Коста пленился расцветающей красотой старшей дочери Гали, её добрым участием в его печальной судьбе. Гали росла на глазах поэта, и он видел, как из жизнерадостного подростка она становилась прелестной девушкой, доставлявшей Коста много светлых минут своим общением и игрой на фортепиано. Коста наслаждался её музицированием. Когда Гали садилась за рояль, он пристраивался на диване и сидел тихо, вбирая в себя звуки.

Любовь к музыке зародилась у Гали в раннем детстве, выросла из общего духа семьи. Первоначальное музыкальное образование девушка получила дома. С ней занимался Николай Васильевич Волобуев, замечательный музыкант, игравший на фортепиано и виолончели. До поступления в Ставропольские музыкальные классы Гали свободно исполняла сонаты, вариации и фортепьянные концерты Вебера, Бетховена, Чайковского, Грига. В 1901 году, блестяще выдержав конкурс, она поступает на фортепьянное отделение только что открывшихся в городе музыкальных классов. Настойчивость, трудолюбие, а главное – любовь к музыке помогли ей быстро выдвинуться в число лучших учениц.

Как раз на это время и приходится серьёзное увлечение Коста Хетагурова Гали Смирновой. В этой романтической, женственной, обаятельной девушке Коста ощущал то творческое начало, столь необходимое ему как поэту, обречённому на созидание. В ней, легкой, молодой, жизнелюбивой, открылась ему возможность счастья...

Позднее Гали Васильевна будет часто вспоминать то время, когда их дом был наполнен музыкой, детским смехом и голосом Коста, его шутками, пением, стихами, и расскажет о нём в своих неопубликованных записях и в стихах, воссоздающих интересные детали из общения с Коста.

Вот первое лёгкое, почти неуловимое, тревожное беспокойство четырнадцатилетней девочки:

¹ Василий Иванович Смирнов – художник и преподаватель Ставропольской мужской гимназии, где учился Коста, для которого дом художника стал на продолжительное время гостеприимным приютом.

«Это случилось как-то вечером в нашем доме. Я была ещё гимназисткой в коричневой форме с пелеринкой, проходя через залу, я увидела Коста: он сидел в полумраке у рояля и рассеянно перебирал клавиши. Поймав меня за руку, он притянул меня к себе и крепко прижал к сердцу. Чувство его ко мне осталось навсегда для меня загадкой. Присаживаюсь рядом. Мне хорошо, я дома. Мы музицируем и говорим... Меня поражает его особая внимательность, какая-то нежная бережливость. Мне хочется утешить его, разделить его большую тоску и одиночество. Странное чувство. На сердце встревоженность и забота...»

В том году Коста записал в альбом Гали акrostих:

*Готовый лишь для Вас певцом родиться снова,
Аккордом лишь одним украсу Ваш альбом:
Любите ближнего! Вот заповедь Христова,
Я тоже самое прошу у Вас стихом...*

Коста.
г. Ставрополь, 1896 г.

В то время их отношения носили характер мимолетной дружеской игры. В августе 1902 года, в свой последний приезд, Коста написал в альбом Гали стихотворение «Предложение»:

*Назвать меня ты можешь другом,
Сказать мне смело можешь брат, –
Верь, я готов к твоим услугам
Быть другом, братом очень рад.*

*Сильней любить меня захочешь,
Сказать мне вздумаешь – супруг,
Верь, счастье смертного упрочишь
На веки вечные, мой друг.*

Коста.

Художник Ф.П. Слущкий. Аул Нар, в котором родился К. Хетагуров. Масло

По возвращении во Владикавказ Коста прислал Смирновым письмо, смысл которого заключался в одном: «Отдайте мне Галий». Коста Левановичу было за сорок. Он прославленный поэт и зрелый человек. За плечами тяжелые годы лишений, ссылок и страданий. И всё чаще на его лицо тенью ложится усталость, а в прекрасных умных глазах мелькает затаённая боль. Но родители не принимали увлечение Коста всерьёз. По воспоминаниям Галий Васильевны, предложение Коста явилось для неё полной неожиданностью:

«Для меня он всегда был родным, но быть его женой – эта мысль никогда не приходила мне в голову... Отец сказал: «Решай сама». Мама волновалась, боялась, что я соглашусь. Я долго колебалась с ответом».

Пришло второе письмо:

«Дорогая Галя! Я очень беспокоюсь, что не получаю ответа на мои письма. Напишите откровенно – да или нет – и это сделайте сейчас же! Привет всей семье! Коста».

г. Владикавказ, 25 сентября 1902 г.

«Странные чувства вызвали эти письма, – вспоминала Галий Васильевна. – Я уже тогда почувствовала, что около меня большой человек, со своей большой тоской, большим вниманием, большой обнаженной душой. Так как родители предложили мне право решать всё самой, я долго колебалась с ответом, а потом написала, что люблю его как брата, как друга, но женой стать не могу. Если бы Коста приехал сам, я не в силах была бы отказать ему... Долго в нашей семье не могли успокоиться после этого».

Галий Васильевна Смирнова в 1908 году вышла замуж за студента медицинского отделения Киевского университета Сергея Иванченко. В 1912 году молодая семья обосновалась в Георгиевске.

Как-то, уже на закате своей жизни, Галий Васильевна рассказала своей дочери Зинаиде Сергеевне о той роли, которую сыграл Коста в жизни семьи Смирновых: «Мы всегда задумываемся над тем, чьими современниками нам посчастливилось быть. Сознание привыкает к их, если можно так выразиться, постоянному духовному присутствию, благодаря которому жизнь приобретает особую наполненность и смысл. Так произошло у меня и с Костой. При жизни его я была ещё в том нежном возрасте, когда ещё не осознаётся суть событий, но некоторые из них уже запоминаются на всю жизнь. Без личности Коста невозможно было представить жизнь нашей семьи и всю последующую жизнь её членов в отдельности. Мы имели счастливую и совершенно особую возможность общаться с этой неповторимо индивидуальной цельной натурой. И это общение всю последующую жизнь скрашивало мне существование и озаряло неповторимым светом поэзии».

Галий Васильевна скончалась в Георгиевске в феврале 1974 года. Вместе с ней ушёл из жизни один из адресатов лирики Коста Хетагурова.

Прекрасная любовь, полная глубокой страсти к Галий Смирновой была последним аккордом в жизни великого поэта.

Однако со здоровьем у Коста не всё было благополучно. Силы, подорванные гонениями и лишениями, стали изменять ему, поэтому начинания и замыслы остались незавершёнными.

Летом 1903 года тяжелое нервное заболевание дало о себе знать, поэт оказался прикованным к постели. Из Кубанской области приехала сестра Ольга Левановна и увезла Коста в селение Георгиевско-Осетинское. В воскресный день 19 марта (ст. ст.) 1906 года во Владикавказ пришла короткая весть: «Коста умер». Вначале его похоронили в одной могиле с отцом, но по просьбе жителей Осетии 29 марта гроб с телом доставили по железной дороге во Владикавказ. От вокзала гроб, покрытый богатым парчовым покрывалом, несли на руках до Осетинской слободки и положили Коста в ограде церкви Рождества Пресвятой Богородицы.

На смерть К. Л. Хетагурова откликнулись многие газеты:

«Терские ведомости»:

«19 марта скончался знаменитый осетинский и известный русский поэт Коста Хетагуров...»

В лице умершего Коста Хетагурова осетины понесли тяжёлую невосполнимую национальную утрату...»

«Санкт-Петербургские ведомости»:

«Покойным на родном языке написан ряд поэм, чарующих необыкновенно изящным стихотворным ритмом и захватывающих своим глубоким идейным содержанием...»

«Лавина»:

«... Как народный поэт, он первый слагал на осетинском языке звучные строфы своих песен. Стихотворения его на русском языке дышат простотой, прелестью и задушевностью... Глубоко он страдал, и страдания выливались в его вдохновенных произведениях».

«Баку»:

«... Художник и поэт по натуре, он весь отдался борьбе за интересы горцев. Вместо кинжала он взял перо, вместо кремниевое оружие он действовал горячим вдохновенным словом...»

«Терек»:

«Замолк навеки апостол правды, любви, равенства и свободы. На небосклоне дорогого Кавказа исчезла одна светящаяся звезда, разливающая свои яркие лучи по всем дебрям и саклям родного края, не стало одного из немногих, царственно одаренных светлыми очами видеть всю тайну неба и земли, слышать очаровательные звуки, определять правильное биение пульса народа, боль его сердца и всё это воплощать в дивные звуки поэзии».

«Тифлисский листок»:

«В среду, 29-го марта, в 2 часа дня в Дидубийской церкви будет отслужена панихида по скончавшемуся осетинском поэте Коста Хетагурове, о чём извещают друзья, знакомые и почитатели».

Угасла непокорная душа Коста, но не смолкла его песня. Многозвучная поэзия продолжает волновать и радовать. Коста остаётся в душе, памяти и судьбе своего народа.

В Ставрополе также сохраняется память о великом сыне осетинского народа. 15 октября 1959 года, в день столетия со дня рождения поэта, был открыт памятник работы скульптора Федора Ивановича Перетятко. По совету Александра Васильевича Смирнова его установили на городском бульваре в том месте, где начинается улица имени Коста Хетагурова.

18 апреля 1969 года на здании бывшей мужской гимназии открыта мемориальная доска с именами гимназистов, сыгравших видную роль в общественной жизни России. В их числе К. Л. Хетагуров.

15 мая 1970 года на доме № 105 по улице Дзержинского, где в семье Смирновых жил Хетагуров, была открыта мемориальная доска.

С 1979 года в этом Доме-усадеб В. И. Смирнова (сегодня отдел государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе) в двух комнатах нижнего этажа размещается постоянная экспозиция, посвященная литературной и общественной деятельности Коста Хетагурова.

Несколько лет назад Международный астрономический союз занёс в Звёздный каталог звезду из созвездия Дракона, наречённую «Коста», признавая исключительную значимость Хетагурова, поэта, драматурга, художника, просветителя, мыслителя.

КОСТА ХЕТАГУРОВ

Я смерти не боюсь, – холодный мрак могилы
Давно меня манит безвестностью своей,
Но жизнью дорожу, пока хоть капля силы
Отыщется во мне для родины моей...

Я счастья не знал, но я готов свободу,
Которой я привык, как счастьем, дорожить,
Отдать за шаг один, который бы народу
Я мог когда-нибудь к свободе проложить.

ПАМЯТИ ГРИБОЕДОВА

Убит... За то ль венец терновый
Сплёл для него коварный рок,
Что озарил он мыслью новой
Всю Русь родную, как пророк?!

Зачем он шёл, как раб покорный,
В страну фанатиков-врагов,
Когда уже нерукотворный
Был памятник его готов?

Но пусть судьбы предначертанья
Обычным движутся путём! –
Творец великого созданья,
Мы смело за тобой идём!

Не малый срок твой дивный гений
Дал поколениям для того,
Чтоб образы твоих творений
Уж не смущали никого.

Но нет!.. Борьбу окончить эту
Не скоро правде даст пророк, –
Ведь бедный Чацкий твой по свету
Всё тот же ищет уголок.

Расстаться не трудно, не трудно убить
В душе молодые порывы, –
Трудней бескорыстно и свято любить
В озлобленном мире наживы...

Легко за обиду обидой платить,
За кровь – оскорбленьем и кровью,
Но трудно два сердца навеки сплотить
В союз, освящённый любовью...

Труднее разумно и твёрдо сознать,
Что счастье и наше признание –
Прощать бесконечно, без меры прощать,
Всему находить оправданье...

Расстаться не трудно, но встретиться вновь
Позволит ли жизнь без досады?
Ах! Если б увериться в том, что любовь
Не ищет взаимной награды!

ПОРТРЕТ

Стройна, как тополь, все движенья
Изящны, лёгки... Каждый штрих –
Шедевр божественного гения,
А речь – сплошной певучий стих.

Как небо маской полуночи,
Её задумчивые очи
Манят бездонной глубиной
Куда-то ввысь, в мир неземной...

Добра, как ангел, незлобива,
Порой, как школьник, шаловлива, –
Вы узнаете, кто она?..

ЗОЩЕНКО И КАВКАЗ

УРОКИ МАСТЕРА

В 1920-1930-х годах популярность Михаила Зощенко в Советском Союзе была поистине феноменальной. Его небольшие по объему, невероятно смешные, но если внимательно вчитаться – горько-абсурдные рассказы, почерпнутые из окружающего быта, печатались в сатирических журналах, систематически издавались отдельными книжками (вышел даже шеститомник его сочинений), звучали с эстрады, исполнялись по радио. Писатель получал многие тысячи читательских писем с выражением восторга, почитания, любви как к необычайно талантливому автору, сумевшему комическими средствами воссоздать тот пласт действительности – низкого, пошлого, уродливого, мещанского, который заслуживал осмеяния и обличения.

Практически никто не знал, что первые зощенковские литературные опыты, «проба пера» связаны с пребыванием на Кавказских Минеральных Водах в самый канун первой мировой войны. Эту тему впервые затронула Е.Б. Польская («Контролер Минераловодской ветки Михаил Зощенко» – «Молодой ленинец», 1978, 23 ноября).

Что же предшествовало появлению юного Зощенко на Водах? Разумеется, прежде всего, его рождение в семье художника то ли в 1894, то ли в 1895 году (точная дата до сих пор не установлена).

По свидетельству жены писателя, в его записной тетради, относящейся к 1917-1920-м годам, зафиксировано с максимальной убежденностью: «Цель жизни – найти призвание». Сомнений в том, чему посвятить себя, у Зощенко не существовало – литература и только литература. Уже в детские годы, как все начинающие, он обращается к стихотворчеству (версии не сохранились), вслед за тем пишет рассказы. В «Автобиографии» он сообщает: «Я начал писать рассказы, когда мне было девять лет». Упомянутые им в источнике создания новеллистического типа «Пальто» и «За что?» до нас не дошли.

Несмотря на рано определившуюся тягу к литературе, Зощенко после окончания гимназии поступает на юридический факультет Петербургского университета, судя по всему, для того, чтобы иметь основательную профессию в материальном плане. Дело в том, что в 1907 г. умер отец, и семья оказалась обреченной едва ли не на нищенское существование.

По совету знающих людей, по всей видимости, с рекомендательным письмом, юный студент в мае 1914 г. отправляется на юг и поселяется в Кисловодске, в районе Минутки, в двухэтажном строении, сохранившемся по свидетельству Б.Розенфельда, до сих пор – на пересечении улиц Толстого и Октябрьской (ныне здесь расположена библиотека). Новоприбывший нанимается контролером на железнодорожную ветку Кисловодск – Минеральные Воды. Железнодорожное ведомство той поры в летнее время нанимало студентов (преимущественно петербургских и московских учебных заведений) для, как сказали бы сейчас, культурного

обслуживания отдыхающих, неплохо оплачивая труд молодых людей.

Зощенко не однажды вспоминал о кратком периоде своей жизни в южном крае, в силу чего можно предположить о его достаточной значимости в писательской биографии. Из «Автобиографии» мы узнаем: «Весной 1914 года я, без денег, поехал на Кавказ и поступил там на железную дорогу контролером поездов (на линии Кисловодск – Минеральные Воды). Там же давал уроки».

Своему соратнику по писательской группе «Серапионовы братья» Вениамину Каверину он рассказывал: «В 13-м году я поступил в университет. В 14-м поехал на Кавказ. Дрался на Кавказе с правоведом К. После чего почувствовал немедленно, что я человек необыкновенный, герой и авантюрист, – поехал добровольцем на войну».

«Кавминводский след» запечатлелся в воспоминаниях и творчестве писателя, благодаря ему приоткрываются любопытные подробности юношеского жития – бытия петербургского студента в благодатные летние месяцы накануне мировой катастрофы. И не менее существенное – намечающееся – пусть в отдельных моментах и штрихах – творческое становление личности.

Воспоминания уже упомянутого нами Вениамина Каверина дают возможность представить физический облик Зощенко, каким он примерно был в свои девятнадцать или двадцать лет во время «контролерского» прошлого. Каверинский портрет начинающего литератора, датируемый 1921 годом выглядит весьма симпатично: «Зощенко был небольшого роста, строен и очень хорош собой. Глаза у него были задумчивые, темно-карие, руки – маленькие, изящные. Он ходил легко и быстро, с военной выправкой – сказались годы в царской, потом в Красной Армии. Постоянную бледность он объяснял тем, что был отравлен газами на фронте. Но мне казалось, что и от природы он был смугл и матово бледен. <...> Он был полон уважения к людям и требовал такого же уважения к себе».

Думается, есть необходимость в упоминании характерной детали самочувствия юноши на Водах: изредка посещавшего его недомогания (оно давало знать о себе и все последующие годы) во время стрессовых состояний. Близко знавший Зощенко ленинградский писатель Геннадий Гор спросил, чем вызван его особенный, пристрастный интерес к медицине. Тот ответил: «В частности, потому, что я хотел излечиться от одной редкой, малоизученной болезни, которой я заболел ещё когда был гимназистом. Причиной её была психологическая травма, сильное нервное переживание. Умер отец. И мы с матерью, оставшись без средств, пошли к одному важному лицу, от которого зависела наша участь. И это важное лицо, от которого зависела наша участь, очень бессердечно принял нас. Я по молодости еще ни разу не встречался с такой черствостью и бездушием. Очень нервничал. И последствия очень дорого мне обошлись. Мне стало трудно глотать пищу, до того трудно, что я не мог есть».

Это свидетельство – доказательство того, насколько впечатлителен был Зощенко, а поскольку он отличался наблюдательностью, зоркостью, умением видеть трагическую изнанку действительности, приступы физиологического дискомфорта постоянно подстерегали его, – не исключено и на Водах, хотя о таких приступах писатель или умалчивает, не придавая им особого значения, поскольку они не слишком выбили его из колеи, или напасть сия благополучно его миновала. Зато он проявляет повышенное внимание к патологиям такого рода. В книге «Перед заходом солнца» в главе «Бедный Федя» автор возвращается памятью к кавминводским дням, чтобы поведать о необычном казусе физического свойства, случившемся с его тогдашним знакомым:

«Кисловодск. Полустанок Минутка. Через дом от меня живет студент Федя Х. Он здесь, на Кавказе, так же как и я, на практике.

Федя – студент-математик. Милый юноша. Немного застенчивый. Великолепно поет под гитару.

Почти всякий день он приходит ко мне. И я слушаю его музыку.

Поиграв, он начинает говорить о девушках. Ему не везет. Вот уже все студен-

ОЧМАН Александр Владимирович, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Пятигорского государственного лингвистического университета

ты обзавелись «симпатиями», а у него нет никого. Когда же наконец это случится? Это случилось под конец лета. Федя влюбился в свою ученицу. Он давал урок по физике гимназистке последнего класса.

Он полюбил ее. И она, видимо, увлеклась им. Мы стали встречать их в курзал и на скамейках парка.

Неожиданно пришла беда. Федя заболел. Он заболел экземой. Экзема началась на его подбородке и перекинулась на щеки.

Для Феде это было несчастье в высшей степени. Он и без этого был застенчив, но теперь лишился совершенно обескуражили его. Он перестал встречаться со своей ученицей. Ему было совестно, что она увидит его ужасные багровые пятна.

Это была нервная экзема. И врачи стали лечить Федею мазями и кварцевым светом. Но болезнь усиливалась. Возникло подозрение, что у больного отравление крови, сепсис. Федя почти перестал выходить из дому. Он плакал, говоря, что только при его невезении могло так случиться. Ведь это случилось на другой день после того, как ученица призналась ему в своем чувстве.

В конце августа я возвращался с Федей в Петербург. Мы ехали с ним в одном вагоне. Уже на другой день пути Феде стало лучше. Багровые пятна на его щеках поблекли. К концу пути лицо у Феде стало почти чистым. Федя не расставался с зеркальцем. С восторгом он убеждался, что болезнь покидает его. С печальной улыбкой говорил, как ему не повезло. На что ему его здоровье, если теперь нет той, кого он полюбил».

Отметим в связи с этим особенность «наблюдательского» дара автора – замечать и отмечать трагикомическую сущность реальных ситуаций и явлений.

Уже безотносительно к медицинскому аспекту, приведем для иллюстрации талантливо подмечаемым Зоценко трагикомизмом жизни новеллистическую зарисовку, в коей «героем» выступает сам писатель, попадающий в весьма двусмысленную ситуацию с возлюбленной:

«Вечер. Я иду по Невскому с К.

Она красива, остроумна, весела. В ней та радость жизни, которой нет во мне. И, может быть, это меня больше всего в ней прельщает.

Мы идем, нежно взявшись за руки. Мы выходим на Неву. Идем по темной набережной.

К. без конца что-то говорит. Но я не очень вникаю в ее речь. Я слушаю ее слова, как музыку.

Но вот я слышу какое-то недовольство в этой музыке. Я прислушиваюсь.

– Вторую неделю мы ходим с вами по улицам, – говорит она. – Мы обошли все эти дурацкие набережные, сады. Мне просто хотелось бы посидеть с вами в какой-нибудь гостиной, поболтать, выпить чаю.

– Зайдемте в кафе, – говорю я.

– Нет, там нас могут увидеть.

Ах, да. Я совсем забыл. У нее сложная жизнь. Ревнивый муж, очень ревнивый любовник. Много врагов, которые сообщат, что нас видели вместе.

Мы останавливаемся на набережной. Обнимаем друг друга. Целуемся. Она бормочет:

– Ах, как глупо, что это улица.

Мы снова идем и снова целуемся. Она закрывает свои глаза рукой. У нее кружится голова от этих бесконечных поцелуев.

Мы доходим до ворот какого-то дома. К. бормочет:

– Я должна зайти сюда, к портнихе. Вы подождите меня здесь. Я только примерю платье и сейчас же вернусь.

Я хожу около дома. Хожу десять минут, пятнадцать, наконец она появляется. Веселая. Смеется.

– Все хорошо, – говорит она. – Получается очень милое платье. Оно очень скромное, без претензий.

Она берет меня под руку, и я провожаю ее до дома.

Я встречаюсь с ней через пять дней. Она говорит:

– Если хотите, сегодня мы можем встретиться с вами в одном доме – у одной моей знакомой.

Мы подходим к какому-то дому. Я узнаю этот дом. Здесь, у ворот, я ждал ее двадцать минут. Это дом, где живет ее портниха. Мы поднимаемся на четвертый этаж. Она открывает квартиру своим ключом. Мы входим в комнату. Это хорошо обставленная комната. Не похоже, что это комната портнихи.

По профессиональной привычке я перелистываю книжку, которую я нахожу на ночном столике. На заглавном листке я вижу знакомую мне фамилию. Это фамилия возлюбленного К.

Она смеется.

– Да, мы в его комнате, – говорит она. – Но вы не беспокойтесь. Он на два дня уехал в Кронштадт.

– К., – говорю я, – я беспокоюсь о другом. Значит, тогда вы были у него?

– Когда? – спрашивает она.

– Тогда, когда я ждал вас у ворот двадцать минут.

Она смеется. Закрывает мой рот поцелуем. Говорит:

– Вы были сами виноваты».

Я намеренно воспроизвожу этот фрагмент из книги «Перед восходом солнца» и по другому поводу.

Во-первых, мы помним брошенное Зоценко мимоходом Каверину признание, что в Кисловодске он стрелялся с правоведом К., не поясняя причины инцидента. Право же, особой загадки в этом нет: конечно же, любовная связь с супругой юриста. Так не эта ли прелестница К. встречается в Петербурге через не слишком большое количество лет молодому, не равнодушному к прекрасному полу литератору?

Во-вторых, у Зоценко было множество романов, он боготворил женщин, и они всегда отвечали ему взаимностью. Однако к его чести, он не боится признаваться, когда оказывался в щекотливом положении и выглядел не лучшим образом.

Собственно о профессиональной деятельности юного контролера на кавминводской железнодорожной ветке мы ничего бы не узнали, если бы не один из эпизодов, рассказанных писателем много позднее (опять-таки в произведении «Перед заходом солнца», завершеном еще в 1943 г., подвергнувшемся беспощадной критике и в полном виде появившимся совсем недавно). Довольно неожиданно в рассказе высвечена обратная сторона предреволюционного железнодорожного быта: мощенческие махинации, практикуемые, надо полагать, не только в описываемом случае и так напоминающую нынешнюю реальность применительно к кавминводским электричкам. Итак, Зоценко вспоминает:

«Я прохожу по вагонам. В руках у меня щипчики для пробивания железнодорожных билетов.

Мои щипчики высекают полумесяц.

Шикарная ветка Кисловодск – Минеральные Воды обслуживается летом студентами. И вот почему я здесь, на Кавказе. Я приехал сюда на заработок.

Кисловодск. Я выхожу на платформу. У дверей вокзала огромный жандарм, с медалями на груди. Он застыл, как монумент.

Вежливо кланяясь и улыбаясь подходит ко мне кассир.

– Коллега, – говорит он мне (хотя он не студент), – на пару слов... В другой раз вы не пробивайте щипчиками билеты, а возвращайте мне...

Эти слова он произносит спокойно, улыбаясь, как будто речь идет о погоде. Я растерянно бормочу:

– Зачем?... Для того чтоб вы их... еще раз продали?

– Ну да... У меня уже есть договоренность почти со всеми вашими... Доход пополам...

– Мерзавец!.. Вы врете! – бормочу я. – Со всеми?

Кассир пожимает плечами.

– Ну, не со всеми, – говорит он, – но... со многими... А что вас так удивляет? Все так делают... Да разве мог бы я жить на тридцать шесть рублей... Я даже не считаю это преступлением. Нас толкают на это...

Резко повернувшись, я ухожу. Кассир догоняет меня.

– Коллега, – говорит он, – если хотите – не надо, я не настаиваю... только не вздумайте кому-нибудь об этом рассказать. Во-первых – никто не поверит. Во-вторых – доказать нельзя. В-третьих – прослывете лжецом, склочником...

Я медленно бреду к дому... Идет дождь.

Я удивлен больше, чем когда-либо в жизни».

Надо ли говорить о нравственной безупречности рассказчика, об органичном неприятии им обмана, мошенничества, бесчестности. Порядочность, справедливость, правдивость – свойства характера, которые пронесет Зоценко-человек и писатель через все уготованные ему судьбой испытания. Они же присущи и его творчеству.

Как уже было сказано ранее, приобщение Зоценко к литературе началось в детские годы, не покидало его в гимназии, несмотря на то, что наставники не сумели разглядеть в подопечном хотя бы минимальные творческие наклонности. «Как ни странно (а впрочем, может быть вовсе не странно), – вспоминала жена писателя, – в гимназии его сочинения оценивались очень низко и на выпускном экзамене в восьмом классе он получил двойку за сочинение о «Дворянском гнезде» и Лизе Калитиной. Он никогда не мог писать по «трафарету», так, как требовалось, высказывать «общеизвестные истины» – он всегда искал новых, своих, непроторенных путей.

Очевидно, по этой причине гимназический учитель и решил отказать ему в литературных способностях».

Гимназические неудачи не помешали крепнущему желанию во что бы то ни стало заниматься литературным творчеством. Характерные его образцы, дошедшие до нас, относятся как раз к 1914 году, времени учебы в университете и кавминводской поездке.

В жанровом плане – это лаконичные, точные в деталях, заимствованные из повседневной действительности моментальные снимки её единичных эпизодов, подмеченных зорким глазом наблюдателя и свидетеля, далеко не безучастного к тому, что творится вокруг, охваченного «гоголевским» сострадательным отношением к миру: «Боже, как грустна наша жизнь».

Совсем незадолго до отъезда на Кавказ Зоценко запечатлевает динамичный, новеллистический по композиции, мгновенный снимок с натуры, названный «Двугривенный», который стоит по причине его немногословности и характерности для зоценковского стиля привести целиком, да и к тому же в печати он появился недавно и широкому читателю не известен.

«В церкви колеблющийся свет свечей. Причудливые тени на стенах и высокий, неведомо где кончающийся купол. В нем тонет густой бас дьякона.

– Придите поклонитесь, – дребезжит молящий голос священника, и бас дьякона вторит ему и заглушает.

Женщины низко сгибают головы, крестятся и шепотом повторяют слова молитвы. В церкви больше всего женщин. Все беднота... Где же богачи молятся?

Вот в этом тусклом углу нищие. Серые, оборванные, с жуткими болезнями и робкими глазами.

Вот старуха нищенка. Ей давно перевалило за восьмой десяток. У неё классический подбородок старости, желтые, вечно жующие зубы и неуверенные движения. Старуха поминутно крестится и опускает голову.

Вот там, в стороне, на полу лежит кем-то оброненный двугривенный. Новенький и блестящий двугривенный.

Старуха давно его заметила. Нужно поднять.

Здесь, в этой бедной церкви, больше пятак никто не даст. Целый двугри-

венный! Трудно нагнуться, и могут заметить.

Трудно старой опуститься на колени. Только бы никто не заметил. Ближе подойти и потом на колени.

Старуха торопливо крестится, ниже и ниже сгибает голову и, кряхтя, опускается на колени.

Земной поклон. Богу и угодникам.

Холодный и грязный пол неприятно трогает лоб.

Где же монета?

А вот – у ноги. Старуха тянется рукой и шарит по полу.

Это не двугривенный – это плевок.

«Искушение, прости господи!».

Подтекст повествования несложен и очевиден: нищета одолевает людей, постыдная и нестерпимая нищета, и как жалко этих нищих и убогих, обманутых жестоко даже в своих малых ожиданиях.

Такого же рода ещё одну «физиологическую» зарисовку заносит Зоценко в свою тетрадь и подписывает: «Кисловодск, июль 14 г.». Показательно, что это вовсе не набросок к возможному будущему произведению. Напротив, обработанный, художественно завершённый, «прозаический» слепок с реального происшествия, поразившего автора чудовищной контрастностью, внезапно проявившимся в быту столкновении жизни и смерти, нормы и патологии, естества и уродства. «Разложение» – так озаглавил автор поразившую его до глубины души картину.

«Как изящно одет этот офицер! Или его изящество подчеркнуто целым цветником белых, прекрасных женщин?

Или это только кажется, потому что он весело хохочет и слушает жизнерадостную болтовню, без обязательства и логики. Вот той высокой и золотой блондинке он, наверное, даже не любовник – он случайный прохожий и милый спутник в дороге.

Он – изящество – нежно целует руку. Но она гневно и зло отдергивает и вытирает руку носовым платочком.

А он сконфуженно поворачивается в мою сторону. Какой глупый! Разве можно быть таким скромным и не дерзким.

Боже! – Он без носа, и рана страшной болезни даже не закрыта. Он разлагается. Он сифилитик.

Мне кажется, что здесь пахнет скверно и покойником, и нежные духи моей соседки только подчеркивают этот безжалостный запах разложения.

Я выйду сейчас на площадку. Или разобью это стекло».

Нетрудно заметить, насколько далеки зоценковские ранние литературные упражнения от смеховой стихии всем известных, популярных и любимых читателями рассказов. Однако между тем и другим обнаруживается, как представляется, глубинная связь: лаконизм высказывания (все рассказы невелики по объёму), тщательность отделки композиции произведения, выразительность языка, глубокая печаль (явная или подспудная), пронизывающая всё написанное, когда смешное до колик по размышлению оборачивается неизбывной грустью, нешуточной серьёзностью подтекста. Перед нами тот самый «смех сквозь слезы», который в российской словесности явил гениальный Гоголь: «Чему смеетесь? Над собою смеетесь».

У нас есть возможность проследить в самых общих чертах за трансформацией кисловодского материала, эмпиричного по своей сути, не претендующего на художественное обобщение, в эстетически весомое, со всеми присущими талантливейшему мастеру чертами и свойствами, создание высшей пробы юмористической с сатирическими блестками прозы.

Зоценко надолго запомнилось трагикомическое происшествие в Кисловодске, в которое он поневоле оказался втянутым. Вот что произошло в июле 1914 г. с находящимся на заработках петербургским студентом (рассказ «Эльвира» в книге «Перед заходом солнца»).

«Станция Минутка. У меня тихая комната с окнами в сад. Мое счастье и ти-

шина делятся недолго. В соседнюю комнату въезжает прибывшая из Пензы актриса цирка Эльвира. По паспорту она – Настя Горохова.

Это здоровенная особа, почти неграмотная.

В Пензе у нее был короткий роман с генералом. В настоящее время генерал приехал с супругой на «Кислые воды». Эльвира приехала вслед за ним, неизвестно на что рассчитывая.

Все мысли Эльвиры с утра до ночи направлены в сторону несчастного генерала.

Показывая свои руки, которые под куполом цирка выдерживали трех мужчин, Эльвира говорит мне:

– Вообще говоря, я могла бы спокойно его убить. И больше восьми лет мне бы за это не дали... Как вы думаете?

– А, собственно, что вы от него хотите? – спрашиваю я ее.

– Как что! – говорит Эльвира. – Я приехала сюда исключительно ради него. Я живу тут почти месяц и как дура плачу за все сама. Я хочу, чтобы он хотя бы из приличия оплатил бы мне проезд в оба конца. Я хочу написать ему об этом письмо.

За неграмотностью Эльвиры это письмо пишу я. Я пишу вдохновенно. Мою руку водит надежда, что Эльвира, получив деньги, уедет в Пензу.

Я не помню, что я написал. Я только помню, что, когда прочитал это письмо Эльвире, она сказала: «Да, это крик женской души... И я непременно его убью, если он мне ничего не пришлет после этого».

Мое письмо перевернуло все внутренности генерала. И он с посыльным прислал Эльвире пятьсот рублей. Это были громадные и даже грандиозные деньги по тогдашнему времени.

Эльвира была ошеломлена.

– Имея такие деньги, – сказала она, – просто было бы глупо уехать из Кисловодска.

Она осталась. И осталась с мыслями, что только я причина ее богатства.

Теперь она почти не выходила из моей комнаты. Хорошо, что вскоре началась мировая война. Я уехал».

Пройдет десять лет и реальный случай предстанет в художественно преобразованном виде в развернутом сюжете великолепного рассказа «Веселая жизнь», основное действие которого разворачивается в Кисловодске. Генерал пятидесяти одного года, проживающий в Петербурге, получит на сей раз полное имя. К нему будет придан плутоватый камердинер Васька Дидюлин. Эльвира превратится в цирковую наездницу мамзель Зюзиль. Исходная ситуация зиждется на том, что на склоне лет захотелось генералу потряхнуть стариной, весело пожить, и созрел у него план, с которым он не преминул познакомиться своего слугу: «Мы, богатые люди, тоже веселиться можем, только нам нельзя всё сразу. Ты вот погоди. Дай срок. Дотерпи до лета. Летом мы с тобой на Кавказ поедим. Повеселимся ужасно как. Всё равно за тихую жизнь мне никто спасибо не сказал. Ну а нынче желаю пожить разгульно. До того буду яростно жить, что если бог есть на небе или, например, херувимы, так они содрогнутся».

Всё описываемое, как всегда у Зоценко, подается в сказовой манере, с мнимой эпичной отрешенностью от изображаемого и одновременной погруженностью в него. Уникально раскован бытовой язык повествователя, виртуозны речевые характеристики, непредсказуемы сюжетные повороты.

Дальнейшее развитие событий связано с наперсницей генерала, в каковые он избирает виденную им однажды в цирке наездницу.

Визит к ней – уморительная комическая сцена, которые так удавались Зоценко в пору расцвета его неповторимого таланта:

«И вот входят генерал и Дидюлин в комнаты. У зеркала циркачка сидит. Вид у ней не ахти какой. Даже удивительно, как генерал заинтересовался ей.

Увидела генерала, руками всплеснула.

– Ах, ах, говорит, не подходите, генерал, я раздетая.

А генерал:

– Ничего, что раздетая, я по щепетильному делу.

– Ну, так, отвечает, садитесь тогда в сторонку и произнесите ваше дело. А я навьюшечку тем временем сниму, прическу причешу и снова буду красивая и изысканная.

Генерал башлычок свой развернул. Подходит.

– Имею, говорит, честь отрекомендоваться – военный генерал Петр Петрович Танана. Давеча сидел в первом ряду кресел и видел всю подноготную. Я, военный генерал, восхищен и очарован. Ваша любовь, мои же деньги – не желаете ли проехаться на Кавказ? Нужно жить да радоваться. Развязывай, брат Дидюлин, корзину.

У циркачки руки трясутся.

– Ах, ах, отвечает, мерси, генерал, не тревожьтесь беспокоиться. Не могу я так – раз, раз, по-воробыному, решиться на такое щепетильное дело. Я очень порядочная и за такие слова могу враз выгнать человека из помещения.

Генерал встает.

– Нет, говорит, не выгоняйте, умоляю вас. Я военный генерал Петр Петрович Танана, и всякие обиды и в особенности оскорбления действием мне невозможно перенести.

– Ах, ах, – говорит циркачка, – извиняюсь, генерал, я не хотела вас обидеть.

– Ну-с, – говорит генерал, – это ничего. Сердце у меня нежное и характер кроткий. Беги, брат Дидюлин, в полпивную, неси полдюжины пива. Нужно жить да радоваться.

Побежал Дидюлин в полпивную, возвращается – сидят у зеркала генерал с циркачкой, будто новобрачные».

Как будто всё предвещает восхитительное времяпрепровождение в Кисловодске, куда прибыли наши герои: «Кисловодск. Высшее человеческое парение». Да вот случилась закавыка: «Только замечает генерал: дама мамзель Зюзиль по этим местам не слишком шикарная, даже вовсе не шикарная. Одним словом, стерва.

Генерал с ней под ручку идет, а в публике смех. Тут кругом высшее общество, а она гогочет и ногами вскидывает».

Покинутая генералом Зюзиль находит защитника – мстителя в лице некоего кавказца, собственной персоной навестившего обидчика:

Здравия, говорит, желаю. Имею, говорит, к вам очень много чувств, дайте, говорит, за мои чувства тарелку супу. Я вам за едой дельце расскажу.

Генерал испугался.

– Вы, говорит, ко мне не подходите близко и в лицо не дуйте – я военный генерал Танана, и мне это оскорбительно. Говорите на почтительном расстоянии.

– Ах, говорит, так! Ну, так извольте. После этого вы мне прямой враг. Вы не смотрите, что нос у меня обыкновенный, нос этот мне от матушки достался, а я настоящий гордый лезгин и за честь женщины всегда вступлюсь. Объявляю вам, надменному генералу, что если вы не удовлетворите капиталом обиженную мамзель Зюзиль, так она оскорбит вас действием публично. А что до меня, то заявляю: выжимаю левой рукой три пуда, рука у меня тяжелая. Были даже смертельные исходы».

Переданные нахальной наезднице через Дидюлина отступные благополучно пропиты им в духане, а истомившийся в заточении генерал, потерявший бдительность, решается выйти подышать свежим воздухом, не подозревая о печальных последствиях своего неразумного поступка:

«Зашел в парк. Кругом духовая музыка.

Вот генерал и сам не заметил, как за столик сел... Потребовал себе еды. Сидит, кушает, музыкой восхищается.

«Ну, думает, ничуть не страшно».

Только вдруг видит: циркачка идет и лезгин рядом.

«Неужели, – думает генерал, – мало ей трех катенок?»
А циркачка подходит к столу.
– Что, говорит, не узнали, генерал?
– Нет, отчего же, – отвечает генерал, – узнал, машер, машер... И того, говорит, лезгина
– Ах, – говорит циркачка, – личность?
И с этими словами генерала по сухонькой щеке наотмашь.
Упал генерал в траву и лежит битый в тревожной позе. А лезгин схватил ска-терть, сдернул – все бланманже на пол рухнуло.
Захотали они оба и ушли.
Стали тут курсовые подходить толпами.
Собрали генерала с травы, положили на скатерть и домой отнесли».
Вроде на этом можно было бы закончить генеральскую одиссею веселой жизни: не удался долго лелеемый проект наслаждения радостями бытия. Но ведь согласно обычаям и нравам того времени прилюдно оскорбленный генерал обязан был или отомстить или покончить счеты с жизнью. Надо, однако, знать Зоценко с его непревзойденной изобретательностью эффектного завершения повествования, умением найти и поставить в любой истории непредсказуемо-парадоксальную финальную точку, которая неожиданно для читателя расширяет границы смысла представленного текста. «Веселая жизнь» не является исключением. Познакомим-ся с заключительной частью рассказа:
«К ночи Дидюлин домой явился пьяный. Пришел к генералу.
– Так и так. Прогулял денежки.
Ничего ему генерал на это не сказал, только кивнул головой.
– Подай, говорит, сюда огнестрельное оружие.
Дидюлин, пьяный, оружие подал – и к себе.
Спать сразу свалился.
Только наутро вскакивает, вспоминает все.
«Ну, думает, помер генерал. Вечный покой».
Вбегает в комнату, смотрит: сидит генерал на кровати и тоненько так смеется.
Весело.
– А, говорит, брат Дидюлин. Я, говорит, на тебя не сержусь. Они хитры, но и я хитер. Если бы лезгин меня ударил, то да – я бы застрелился. Ну а тут актриска ударила. Баба. А баба не считается... Ах ты, дураки какие!
На другой день генерал и Дидюлин уехали.
А в дороге покушал генерал через меру и помер от дизентерии».
Устраняется от аналитического препарирования этого великолепного образца комической прозы. Думается, и без моей подсказки мораль сей притчи ясна: неисповедимы пути господни; человек предполагает, а Бог располагает; не гонись за «веселой жизнью» и т.д. Подтекстных смысловых оттенков здесь куда как больше. И в то же время, как славно, что никакой назидательностью декларативной выделки Зоценко себя не обременяет.
Слава приходит к писателю, когда он переходит от неподдельной серьезности, драматизма начальных опытов и обращается к высочайшему искусству смеха и комизма, когда заурядное событие (как в случае с реальной цирковой акробаткой Эльвиной и её любовником-генералом) обретает общечеловеческие масштабы смехового эпоса.
После целого ряда литературных опытов Зоценко обнаруживает в себе природой данный ему писательский смеховой, комический талант, способность с не-проницаемо серьезным видом говорить весело и смешно. Открытый в самом себе с таким трудом необычайный дар для него отнюдь не самоцелен. Для него смех – средство очищения мира от всего наносного, грязного, убогого, бездуховного, безнравственного, средство утверждения здоровых основ жизни.
И ещё однажды Зоценко возвращается к кавминводскому материалу. В 20-х годах писатель активно сотрудничает с многочисленными сатирическими журнала-

ми, в которых публикует фельетоны, написанные по тому или иному поводу в связи с фактами абсурдно-курьёзного характера, сообщаемыми с мест.

Такого рода фельетонный отклик «Пора вставать», помещенный в журнале «Ревизор».

«Вообразите раннее утро в провинции. А именно: Минеральные Воды. Рабочий поселок Госстеклозавода.

Ещё довольно темно, но уже пора вставать на работу. Пора идти на этот самый стеклозавод. Гудок еще не гудел. И не скоро загудит. По той простой причине, что гудка на заводе не имеется. А как сообщают газеты «вместо гудка имеется целый штат кричалыщиков, содержание которых обходится в 2160 рублей в год.

Обязанность кричалыщиков состоит в том, что они, стуча дубинкой в окно, будят рабочих на работу».

Нами как раз тут и зафиксирован славный и ответственный момент пробуждения. Вот кричалыщики ходят, постукивают своими дубинками. Вот замелькали огоньки в халулах. Пора, братишки, вставать. Пора! Утро начинается. Вспоминается классическое изречение, кажется, что Пушкина или, в крайнем случае, баснописца Крылова: «Дети, в школу собирайтесь, петушок давно пропел». Кстати, насчет петухов. Дело происходит на Кавказе, и, может, там петухов не водится. Только, одним словом, петухи там не использованы для этой цели. А работает там штат кричалыщиков, которые и огребают, как мы указали, 2160 рублей.

В век пара и электричества прилично было бы устроить на заводе гудок. Оно, конечно, обслуживать его стоило бы немного дороже (поломка, починка, утечка пара и т. д.), но зато красота.

А кричалыщиков можно бы поставить на более полезное дело – бутылки выдувать или, еще лучше, какие-нибудь более порядочные стеклянные вещицы – блю-дечки или рюмочки.

Так что надо бы гудок схлопотать. Извиняюсь».

Связь Зоценко с Кавказом, не ограничилась Кавказскими Минеральными Водами благодаря тому, что в 1926 и 1927 году, а также в 1933 году он предпринимает поездки по югу России с чтением своих рассказов. Публичных выступлений писатель панически боялся в силу неимоверной застенчивости, «зжатости», жалюсь на проблемы с «нервным здоровьем». Требовались большие усилия, чтобы уговорить его решиться «выйти на люди». Как правило, все обходилось благополучно, не без отдельных шероховатостей, связанных с ожиданием какого-то числа слушателей видеть перед собой «хохмача», развлекателя по преимуществу.

Другие впечатления и наблюдения во время «гастрольного» знакомства с южным краем легли в основу рассказов и фельетонов «Великая годовщина», «Происшествие», «Много ли человеку нужно», «Не дают развернуться» и некоторых других.

Самым длительным стало путешествие писателя по южным городам в мае-июне 1933 года. На этот раз дебютное выступление состоялось в Харькове. И хотя, как всегда, Зоценко охватила почти непреодолимая боязнь перед выходом на сцену, ведомый опытным администратором П.И. Лавутом, он буквально преодолевает себя, и зал провожает тещу по завершении программы шумными аплодисментами. П.И. Лавут вспоминал: «Итак, вечер окончен, но харьковчане еще продолжают буйствовать, доносятся даже крики «браво!» и «бис!». Последнее невольно вызывает улыбку, когда адресовано писателю. Но искренний восторг все делает простительным».

Об общей атмосфере предпринятого тура можно судить по зоценковскому письму, адресованному жене, впервые фрагментарно опубликованному в журнале «Дон» (1987, №4):

«...Пишу из Ростова. Сегодня еду в Тифлис. Сделал за 2 недели 8 выступлений – 5 открытых и 3 закрытых. Не можете представить, как устал. Сердце неплохое, но усталость и нервы – ужасные. 15 выступлений, конечно, не выполню. Но если сделаю еще 3, то будет отлично. Администратор соглашается.

...Всюду, где были вечера, успех был огромный. Везде были аншлаги и суматоха. Но публика, конечно, уже не та, что в 26-м году. Требуется читать рассказы поглубже, а то не доходит.

В общем принооровился. Очень трудно весь вечер держать зал в своих руках. Читаю 6-7 рассказов, а остальное время разговариваю, отвечаю на записки и рассказываю о себе и о своей работе. Очень странно, что это слушается с таким интересом, как и рассказы. От себя я не ожидал таких способностей – говорить публично. Говорят, получается на редкость занимательно. Публика уходит довольная... Кое-где пришлось поругаться. Я наорал на публику за то, что пришли, как на концерт, а не как на литературный вечер. Такую получил записку – «Когда начнется концерт?»...

Но вообще интересно, если бы не усталость и бессонница. Сплю что-то плоховато и мало. Поддерживаю себя тем, что много ем. Дороговато стоит еда. Уходит чуть ли не сто рублей в день. Но приходится есть самое дорогое – икру и прочие деликатесы.

Очень хорош был вечер в Ростове. Много смеялись. Я был в подъеме. Но зато не спал почти ночь. Скорей бы сдать эти три вечера и отдохнуть. Оказалось труднее, чем я думал.

В Тифлисе пробуду 3 дня – 2, 3, 4. Потом по Военно-Грузинской дороге – в Кисловодск, где вечер 9-го. Там сделаю всего один вечер и приму 10 или 8 нарзан-ных ванн. А если буду чувствовать себя плохо, то из Тифлиса вернусь в Ленинград, что не хотелось бы, т. к. близко Кисловодск и мне устраивают там лечение...

Сейчас просил администратора не устраивать вечер в Кисловодске. Что мне гнаться за лишними деньгами? Пока не соглашается...

Забегаю вперед скажем, что энергичному Лавуту удалось-таки уговорить Михаила Михайловича выступить и в Пятигорске, кроме запланированной и осуществленной встречи с читателями в Кисловодске. Так что почти двухнедельный отдых вкуче с лечением в конце вояжа воспринимался достойной наградой за напряженный, сопровождаемый объективными и субъективными трудностями гастрольный график.

Зощенко в письме не упоминает ни словом о намеченном концерте в Баку. Между тем в силу непредвиденных обстоятельств его проведение оказалось под угрозой, о чем рассказал в своих воспоминаниях тот же Лавут. В поезде по пути в Баку при посещении ресторана Зощенко отравился рыбой, в результате чего попал в больницу. И только благодаря усилиям местного врача, оказавшегося страстным почитателем зощенковского таланта, ни на минуту не отходившего от больного, его силы были восстановлены, хотя общее состояние оставляло желать лучшего. О дальнейшем читаем Лавута: «На следующий день, 1 июня 1933 года, Зощенко должен был выступить в оперном театре. Тут он мог бы и отказаться. Но решил быть героем до конца.

В зале бушевали южные страсти – пуще, чем в Харькове. Рубен Аркадьевич (врач. – А.О.), высоко задрав ассирийскую бороду, победно оглядывал зал. «Если б не я, – говорил весь его вид, – как своих ушей не видать бы вам Зощенко!»

С не меньшим успехом прошли затем и вечера Михаила Зощенко в Тбилиси. Тоже в помещении оперного театра, тоже – при огромном стечении публики».

Так в основных своих компонентах обозначена «кавказская нота» в жизни и творчестве знаменитого писателя.

РОДНИК ЛЮБВИ*

«А где-то, в пышной осени Саратова...»

В середине 1960-х годов в Саратове выходили две областные газеты: застёгнутая на все пуговицы партийная «Коммунист» и комсомольская «Заря молодёжи», которой позволялись некоторые вольности: публикация лирических стихотворений, карикатур, бесед с заезжими знаменитостями. Хрущёвская «оттепель» настолько отогрела «молодёжку», что там даже редактор, Виталий Васильевич Колчин, занимал столь ответственную должность, будучи ещё студентом-заочником исторического факультета СГУ. Любитель поэзии, он собрал коллектив, в котором почти каждый писал стихи, а Василий Шабанов уже в то время считался профессиональным поэтом. Едва ли не в каждом номере публиковались стихи, естественно, к газете потянулись поэты, народ своеобразный, если не сказать странный, странный в прямом и в переносном смысле: заявлялись в редакцию путешествующие по стране молодые люди, представлялись поэтами, просили напечатать их вирши. Свежие и незатасканные строчки шли в номер, автор же, получив гонорар, отправлялся дальше покорять российские просторы. Однажды редакционный коридор наполнил собой не очень умытый и слегка помятый гражданин, представился: я путешественник, иду пешком из Сибири в Москву. Предложил обмен: вы мне десять рублей гонорара, я вам – свои путевые заметки. Рассказ его оказался интересным, обмен состоялся.

Каких только чудиков и чудаков не видали журналисты! Поэтому никого не удивило, когда октябрьским днём в кабинет редактора вошёл маленький (не выше полутора метров), тщедушный человек, назвал себя: поэт Геннадий Колесников из Астрахани, оттуда,

*где отливают радугой скворцы,
где солнце на сазанах запеклось.
Где мельницы кружат, скрипят капитки,
где рыбницы певучи, словно скрипки.*

К небольшому росточку его добавлялись горбы на спине и груди, но, несмотря на эти физические недостатки, посетитель держался раскованно, словно старый добрый знакомый. Сразу же предложил принять его в штат журналистом. Виталий Васильевич для начала предложил ему почитать стихи, и посетитель нараспев продекламировал:

ВАРДУГИН Владимир Ильич (1955 г. рождения), член Союза писателей РФ, заведующий отделом публицистики литературно-художественного журнала «Волга XXI век.»

* Коллективная повесть. К портрету Г. Колесникова. Продолжение. Начало в № 1(2007), № 2 (2008).

*Меняется лицо земли.
И мама пишет мне о том,
Что дом, где жили мы, снесли.
Он только снится – старый дом.
Давно ушёл из жизни дед.
На деда стал похож отец.
Зарос цветами алый след,
Стал вечным пламенем боец.*

Строки незнакомца понравились, особенно те, где говорилось о Волге:

*Горит, горит вишнёвым соком бакен.
На Волге мятный воздух – сердцем пей!
Такая ночь, что чудится собакам,
Как будто нет ни грязи, ни цепей.*

Уже через несколько дней, 11 октября 1964 года, на полосе литобъединения «Молодые голоса» напечатали стихотворение Геннадия Колесникова «Преданность»:

*Пропахла рыбой, словно невода,
Косматая у деда борода.
И, как в ракушках, у него в ушах –
Гуденье рек и шорох камыша.*

А 16 октября опубликовали его отклик на полёт космического корабля «Восход»: «Сквозь золотое утро октября // Умчались парни в звёздные края».

Колчину приглянулся немолодой уже (по меркам молодёжки), 27-летний астраханец, он устроил его в заводское общежитие (пока хлопотали о крыше над головой, ночевал в редакции на подшивках газет; располагались «Коммунист» и «Заря молодёжи» на улице Ленина, 94). После проверочного задания – написать очерк об агрономе Викторе Винокурове из села Ново-Захаркина Петровского района (очерк Колесникова «Яблоня» напечатан 23 октября) – Колчин издал приказ о зачислении со 2 ноября нового сотрудника учётчиком отдела писем. Эта должность оплачивалась как полставки оклада корреспондента, но и за эти 60 рублей месячного пособия Геннадий был благодарен, не раскачиваясь, включился в работу. Из номера в номер публиковались его очерки и статьи, он охотно ездил в командировки в Пугачёв, в Аткарск и в Балаково, привозя оттуда нестандартные рассказы о своих героях. Его заметки не пестрели цифрами, он не перегружал их фактами, умея несколькими лаконичными фразами создать образ. Его газетная проза была сродни поэзии: «Зажигает Саратов золотые огоньки. С шумом раскрываются двери вечерней школы. Выбегают на улицу после занятий десятиклассники. Колючий, как нарзан, ударяет в ноздри вечерний мороз. Звенит под ногами снежок. В портфеле – пятёрка по литературе. А утром – на работу. Хорошо!» (из репортажа «Первая перчатка» со швейной фабрики, 20 декабря 1964 года).

Он пришёл со своим, свежим видением газетной работы. Поручили ему написать отчёт с демонстрации 7 ноября, и он не стал перечислять, по примеру прошлых лет, достижения комсомольско-молодёжных бригад, а зарифмовал идущие колонны в чеканные строки репортажа с поэтическим заголовком «Под алыми парусами Октября»: «С жарким солнцем сдружитесь, // Не бойтесь холодной воды. // За здоровье боритесь, // Чтобы быть и в сто лет молодым!» – призывал он молодёжь, рассказывая о колоннах физкультурников.

Сам худющий, в чем душа держится (страдал костным туберкулёзом), он, однако, обладал недюжинной физической силой. Как легенду передавали из поколе-

ния в поколение журналисты «Зари молодёжи» об импровизированном турнире на проводах в армию фотокорреспондента Юрия Набатова. Гена Колесников подзадорил компанию заявлением, что он один поднимет утюг больше раз, чем все остальные вместе взятые. Юрий Никитин, Анатолий Горбунов, Иван Корнилов, Василий Шабанов, Юрий Преображенский довели счёт до 654 раз, после чего Колесников, открыв форточку и встав под струю свежего воздуха, покуривая сигарету, преспокойно выжал утюг 654 раза, после чего сказал: «Я подниму ещё пару раз, мне уже надоело. Хотя, ради прекрасной дамы (подруги новобранца – В. В.) доведу число до семисот».

Чувством юмора Господь не обделил Колесникова. Однажды, встретившись в коридоре гостиницы «Юность» с самым сильным человеком планеты штангистом Жаботинским, Гена сказал своим саратовским приятелям (они в столице обитали по случаю какого-то поэтического семинара), что он сильнее рекордсмена мира. И, подойдя к атлету, вызвал того на состязание, предупредив: «Если ты откажешься, я засчитаю тебе поражение». Рассмеявшись, Жаботинский кивнул: «Засчитывай поражение», и Гена победоносно глянул на земляков: «Чего я говорил!»

Ему бы не надо было ни курить, ни дружить с алкоголем, но, обделённый природой (всё-таки в душе он комплексовал из-за своих горбов), Гена старался не отставать от приятелей в этих чисто «мужских» занятиях, придумывая, чем бы ещё удивить друзей. Московский поэт Вадим Кузнецов рассказывал, как однажды после игры в бильярд (Колесников здорово загонял шары в лузы!) в ЦДЛ (Центральном доме литераторов) компания отправилась в кузнецовский гараж, чтобы там добавить. Крыша гаража – полукруглая, как распиленная пополам бочка. Гена вдруг заявил: «Спорим, я сейчас пробегу по потолку!» Ребята посмеялись шутке, а Колесников, сосредоточившись и долго раскачиваясь взад-вперёд, как пума в клетке, вдруг совершил головокружительный кульбит. «Я бы не поверил, если бы сам не увидел чёткого отпечатка Гениного ботинка на потолке», – вспоминал Вадим Кузнецов.

С людьми Колесников сходил быстро, в Саратове особенно сдружился с Василием Шабановым, самобытным поэтом. Да и вообще все в редакции любили астраханца, вели с ним нескончаемые беседы о поэзии (это Колесников предложил публиковать подборки стихов на всех четырёх полосах подвалом, чтобы можно было, сложив газету, получить 16-страничную книжицу), о жизни и газетных делах, Колесников в любой компании становился её душой. Однако к себе в душу никого не пускал, не рассказывал ни о себе, ни о своих близких. И только в стихах раскрывал затаённые думы:

*Станет страшно тебе.
Я давно этой мыслью напуган,
Вдруг случится такое
На склоне отсчитанных дней:
Скажет честное сердце,
Что нет настоящего друга
Среди многих твоих
На пирушке поющих друзей.*

Да и можно ли назвать друзьями тех, с кем съел не пуд соли, а пуд селёдки, заедая стопарик? У Гены были основания обижаться на всех и вся. Однажды ездил гостить в Астрахань, вернулся оттуда с симпатичной девчонкой, которую на другой же день увёл кто-то из «зарёвцев». «Вот так всегда», – мрачно отшучивался Гена, провозжая взглядом подругу, уходящую под ручку с новым кавалером. Как-то писатель Иван Корнилов, возвращаясь из Москвы, встретил в поезде сияющего Колесникова: тот вёз новенький журнал «Октябрь» с напечатанными там своими стихотворениями. Заговорили о поэзии, о природе творчества, «и тут я сморозил глупость, – сокрушается Корнилов, – сказав ему, дескать, тебе, как и Лермонтову,

физический недостаток помогает сосредоточиться на поэзии». – «Хорошо тебе – молодому, стройному, к тебе бабы липнут», – отозвался на тираду Корнилова поэт, и в его глазах заплескалась вселенская тоска...

«Гостить» долго кручине он не позволял, и уж совсем не пускал её в свои на удивление светлые и бодрые творения:

*Хлынь, метель, колоколя в Русь!
Чтобы в пляс пустились огни.
Замети мою боль и грусть,
Озорство во мне раздражи,*

поздравлял он сослуживцев с Новым, 1965 годом. Озорство у него было в крови. Колесников любил рассказывать, как он на перекладных добирался в Москву, чтобы там вычитать готовящуюся к печати его книгу. А однажды умудрился из Минеральных Вод долететь до столицы «зайцем» на самолёте, обведя вокруг пальца охрану и многочисленных контролёров. Шалости его были безобидны, его добрая натура не могла кого-либо обидеть или оскорбить. Разве что в сильном подпитии попадал он в передряги, вроде разбитого по неосторожности зеркала в ресторане, где порой оставлял последние свои деньги. Милиция к нему относилась снисходительно, особенно своя, родная, астраханская: его числили местной достопримечательностью, помня наизусть колесниковские строки о пароходиках, именующихся в дельте Волги трамвайчиками: «Трамвайчик тем уж знаменит, // Что сроду знаменитостей не возит». Но и блюстителям порядка как-то захотелось проучить острого на язык земляка, после одной из гулянок поэта посадили на 15 суток, спрятав в самый охраняемый корпус тюрьмы, поскольку Колесников заявил, что он и тюрьма – вещи несовместимые, пообещав удрать из-под стражи. И сдержал-таки своё слово. Повезли его на пустынный остров очищать пляж от мусора (трудотерапия!), и он, улучив момент, прыгнул в отходящий от причала катер и спрятался под лавкой. Ему удалось незаметно покинуть Астрахань. На попутке доехал до Ростова. Заняв деньги у журналистов комсомольской газеты (везде у него были приятели), улетел в Кишинёв на совещание молодых литераторов. Можете представить себе удивление начальника астраханской милиции (на уши были поставлены все милицейские силы в поисках беглеца), когда он, включив телевизор, увидел там Гену Колесникова, который, рассказывая корреспонденту центрального телевидения о своих творческих успехах, передал привет землякам и лично «товарищу полковнику».

В Саратове Геннадий Михайлович надолго не задержался. В начале февраля 1965 года написал заявление «по собственному желанию». Быть может, желание у него было другое, но Тося (так звали секретаря редактора Антонину Яковлевну Токареву) отказывалась заводить ему трудовую книжку, ссылаясь на то, что Колчин не давал команды. Виталий Васильевич, хотя и любил Гену, но... Как мог он выписать трудовой документ человеку, у которого не было паспорта! (он предъявил редактору лишь диплом об окончании ветеринарного техникума; по специальности работать довелось ему недолго: не мог сидеть он на одном месте!). И пустился Геннадий Михайлович в странствие дальше, оправдывая своё прозвище – «Колесо» и свои строки: «Мне тяжело в гостиничной постели. // Люблю я неба голубую холобуду, // Люблю я под ноги расстеленные степи». Кто говорил, что он осел в Куйбышеве, другие утверждали, что видели его в Волгограде. Передавали от него привет гостившие в Грозном и в Ростове. Но чаще всего его встречали в Москве, в ЦДЛ. Неоднократно возвращался Колесников и в Саратов, даже месяц-другой сотрудничал с «молодёжкой», публиковал свои стихи – и снова в путь! Он стал уже признанным поэтом, одна за одной выходили из печати его книги: «Предзимний сад» (1970), «Не перестану удивляться» (1974), «Остров состраданья» (1981), «Фламинго» (1983), «Автопортрет» (1986). Во все книги он включал стихотворения,

увидевшие свет на страницах «Зари молодёжи», видимо, ему была памятна его «болдинская» осень 1964 года, проведённая в Саратове:

*А где-то, в пышной осени Саратова,
Тихонько открывается окно –
И страсть моя ещё звучит сонатой,
Придуманной Бетховеном давно.*

Судьба отпустила ему недолгие годы (с его болезнью долго не живут). В зрелых летах он женился, поселившись в Пятигорске, где и скончался 11 сентября 1995 года на 59-м году жизни, лёг в ту землю, где похоронили убитого на дуэли его любимого поэта Лермонтова, о горестной судьбе которого Геннадий Михайлович с горечью замечал: «Умолк ты слишком рано. // Поэзия всегда убийцам мстит. // Как много на твоей земле тумана, // Но сквозь туман кремнистый путь блестит».

Друзья посадили на могиле Колесникова тополь в память о замечательной песне «Тополя», ставшей музыкальным символом благословенных 1960-х годов.

ГЕННАДИЙ КОЛЕСНИКОВ

СТИХИ ИЗ «ЧЕРНОГО БЛОКНОТА»

Тихи и вечны
Свет и тень.
Былое время
Помнит степь.
Здесь гибли
Целые народы.
Здесь сам Господь
Плутал впотьмах.
Теперь пастух –
Диты природы –
Стоит и курит
на холмах.
Не знает он
Ни светлых храмов,
Ни черных тайн
Магнитных бурь.
Свист ветра
С лошадиным
храпом,

Грозой спаленная
лазурь.
Лохматый волкодав,
ягнята,
В котле
задымленный
шулюм –
Вот что ему
на свете светит,
Вот что предмет
Нехитрых дум.
И этот жилистый
кормилец,
Сухой, безропотный
мужик,
Бывает пьян
как нечестивец.

Трехпалубный
от пристани
отваливал.
И в мареве рассвета голубом
Речной вокзал
светился,
как аквариум,
Мелькали люди-рыбки за стеклом.

Запомнил я:
У Волги разлучающей
Широк и ослепителен размах.
И плыли облака,
И плыли чащи,
И солнце
колыхалось
на волнах.
А где-то,
В пышной осени Саратова,
Тихонько открывается окно –
И страсть моя
Еще звучит сонатою,
Придуманной Бетховеном давно.
Трехпалубный гудит и содрогается...
Каким ты нелюдимым ни кажись,
А с первых робких взглядов
Начинается
Судьба иная,
Завтрашняя жизнь.

МАСТЕР

Бесплатные тихие
радости:
Сидеть под орехом
на солнышке
И слушать синиц
и капель.
Приди ко мне,
сотый апрель.
Вконец нищета
нас замучила,
Но жить до сих пор
не наскучило.
Опять прорастают
в душе
Надежды,
Мечты,
Вдохновение,
И даже еще кое-что.
Жить – это
большое умение.
И мастером быть
хорошо!

В БОЛЬНИЦЕ

... Я вошел на пытку
в процедурную.
Стал раздеваться,
как заведено.
Вдруг распахнула
медсестра окно
В весну, такую
раннюю и бурную.
Бросало в жар
от хлористого кальция,
И медсестра была
так симпатична,
И так шумела
белая акация,
Что быть больным
казалось неприлично.

210

Раздета настезь!
Смуглолица.
Исходит мед от
 бедер-дынь.
И тут нельзя не
 повториться,
И я воскликнул:
«Ты – царица!
И ты одна
 среди рабынь».
Да что царица!
Ты дороже.
В сплошных лучах
 шального дня,
С пушком,
 мерцающим
 на коже,
Ты – миг и вечность
Для меня!

210

Откуда красота
 берется –
В душе,
 в изгибах рук,
 в глазах?
Взбежала на бугор
 березка
И отразилась в небесах.
Сел на цветок
 простой кузнечик,
Плеснул в ладони
 ручеек,
И сразу стало
 сердцу легче,
И ты уже не одинок.
Поклон божественным
 созданиям.
Увидишь, как гора
 крута,
И вопрошаешь
 сверхсознанием:
Откуда
 эта красота?!

210

Гомер любовью
 ослеплен,
Убит любовью
 Квазимодо.
Но в наши дни
Любовь не модна.
И тот несчастен,
 кто влюблен.
И без любви
 пустые песни
Горланят группы
Ночь и день.
Трясутся на экране
 кейсы
И крашенная
 дребедень.

ПТИЧКА

Сколько лет прошло,
А я все помню.
Я увел тебя
К ночному полю.
Запрокинул звезды
Над тобой,
Постелил тебе
Весь шар земной.
Ты меня к груди
 своей прижала,
Под шелками ветра
 было жарко,
Сладко так
 кружилась голова.
А потом слова, слова,
 слова.
И конечно слезы,
 слезы, слезы.
И сплошные клятвы
 и угрозы.
О таком далеком,
Птичка, пой мне.
Сколько лет прошло,
А я все помню.

Снится мне
Деревянная Астрахань.
Поржавевшая в луже
Луна.
И поведал мне Бог
Тайну странствия,
И открыл эту тайну
до дна.
Волга словом
со мною обмолвилась.
Я ласкал ее темный
песок.
И туда, где прошла
моя молодость,
Тянет душу,
как ветром дымок.
Как любили мы!
Ах, неужели же
Всю любовь
Поразмыли дожди?
Что теперь я скажу
Старой женщине,
Как ребенок,
Прижавшись к груди?
И она не ответит,
наверное,
Промолчит над стаканом
вина.
Вот какую тоску
мне навеяла
Заржавевшая в луже
Луна.

Метели надоели
И дома невтерпеж.
Скворцы не прилетели,
А с галок что
возьмешь?
Рассветы посерели,
Закаты не горят,
Тоскую по сирени,
Скребёт по сердцу
март.
То, как ребенок, хнычет,
То стонет, как
старик.
И будущее нынче
Поставлено в тупик.
Снега осточертели,
Охота волшебства.
Скорей бы жить
в апреле,
Где солнце и трава.
Скорей бы дотянуться
До ландыша рукой.
И с удочкой согнуться
Над чистою рекой.
Разбить шалаш для рая
И милую внести,
И, молодость теряя,
Премудрость обрести.
Весна!
Растут таланты,
Кружится голова.
В стране еще бесплатны
И солнце, и трава.

Теннадия Колесникова
Д
МЕРМОНТОВУ

Где свет
легко играет с тенью,
И травы
лыбятся,
как шелка,
Где грозные обаяния
Средни душевному элементу,
Там в бронзе
Мермонтов
Открыв свое лицо
сидит,
Куда был сослан
Кавказу,
И где был по приказу,
с унылым
убийством...
Поэт!
Все эти нынче времена
Среди друзей
В глубинах сердца.
Я преклоняюсь
перед ними
И песни всеобщаются
с детства.
Александр

Молодые голоса

МАРИНА ОСОКИНА

МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРОД БРЯНСК

ЭССЕ

У каждого человека есть на земле такое место, где ему по-особенному тепло. Это город, деревня, село, улица, дом и двор, ступеньки, ведущие к порогу, где впервые ощутил мир и себя, откуда началась для него необъятная Родина. Для меня это место – наш Северный Кавказ, мой любимый город Пятигорск, живописный уголок России с необычайно красивой природой. Лишь несколько раз мне приходилось оставлять его, но всегда, возвращаясь сюда, я мысленно приближала момент, когда окажусь в родном месте.

И начиная свой рассказ, я хотела бы перенестись в самый, что ни на есть центр Европы, почти на границу с Белоруссией – в город Брянск. Как известно, брянщина – это партизаны в годы Великой Отечественной войны, великолепные сосновые боры, равнины, река Десна – водная артерия самого Брянска. Мне посчастливилось оказаться на этой исторически значимой для России земле благодаря олимпиаде по литературе, которая там и проходила. Первым впечатлением от города было, пожалуй, удивление и легкое недоумение. На улицах, в центре города, рядом с кирпичными зданиями, железобетонными конструкциями, отделанными в самых современных вариациях, стояли деревянные избушки по типу деревенских! Казалось, они лишь доживают свой век, и это какая-то ошибка. Но на самом деле в этом издревле всем духом русском городе, вообще в этой части страны старина, сливаясь с современностью, дает вот такие парадоксы! А мы, привыкшие только к каменным строениям, что характерно для Кавказа, и не оценили сначала всей прелести этих скромных, настоящих, жилых домишек во всей их оригинальности.

Каждый день, после написания работ и обеда нас возили на различные экскурсии по городу и его окрестностям. Мы были на знаменитом Дятьковском хрустальном заводе, своими глазами видели, как происходит весь процесс изготовления прекраснейших хрустальных изделий. Посетили и Дятьковский музей хрусталя, где долго ходили по залам и налюбоваться не могли на сказочные произведения рук человеческих.

ОСОКИНА Марина, студентка 1-го курса факультета международных отношений Пятигорского государственного лингвистического университета.

Недалеко от музея находится небольшая церковь. Внешне она выглядит скромненько и простенько, а весело и легко на душе становится от ее вида. Но когда заходишь внутрь, создается впечатление, что попадаешь в сказку. Весь золотой иконостас, все убранство внутреннего интерьера сделано из нескольких тонн... хрусталя! Увидев это раз, не забудешь никогда. Хрусталь, переливаясь в ярких лучах весеннего солнца, наливает все таким волшебным светом, блеском миллионов цветов, что глаза слепит! Священные образа, окаймленные тонкими изукрашенными хрустальными рамками, словно отражают этот яркий блеск, притягивают взгляд святым сиянием, и душа не нарадуется! Великолепнейшая огромная люстра в центре церкви, отлитая также из хрусталя, состоящая из великого множества мелких резных узорчатых деталей, переливается в сиянии огней, точно самый дорогой бриллиант, излучая какой-то таинственный одухотворенный свет, теряющийся в миллионах его граней. Описывать этот истинно божественный храм веры человеческой и труда человеческого можно бесконечно, но ведь правду говорят: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. И вспоминая эту «хрустальную» церковь, можно понять, как же все-таки велика сила веры в русском человеке! И она отнюдь не так хрупка и легко разбиваема, как этот искрящийся в лучах солнца хрусталь...

Вообще, в самом Брянске и его окрестностях, огромное множество и старинных, древних, переживших многое на своем веку, церквей и храмов, да и новых, только что отстроенных и не менее прекрасных священных сооружений. Столько церквей я и за всю жизнь не видела! Сразу чувствуется – это настоящая русская земля, духовность здесь на первом месте.

Также мы побывали в старинном имении Овстуг, где родился гениальный поэт Ф.И. Тютчев. Атмосфера этого поместья незабываема. Сама усадьба наполнена одухотворенным чувством поэзии, творчества, воспоминаниями... Комнаты убраны так, как было при жизни поэта, на стенах – интереснейшие портреты друзей и родных Тютчева, картины, автографы, документы – бесценные реликвии нашей российской культуры. Там всегда много посетителей. Вокруг дома – великолепный по своей красоте парк, небольшой пруд, в котором плавают самые величественные и преданные друг другу птицы – белые лебеди. И получилось даже немного символично, ведь этих самых прекрасных лебедей кормили почти из рук столь же прекрасные невесты, в белоснежных платьях (там одновременно гуляли два свадебных кортежа). И девушки, счастливые, очаровательные, вместе с лебедушками, на которых они были так похожи, словно скользили по земле, готовясь улететь ввысь... Такие чувства навеяла пора любви и тепла – весна, которую мы по-настоящему ощутили там, в Овстуге. Это было необыкновенное время, у нас такого не увидишь. Какой воздух, какие ароматы витали вокруг, как радостно-лирически пели птицы... Ах!.. И казалось, голова сейчас закружится от этого чувства легкой эйфории, этого чувства настоящей, нежно-прекрасной, тонкой и незабываемо мелодичной, оживляющей весны! Хотелось дышать этим воздухом, дышать, дышать, но нельзя, невозможно было им надыхаться... Все в цвету и жизни, все ликует и радуется, природа раскрывает все великолепие этого романтического времени года. Такого истинно весеннего дня, как в этом уголке России, я никогда в своей жизни больше не видела.

*Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебель колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редящего сна
Весну послышала она
И ей неволью улыбнулась...*

Ф.И. Тютчев

Жить и творить в таком месте, наверное, одно наслаждение. Но природа этого исторического края поразила меня еще и знаменитыми

брянскими лесами. Столетние, стройные, высокие, величественные сосны как хозяева взирали на нас. Какое-то странное чувство закрадывалось в душу при виде их. Красота неописуемая!

*Песок сыпучий по колени...
Мы едем – поздно – меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий –
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста!*

Ф.И. Тютчев

Угрюмый бор очаровал поэта даже ночью, но в самый разгар дня, весной он создает совсем другое впечатление. А пленящий запах соснового бора прокрадывался даже через открытые окна автобуса.

Погода стояла прекрасная, когда мы были уже в окрестностях Брянска, по дороге проезжали мимо множества маленьких деревушек, поселков, было ощущение, что мы попали на несколько сотен лет назад, и что все сохранилось так, как было много веков на Руси. Оказавшись около очень древней церкви, навевавшей опять-таки чувство старины, зайдя в нее, я почувствовала на себе какую-то святость этого места. Нет, не только потому, что находилась в церкви, не поэтому. Нас встретила тихая, смиренная, ласковая, добрая всей душой бабушка, она показала мне какой-то хранильницей этого места, она сама была чем-то похожа на эту церковь, которая радушно и тепло встретила нас. Таково было мое первое впечатление. Различные древние славянские предметы быта, посуда, орудия труда, украшения, старинные иконы, которые даже немного выцветшие, излучали теплый, духовный свет, церковные принадлежности, детали оформления древних храмов, каменные осколки древних сооружений, полотна с изображениями святых, сохранившиеся до наших дней – все это экспонаты небольшого музея внутри церкви, найденные при раскопках в окрестностях. Вместе с фотографиями, документами, различными интересными фактами, описанными в книгах, они были сокровищами древней славянской культуры. Поставив свечки и осмотрев этот настоящий духовный памятник, мы отправились дальше, шли по какой-то деревеньке, по дороге даже аиста на крыше одного домика увидели, и от души порадовались за его хозяев. Но вскоре оказались в таком месте, которое я уж точно не забуду, настолько оно вошло в мое сердце.

Пройдя несколько метров по густой зеленой траве, я увидела именно тот пейзаж, который описывали древние летописцы в своих книгах. Это равнины, раскинувшиеся на много километров вокруг, это леса, невозмутимые, величественные сосновые боры и милые березовые рощицы, окаймляющие раздолье полей, это река, как будто разделяющая на части этот простор земного рая... Истинно русская природа, «...здесь русский дух, здесь Русью пахнет...», – вспомнилось мне. Прямо под нами был покатым склон, под ним тек ручеек, такой маленький и беззащитный, по сравнению с той разлившейся, могучей рекой, которая виднелась вдали. Казалось, вот тут, рядом и эти деревья, колышущиеся на ветру, и луга эти перейти ничего не стоит, и до реки рукой подать... Однако расстояния-то на самом деле были немалые! Да все это великолепие и идти – не перейдешь, и скакать – не перескачешь, и лететь – не перелетишь! Долго мы стояли на этом месте, ходили, гуляли... Долго всматривалась я, любовалась, восхищалась, поражалась. Кто знает, какие мысли бродили в это время в голове у каждого? Но лично мне представлялись древние русские богатыри, скачущие на резвых, верных своих конях: велико их дело на Святой Руси, защищают они Родину от гостей непрошенных! Смотрела я на эту землю, и... наглядеться не могла! Как же странно, дивно подумать, что по этим полям, по этим лесам тысячелетия назад ходили мои предки,

великие князья русские, жены их прекрасные, народ православный... И дух захватывало, и сердце сжималось, и слезы наворачивались! И чувство настоящей, чистой, не наигранной, горячей любви к Родине, к стране, в которой я родилась, к этим местам, таким близким моей душе, разлилось по груди, как будто воздух здесь пропитан чем-то по-настоящему русским, добрым. Словно история живет здесь.

Возвращаясь к автобусу, мы проходили мимо новых, недавно построенных деревянных домов, видимо, игравших роль «загородных вилл» для своих обитателей. И вот представьте: домов-то было и немного, но абсолютно на каждом из них развевался российский флаг! Такого я больше нигде не видела. Это так поразило меня, что даже смеяться захотелось от счастья, сквозь слезы. Видимо, не только на меня производили такое впечатление эти места. И так не хотелось уезжать отсюда! Жить здесь, дышать этим воздухом, чувствовать на себе этот «русский дух», – вот чего я хотела больше всего в тот момент.

Вновь проходя мимо той древней церквушки, (действительно древней, ведь она стояла, наверное, не одно столетие, которая уже стала мне родной, вновь увидев небольшой пейзаж, как бы «продолжение» того места, которое мы только что покинули, я поняла, наконец, по-настоящему, что значит чувствовать себя русской, на своей «исторической», так сказать, Родине. И уже когда мы уезжали, добрая маленькая старушка махала нам белым платком, прощалась с нами, и ее глаза, сиявшие святостью, и образ ее навсегда слились в душе моей с образом Святой Руси...

Это путешествие было почти год назад, но впечатления так свежи в моей душе и памяти, что неотделимы уже от меня самой. Но могу также не сказать, что я настолько соскучилась по родным кавказским местам, что подъезжая к Минводам и заметив впереди родные горные хребты, чуть не закричала от радости! Думаю это «чуть» меня и спасло, иначе что бы подумали про меня пассажиры автобуса? Но в любом случае, я по-настоящему поняла, что значит для человека слово «Родина», «Малая Родина».

Гора Бештау. Художник В.П. Васин

Мы были, как цветы...

Забудешься,
Будешь забыт,

В закрытую форточку
птахою биться,
Осколком брильянта
тонуть в океане,
Подснежником в грязи
затоптанным быть.

И помнить,
Как все начиналось.
Но в этом и таится прелесть –
Ключей так много, а замок один.

В любви,
как в омуте,
мы тонем.
Мы
растворяемся
в любви.
Мы душу
то теряем,
то находим,
Не замечая,
как слабеем мы.
А притяжение земли
Из колбы высыпает время.

Нас забавляло все...
И даже время,
что безбожно пролетало мимо.
И то,
что к нам приходит эдакая «взрослость»,
Учившая стремлению к стандартам,

Обманывать себя, других –
«во имя блага»,
И в серых буднях видеть майскую погоду.

Мы потеряли все,
стремясь, все получить.
Нам голубое небо –
атмосфера.
Мы звезды разделяем на созвездья,
Чтоб те не просто так висели в небе,
А нам судьбу предсказывать умели.

Мы просчитали все.
Нам все приелось.
Когда свободно мыслить, думать по-другому?
Такие люди есть...
они за это деньги получают.
«Полет фантазий»...
довольно, это было в детстве!
На солнце пятна –
это просто вспышки.

... Не так давно нас забавляло все.
Мы были, как цветы.
И только распустили лепестки.
Мы были так малы,
а мир – такой огромный.
Нам красное светило на щеки
Рыжую пыльцу крошило,
Когда хотели мы на нем те пятна разглядеть.

Мы замечали переливы тысячи цветов
В одной лишь капле утренней росы.
Мы так хотим вернуть то время,
но поздно...
Мы – опавшая листва,
загруженная в вихре суеты,
Попавшая в поток реки
из белых и контрастно-черных полос.

Мы просто не поймем,
что нам не просчитать то время
И на немножечко продлить.
Да так,
чтоб и на жизнь осталось,
И так,
чтоб это было
и не приелось...
И жизнь порадовать успела.

Искусство

ТАМАРА КУЛИКОВА

НЕДРЕМАННЫЕ ВЫСОТЫ

В первую неделю июля ушел из жизни народный художник России, трогательно и нежно живописавший природу, Павел Гречишкин...

Мне не дает покоя воспоминание о прошлогодней, к большой горечи, последней встрече с ним. Это было в Золотом зале Дома правительства. Павлу Моисеевичу вручали награду Героя труда Ставропольского края, а я получала знак «Заслуженного работника культуры РФ». Знали мы друг друга давно.

Во время работы в «Ставропольской правде» написала очерк о творчестве Павла Моисеевича, а потом с творческой группой Ставропольской студии телевидения сняла фильм о нем. Над этой документальной лентой мы трудились больше месяца. Вместе с художником выезжали в Теберду, он показывал места, в которых работал, знакомил с друзьями и учениками, коллегами. Показал картины, украшавшие многие залы в фойе музеев, учреждений Ставрополья и Карачаево-Черкесии.

Лента эта не сохранилась нигде. Осталась единственная надежда, что «жив» подаренный когда-то самому художнику экземпляр телефильма. После торжественной процедуры нашла Павла Моисеевича в фойе. С облегчением узнала, что копия есть, и, конечно же, он даст ее переписать. В зале пили шампанское и оживленно переговаривались. Павел Моисеевич заговорщицки подмигнул: «А давайте сбежим отсюда. В мастерскую. Есть кое-что из работ, вам – покажу».

Я замаялась. Дел было много. Да и исчезнуть просто так, когда рабочий день продолжается, не очень просто. Одним словом, поблагодарила Павла Моисеевича и пообещала зайти позже. Не зашла. Есть возможности, которые даются только однажды.

Передо мной два документа:

Первый: «Настоящее удостоверение выдано ученику 6-го класса НСШ с. Тарка ГРЕЧИШНИКУ П. в том, что он за выдающиеся способности по рисованию премируется в третьей четверти 1938 года. 25.1У.1938. Директор ДОБРИНСКАЯ».

Второй: «Уважаемый Павел Моисеевич!

5 марта с. г. я был принят премьер-министром Индии Индирой Ганди. Я рассказал ей, что в день 32-й годовщины Республики Индии, который широко отмечается в нашей стране, было проведено торжественное собрание в Москве, в Доме

КУЛИКОВА Тамара Дмитриевна, заслуженный работник культуры РФ, заместитель начальника информационного управления, руководитель прессслужбы Государственной думы Ставропольского края, член Союза журналистов РФ

дружбы, с участием видных государственных и общественных деятелей и что к знаменательной дате была организована выставка произведений заслуженного художника РСФСР П. М. Гречишкина, где выставлено более 50 его картин. Одну из этих картин, «Вечер в Джайпуре», я преподнес от Вашего имени и от имени Общества советско-индийской дружбы Индире Ганди. Она просила поблагодарить Вас и передать Вам наилучшие пожелания и успехов в Вашем творчестве.

Президент Общества советско-индийской дружбы В. ГОЛДИН».

Первый документ – на потертом, пожелтевшем от времени тетрадном листе. К другому приложена изящная визитная карточка с золотым грифом:

«С восхищением. Премьер-министр Индии Индира Ганди».

Две бумаги – дорогие сердцу Павла Моисеевича. А между ними – целая жизнь, которую вряд ли в состоянии осмыслить, а не только пересказать – посторонний. Но прикоснуться к ней – я попробовала, и память об этом сохранила надолго.

Когдаходишь во двор одноэтажного особняка на окраинной улице, напоминающей деревенскую, будто попадаешь в другой мир. От дома к мастерской ведет березовая рощица. И какая! Настоящие русские красавицы со стволами снежной белизны – глаз не оторвать. А рядом – куст рябины, пирамидка голубой ели. Кажется, даже воздух здесь по-лесному чист и прозрачен.

Над дверью мастерской, словно у входа в русский терем, – узорчатый деревянный карниз. Сажены для своего рукотворного «леса» Павел Моисеевич вез издалека. Чтобы расчистить место, выкорчевал фруктовые деревья. Рассудил так: груши да яблоки можно на рынке купить, а вот запаха березовых почек, шума запутавшегося в серебристых кронах ветерка не купишь ни за какие деньги.

Признаюсь, до того, как познакомиться с Павлом Моисеевичем, считала его человеком для художника – слишком благополучным. Только когда ближе узнала этого уникального человека, поняла, как не права была. Признание пришло не вдруг и не сразу, никогда не была простой жизнь этого человека.

...От дома родного, что некогда тонул в садах небольшого села Татарки, и сейчас открывается вид на гору Недреманную. Какой огромной казалась она мальчугану. Убежав из дому, затаившись где-нибудь в укромном уголке, Павел любил наблюдать за чудом: в солнечную погоду за Недреманной на горизонте проявлялся абрис Эльбруса. Нужно было ловить момент, потому что, словно мираж, через мгновение великан растворялся в знойном мареве. Но очарование «пришествия» еще долго не оставляло мальчишку. Возвращался домой, озадачивая родителей недетской отрешенностью и молчаливостью.

Родителей, простых колхозников, мальчик вообще довольно часто удивлял. Бегал за село, выбирал из облюбованной им ямки глину и пытался лепить фигурки. Причем – не так, как это случается с детьми: поиграл и забыл. А систематически, упорно. Наделает зверьков и ждет, пока не высохнут, а потом чуть не плачет от того, что на солнце они трескаются. За впечатлительного, не похожего на других своих двух братьев сына, мать опасалась. Но никогда ни она сама, ни отец не пытались запретами да угрозами разрушить хрупкий мир, в котором жил мальчик. В пять лет Павлу подарили масляные краски, отец собственноручно смастерил кисточку из кабаньей щетины. Может, с того момента и началось рождение художника?

Из детства у Павла Моисеевича осталось несколько работ, прошедших с ним через годы испытаний и войну. Это картинки на фанере, написанные неумелой еще рукой. На одной – лунная ночь, мельница, избы. Наивный, с налетом сказочности, пейзаж. Но вот что интересно: чем больше всматриваешься, тем яснее понимаешь, что между мастерски выполненными полотнами зрелого художника и этой картинкой – самая прямая связь. Конечно, время добавило задумчивой лунной картинке из детства оттенки сумрака и печали. Но, может, и это не случайно?

Начало тридцатых годов запомнилось неурожаем и голодом. А пуще всего – страхом. Едим ползучим дымом-туманом перебирался он из хаты в хату, наводняя село недобрый предчувствием. «Раскулачивание» – это слово боялись произнести вслух. Однако у каждого при мысли, что не обойдут и его двор, сжималось сердце.

Комиссары из Комсода (комитета содействия по борьбе с кулачеством) не жалели ни малого ни старого. Крыта крыша железом – жди прихода «гостей». До нитки тогда разорили некогда крепкое казачье подворье деда по материнской линии. Записали в кулаки только за то, что были у него в хозяйстве две лошаденки-помощницы. Так и пропал дед неизвестно где – то ли в тюрьме, то ли в ссылке. Нагрянула грозная власть и в дом отца. Их было трое, одна женщина – перетянутые ремнями кожанки, галифе... Ворвались с бранью. Требовали, чтобы отец немедленно показал, где скрывает хлеб. Дюжий комиссар в ярости грохнул об пол казанок с картошкой, а потом все трое шомполами «прощупывали» землю во дворе и на огороде.

Той же ночью, собрав нехитрый скарб, всей семьей Гречишкины двинулись в путь. И вовремя. Голод все страшнее сжимал удавку на плоти разоренного села.

Аул Коста Хетагурова, куда прибыла семья, встретил беженцев радушно. Раскулачивание чудом обошло эти благодатные места. Старый знакомый отца, осетин Геоев принял бедствовавших без слова упрека. Жили как единая семья. Жаль – недолго. Скоро Гречишкины вновь снимаются с места, переезжают в село Осташево Московской области.

Тихая красота русской природы разительно отличалась и от картин степного Ставрополя, и от необычайно ярких пейзажей горного Кавказа. Но она пришлась по сердцу впечатлительному паренюку. Самыми дорогими стали для него часы, проведенные в лесу. Это было не столько стремление к уединению, сколько почти интимное общение с природой, когда и небо, и затененный пруд, и вербы над водой казались живыми, одушевленными. Павел любил уходить к часовенке на берегу реки. Только напившись чистотой воздуха, запахами разнотравья, звоном кузнечиков, он мог писать. И еще – глубоко внутри жила уверенность: там, где церковь, есть защищенность.

Много позже, уже зрелым художником, Гречишкин вернулся в дорогие сердцу места. Ни тихой Рузы, ни грустных ив, ни ветряной мельницы – ничего не осталось. Все затопило водохранилище. Только купол церквушки с упрямым непокорством торчал посередине. Но сейчас не о том. Можно затопить лес, отравить поле и речку, но с воспоминаниями расправиться невозможно. Они с потрясающей точностью воспроизводят картины былого. Это та красота, которой художник поклонялся истово; которой жил и спасался.

Гречишкин был уверен: когда в 1943 году его, рядового 31-го отдельного автотомобильного полка, с тяжелой формой туберкулеза увезли в госпиталь, спасся он не пилюлями. Около 130 этюдов написал он тогда. Комиссованный по причине неизлечимой болезни, вернулся в родные места не умирать, а работать. Захватив нехитрую снедь – бутылку молока с краюхой хлеба да кусок сала, каждый день уходил в лес, в поле. Искал композиции для новых работ. Писал. Дышал. Жил. И... выздоровел.

Вспоминаю, как сидели в тиши берез рядом с мастерской и разговаривали:

– Какая сила помогла, спрашиваете? Чистая, только чистая. Да Вы посмотрите вокруг. Небо – видите, какое? А воздух, а запахи... – он как-то особо вкусно втянул в себя воздух.

Я слушала его, ощущая небо – действительно изумительное, ветерок насыщен абрикосовыми ароматами, и от по-весеннему парящей земли становится тихо и покойно на душе. Гречишкин – из поколения людей, которые, несмотря ни на какие беды, не разучились видеть небо... А может, только так и можно выжить, сохранить себя и свою душу?..

– Все основное для художника идет от неба. Это главный источник движения, настроения. Нигде нет такого неба, как в России. Я поездил, могу судить. В нем тысяча характеров и миллион оттенков.

Вот, говорят: если художнику работа, которую он написал, не нравится – это хорошо. Значит – самокритичный. А я не понимаю, как можно жить, если все время «не нравится», зачем писать эту картину и следующую, вообще – зачем писать? Я люблю и сам процесс работы, и ее результат. Как же можно – не любить свое детище? Первый мазок сделал – удачно, – и потянул ниточку, и мазок этот уже поет...»

Я знаю, что «поющий» мазок появляется не сразу. Примерно сорок процентов картин, сделанных художником, зритель не увидит никогда. Гречишкин их безжалостно уничтожил. Многие из картин, что видела в его мастерской, Павел Моисеевич переделывал по многу раз и по многу лет. «Стрижамент», по его словам, «не поддается» – и все тут.

Вспомнить страшно – сколько написано зарисовок, очерков о людях, где прославлялась исключительно борьба человека: с жизнью, с оппонентами, с врагами, с самим собой наконец. «Вечный бой» редко дает личное счастье, а еще реже – от этого счастливы другие.

Все чаще прихожу к выводу, что в запале борьбы, привычке к конфронтации мы утрачиваем способность радоваться и давать радость другим. Как редко встретишь нынче ясные лица и открытые чувства! А ведь именно такой поддержки порой недостает человеку, чтобы дать выход собственному свету, который, уверена, есть у многих. Только свет способен породить свет, и только такая цепная реакция может противостоять темным силам. Так, может, не деньги, а вот это чудо надо копить всю жизнь, чтобы передавать близким и далеким с благодарностью да любовью, как делал это народный художник?!...

Удивительное впечатление производят дневники Гречишкина, которые он, оказывается, вел каждый день и сам предложил мне почитать. «Очень мирный и хороший день...», «Счастливые дни...», «Погода меняется, и все прекрасно...», «Ходил по берегу, любовался перелесками и полянами. День был счастливым...». Читаешь записи с невольной завистью. Ну скажите, кто из нас помнит счастливые моменты вчерашнего дня? О чем спешим рассказать другу? Часто ли о радостях? Мы ведь и живем-то: как бы от противного. Любим через нелюбовь, разочарование, неверие. А он любил от любви, ощущая жизнь как великий и бесценный дар.

Может, потому Гречишкин и казался кому-то из коллег «уж очень благополучным». В Ставрополе, где прожил большую часть жизни, Павел Моисеевич в некотором роде – личность легендарная. Досужие языки утверждали, например, что на книжке у него лежит – ни мало, ни много – миллион долларов и есть счет в швейцарском банке. Самому Павлу Моисеевичу, как-то, подвозя домой, сообщил об этом таксист. Гречишкин вежливо выслушал и пригласил того зайти в дом, посмотреть, как живут «миллионеры».

Скромность быта четы Гречишкиных, скорее стиль жизни, чем скудость средств. Но и их никогда не было слишком много. И не потому что картины трудно было продать, просто далеко не всегда художник готов был сделать это.

Гречишкин, казалось бы, всегда был далек от политики. Но вот парадокс – именно этим откровенным игнорированием он частенько и раздражал. Ненавязчиво ему советовали перейти к «индустриальным» или сельскохозяйственным пейзажам с тучными нивами и победоносной техникой. Гречишкин продолжал гнуть свое. Его упрекали в топтании на месте, в фотографичности, а он, будто не слышал, писал цветную степь и зеленые холмы.

Как-то в восьмидесятых годах – «осчастливили» – предложили расписать стену в гостинице для VIP-персон аэропорта. Он отказался. Тихое упрямство художника (в который раз!) стоило ему перспективы авторской выставки в столице. Пейзажи Гречишкина далеки от политики, и все-таки картины его никогда не были нейтральными. Поднаторевшие в своем деле чиновники от искусства, люди, сугубо чувствительные к любой крамоле, не могли не заметить и того, как упорно художник писал церкви и церквушки. Они то величественны и прекрасны («Строгановская церковь»), то задумчивы и печальны (церковный комплекс в Кижях и на острове Валаам). Чудом, высшим проявлением творческого духа человека парят они над металлической архитектурой городов.

А чего стоят густо заселенные дворики средней полосы, в нищете которых – боль за Русь и восхищение ее тихой прелестью. И эти дворики, и пристани, и заросшие травой, заброшенные дороги потрясающе узнаваемы. Но сказать так о пейзажах Гречишкина – значит, ничего не сказать. В живописи, казалось бы, ясной и открытой, есть своя тайна. Его картины похожи на стихи, когда из сочетаний про-

стых, понятных слов вдруг рождается мощное по силе воздействия впечатление. Как это происходит? Не объяснишь. Как не объяснишь тайну поэзии или музыки. И в то же время говорят, что по картинам Гречишкина можно изучать природные зоны Северного Кавказа. Может быть. Художник очень точен в деталях. Но это не фотография, а высокое и ответственное искусство.

Целый год он прожил в Тебердинском заповеднике, устроившись туда работать общественным инспектором. Излазил все уголки. Но вот такая малая деталь – и это заметил известный в крае исследователь, краевед В. Скрипчинский – какую бы картину Гречишкина ни взял – абсолютной точности не найдешь нигде. В композицию, в расположение деталей художник умудряется внести такие коррективы, при которых уголок природы перестает быть фрагментом определенной географической точки, а приобретает композиционное завершение целостного замысла.

В картинах Гречишкина – не конкретность фотографии, а конкретность строения, состояния природы. Каждое полотно как бы излучает свет, запахи, краски жизни. Все это завораживает, притягивает. И сколько таинственного, неведомого открывается тебе вдруг! Так и стоит перед глазами его «Домбай». То ли тучи, то ли обрывки тумана заполонили мир. Ночные фантастические тени острыми языками слизают солнце; мохнатые демоны-привидения преображают природу, знаменуя переход от света к тьме, от тепла к стуже.

Не раз думала, почему даже самые печальные, трагические моменты в картинах Гречишкина не вызывают угнетенного состояния? И кажется, поняла. В природе, какой бы момент ни запечатлел художник, он видит, прежде всего, красоту, которая всегда созидательна. Очень хорошо об этом как-то сказал, ныне покойный, народный артист РСФСР Виктор Григорьевич Фоменко, большой любитель и знаток живописи. «Он обожествил природу, обнажил её красоту и одухотворенность. Его картины самодостаточны». Они поражают живостью и эмоциональностью, хотя там нет людей. Почему? Гречишкин говорит, что Бог не сподобил.

Сразу после войны начались поездки Павла Моисеевича в Дом творчества «Синеж», где он и прошел главную школу мастерства. Был момент – все писали колоритного бородатого деда. Подключился и он.

– Старался. Вспотел. Измучился весь. Чувствую, подходит сзади очень уважаемый мною художник. Положил руку на плечо и говорит – лучше всего борода получилась. Очень на куст похожа... С той поры жанровой и портретной живописью почти не занимаюсь.

«Почти» имеет свое объяснение. Если, по словам самого художника, русские пейзажи не терпят прямого присутствия человека, то картины Индии невозможны без людей. Впрочем, и здесь основным для художника остается не столько стремление показать экзотику незнакомой страны, сколько дух ее. Где бы он ни был – а стран Гречишкин посмотрел немало: Франция, Италия, Греция, Турция, Япония, Египет, Непал, Мексика, загадка виделась именно в этом. Его дневниковые записи пестрят мучительными вопросами: «Какая же она, Индия? Мексика?»

На этом пути нередки и разочарования.

– Сколько ни ходил, ни смотрел, не почувствовал я ничего! – это признание Гречишкина по поводу Франции. – Аккуратно расчерченные поля, подстриженная трава, безукоризненно выкрашенные домики. Все будто для выставки приготовлено. Скучно. У нас у каждой российской избы свое лицо, у каждого дерева своя судьба... А тут, – будто под линейку и циркуль матушка-природа работала.

Может, и не совсем прав был художник, но в словах его звучала честность глубоко и сильно привязанного к своей земле человека. Именно потому, что так крепко его любовь к красотам Ставрополя, России в целом, Гречишкин принял важное решение – большую часть своих картин (150) передать в дар родному городу. Долго обивал Гречишкин пороги инстанций в поисках помещения. Наконец – нашли подходящее. Отдали под картинную галерею просторные залы шедевра архитектора Кускова – мечеть. Во время ремонта художник едва ли не сам красил плинтусы и стелил полы. Позже на базе выставки стали проводить

музыкальные вечера, лекции по истории искусств. Вошли в традицию выступления детей из музыкальной школы, уроки для ребят из художественной. Сейчас здесь располагается значимая картинная галерея, носящая его имя. А количество произведений, хранящихся в ней, давно перевалило за несколько сотен!

– Если не себя, то хотя бы наших детей мы должны вернуть природе. Вот говорят: жестокими стали дети. А кто в этом виноват, разве не мы сами? Живем в каменных мешках. Утром на работу – вечером назад. Ничего не видим и не слышим, и детей воспитываем глухими, слепыми к природе. Знаете, когда после городского шума я попадаю в лес или степь, я – глухой. Только через время различаю и плеск воды, и стрекот кузнечика, и пенье птички. А кто наших детей учит видеть и слышать все это? Вот они и считают, что самое большое удовольствие – это посмотреть «видак» или на компьютере выиграть очередной игровой бой.. Бедные. Счастье – когда ты один в степи, – и высокое солнце, и ковыль, и жаворонок поет...

В ПЛЕНУ У ПЛЕНЭРА

«Я хочу быть в ладу не с теорией, а с природой, для того чтобы правильно изображать природу, необходимо, чтобы глаз постоянно находился с ней в контакте»

Поль Сезанн

П. Трещинкин

Исполнилось 60 лет известному на Ставрополье живописцу, признанному мастеру пейзажа, Виктору Федоровичу Комарову. Уроженец села Горькая Балка, уже много лет художник живет в небольшом поселке Винсады Предгорного района жизнью мирной, обычной, но от этого не менее счастливой. Как говорится, построен дом, выросли дети, посажен сад. Он растет за окном, расцветает нежным цветом на полотнах художника. И тот, другой, живописный, самый желанный и дорогой. Ему посвящены труды и дни художника.

Более 30 лет Виктор Комаров занимается изобразительным искусством. Позади годы учебы в Карачаево-Черкесском государственном университете (художественно-графический факультет), работа в Пятигорском отделении художественного фонда России, повышение школы мастерства в домах творчества Союза художников России – «Академической даче И.Е. Репина», «Горячем Ключе», активное участие в выставках – региональных, всероссийских, международных. Хорошо знают художника и в краевом центре. Свой юбилей Виктор Комаров отметил яркой и содержательной ретроспективной выставкой в Ставропольском краевом музее изобразительного искусства. Место выбрано не случайно. Тема малой родины человека – основная в творчестве этого мастера. С днем рождения и открытием персональной выставки художника сердечно поздравили министр культуры Ставропольского края Т.П. Ивенская, директор Ставропольского краевого музея изобразительных искусств З.А. Белая, коллеги по региональному отделению Союза художников России. Но для самого художника, пожалуй, высшей наградой является радость каждодневного труда – вдумчивого, серьезного, созерцательного. 150 живописных полотен было представлено в экспозиции, и это лишь малая часть того, что удалось сделать художнику.

Сегодня мы говорим о сложившихся индивидуальных чертах пейзажной живописи его творений: цельная и удивительно красивая воздушная и цветовая гамма, тонкие перламутровые переливы красок, умение автора выбрать сюжеты непритязательные, обыденные и выразить их искренне и непосредственно, с проникновенной лирической нежностью и чуткостью.

Изобразительный язык автора прост и ясен: тихая деревенская окраина, гладь лесного озера, весеннее дыхание неба, заросли трав и кустарников. Внимание и интерес автора привлекают малые и скромные явления этого мира, он любит тихими и малодоступными уголками, переживает волнение при виде как будто привычных, повседневных картин. Отсюда и неспешное живописное повествование: «Утро. Озерко. Подкумок», «Мостик. Зима. Бештау», «Солнце на воде», «Водопад», «Сумерки». Не

АЛЕКСЕНКО Ольга Сергеевна, заведующая экспозиционным отделом Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова

каждому мастеру удается так глубоко почувствовать природу, так тонко передать ее различные состояния: тишину летнего вечера, очарование закатов, печаль пасмурного неба, причудливые рефлексии и отражения на водной глади.

В каждом полотне автор создает обобщенное и опозитивированное живописное пространство, перед которым зритель, созерцая, переживает подлинное художественное наслаждение. Люди отдыхают душой перед полотнами художника, они снова верят в добро и красоту.

Вот несколько строк из книги впечатлений, которые оставили посетители Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова: «Спасибо за доставленное удовольствие. Красивый и богатый мир замечательного человека и художника» (москвичка Р. Голубева), «Ваше творчество вдохновляет, вызывает возвышенные чувства. Преклоняюсь перед вашим талантом. С благодарностью из Краснодара (И. Брест), «Затронула и взволновала тема картин Комарова. Спасибо за то настроение, что осталось у нас после посещения выставки» (ученики школы № 1 г. Пятигорска).

Так просто и сердечно сказано о главном, ради чего и происходит встреча зрителя и художника, когда первые обогащаются духовно, формируют для себя новую художественную эстетику, а вторые, выйдя за пределы творческой мастерской в пространство выставочного зала, получают ответ на вечный вопрос: нужно ли его творчество?

Свои творческие задачи Виктор Комаров определил в одном из интервью: «Мастерству я учился у природы. Старался точнее передать увиденное, прочувствованное. Красота всегда рядом. Всмотрись, любой уголок неисчерпаем для художника, его можно писать бесконечно, и каждый раз он будет казаться новым.»

Расширяется тематическая направленность творчества. Помимо чистого пейзажа появились работы на тему исторических мест края: картины «Пятигорск. Дом А.Алябьева», «Пятигорск. Дом Бернардацци». В своих урбанистических пейзажах художник изображает как типичные для средней полосы России подмосковные храмы, так и старинную архитектуру окрестностей Кавказских Минеральных Вод: «Храм св. Лазаря в Пятигорске», «Храм св. Георгия в Пятигорске», «Храм св. Николая». И, конечно, волнующая художника тема лермонтовского Пятигорья. Она органично вошла в круг произведений мастера. Вслед за великим поэтом, художник, воспевая красоту родного края, вправе сказать: «Весело жить в такой земле!»

НОВЫЕ КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

- *Александр Мосинцев. Чаша цикуты. Стихотворения последних лет. Северо-Кавказское издательство «МИЛ», Пятигорск, 2009.*
- *Евгений Карпенко. Сезон дождей. Рассказы и повесть. «Дониздат», Ростов-на-Дону, 2009.*
- *Мариам Ибрагимова. Собрание сочинений. Том I. Том II. «Издательский дом «Империум XXI век», М, 2009.*

ТЕПЛО И СВЕТ ДУШИ

*Должны картины говорить,
Волнуня душу и сознание,
И, озаря мирозданье,
Должны являть желанье жить.*

М. Бегер

Глядя на разнообразные пейзажи живописца, излучающие тепло и свет, зритель переносится то в неповторимые красоты осени с ее неистощимым богатством красок, то в голубизну теплого зимнего дня, то в ясный погожий летний день, то замирает у изображений святых, мучеников, чудотворцев. Народный художник Карачаево-Черкесской Республики Николай Кузнецов давно заявил о себе, как зрелый и требовательный мастер, посвятивший свое многолетнее творчество излюбленному жанру – пейзажной живописи. Именно в пейзаже им созданы неповторимые и незабываемые образы Карачаево-Черкесии. Художник, наделенный чутким сердцем и поэтическим взглядом, видит многие сокровенные тайны природы родного края. Заинтересовано воспринимаемая действительность, он улавливает и выделяет голоса, созвучные его душе, и в этом основа неповторимости его творчества, истоки которого можно найти в его биографии.

Родился художник 28 апреля 1942 г. в Ульяновске. Его отец, Кузнецов Григорий Андреевич, был летчиком-инструктором, мать, Пятницкая Галина Васильевна – медицинской сестрой.

Интерес к природе проявился с детских лет. Мальчик замечал красивые сосны, ели, березы, росшие на территории детского санатория «Белое озеро» в Ульяновской области, где работала его мама. Зимой ходил на лыжах в лес, летом собирал грибы, любовался природой, рано пробудившей его воображение, и навсегда оставшейся истинным источником его творческого вдохновения.

В 1948 году семья Николая переехала в г. Краснодар, где в 1949 г. он пошел в первый класс. Однажды Коля увидел, как студент Киевского авиационного института Георгий Котелевский копировал открытку масляными красками, и заявил: «И я хочу так!» С тех пор он не расстается с карандашом и кистью. Это увлечение привело его в художественную школу, где огромную роль в формировании личности будущего мастера сыграл его первый учитель рисования В.А. Пташинский (позже возглавивший отделение Союза художников Краснодарского края).

В 1956 г., легко сдав экзамены в Краснодарское художественное училище, Кузнецов стал его студентом. Уже в первых работах он умело создает настроение, стремится к лаконизму и поэтичности пейзажных набросков, придавая им художественную и документальную ценность.

В 1959 году художник увлекся офортом, не имеющим себе равных по выразительности среди всех графических материалов, благодаря широкому диапазону тональной насыщенности, ясно выраженной рельефности красочного слоя на оттиске, обусловленной этим сочностью и бархатистостью изображения и той особой мягкостью, которая характерна только для глубокой печати. В офорте приходится рисовать иглой, поэтому

ПЕРЕВЕРЗЕВА Ирина Дмитриевна, заслуженный работник культуры КЧР, заведующая отделом искусств Государственной национальной библиотеки Карачаево-Черкесской Республики имени Халимат Байрамуковой

для достижения успеха необходимо развивать фундаментальные основы рисунка, а еще лучше и школу живописи.

Офорт привлекал возможностью идеально откликаться на импровизацию, но отрицательно отразился на зрении.

В 1961 г. Николай Кузнецов, окончив училище, приехал в г. Черкесск. По совету писателя и журналиста, полковника В.А. Нежинского, стал художником и корреспондентом газеты «Ленинское знамя».

В Карачаево-Черкесии Николай обрел вторую родину, нежно полюбил этот край и встретил здесь девушку, которой было суждено сыграть огромную роль в его судьбе. Скромная, порой робкая и застенчивая Лидия привлекла обаянием и серьезностью, широтой кругозора, самостоятельностью суждений. Симпатия была взаимной.

Художник много путешествует, считая, что ежедневное свидание с природой, постоянный «тренаж» и должен быть источником, питающим живопись. Он исходил всю Карачаево-Черкесию, горные тропы, вспаханные поля, цветущие сады, ездил в Бухару, Самарканд, Швейцарию, работал в домах творчества «Горячий ключ», «Челюскинская» под руководством Г.И. Цейтлина, А.Г. Акритас, Л.А. Токмакова. Будучи членом художественного фонда СССР и объединения молодых художников и искусствоведов при Союзе художников СССР, Кузнецов готовит и сам участвует в областных, краевых, зональных, всесоюзных, художественных выставках. Николай Григорьевич становится наставником ряда художников Карачаево-Черкесии.

В 1962-1987-х годах Кузнецов занимается художественным оформлением книг, а также учебников для национальных школ. В 1967 году по путевке обкома комсомола он едет в Швейцарию. Здесь успевает заметить заботливое сохранение памятников, приверженность швейцарцев старым традициям и их смелое вторжение в самые современные отрасли науки и техники, активное включение в сферу туристского бизнеса, высокий уровень жизни, проникся множеством замыслов. Вернувшись домой, стал заниматься мозаикой, чеканкой, витражом, плакатом, офортом, резьбой по дереву, работая в системе художественного фонда СССР. Но чем бы он ни занимался, его единственной и главной привязанностью была живопись.

В конце 80-х годов, под впечатлением от поездки в Узбекистан появилась азиатская серия пастельных работ художника. Изображая Ташкент, Самарканд, Бухару, Фергану, Кузнецов увидел своеобразие Азии. Он максимально использовал преимущества техники «пастель», позволяющие писать очень быстро. Его среднеазиатские картины написаны в довольно свободной манере. В них художник проявил свой талант путешественника, дар этнографа.

Самарканд выглядит мирным и немного сонным. Архитектура города, органично вписываясь своей декоративной многоцветностью в лазурь неба, играя рефлексом солнечного света, сама как бы наполнена светом и воздухом. Мастерство художника обрело в этом пейзаже законченное выражение. Вместе с художником мы постепенно рассматриваем самые мельчайшие подробности этой картины и отсюда возникает остро ощутимый эффект присутствия самого автора.

В 1982 году Николая Кузнецова приняли в Союз художников СССР. В эти годы его творчество особенно плодотворно. Пейзажи этих лет бесконечно разнообразны по тематике, колористическим и композиционным решениям, по ландшафтам и сюжетам, по настроениям и состояниям. Он пишет их с таким мастерством, что становится очевидно – к художнику пришла подлинная творческая зрелость.

Пейзажи почти полностью занимают внимание художника и становятся главной темой его творчества. Это действительно центральная, хотя и не единственная тема его искусства.

Ленты убегающих в бесконечные просторы рек, извивающиеся лесные ручейки, весенние пейзажи и сумрачные лесные чащи, заснеженные ели и разметавшиеся по ветру березы, чащи горных озер и бескрайняя синь небес – эти и многие другие привычные мотивы составляют главное содержание творчества Кузнецова. Казалось бы, все это невероятно обыденно, увидено много раз и стало привычным. Но здесь-то и коренится секрет обаяния живописи мастера. Его излюбленное состояние природы – это утро, вечер, ночь, словом, время, когда она переходит из одного состояния в другое.

Особенность Кузнецова-художника – в обостренной зоркости его восприятия. Он видит красоту в будничном, неожиданное – в давно привычном. И то, что проходит мимо

нашего внимания в жизни, оказывается интересным, волнующим в произведениях живописца.

Его творчество пронизано высокими гуманистическими идеями. Вся его жизнь является примером гуманности и гражданственности.

Совесть, честность, доброта... Понятия, которые всегда много значат для него. Превыше всего он ценит верность долгу, любовь к Родине, душевную чистоту и бескорыстную помощь. Удивительно чутко и бережно относится к родным и друзьям, ученикам, просто знакомым. Это отношение к жизни и потребность помочь привели его в храм. Он принимает участие в деятельности церковной общины, является членом совета по сооружению в республиканском центре Никольского собора. Кузнецов не был верующим православным христианином, лишь в 42 года он принял крещение, с тех пор православие вошло в его жизнь, украшая ее высокой красотой, помогая постигать истины христианства. Рассматривая интерьеры храмов, ему самому захотелось изобразить евангельские повествования и легенды. Исполненный решимости свершить святое дело, стал писать иконы для храма святителя Тихона, что в пос. Курджиново. На территории строящегося Никольского храма в г. Черкесске им сооружен памятник просветителям Кириллу и Мефодию.

Свой гражданский долг он видит в эстетическом просвещении учащихся воскресной школы, помогая им изучать историю искусств и иконопись, беседуя с ними о роли искусства и культуры, о воспитании чувства красоты и гуманизма в людях.

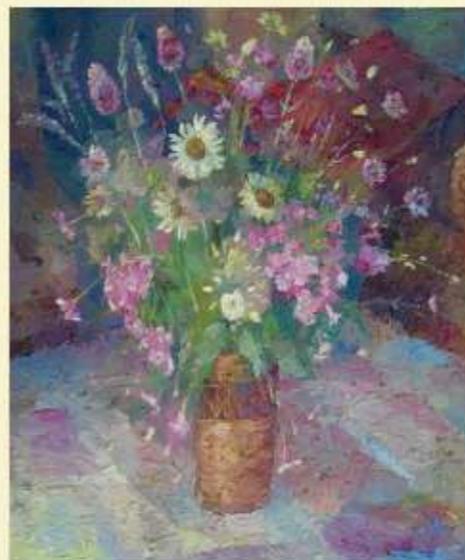
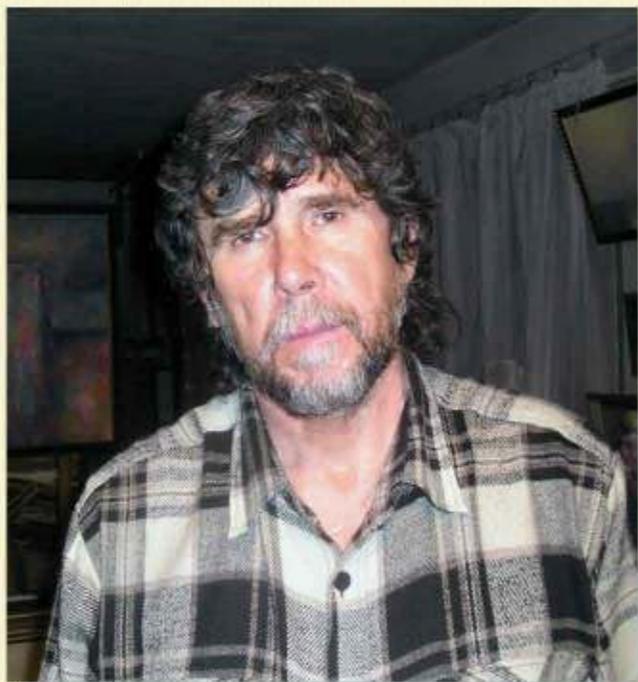
Иконы Кузнецова тихие и светлые, спокойные и задумчивые, написаны чистыми красками с ясными и завершенными образами. Они не навязчивы и ждут, что тот, кто имеет уши, сам услышит, если захочет, если сумеет, если найдет внутри себя отзвук той подлинной гармонии, которая проста и незатейлива, но по мере погружения в нее наполняет такой чистотой и светом, дает такие силы, что позволяет сказать: это и есть счастье!

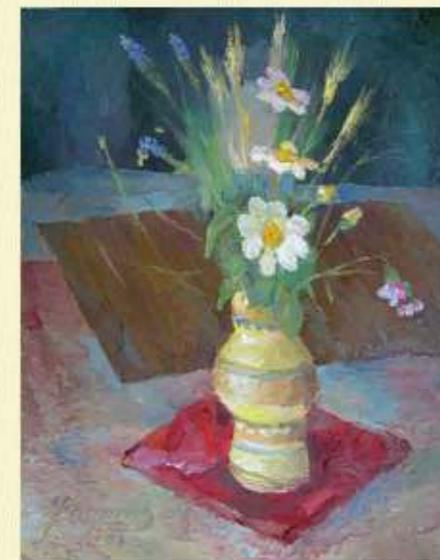
НОВЫЕ КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

- **Юрий Ефремов. Тропой познаний. «Просвещение-Юг», Краснодар, 2009.**
- **Канта Ибрагимов. Прошедшие войны. Седой Кавказ. Учитель истории. Детский мир. Сказка Востока. Романы. «МОЦ-АРТ», М, 2008.**

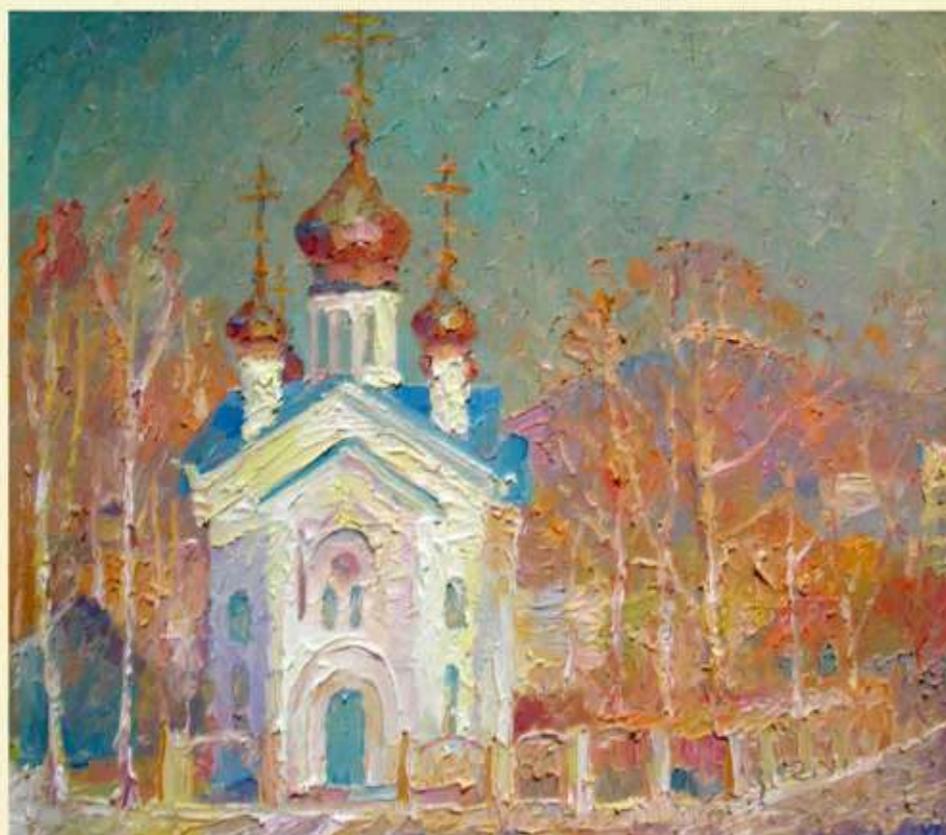
**Виктор Комаров
В ПЛЕНУ У ПЛЕНЭРА**

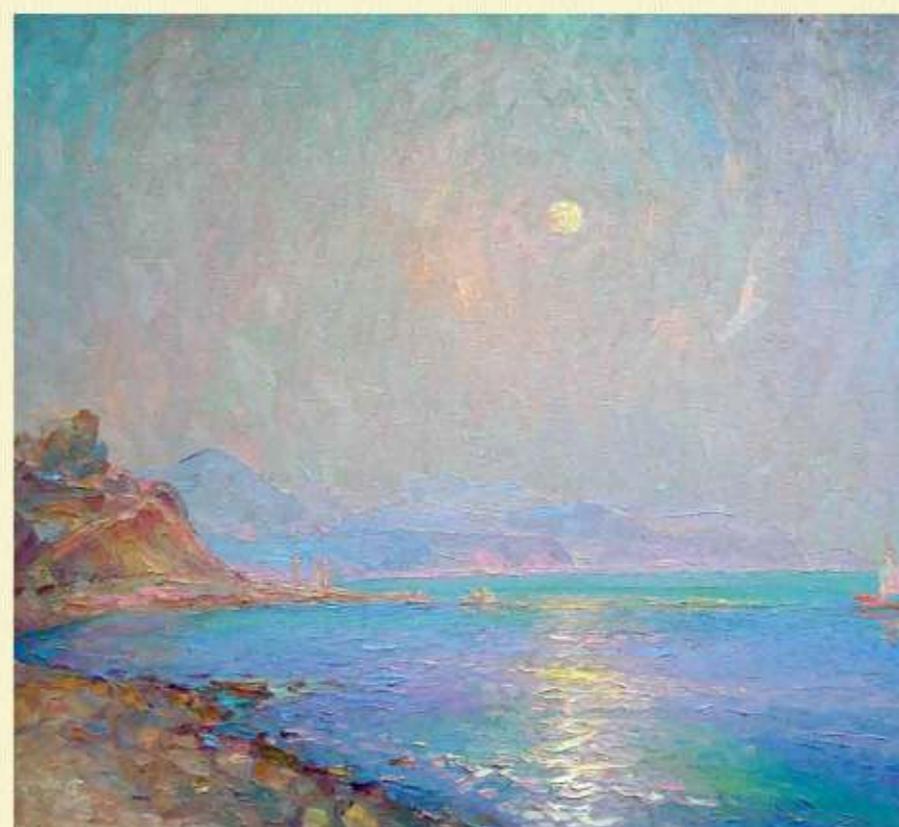
Цветы. 2009.

Цветы в вазе. 2009.

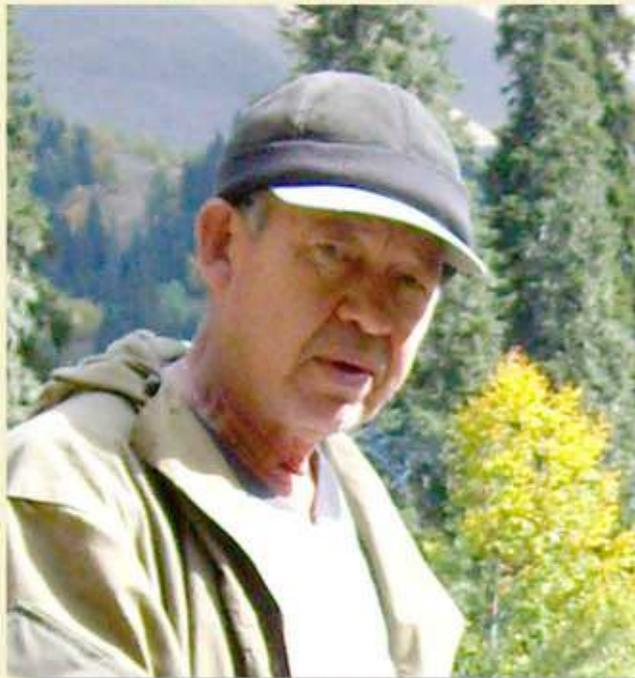

Церковь св. Георгия. Пятигорск. 2007.

Ранняя луна. Ольгинка. 2008.

**ТЕПЛО И СВЕТ ДУШИ
Николая Кузнецова**

К

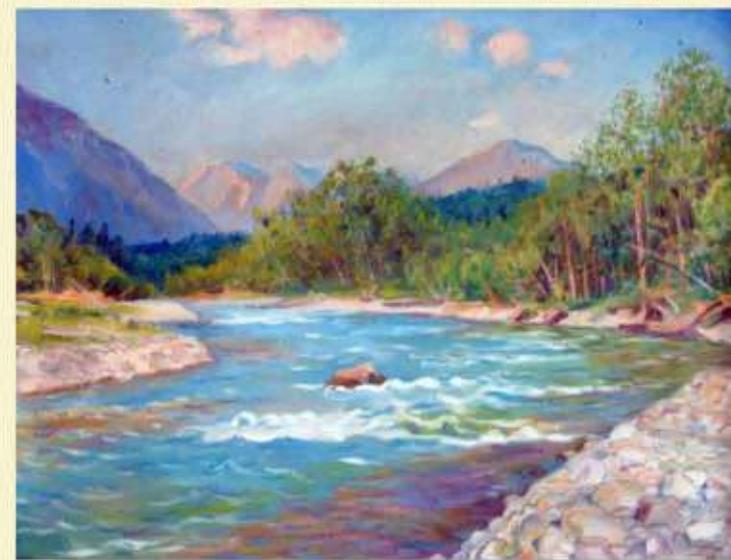
Ласковое утро над р. Лабой.

Лунная ночь над поселком.

Начало осени..

На берегу р. Лабь.

ХУДОЖНИК ОСТАЁТСЯ С НАМИ

Ушел из жизни замечательный художник Виктор Павлович Васин. Фронтовик, участвовавший в обороне Пулковских высот под Ленинградом, истинный патриот России, он написал за свою жизнь громадное количество работ (масло, акварель, графика), которые в свое время приобрели музеи страны – Москвы, Тархан, Тамани, Ставрополя, Пятигорска. С особой, присущей только ему манерой, он, выходя на природу с сыном Евгением и со студентами, писал все, что связано с именами русской литературы – Пушкина, Лермонтова, Толстого. Некоторых зданий уже нет – их уничтожили время и равнодушные люди, но Виктор Павлович, скрупулезно собирая исторические документы, воссоздал их образ, и по ним наши современники получают представление о далеком и прошлом Кавминвод, их становлении и культурном развитии...

В.П. Васин боролся за сохранение исторических зданий в Кисловодске, Пятигорске. Он воспроизвел на своих картинах дом Реброва, в котором останавливался А.С. Пушкин, дом, где провел ранние годы наш земляк, нобелевский лауреат А.И. Солженицын, дом Рошке в поселке Иноземцево, где останавливался с друзьями перед дуэлью М.Ю. Лермонтов.

*Город мой Пятигорск. К месту дуэли М.Ю. Лермонтова.
Художник В. Васин*

Чечено-Ингушетия. Художник В. Васин

Свои графические работы В.П. Васин печатал в краевых и центральных газетах – их более пятисот. Значительная часть работ опубликована в газете «Учитель» Пятигорского государственного лингвистического университета, в котором он проработал более пятидесяти лет в качестве преподавателя изобразительных искусств.

Четырнадцать музеев нашей страны и даже Франции хранят работы этого художника, радующие глаз глубиной воплощения поднятых тем.

Виктор Павлович прошел трудный путь. Как и многие его сверстники, он ушел на фронт десятиклассником в 1941 году. Там, в редкие свободные минуты, рисовал портреты однополчан, посылал их домой, в тыл. Будучи командиром отделения, Виктор Павлович участвовал в освобождении Нарвы, Тарту, Таллина; закончил войну под Кенигсбергом.

Все это нашло отражение в картинах художника – «Под Кенигсбергом», «Пулковские высоты», «Нарва».

За боевые заслуги В.П. Васин награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны, орденом Славы III степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За Победу над Германией», а также знаком Гвардии, значком «Отличный разведчик».

В конце сороковых годов Виктор Павлович приехал в Пятигорск. Окончил Ростовское художественное училище и графико-технический факультет Кубанского университета.

И с тех пор до последних дней преподавал в ПГЛУ, готовя себе смену и постоянно расширяя тематику своих произведений.

Много работ он посвятил утраченным памятникам архитектуры и зодчества не только Кавминвод, но и Бахчисарая, Ингушетии, Адыгеи, которые нынешнее поколение может увидеть только на рисунках и картинах Виктора Павловича.

«Надо спешить. Прошлое уходит от нас. И все труднее и труднее уловить его отблески в настоящем», – говорил он. И он спешил запечатлеть это прошлое, чтобы мы смогли его увидеть таким, каким его видел художник Васин.

ВЛАДИМИР ЗАХАРОВ
АНДРЕЙ АРЕШЕВ

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ АБХАЗИИ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

С момента возникновения грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов, вовлеченные в них стороны активно использовали правовые аргументы для подтверждения своей правоты. Характер конфликтов, в которых огромное значение имели вопросы правового статуса той или иной территории, народа или административно-территориальной единицы, обусловил подчеркнутое внимание сторон к правовой проблематике.

В целом, с правовой точки зрения можно выделить три периода в развитии конфликтов. На первом стороны состязались на советском правовом поле. На втором использовались аргументы, почерпнутые из исторического наследия самостоятельного существования Грузии в 1918-1921 гг. На третьем определяющую роль стали играть международно-правовые документы, выработанные в ходе попыток урегулирования конфликтов. К настоящему моменту в системах аргументов, вовлеченных в конфликты сторон, переплетаются доводы, использовавшиеся на всех трех этапах. Аргументация оказывается «многослойной». При этом она традиционно усложнялась неправовыми содержаниями и представлениями – вроде подспудно присутствующего в логике всех сторон концепта «этнической собственности на землю». Абхазская и югоосетинская стороны также нередко апеллируют к законодательному наследию Российской империи. В то же время, имеется ряд спорных и крайне запутанных вопросов, связанных с юридическим правопреемством. Так, в ряде работ можно заметить тенденцию рассмотрения современной Грузии, Грузинской ССР, Абхазской АССР, Юго-Осетинской АО, Республик Абхазия и Южная Осетия в качестве прямых юридических правопреемников по отношению к царствам Картли и Кахетии, абхазскому княжеству, осетинским сельским обществам, существовавшим на южных склонах Главного Кавказского хребта в XIX веке. На это можно заметить, что юридическую правопреемственность вряд ли целесоо-

образно смешивать с научными или идеологическими концепциями преемственности исторической.

Обратим внимание на то, что уже с июня 1990 года Грузия не считала себя связанной советским законодательством. Признание незаконными всех законодательных актов, принятых после февраля 1921 г., в глазах грузинского руководства вернуло ситуацию к периоду существования Демократической республики Грузия (ДРГ). Отстаивая весьма спорный тезис о пребывании Абхазии и Южной Осетии в составе грузинской меньшевистской республики, в Тбилиси ориентировались на договор ДРГ с РСФСР от 7 мая 1920 г., а также на некоторые документы ДРГ, связанные с вопросом о статусе Абхазии. Однако следует сказать, что на протяжении почти трехлетнего периода независимого существования ДРГ ее взаимоотношения с Абхазией так и не получили юридического оформления, которое не оставляло бы сомнений относительно принадлежности этой территории Грузии. С учетом этого ссылки руководства современной Грузии на наследие 1918-1921 гг. для аргументации тезиса о принадлежности грузинскому государству территории Абхазии нельзя признать в достаточной мере убедительными. Что же касается Южной Осетии, то после провозглашения независимости Грузии в 1918 году она оказалась в положении, еще более опасном, чем Абхазия. В 1920 году грузинское меньшевистское правительство направило против осетин всю свою регулярную армию. Десятки тысяч людей были изгнаны из своих домов, села превращены в пепел, тысячи мирных людей были убиты, более 5 тысяч осетин погибли во время бегства от карателей при переходе через перевалы в Северную Осетию от холода, голода, тифа и туберкулеза. Более трех тысяч крестьянских хозяйств было сожжено. После установления советской власти в Грузии специально образованная комиссия на правительственном уровне определила общий материальный ущерб, нанесенный Южной Осетии грузинской карательной экспедицией, в денежном выражении он составлял 3317516 рублей золотом. Тысячи изгнанных осели в Северной Осетии.

В советский период союзный Центр делегировал народам лимитированное количество прав исходя не только из их численности, но и от некоторых специфических особенностей формального и неформального статуса в «единой семье братских советских народов». Это обрекало малые народы на постоянную роль младших братьев, что непосредственно отражалось на их уровне жизни – экономической и культурной. Неудивительно, что по мере ослабления центральной власти в Москве и синхронным ростом националистических настроений в Грузии «абхазский» и «осетинский» вопросы вновь встали на повестку дня. Обращение абхазской общественности к союзным властям 18 марта 1989 г. с просьбой повысить статус республики не содержало в себе ничего противозаконного. В то же время юридической силы оно не имело, поскольку на этот счет не было подкреплено соответствующим решением государственных органов республики. Кроме того, несмотря на то, что сход в Лыхны вполне адекватно выражал настроения и взгляды абхазского населения республики, он едва ли мог представить точку зрения всего населения республики. В связи с тем, что абхазы составляли меньшинство в республике и не обладали полным контролем над ее государственными структурами, им едва ли приходилось в тот момент рассчитывать на то, что решение схода будет поддержано официальными органами автономной республики.

В то же время преимущество абхазской стороны заключалось в том, что своих целей она добивалась, придерживаясь правовых рамок, обозначенных советским законодательством. Бойкот республикой референдума о независимости Грузии 31 марта 1991 года и ее участие в референдуме о сохранении Советского Союза отвечали требованиям закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 г.

10 ноября 1989 г. XII чрезвычайная сессия Совета народных депутатов Юго-Осетинской АО приняла решение о преобразовании области в автономную

ЗАХАРОВ Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Центра Кавказских исследований МГИМО (У) МИД РФ, кандидат исторических наук, профессор.

АРЕШЕВ Андрей Григорьевич, научный сотрудник Института государства и права РАН, эксперт Фонда стратегической культуры.

республику в составе Грузинской ССР. Одновременно Сессия обратилась в Верховный Совет СССР с просьбой рассмотреть вопрос в соответствии с Конституцией СССР.

Таким образом, Южная Осетия в одностороннем порядке повышала свой статус. Оценивая это решение, необходимо учитывать бурные политические события в Грузинской ССР, сопровождавшиеся значительным ростом национализма и усилением влияния экстремистских группировок, а также правовой незащищенностью юго-осетинской автономии в случае выхода Грузии из состава СССР. Вероятность развития событий именно по такому сценарию была достаточно очевидна уже в то время.

Как известно, право выхода союзной республики из состава СССР было установлено статьей 72 Конституции СССР. В соответствии со ст. 85, 87 Конституции СССР в Грузинской ССР состояли Абхазская и Аджарская автономные советские социалистические республики и Юго-Осетинская автономная область.

Правовые аспекты и процедуры выхода из состава союзного государства регулировались Законом СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Приведем основные положения этого закона:

Статья 3. В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе.

Статья 6. ...В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области, автономные округа или места компактного проживания национальных групп, упомянутых в части второй статьи 3 настоящего Закона, итоги референдума рассматриваются Верховным Советом союзной республики совместно с Верховным Советом автономной республики и соответствующими Советами народных депутатов.

Для установления результатов референдума по автономным республикам, автономной области Верховный Совет союзной республики, имеющей в своем составе автономные республики, автономные образования, представляет в Верховный Совет СССР итоги референдума по каждой автономной республике, по каждому автономному образованию (ст. 7 Закона СССР от 3 апреля 1990 г.).

Статья 9. Итоги референдума в союзной республике по вопросу о выходе из СССР, а также мнения высших органов государственной власти союзных, автономных республик, органов государственной власти автономных областей и округов по этому поводу рассматривает Съезд народных депутатов СССР по представлению Верховного Совета СССР, согласованному с Верховным Советом выходящей республики. Съезд народных депутатов СССР устанавливает переходный период, не превышающий пяти лет, в течение которого должны быть решены вопросы, возникающие в связи с выходом республики из СССР.

Статья 13. Выходящая республика обязана соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права, а также права и свободы человека, закрепленные в международных договорах, участником которых является СССР. Вопрос об участии выходящей республики в открытых для присоединения многосторонних договорах, заключенных СССР, решается согласно правилам, установленным соответствующим договором. Многосторонние и двусторонние договоры, заключенные СССР и находящиеся в силе на момент выхода союзной республики из СССР, продолжают действовать в отношении вышедшей республики, если не будет достигнута договоренность об ином...

Согласно ст. 14, в течение данного переходного периода, определяемого в со-

ответствии со ст. 3, должны быть разрешены все вопросы между органами власти выходящей союзной республики и органами власти автономных республик и автономных образований в ее составе.

Статья 20. По окончании переходного периода или при досрочном урегулировании вопросов, предусмотренных настоящим Законом, Верховный Совет СССР созывает Съезд народных депутатов СССР для принятия решения, подтверждающего завершение процесса по согласованию интересов и удовлетворению претензий выходящей республики, с одной стороны, и Союза ССР, союзных республик, а также автономных республик, автономных образований и национальных групп, упомянутых в части второй статьи 3 настоящего Закона, с другой стороны.

С момента принятия такого нормативно-правового акта Съездом народных депутатов СССР выход союзной республики из СССР считается состоявшимся, а народные депутаты СССР от вышедшей республики утрачивают свои полномочия. Съезд народных депутатов СССР вносит соответствующие изменения в Конституцию СССР¹.

Было также принято постановление Верховного Совета СССР от 3 апреля 1990 г. «О введении в действие Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»².

Таким образом, в этом законе были предусмотрены все условия, необходимые для получения суверенитета каждой союзной или автономной республикой СССР. Отделяющиеся союзные республики можно было считать конституированными в государства только при консенсусе либо учете интересов всех входящих в них народов и после процедур, обеспечивавших каждому народу на территории союзной республики, заявившей о желании независимости, возможность выбора государственной принадлежности.

Но 26 февраля 1991 г. парламентом Грузии было принято решение о бойкоте референдума о сохранении СССР 17 марта 1991 г. Однако у грузинской стороны не было правовых оснований игнорировать действующее союзное законодательство.

В соответствии со ст. 3 Закона «О порядке выхода из состава СССР» в Абхазской АССР и Юго-Осетинской АО было принято решение остаться в составе Союза. Согласно ст. 2 было принято решение об участии в референдуме 17 марта 1991 г. о необходимости сохранения СССР как обновленной федерации. Абхазская АССР участвовала в этом референдуме, в котором из 318 тыс. человек, имеющих право голоса, приняли участие более чем 166 тыс. человек (52,3% населения), за сохранение СССР проголосовали 164231 человек, т.е. 98,6%.

В соответствии со ст. 24 Закона СССР «О всенародном голосовании (референдуме) в СССР» Центральная комиссия референдума СССР установила, что Республика Абхазия большинством голосов своего населения проголосовала за сохранение Союза ССР и, соответственно, за свое пребывание в его составе. Хотя грузинское население Абхазии в референдуме участия не принимало, 98,6 % всех граждан, имеющих право голоса, высказались за сохранение Союза.

Порядок выхода Абхазии из состава СССР или из состава союзных республик (применительно к автономным республикам) был возможен и до ввода в действие указанного закона, но только в случае, если при этом не нарушались интересы заинтересованных сторон – СССР, союзных или автономных республик. Если же имело место нарушение прав и свобод одной из заинтересованных сторон или фиксировалось нарушение порядка выхода страны из договорных отношений одним из субъектов международного права, то правовые акты, на основании которых совершались противоправные действия, считались нелегитимными и недействи-

¹ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. М., 1990. № 15.

² Там же.

тельными с самого начала. Грузинское «правотворчество» относилось именно к таким случаям.

Грузия, нарушив Закон от 3 апреля 1990 г. и приняв одностороннее решение, в том числе и за входящие в ее состав автономные образования, вышла из состава Союза. До распада СССР, как известно, Абхазия ставила вопрос о восстановлении утраченного ею по воле Сталина статуса союзной республики и не только не собиралась отделяться, но проголосовала за сохранение Союза¹.

Верховный Совет Абхазской ССР, исходя из неправомерности действий Грузии, принял 25 августа 1990 г. Декларацию о государственном суверенитете Абхазии и Постановление о правовых гарантиях защиты безопасности Абхазии:

«Декларация о государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики. Принята X сессией Верховного Совета Абхазской АССР XI созыва 25 августа 1990 г.

...Абхазская Советская Социалистическая Республика – суверенное социалистическое государство, созданное на основе осуществления абхазской нацией ее неотъемлемого права на самоопределение, верховенства народа в определении своей судьбы. Суверенитет Абхазской Советской Социалистической Республики распространяется на всю территорию Абхазской ССР.

Абхазская Советская Социалистическая Республика обладает всей полнотой государственной власти на своей территории вне пределов прав, добровольно переданных ею Союзу ССР и Грузинской ССР на основании заключенных с ними договоров»².

В постановлении Верховного Совета приводятся аргументы, подтверждающие неправомерность претензий Грузии по отношению к территории и государственности независимой Абхазии, основанные на историческом процессе развития взаимоотношений между этими странами. Далее был принят ряд решений:

1. Признать, что Демократическая Республика Грузия, нарушив Договор от 11 июня 1918 г., а также заключенное ранее соглашение между Абхазским Народным Советом и Национальным Советом Грузии от 9 февраля 1918 г., осуществила во второй половине июня 1918 г. военное вмешательство с целью насильственного присоединения территории Абхазии и ликвидации независимости абхазского народа.

Эта акция, нарушившая международно-правовой принцип, запрещающий присоединение чужой территории путем силы, являлась незаконной.

2. Признать противоправным и недействительным в части, касающейся территории Абхазии, договор между Грузией и РСФСР, заключенный 7 мая 1920 г. в условиях военной оккупации независимой Абхазии.

3. Постановлениями Верховного Совета Грузинской ССР от 18 ноября 1989 г., 9 марта и 20 июня 1990 г. все государственные структуры, существовавшие и существующие в Грузии с февраля 1921 г., признаны незаконными и недействительными, из чего логически следует, что все договорные отношения между Грузией и Абхазией, заключенные прежними органами государственной власти, также являются незаконными, а вхождение Абхазии в состав Грузинской Советской Социалистической Республики лишено правовых оснований, и, следовательно, законной формой государственности Абхазии является Советская Социалистическая Республика Абхазия, созданная свободным волеизъявлением народов Абхазии и провозглашенная 21 марта 1921 г.

Таким образом, можно констатировать, что связи Советской Грузии и Советской Абхазии возникли в определенной исторической ситуации, и они естествен-

ным образом потеряли свою силу вместе с исчезновением с исторической арены Советского государства.

Абхазия вошла в состав Грузии только в советский период, и, признавая все акты советского периода нелегитимными и, следовательно, ничтожными (т.е. не действующими с момента принятия), Грузия сама прекратила все государственно-правовые отношения с Абхазией.

Правовая аргументация юго-осетинской стороны во многом идентична абхазской. Необходимо отметить, что Южная Осетия не сумела в полной мере использовать те возможности, которые представлял ей закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 г., в частности, его третья статья. Руководство Южной Осетии не ссылалось на положение этого закона, несмотря даже на то, что на территории автономии официально был проведен референдум о сохранении Советского Союза и бойкотировался референдум о независимости Грузии. Ссылка на этот закон также могла быть применена в ситуации, когда ВС Грузии в декабре 1990 г. отменил осетинскую автономию: по меньшей мере, это решение Тбилиси создавало коллизию в применении закона СССР от 3 апреля 1990 г., поскольку республика, официально взявшая курс на выход из Советского Союза (напомним, что к этому моменту ВС Грузии уже признал незаконными все правовые акты, принятые после февраля 1921 г.), в одностороннем порядке лишала существовавшую на момент принятия закона СССР от 3 апреля 1990 г. автономию права высказать ее мнение по этому вопросу. Тот факт, что руководство Юго-Осетинской АО не умело использовать эту аргументацию, ни в коей мере не отрицает ее существования. Верховный Совет Грузии, признав незаконными все законодательные акты, принятые после февраля 1921 г., в значительной степени разрушил четкую правовую базу тезиса о территориальной целостности Грузии, в том числе и в части, касающейся Южной Осетии.

Переход грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликта в силовую фазу создал новый правовой контекст для урегулирования обоих конфликтов. Отметим, что вопросы статуса обеих автономий для международного сообщества, которое было вовлечено в урегулирование после распада СССР, имели подчиненное значение, несмотря на то, что именно они послужили непосредственной причиной конфликтов. Первоочередной выступала задача скорейшего прекращения кровопролития, а правовые вопросы были оставлены «на потом». Однако ряд положений международно-правовых актов, связанных с урегулированием конфликтов, все это время позволяли считать, что вопрос о правовом статусе Абхазии и Южной Осетии, по меньшей мере, не закрыт, хотя на таком «закрытии» постоянно настаивало действующее грузинское руководство.

И Абхазия, и Южная Осетия являлись полноправными участниками соответствующих соглашений о прекращении огня, получив де-факто признание во многих других сферах (поддержание режима прекращения огня, гуманитарные контакты, экономическое сотрудничество¹).

Относительно к Южной Осетии следует обратить внимание на важные положения Меморандума о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте, подписанного 22 мая 1996 г. грузинской и юго-осетинской сторонами при посредничестве Республики Северная Осетия, Российской Федерации и ОБСЕ. Преамбула этого документа содержит ссылку не только на принцип территориальной целостности государств, но и на право наций на самоопределение. Эта ссылка позволяет Южной Осетии использовать результаты референдума по вопросу о независимости от Грузии, проведенного в январе 1992 г. Кроме того, Меморандум позволяет поставить под

¹ Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Независимая Абхазия: проблемы и решения. М. 2007.

² Советская Абхазия. 1990. 28 августа.

¹ Например, Абхазия еще до 2008 года имела прочные двусторонние связи и соответствующие соглашения с более чем сорока субъектами Российской Федерации.

сомнение позицию грузинских властей, настаивающих на абсолютном приоритете специфически понимаемого ими принципа территориальной целостности (Республики Грузия в административных границах Грузинской ССР). Во всяком случае, следует признать, что правовой статус Южной Осетии оставался в 1992- 2008 г. неурегулированным.

Среди документов, выработанных в ходе переговорного процесса по урегулированию грузино-абхазского конфликта, особое значение имеет подписанное сторонами 4 апреля 1994 г. в Москве Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта. В пункте 7 стороны оговаривали, что «достигли общего понимания относительно полномочий по совместной деятельности» в ряде областей, в том числе внешней политике и внешнеэкономических связях, пограничной и таможенной службе и др. В пункте 8 фактически констатировалось прекращение государственно-правовых отношений между Грузией и Абхазией на момент подписания Заявления: «будет разработана поэтапная программа действий, выработаны предложения по воссозданию государственно-правовых отношений».

В «Докладе Генерального секретаря ООН о положении в Абхазии, Грузия» от 3 мая 1994 г. (S/1994/529), в котором позитивно оценивались договоренности, достигнутые 4 апреля в Москве, и содержались «Предложения относительно политических и правовых элементов всеобъемлющего урегулирования грузино-абхазского конфликта». В пункте 1 «Предложений» указывалось: «Абхазия будет являться субъектом, обладающим суверенными правами в составе союзного государства, которое будет создано в результате переговоров после урегулирования спорных вопросов. Название союзного государства будет определено сторонами в ходе дальнейших переговоров. Стороны признают территориальную целостность союзного государства, созданного, как указано выше, в пределах границ бывшей Грузинской Советской Социалистической Республики по состоянию на 21 декабря 1991 г.». Таким образом, вопрос о территориальной целостности Грузии увязывался с устройством союзного государства, а тезис о новом названии государства, в сущности, намекал на «переучреждение» Грузии на новых основах. Долгое время этот документ является единственным принятым после завершения силовой стадии конфликта, который отчасти проясняет вопрос о правовом статусе Абхазии.

Шанс на «переучреждение» государственных институтов Грузии на новой, федеративной основе могло дать принятие новой Конституции Грузии. Однако, не имея реальной возможности восстановить контроль над отпавшими автономиями, грузинский законодатель решил тогда юридически «подморозить» нормативное регулирование проблемы государственного устройства, административно-территориального устройства, а также вопросов местного управления и самоуправления – таким образом, чтобы отложить этот вопрос «в долгий ящик»¹.

Отсутствию четких положений о национально-государственном устройстве страны законодатель постарался «компенсировать» высоким приоритетом прав человека. В статье 7 говорится: «Грузия признает и соблюдает общепризнанные права и свободы человека как непреходящие и высшие человеческие ценности. При осуществлении власти народ и государство ограничены этими правами и свободами как непосредственно действующим правом»².

Таким образом, действия тбилисского руководства в Южной Осетии явились не только агрессией против Российской Федерации, но и грубейшим нарушением Конституции Грузии.

Анализ правовых аспектов грузино-абхазского и грузино-осетинского конфлик-

¹ Куртов А. Южная Осетия – прифронтовое государство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novopol.ru/text4753.html>

² Конституция Грузии (Республики Грузии) от 24 августа 1995 г. // Конституции государств Европы. М.: Издательство НОРМА, 2001.

та позволяет сделать вывод о том, что требования грузинской стороны о безоговорочном возвращении под ее юрисдикцию Абхазии и Южной Осетии изначально не были подкреплены достаточной правовой базой.

Российская Федерация, являясь государством – правопреемником Союза Советских Социалистических Республик, до определенного момента не выражала своей позиции по вопросу о статусе автономий союзных республик бывшего СССР, принявших решение по итогам референдума, проводимого в данных автономиях в соответствии с Постановлением Верховного Совета СССР № 1910-1 от 16 января 1991 г. «Об организации и мерах по обеспечению проведения референдума СССР по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик», о сохранении Союза Советских Социалистических Республик¹. В целом ситуация характеризовалась правовым вакуумом и неопределенностью. Исчерпывающая политическая оценка этому периоду была дана Президентом РФ Д.Медведевым: «Семнадцать лет шла борьба за независимость этих непризнанных народов – и в течение этого времени, несмотря на попытки международного сообщества, ничего не удалось склеить. Мы практически до последнего периода старались помочь восстановить государственное единство, но этого не получилось. Последний гвоздь был вбит после принятия решения об агрессии.»² До этого попытки грузинской стороны пересмотреть международно-правовые документы, принятые в ходе урегулирования конфликтов (в частности, изменить мандат и статус миротворческих сил в зоне грузино-осетинского конфликта), последовательно усугубляли сложившееся положение.

Новая ситуация, сложившаяся в августе 2008 года (в частности, отражение Российской Федерацией в соответствии со статьей 51 Устава ООН³ агрессии Республики Грузия, сопровождавшейся убийствами российских миротворцев и этническими чистками осетинского населения) позволила российской стороне обратиться к международно-правовой аргументации независимого статуса Южной Осетии и Абхазии. В выступлении Д.Медведева 26 августа содержались ссылки на свободное волеизъявление осетинского и абхазского народов, на Устав ООН, декларацию 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, Хельсинкский Заключительный акт СБСЕ 1975 года и другие основополагающие международные документы⁴.

Согласно статье 2 (4) Устава ООН, «все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций»⁵ (выделено нами – авт.) Этот пункт был грубо нарушен грузинскими властями, вынудив Российскую Федерацию применить предусмотренной статьей 51 Устава ООН право на самооборону.

В случае вооруженного нападения, государство, подвергшееся агрессии, вправе применить силу как законную самооборону (как индивидуальную, так и кол-

¹ Чертков А.Н. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (постатейный). М. Юстицинформ. 2006.

² Интервью телекомпании «Раша тудей» 26 августа 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2008/08/26/2018_type63379type63380_205773.shtml.

³ Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/charter>.

⁴ Заявление Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева от 26 августа 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2008/08/26/1545_type63374type82634type205158_205744.shtml.

⁵ Статья 2 (4) Устава ООН.

лективную). Формулировка «неотъемлемое право» указывает на то, что право на самооборону является нормой обычного права и, таким образом, применяется ко всем государствам (независимо от «степени» их признанности на момент начала агрессии).

Отдельные авторы полагают, что право на самооборону является императивной нормой, поскольку соответствует «существующим правилам поведения, запрещающим то, что признано недопустимым в связи с угрозой... выживанию государств и их народов и наиболее основным правам человека»¹. Однако здесь важно учитывать практическую обоснованность претензий государства, заявляющего о своем праве на самооборону.

К сожалению, этого зачастую не происходит. Нынешняя неоднозначная интерпретация международных норм в сфере права на самооборону характеризуется неопределенностью и явными политическими предпочтениями. За последние годы право на самооборону было легализовано Советом Безопасности ООН в ряде случаев, которые представляются, как минимум, спорными. Например, вскоре после событий 11 сентября США представили Совету Безопасности ООН план самообороны против Афганистана в соответствии с требованиями статьи 51 Устава². Этот документ стал формально-юридическим оправданием военной акции США и их союзников в отношении Афганистана. Между тем, до сих пор не представлено каких-либо убедительных доказательств того, что налет на башни-близнецы в Нью-Йорке планировался именно из афганских пещер³. В то же время, в Южной Осетии Российская Федерация столкнулась с ничем не спровоцированным и длительно готовившимся актом агрессии (о его тщательной подготовке и планировании есть множество фактических и документальных свидетельств). Политические пристрастия, которым подвержены отдельные постоянные члены Совета Безопасности ООН, ни в коем случае не отменяют основополагающих норм международного права.

Определение агрессии было утверждено резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 14 декабря 1974 года⁴. Согласно статье 1, «агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении». При этом в пояснительном примечании (а) специально оговаривается, что термин «государство» «употребляется, не предвещая вопроса о признании или вопроса о том, является ли государство членом Организации Объединенных Наций». Таким образом, существующее де-факто и не являющееся членом ООН государство Южная Осетия стало объектом нападения Грузии.

¹ См. проект статей «Ответственность государств за международно-противоправные деяния», п. 2, п. 3 ст. 40 (Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, pt. 2, Art. 40, para. 3, in Report of the International Law Commission on the Work of Its Fifty-third Session, U.N. GAOR, 56th Sess., Supp. № 10, at 43, U.N. Doc.A/56/10 (2001)), опубликовано также, см. Crawford James. The International Law Commission's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries (2002).

² Письмо Постоянного представителя США в ООН, адресованное Председателю Совета Безопасности ООН от 7 октября 2001 года (Oct. 7, 2001), U.N. Doc. S/2001/946 (2001).

³ Например, террористы-смертники не были даже гражданами Афганистана. По мнению ряда ученых, в отсутствие очевидно высокого уровня поддержки терроризма со стороны государства превентивные и предупредительные удары не могут однозначно оправдываться в рамках международного права. См. интересную работу Энтони Кларка Аренда и Роберта Дж. Бека (Anthony Clark Arend & Robert J. Beck. International Law and the Use of Force: Beyond the U.N. Charter Paradigm 72-74 (1993).

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» (Принята 14.12.1974 на 29-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. Т. 2. М.: Московский независимый институт международного права, 1997.

Согласно статье 5:

1. Никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии.

2. Агрессивная война является преступлением против международного мира. Агрессия влечет за собой международную ответственность (...).

Статья седьмая делает особый акцент на праве наций на самоопределение, свободе и независимости народов.

Действия Тбилиси в ночь на 8 августа могут квалифицироваться в качестве агрессии против России, в частности, на основании пункта (d) статьи 3 резолюции, согласно которому агрессией является «нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства». Резолюция ООН не оговаривает, где именно должно быть совершено нападение на вооруженные силы другого государства для признания нападения на них актом агрессии. Российские миротворцы выполняют на территории Южной Осетии и Абхазии свои функции в соответствии с международным мандатом. В соответствии с частью 5 статьи 3 «Положения об основных принципах деятельности воинских контингентов и групп наблюдателей, предназначенных для нормализации ситуации в зоне грузино-осетинского конфликта», они «пресекают проникновение в зону конфликта вооруженных групп, иных неподконтрольных формирований, способных своими действиями дестабилизировать обстановку»¹. Таким образом, нанесение ущерба военной инфраструктуре агрессора, осуществлялось в полном соответствии с нормами международного права.

Декларация о принципах международного права (24 октября 1970 года) гласит: «В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закреплённого в Уставе ООН, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава». В этой же Декларации говорится о том, что способами осуществления права на самоопределение могут быть «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса»².

Согласно Декларации, в действиях государств «ничто не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов» (выделено нами – Авт.). Иначе говоря, можно сделать вывод, что принцип территориальной целостности вряд ли можно применить по отношению к государствам, которые в своей политике не обеспечивают равноправие проживающих в нём народов и не допускают свободное самоопределение таких народов.

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и Международном пакте о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 (статья 1) сказано: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспе-

¹ Конфликты в Южной Осетии и Абхазии. Документы 1989-2006 гг. / Составление и комментарии М.А. Волхонский, В.А. Захаров, Н.Ю. Силаев. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008.

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом Организации Объединенных Наций (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996.

чивают свое экономическое, социальное и культурное развитие... Все участвующие в настоящем Пакте государства... должны в соответствии с положениями Устава ООН поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право»¹.

В Хельсинском заключительном Акте по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года² говорится о том, что все представленные в нем принципы «имеют первостепенную важность». В документе перечисляется 10 принципов, в числе которых – неприменение силы или угрозы силой и мирное урегулирование споров. То есть именно те принципы, которые были грубо нарушены грузинской стороной.

Таким образом, решение Президента Российской Федерации о проведении операции по принуждению Грузии к миру имеет под собой четкую международно-правовую основу. То же самое относится и к решению от 26 августа о признании независимости Южной Осетии и Абхазии. Все возражения на этот счет, предъявляемые Москве западным сообществом, имеют не международно-правовой, а исключительно политический характер. Несостоятельность аргументации США и Евросоюза наглядно демонстрируется их же собственными действиями, связанными, в частности, с односторонним признанием независимости Косова в феврале 2008 года.

Длительный период непризнания Москвой де-факто властей Сухума и Цхинвала был обусловлен стремлением найти общую формулу компромисса, который устроил бы как официальный Тбилиси, так и его бывшие автономии. Однако, начиная с 2003 года («революция роз» в Грузии и начало формированной милитаризации этой страны) перспективы такого компромисса выглядели все более призрачными, а нападение на Цхинвал в ночь с 7 на 8 августа привело к необратимым изменениям.

В международно-правовой доктрине существуют две теории признания: конститутивная и декларативная. Согласно первой из них, широко распространенной до Второй мировой войны, признание нового государства обладало правообразующим значением: оно (и только оно) конституирует (создает) новых субъектов международного права. Без признания со стороны группы ведущих государств новое государство не может считаться субъектом международного права³.

Однако при таком подходе, во-первых, не вполне ясно, какое именно количество признаний необходимо для придания соответствующему субъекту статуса международно-признанного. Например, Тайвань, несмотря на отсутствие места в ООН, признан примерно тридцатью государствами и получает военную помощь США, а также политическую поддержку. Во-вторых, как показывает практика, государства могут существовать и вступать в те или иные контакты с другими государствами, а правительства, пришедшие к власти неконституционным путем, могут оказываться, вполне комфортно себя чувствовать и без официального признания. Таким образом, при конститутивном подходе к проблеме признания мы неизбежно имеем дело с двойными стандартами, обусловленными всякого рода политическими пристрастиями. Возможно, именно поэтому большинство специалистов по международному праву утверждают, что признание имеет не конститутивный, а лишь декларативный характер. Декларативный подход к признанию подразумевает, что образование может быть признано, только когда оно уже представляет собой государство, по прошествии определенного периода времени и на основе соответствия определенным критериям государственности⁴.

Какие же это могут быть критерии? Согласно теории трех элементов Георга

¹ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Ведомости ВС СССР. 28 апреля 1976 г. № 17. Ст. 291.

² Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. – М., 1977.

³ Шлянцев Д.А. Международное право. Курс лекций. – М.: Юстицинформ, 2006.

⁴ Knut Ipsen: Völkerrecht. 5. Auflage. Verlag C.H. Beck. – München, 2004. § 5 n. 23-35.

Еллинека, государственность должна соответствовать следующим критериям: существование территории, имеющей определенные границы; постоянное и определенное население (народа); и суверенной власти. Германский правовед писал: «Чтобы избежать юридических фикций и признать существующее всякой юриспруденции естественное бытие государства, представляется естественным искать объективное существо государства в одном из его составных, по-видимому, реально существующих элементов. Эти элементы суть – территория, народ, властитель»¹.

Это означает, во-первых, что власть осуществляется над собственной территорией и народом. Во-вторых, понятно, что в своих международных отношениях, эта власть полностью независима от третьих стран². Соответствующие критерии представлены и в ряде международных документов. Например, в Конвенции Монтевидео 1933 года закреплены следующие четыре признака государства: постоянное население; определенная территория; собственное правительство; способность к вступлению в отношения с другими государствами³. Ранее мы уже упоминали о трактовке термина «государство» в резолюции «Определение агрессии», который отнюдь не «привязан» к факту членства того или иного международно-правового субъекта в ООН. Однако даже без этого уточнения очевидна абсурдность постановки вопроса, при которой государство становится таковым лишь после занятия соответствующего кресла в ООН или после признания кем-то извне.

Таким образом, можно констатировать: сразу же после признания хотя бы одной страной государство приобретает статус официально признанного. После указов Президента России от 26 августа 2008 г. Южная Осетия и Абхазия – де-юре признанные независимые государства. А все политико-правовые перипетии в отношении этих государств с Грузией на протяжении XX и начала XXI века однозначно свидетельствуют: их независимость основывается не на голом политическом произволе, как в случае с Косово, а имеет под собой четкую юридическую легитимацию.

¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. 1908.

² Knut Ipsen: Völkerrecht. § 5 n. 4-6.

³ Rights and Duties of States-Convention Signed at Montevideo, December 26, 1933 // <http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/interwar/rights.htm> [Конвенция Монтевидео по правам и обязанностям государств, 49 Стат. 3097; Серия договоров 881; 165 Серия договоров ООН 19, декабрь 26, 1933]

«В ПОЛДНЕВНЫЙ ЖАР В ДОЛИНЕ ДАГЕСТАНА...»

1.

Имени этого человека в хрониках Кавказской войны всегда сопутствует эпитет «храбрый». Ранений у него было больше, чем наград. При штурме Варшавы, ещё молодым офицером, он потерял глаз. На Кавказе получил пули в ногу, голову и в грудь навывлет. В Севастополе – две контузии и ещё одну рану. Его наградили золотым оружием с надписью «За храбрость». Но более памятной, чем все ордена и награды, была для него маленькая серебряная медаль за Ахульго. Звали этого человека Мориц Христианович Шульц.

Путешествуя по Кавказу, знаменитый писатель Александр Дюма не упускал случая порасспросить кого-нибудь из бывалых кавказцев – с тем, чтобы заполучить ещё одну невероятную историю для своих путевых записок. В Хасав-Юрте судьба свела его с молодым офицером – сыном генерала П.Х. Граббе, командовавшего в 1839 году штурмом «орлиного гнезда» Шамиля – крепости Ахульго.

По рассказам ветеранов, дополненным молодым Граббе, Дюма составил картину небывалого сражения, разгоревшегося в день решительного приступа.

«Сей день, – пишет Дюма, – был днем кровавой сечи, какой ни орлы, ни коршуны, парившие над вершинами Кавказа, никогда не видывали. Противники буквально плавали в крови; лестницы, с помощью которых влезали на стены, были составлены из трупов. Не слышно было воинственной музыки для ободрения сражающихся, она умолкла. Хрипение умирающих заменяло её»¹.

Присутствие музыкантской команды в этой гигантской мясорубке, в которой обе стороны сражавшихся потеряли несколько тысяч человек, можно отнести к пылкой фантазии французского беллетриста, но в том, что при Ахульго состоялась одна из самых грандиозных битв Кавказской войны, сомневаться не приходится.

В бою принимал участие и тридцатитрёхлетний штабс-капитан генерального штаба Мориц Христианович Шульц. Имя этого храброго, толкового офицера, дослужившегося потом и до генеральских погон, могло бы, пожалуй, затеряться в кавказских хрониках, если бы не одно особое обстоятельство, отметина судьбы: Шульц стал прототипом или, в данном случае позволительно сказать, протогероем лермонтовского «Сна».

Прежде чем поведать читателю этот драматический эпизод из его боевой судьбы, попробуем восстановить картину отчаянного штурма высокогорной твердыни Шамиля, благо в нашем распоряжении имеется такой подробный и достоверный источник как «Описание военных действий 1839 года в северном Дагестане», составленное полковником генерального штаба Д.А. Милютиним.

Блокада и осада Ахульго продолжались восемьдесят дней. Военные действия достигли на этот раз тех мест, замечает Милютин, «куда до этого времени еще никогда русское оружие не проникало; они сопряжены были с такими затруднениями

естественными и с таким упорным сопротивлением со стороны неприятеля, какие прежде едва ли встречались...»¹.

Что же представляло собой это горное гнездо? Ахульго – не один аул, а два. Старый и Новый, занимавшие вершины двух почти отвесных утесов, разделенных глубоким ущельем реки Ашильты. Несколько бревен, переброшенных над пропастью, служили единственным мостом, по которому сообщались между собой жители аулов. Оба скалистых утеса, огражденные кругом отвесными и каменистыми обрывами, образуют как бы полуостров, огибаемый с трех сторон рекою Койсу. Над Новым Ахульго высится, почти отвесно, остроконечная вершина, на которую можно было взобраться только поодиночке. Здесь горцами была возведена неприступная Сурхаева башня. «...Вся местность вокруг обоих Ахульго чрезвычайно сурова и дика, – пишет Милютин, – горы каменистые, бесплодные, как будто все в трещинах. Горные потоки во многих местах низвергаются в пропасти с отвесных уступов».

Шамиль собрал в Ахульго около четырех тысяч своих приверженцев, из которых более тысячи имели прекрасное вооружение. Человек сто самых отчаянных мюридов заперлись в Сурхаевой башне.

Силы русских состояли из нескольких батальонов регулярных кавказских полков, усиленных казаками и конной милицией. По горным перевалам к стенам Ахульго были доставлены три десятка артиллерийских орудий. Общая численность войск превышала десять тысяч человек. Руководил осадой генерал Граббе (в прошлом адъютант Ермолова), поклявшийся своим именем («граб» по-немецки значит «могила»), что возьмет Шамиля живым или мертвым. За голову имама было обещано сто червонцев.

Кольцо глухой блокады сомкнулось вокруг Ахульго 12 июня. По ночам саперы вели осадные работы, артиллерия без устали беспокоила неприятеля, в передовых секретах были собраны лучшие стрелки.

Первые попытки штурма не увенчались успехом, а только принесли ощутимые потери. Вскоре Сурхаева башня была разрушена русскими ядрами. Атака, предпринятая 17 августа, заставила Шамиля выкинуть белый флаг, а потом и выдать аманатом (заложником) сына Джемалэддина.

Переговоры, на которые ушло несколько дней, не дали результата, и Граббе отдал приказ к решительному штурму. Ахульго пал. Над вершинами скалистых утесов развевались русские знамена. Граббе доносил в рапорте: «28 августа был днем развязки экспедиции против Шамиля; я считаю дело конченным, хотя бы... возмутитель и успел спастись. Нет более ему веры в горах; нет более для него пристанища ни на утесах, ни в ущельях; нигде не может он найти место недоступнее бывшего гнезда его Ахульго и приверженцев храбрейших тех, которые жертвовали собою за него. Партия его истреблена вконец...»².

Но цели своей русские все же не добились: Шамилю с семьёй и горсткой преданных мюридов удалось укрыться в пещере на берегу реки Койсу, а потом ночью совершить побег, пробившись с боем через русские посты. Он ушел, оставив в руках гяуров старшего сына и потеряв во время прорыва жену Джавгарат. Ушел, растаял без следа, как пороховой дым среди скальных уступов.

Что касается Шульца, то под Ахульго он получил несколько пуль. В день последнего сражения, указывая путь штурмовой колонне, он был тяжело ранен в грудь навывлет. В горячке боя о нём не сразу вспомнили, и он ещё долго лежал под палящими лучами среди павших. В минуты, когда сознание возвращалось к нему, он вспоминал о любимой девушке, оставшейся в России.

Граббе полагал наградить героя следующим чином. Но царь Николай I собственноручно начертал резолюцию о производстве Шульца в полковники. Его перевезли в госпиталь в Темир-Хан-Шуру, потом он лечился на водах в Пятигорске и за

¹ Дюма Александр. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988.

¹ Здесь и далее: Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 года в северном Дагестане. – СПб., 1850.

² Кровяков Н. Шамиль. – М., 1940.

границей.

Вернувшись на Кавказ, Шульц встретил Лермонтова и рассказал ему свою историю. Это было в Ставрополе или Пятигорске (здесь сведения расходятся) и, скорее всего, в 1840 году. Лермонтов, переведенный тогда из гвардии в Тенгинский пехотный полк, участвовал в экспедициях в Чечне и Дагестане под командой генералов Граббе и Галафеева, в памяти которых ещё отчётливы были апокалиптические картины разрушенного боем Ахульго. О Шульце заставляет вспомнить строка лермонтовского «Завещания» («Скажи им, что навывлет в грудь я пулей ранен, был...»), написанного в это же время.

Несколько позднее, в январе 1841 года, в Ставрополе, в доме Граббе с Лермонтовым познакомился инженер Андрей Иванович Дельви́г, передавший в своих воспоминаниях подробности тех дней, имеющие некоторое отношение и к битве при Ахульго. «За обедом всегда было довольно много лиц, — пишет Дельви́г, — но в разговоре участвовали Граббе, муж и жена, Трескин, Лев Пушкин, бывший тогда майором, поэт Лермонтов, я и иногда еще кто-нибудь из гостей. Прочие все ели молча. Лермонтов и Пушкин называли этих молчаливых картинною галерею. Лермонтова я увидел в первый раз за обедом 6-го января. Он и Пушкин много острили и шутили с женою Граббе, женщиною небольшого ума и малообразованною. Пушкин говорил, что все великие сражения кончаются на «о», как то: Маренго, Ватерлоо, Ахульго и т.д. Я тут же познакомился с Лермонтовым и в продолжение моего пребывания в Ставрополе всего чаще виделся с ним и Пушкиным. Они бывали у меня, но с первого раза своими резкими манерами, не всегда приличными остротами и в особенности своею страстью к вину, не понравились жене моей. Пушкин пил не чай с ромом, а ром с несколькими ложечками чая, и видя, что я вовсе рома не пью, постоянно угощал меня кахетинским вином... Лермонтов и Пушкин пришли меня проводить. Первый уверял, что по казачьим землям можно ездить только штаб-офицерам или с крестом на шее, иначе подвергнешься неприятностям со стороны казаков, и потому убеждал меня мой петличный Анненский крест надеть на шею. Конечно, я его не послушался»¹.

Сам Лермонтов в боях с горцами не получил даже царапины. Но видел вблизи и смерть, и кровь, буквально потоки крови — когда вода в горной реке становилась красной («мутная волна была тепла, была красна»). Граббе и другие командиры представляли его к наградам, в том числе и золотым оружием с надписью «За храбрость». Но ни в наградах, ни в любви Лермонтов не был так счастлив, как штабс-капитан Шульц...

Свою историю Шульц рассказывал много раз, прибавляя уже и ту замечательную подробность, что Лермонтов использовал её как поэтический сюжет. Возможно, время стирало в его памяти какие-то детали. Возможно, его слушатели добавляли потом что-то и от себя. Один из них, писатель А. Бежецкий передаёт, например, слова Лермонтова, сожалеющего, что он не попал в экспедицию под Ахульго. Более того, Бежецкий приводит большой (в сорок строк) и как бы первоначальный вариант стихотворения, сочинённого Лермонтовым по рассказу Шульца:

*В долине Кавказа, где скалы
Толпою теснятся кругом,
Лежал он с зияющей раной,
Насмерть пораженный врагом...²*

Здесь, несомненно, слышны отголоски «Сна». Но написал это стихотворение кто-то другой, находясь, вероятно, под сильным впечатлением от лермонтовского шедевра.

Услышанную от Шульца историю пересказывали потом генералы Степанов и Девель, встречавшиеся с ним во время турецкой войны 1877-1878 гг.

Более известны воспоминания Шульца (тогда уже генерала) в пересказе Г.К. Градовского. Молодым офицером наш герой сделал предложение родителям любимой девушки, но получил отказ. Его сочли не слишком выгодным женихом. Но она обещала ждать. Шульц отправился на Кавказ — заслужить чины и награды. За Ахульго он получил Георгиевский крест. Возвращаясь из-за границы, в Дрездене, возле рафаэлевой Мадонны чудесным образом встретился со своей возлюбленной. Потом, на Кавказе, рассказал об этом Лермонтову. «Рассказал, — продолжает Шульц, — и Лермонтов спрашивает меня:

— Скажите, что вы чувствовали, когда лежали среди убитых и раненых?

— Что я чувствовал? Я чувствовал, конечно, беспомощность, жажду под палящими лучами солнца; но в полузабытьи мысли мои часто неслись далеко от поля сражения, к той, ради которой я очутился на Кавказе... Помнит ли она меня, чувствует ли, в каком жалком положении очутился ее жених.

Лермонтов промолчал, но через несколько дней встречается меня и говорит:

— Благодарю вас за сюжет. Хотите прочесть?

И он прочёл мне свое известное стихотворение:

«В полдневный жар в долине Дагестана...»¹

«Сон» — одно из последних стихотворений, созданных Лермонтовым. Его автор находится в тетради, которая была у поэта на Кавказе в 1841 году. Возможно, Лермонтов написал его незадолго до роковой дуэли в Пятигорске. Но был ли здесь в это время Шульц? Ах, если бы это доподлинно знать...

«Сон» часто называют самым многозначительным и загадочным стихотворением Лермонтова. Д.С. Мережковский видел в нём «воспоминание будущего», то есть мистическое пророчество Лермонтовым своей собственной судьбы. В.С. Соловьёв назвал его «сном в кубе», а В.В. Набоков — «тройным сном» и считал, что «витки этих пяти четверостиший сродни переплетению пяти рассказов, составивших роман «Герой нашего времени»².

Но вернёмся к нашему герою. До 1855 года он служил на Кавказе, в чине генерал-майора занимал пост коменданта Александропольской крепости. Это был, по словам современника, «весьма эксцентричный, но увлекательный и храбрый человек»³. Испросив отпуск якобы для лечения старых ран, он устремился в осажденный Севастополь, откуда привез новое ранение, две контузии и золотую саблю с бриллиантами и надписью «За храбрость». Потом был комендантом крепости Динамюнде, участвовал (в возрасте 70 лет!) в русско-турецкой войне и окончил службу в чине генерала от кавалерии.

Приведем ещё одно воспоминание о Шульце — генерала Девеля, встречавшегося с ним при штабе М.Т. Лорис-Меликова во время турецкой кампании:

«Как теперь его вижу, небольшого роста, тоненький, с седою бородою, в конно-артиллерийском сюртуке, с «Георгием» в петлице и «бриллиантовой» саблею сбоку, едущего в стороне от всех на небольшой светло-рыжей лошадке... Я подъехал к генералу Шульцу с целью обменяться событиями дня, и он вдруг меня спросил:

— Вы видели, как переносили раненого майора Гоппе?

На мой утвердительный ответ он возразил:

— Чёрт знает, как при переноске беспокоят раненого, и советую вам, если вас ранят, то лежите спокойно.

Я удивился и из уважения к старику-генералу не возражал.

— А на Ахульго, — продолжал он, — я был ранен в грудь навывлет и целую ночь пролежал среди убитых и этому только обязан, что остался жив, — кровь сама собой остановилась. В Пятигорске, где я лечился от ран, я рассказал Лермонтову про

¹ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989.

² Новый мир. 1988. № 4.

³ Русско-турецкая война за Кавказом в 1853 и 1854 гг. Из записок генер. от инфант. М.Я. Ольшевского // Русская старина. 1884. Октябрь.

¹ Дельви́г А.И. Мои воспоминания. — М., 1912. Т. 1.

² М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989.

свою рану и посоветовал ему, так же как и вам, не позволять себя трогать, если он будет ранен в экспедиции против горцев. А через несколько дней он мне прочёл свое чудное стихотворение, написанное им по поводу моего рассказа...»¹.

В военных записках «Под Карсом», принадлежащих перу ветерана кавказских битв генерала П.Ф. Степанова, приводится еще один вариант истории Шульца, рассказанной им самим. Новых подробностей Степанов не сообщает, но называет Шульца спартанцем и восхищается тем, как этот «среднего роста, тщедушный старик, притом израненный, равнодушно и без ущерба здоровью, переносил все невзгоды походной жизни, тяготившей и молодых людей»².

В 1964 году «Военно-исторический вестник», издаваемый в Париже Обществом ревнителей русской военной старины, посвятил М.Х. Шульцу небольшую статью. Интересно, что в этом же номере помещен и очерк Л.С. Пенькова «От Темир-Хан-Шуры до Ахульго». Автор посетил места былых сражений в 1914 году и вот что увидел тогда на горных уступах:

«Напрасны были мои поиски обнаружить какие-либо остатки грозной твердыни Шамиля. Все было взорвано и уничтожено при взятии Ахульго... Вероятно, сам Шамиль, как трезвый реалист, вполне сознавал, что защита Ахульго была безнадежна. В течение нескольких недель 20 русских орудий поливали снарядами гору вдоль и поперек. При скученности защитников на небольшой площади им было невозможно устоять. Да, защитники Ахульго при штурмах оказывали безумную храбрость и героизм. Участники взятия Ахульго свидетельствовали, что даже женщины, переодевшись в мужское платье, становились с оружием в руках рядом с мужчинами на завалах...»³. Даже семьдесят пять лет спустя после штурма земля Ахульго была усеяна пулями и картечью.

За Ахульго Шульц получил в награду не только Георгиевский крест. Была установлена и серебряная медаль на георгиевской ленте – единственная, насколько нам известно, за всю шестидесятилетнюю историю Кавказской войны медаль, посвященная отдельному сражению. На одной ее стороне значилось: «За взятие штурмом Ахульго 22 авг. 1839 г.». Другую украшал вензель Николая I.

Не берусь судить, можно ли отнести к боевым наградам Шульца стихотворение Лермонтова. Если да, то эта награда, как и все остальные, была оплачена кровью.

Храбрец Шульц передавал слова Лермонтова о том, что он сам хотел бы пройти через испытания, выпавшие на долю нашего героя: «Какая жалость, что я не попал под Ахульго, это, говорят, была удивительная экспедиция... Ах, я желал бы все испытать. Конечно, я пережил бы, так же, как и вы, тяжелые минуты, но все-таки желал бы их испытать...»⁴.

Кто знает, какие бессмертные творенья мог оставить нам поэт, пройди он через адское пламя, полыхавшее на вершинах Дагестана. Но Ахульго – не Бородино, и дальше зарево этой битвы теперь едва различимо в исторических потемках. Нерукотворным же памятником ее героям навсегда остался лермонтовский «Сон».

Говорить о возможной военной карьере самого Лермонтова трудно даже предположительно. Он собирался выйти в отставку, издавать свой журнал и писать большой роман из кавказской истории. Двое из его однокашников, Александр Иванович Бялятинский и Дмитрий Алексеевич Милютин, повоевав на Кавказе, закончили ратный путь в чине генерал-фельдмаршала, многие дослужились до генеральских погон. Лермонтов же так и остался в нашей памяти в скромном звании поручика Тенгинского пехотного полка.

¹ *Топорков Ю.* Мориц Христианович фон Шульц, современник Лермонтова // Военно-исторический вестник (Париж). 1964. № 24.

² *Городецкий Сергей.* Lermontiana // Кавказское слово. 1919. 10 августа. № 163.

³ *Пеньков Л.С.* От Темир-Хан-Шуры до Ахульго // Военно-исторический вестник (Париж). 1964. № 24.

⁴ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1989.

К стихотворению «Сон» мы обратимся еще раз – с тем, чтобы постараться прояснить одну загадочную историю, связанную с поездкой на Кавказ знаменитого французского писателя Александра Дюма.

Отправляясь в 1858 году в Россию, знаменитый романист обещал читателям своего журнала «Монте-Кристо» подвести их к «скале, к которой был прикован Прометей», и «посетить стан Шамиля, этого другого титана, который в своих горах борется против русских царей»¹. Популярность Дюма в России была невероятной. Его встречали так, что в одном из писем той поры писатель сравнивал великолепное русское гостеприимство с золотыми рудниками Урала. Даже императорский фарфоровый завод выпускал изящные фигурки, изображавшие персонажей романа «Три мушкетера».

Из Петербурга Дюма отправился в Москву, а оттуда через Нижний Новгород по Волге в Астрахань и дальше – в Кизляр. Посетив Дербент, Баку, Шемаху и ряд других достопримечательных мест, Дюма встретил новый 1859-й год в Тифлисе, попытался проехать по Военно-Грузинской дороге к Крестовому перевалу, но был остановлен поднявшейся метелью. Вскоре из Поты на пароходе «Сюлли» писатель отбыл в Марсель.

Вернувшись во Францию, Дюма выпустил три тома путевых записок под общим названием «Кавказ». Путевым заметкам предшествует вступление – довольно пространственный очерк кавказской истории, от Прометея до Шамиля, причем здесь переданы подробности событий, без которых французскому читателю была бы неясна ситуация на Кавказе: возникновение мюридизма и гибель имама Кази-Муллы при взятии русскими войсками аула Гимры, убийство Гамзат-бека и возложение на Шамиля звания имама Дагестана и Чечни. «Всеми миру известно, – пишет Дюма, – какого непреклонного и упорного врага обрели русские в этом горском властителе»².

Поездка Дюма проходила осенью 1858 года, когда исход долгой борьбы был уже предрешен и кольцо русской осады постепенно сжималось вокруг имама. «Шамиля окружают и стесняют все более и более, надеясь, что он будет задушен в каком-нибудь узком ущелье. По прибытии в Хасав-Юрт мы находились в полумиле от его аванпостов и в пяти милях от его резиденции»³, – как видим, прогноз Дюма не слишком расходится с тем стратегическим планом, какой избрало русское командование на Кавказе: в августе 1859 года последнее горное гнездо Шамиля, неприступный Гуниб, было блокировано войсками, и с первыми попытками штурма имам, после мучительных колебаний, сдался заместнику Кавказа князю Барятинскому.

В главе, названной «Цитаты», писатель поместил несколько понравившихся ему стихотворений Лермонтова в своих переводах. Все они хорошо известны русскому читателю в оригинале. Все, кроме одного – стихотворения «Раненый».

Это не могло быть случайностью или ошибкой. Дюма был отлично осведомлен о русских литературных делах. В Дербенте он интересовался судьбой опального декабриста и писателя Александра Бестужева-Марлинского, некогда отбывавшего здесь годы подневольной солдатчины, а потом во Франции выпустил увлекательный роман «Султанетта», представлявший собой перевод-переделку повести Бестужева «Аммалат-Бек».

Что касается Лермонтова, то еще в 1855 году в журнале Дюма «Мушкетер» печатался перевод «Героя нашего времени», а в России в его распоряжении оказался прекрасный очерк жизни и творчества русского поэта, присланный ему Евдокией Ростопчиной. С Додо, как звали ее друга, Лермонтов был знаком с юности. Посвящал ей стихи. Ее имя он упомянул в последнем письме из Пятигорска к бабушке

¹ *Дурьлин С.* Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. Т. 31-32.

² *Дюма А.* Указ. соч.

³ Там же.

своей Е.А. Арсеньевой: «Напрасно вы мне не послали книгу графини Ростопчиной; пожалуйста, тотчас же по получении моего письма пошлите мне ее сюда в Пятигорск...» Они особенно сблизилась в последние годы, и вряд ли кто-то еще из друзей поэта мог бы нарисовать столь живой и психологически достоверный его портрет.

Послание Ростопчиной с рассказом о Лермонтове, написанное, кстати говоря, по-французски, Дюма полностью поместил в своей книге, посвятив ему отдельную главу – «Письмо». В ее записках есть одна деталь, отчасти объясняющая, почему Дюма перевел и напечатал «Раненого», без колебаний приняв его за лермонтовский шедевр.

Ростопчина сообщает о поэте, что, находясь на Кавказе, «каждый раз только он оканчивал, пересматривал и исправлял тетрадь своих стихотворений, он посылал ее к своим друзьям в Санкт-Петербург. Эта пересылка была причиной того, что мы должны оплакивать потерю некоторых из его лучших сочинений. Тифлисский курьер, часто преследуемый чеченцами или кабардинцами, подвергаясь опасности упасть в поток или в пропасть, переправляясь вброд, где иногда для спасения самого себя он бросает вверенные ему пакеты, утратил две или три таких тетради Лермонтова. В частности, это случилось с последней, которую Лермонтов послал было к своему издателю, но она затерялась, и у нас остались только наброски стихотворений, содержащихся в этой тетради»¹.

Всего в книге Дюма помещено восемь его переводов лермонтовских стихотворений («Дары Терека», «Дума», «Спор» и другие) и сверх того еще одно – «Le blessé» («Раненый»), публикацию которого знаменитый романист предварил особым замечанием: «Мы выписали из одного альбома стихотворение, которого нет в собрании сочинений Лермонтова...» И это отсутствие Дюма объяснил, ссылаясь на слова Ростопчиной о потерянной тетради: «...возможно, оно составляло часть той, последней посылки, которую потерял курьер».

Однако на деле это объяснение ничего не объясняет. Если тетрадь потеряна, – унес ли ее бурный поток или поглотила бездонная пропасть, – то откуда же ей взяться вновь? Чеченцы же, отбив у курьера почту, просто-напросто пустили бы ее на пыжи для своих ружей.

Предполагают также, что рукописный альбом, из которого Дюма выписал «Раненого», мог принадлежать самой Ростопчиной: «Одно из переведенных стихотворений Дюма назвал «Неизвестное». Он говорит, что нашел его в рукописном альбоме. Очевидно, его показала ему Е.П. Ростопчина, с которой Дюма виделся в Москве в августе 1858 года»².

Ничего очевидного здесь, к сожалению, нет. Лермонтов, уезжая на Кавказ, действительно, подарил Додо альбом и даже вписал туда посвященное ей стихотворение:

*Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны...*

(Графине Ростопчиной. 1841)

Альбом этот до нас не дошел. Тем не менее, можно с уверенностью полагать, что «Раненого» не было на его страницах, об этом совершенно определенно говорит сама Ростопчина. Узнав о смерти друга, она вскоре написала большое, полное горечи и скорби, стихотворение «Пустой альбом». Трижды оплакав Лермонтова («как юношу, как друга, как поэта») и признав, что это был «единственный луч на небосклоне русском», Ростопчина, вместе с тем, сообщает много интересных

подробностей. Например, о прощальном вечере, устроенном друзьями поэта при его последнем отъезде из Петербурга, о недобрых предчувствиях, уже томивших его, и об альбоме, который он ей оставил в знак памяти. Тут Ростопчина сделала даже особое примечание: «Этот альбом был мне подарен М.Ю. Лермонтовым, перед отъездом его на Кавказ, в мае 1841 года, стало быть, незадолго перед его смертью. В нем написал он свое стихотворение ко мне: «Я знаю, под одной звездой Мы были с вами рождены»¹.

Более того, в начальных строках стихотворения отчетливо говорится, что Лермонтовым в альбоме заполнен лишь один лист:

*Среди листов, и белых и порожних
Дареного, заветного альбома,
Есть лист один: один лишь носит он
Следы пера, слова и начертанья
Знакомой мне и дружеской руки...*

Разумеется, у Ростопчиной были и другие альбомы с множеством вписанных туда стихов и дружеских приветствий, но если бы «Раненый» попал на их страницы, то сама владелица альбома уж точно знала бы, чьей рукой он туда вписан, и не преминула сообщить об этом своему французскому гостю.

Так или иначе, того самого альбома, в котором Дюма когда-то обнаружил «Раненого», да и вообще русского оригинала этого стихотворения по сей день не видел никто. Какие же есть основания считать не известный нам исходный русский текст лермонтовским?

Первый биограф поэта П.А. Висковатов, редактируя первое полное собрание его сочинений, вышедшее в свет в 1889 году, поместил стихотворение (во французском переводе Дюма) в разделе приложений и сделал неуверенное предположение:

«Между стихотворениями нашего поэта мы такого не знаем, и откуда мог его получить Дюма, нам неизвестно. Характер стихотворения, пожалуй, и подходит к поэзии Лермонтова, и мы думаем, не есть ли этот перевод только весьма вольное подражание стихотворению Лермонтова «Завещание»².

Самое интересное, что Висковатов предлагает свой стихотворный (обратный!) перевод с французского:

*Как зверь подстреленный, у леса он лежал...
Вокруг безмолвная природа.
Сочилась кровь – он тихо умирал
Без ласки теплой и ухода.
А думы вдаль летят – минуты сочтены;
И в нем сильней тоска и муки —
Он знает, что забыт, хоть ею полны сны,
Хоть к ней простер хладеющие руки.*

Высказывалось и прямо противоположное мнение, и высказал его глубокий и тонкий исследователь – Б.М. Эйхенбаум. В комментариях к полному собранию сочинений Лермонтова, выпущенному издательством «Academia» в 1936 году, он пишет, что «предположение Висковатова неправдоподобно: стихотворение, приведенное у Дюма, не имеет ничего общего с «Завещанием».

Там же дается подстрочный перевод французского текста:

«Видите ли вы этого раненого, который в судорогах лежит на земле? Он умрет здесь, у пустынного леса, и никто не облегчит его страданий; но кровь из его раны сочится с удвоенной силой и боль сердца особенно жестока потому, что, погружаясь

¹ Дюма А. Указ. соч.

² Там же.

¹ Стихотворения графини Ростопчиной. – СПб., 1856. Т. II.

² Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. I. – М.: издание В.Ф. Рихтера, 1889.

в воспоминания, он знает, что забыт»¹.

«Завещание» написано Лермонтовым по боевым впечатлениям, полученным на Кавказе, и впервые было опубликовано еще при жизни поэта – во второй книжке «Отечественных записок» за 1841 год. Там же напечатана и статья В.Г. Белинского, давшего высокую оценку стихотворению, в котором, по его словам, звучит «голос не глухой и не громкий, а холодно-спокойный; выражение не горит и не сверкает образами, но небрежно и прозаично...»². Не раз он высказывал свое мнение о «Завещании» и в частной переписке, например, в письме В.П. Боткину от 1 марта 1841 года: «А каковы новые стихи Лермонтова? Он решительно идет в гору и высоко взойдет, если пуля дикого черкеса не остановит его пути...»

Упоминание «пули дикого черкеса» здесь не случайно, так как могло быть навеяно именно строкой из «Завещания» – «Скажи им, что навывлет в грудь я пулей ранен был». Никакого другого сходства, кроме этих слов о ранении, между «Раненым» и «Завещанием», действительно, нет, и осторожное предположение Висковатова, что первое есть только «весьма вольное подражание» второму, лишено каких бы то ни было оснований.

Существует, надо сказать, еще одна версия: Висковатов, оказывается, имел в виду не знаменитое лермонтовское «Завещание» («Наедине с тобою, брат»), а совсем другое «Завещание», написанное нашим поэтом еще в юности, в 1831 году, по мотивам гетевского «Вертера»³. Сам Висковатов, правда, никогда и нигде об этом даже не обмолвился. Автор же новоявленной версии, не приводя в ее подтверждение никаких существенных доводов, сообщает нам лишь то, что пришел к своей счастливой догадке «путем несложных логических размышлений». Еще более странным и столь же бездоказательным выглядит утверждение того же автора, что «Раненый» представляет собой перевод именно лермонтовского «Завещания» 1831 года.

Приведем текст этого стихотворения полностью:

1

*Есть место: близ тропы глухой
В лесу пустынном, средь поляны,
Где вьются вечером туманы,
Осеребрённые луной...
Мой друг! ты знаешь ту поляну;
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!*

2

*Могиле той не откажи
Ни в чем, последуя закону;
Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи;
Когда гроза тот лес встревожит,
Мой крест пришельца привлечет;
И добрый человек, быть может,
На диком камне отдохнет.*

¹ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. – М.– Л.: Academia, 1936. Т. 2.

² Белинский В.Г. М.Ю. Лермонтов. Статьи и рецензии. – Л.: Художественная литература, 1940.

³ Соснина Е.Л. Загадки и тайны Кавказа. – Ессентуки, 2006.

В отличие от «Раненого» это стихотворение написано от первого лица; его герой вовсе не ранен, не корчится на земле, истекая кровью, и не страдает от одиночества и забвения. По-видимому, он имеет намерение покончить с собой и, обращаясь к другу, описывает место своего будущего захоронения и просит его позаботиться о могиле, возле которой, возможно, найдет отдых какой-нибудь путник. В этом, собственно, и состоит его последняя просьба или, другими словами, его завещание, что и вынесено автором в заглавие стихотворения. Есть ли смысл говорить, что «Раненый» Дюма не имеет совершенно ничего схожего с этим поэтическим сюжетом?

И еще об одном. Переведя на французский язык восемь стихотворений Лермонтова, Дюма в точности сохранил все их названия. Если же допустить, что «Раненый» представляет собой перевод лермонтовского «Завещания» 1831 года, то почему Дюма здесь от своего правила вдруг отступил и название стихотворения изменил? Это тем более непостижимо, что в исходном русском тексте ни о каком раненом не говорится вообще ни единого слова. Неужели всё мастерство перевода заключается в том, чтобы до полной неузнаваемости исказить оригинал? Или дело тут всё-таки в другом? В том, например, что никакого «Завещания» Дюма никогда не переводил...

Но оставим в стороне зыбкое искусство «несложных логических размышлений» и попробуем ответить на главный вопрос: есть ли основания считать исходный текст лермонтовским?

Рассмотрим три мотива, характерных для Лермонтова и отчётливо присутствующих в тексте «Раненого».

Время и место

В стихотворении «Раненый» не обозначены конкретные признаки времени и места, сказано только, что действие происходит у пустынного леса. У Лермонтова же там, где стихотворный сюжет разворачивается в реальном внешнем пространстве, оно всегда имеет чёткие топографические ориентиры. Действие, как правило, и начинается с обозначения обстоятельств времени и места:

*Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул...*

(Аул Бастунджи. 1833-1834)

В полдневный жар в долине Дагестана...

(Сон. 1841)

Особенно характерно в этом отношении стихотворение «Валерик»: автор-рассказчик, едва начав повествование о боевых действиях, прерывает себя, чтобы обозначить место событий:

*Раз – это было под Гихами –
Мы проходили темный лес...*

Поэту нет дела, что его читатель никогда до этого не слышал и никогда больше не услышит название горского селения Гехи, он навсегда вписывает его в свой текст, имея в виду какую-то понятную только ему художественную цель.

Определение времени и места события сопровождается у Лермонтова и другими уточняющими приметами внешнего мира, из которых можно выделить столь любимые им, художником, цветовые признаки. Здесь и «чета белеющих берез», и

старинная башня, что стоит «чернея на черной скале» там, «в глубокой теснине», «во мгле», где вообще, кажется, никакой цвет различить нельзя. Для краткости обратимся лишь к одному кавказскому батальному стихотворению – «Я к вам пишу...» («Валерик»):

*Кругом белеются палатки...
Люблю я цвет их желтых лиц...
...один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит...
Сейчас, смотрите: в шапке черной...
Мы проходили темный лес...
...пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес...
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами...
...мутная волна
Была тепла, была красна...
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом...*

(Валерик.1840)

Представлен почти весь спектр, только вместо голубого – лазурно-яркий и не хватает экзотических оранжевого и фиолетового, отсутствие которых понятно и восполняется замечательным набором: белый, чёрный, светло-серый, тёмный.

Объёмы «Валерика» и «Раненого» несравнимы, но сопоставление их всё же показательное в том смысле, что «Раненый» для Лермонтова слишком беден и бледен.

Ранение. Рана. Кровь

Весьма характерный для Лермонтова мотив, однако реализуемый у него несколько иначе, нежели в переводном тексте Дюма: описание ранения, если и не детальное, то всегда имеющее ряд уточняющих указаний:

*С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя...*

(Сон.1841)

*Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был...*

(Завещание.1840)

*...Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась...*

(Валерик.1840)

То же и в прозе. Рассмотрим три самых известных трагических эпизода из трёх частей «Героя нашего времени»: смерть Бэлы, смерть Грушницкого и смерть Вулича.

Казбич поразил Бэлу ударом кинжала. Об этом мы узнаем со слов Максима Максимыча: «Бедняжка, она лежала неподвижно, и кровь лилась из раны ручьями... Такой злодей: хоть бы в сердце ударил – ну, так уж и быть, одним разом всё бы кончил, а то в спину... самый разбойничий удар!»

О Грушницком Вернер сообщает в записке Печорину, что «тело привезено обезображенное, пуля из груди вынута».

Вулича казак ударил «шашкой, и разрубил его от плеча почти до сердца». В «Раненом» ничего подобного нет.

Одиночество, забвение и душевные муки, связанные с ними

Здесь само собой напрашивается сравнение «Раненого» с лермонтовским «Сном», ибо не вызывает сомнений сходство внешней ситуации, нарисованной в том и другом стихотворении: некто, раненый и забытый, находится в пустынной местности, испытывая физические и душевные муки.

Но «Раненый» этой ситуацией исчерпан до дна – весьма неглубокого, как в смысле поэтических средств, так и в смысле психологизма. Чем же принципиально отличен от него «Сон»?

В восьми первых строках Лермонтов создает ту же исходную ситуацию – создает сильными, яркими ударами кисти, и поразительная жадность к подробностям бытия, пожалуй, даже подводит его, ибо герой «Сна» успеваешь подметить и почувствовать слишком много (даже противоречиво много) для смертельно раненого человека: место и время события, причём время с точностью до часа – полдень; природные условия в текущий момент («жар», «солнце жгло»); рельеф и цвет окружающего горного ландшафта («уступы скал», «жёлтые вершины»); характер грунта («на песке»).

О себе герой сообщает, что ранен пулей в грудь, причём пуля не прошла навылет; что рана глубокая и дымящаяся, кровотечение из нее незначительное («кровь точилась») и он успеваешь почувствовать каждую потерянную ее каплю; что следствием ранения явилось тяжелое бессознательное состояние («лежал недвижим», «спал я мертвым сном»).

Но самое главное, впрочем, даже не это. Если в «Раненом» изображённая ситуация представляет собой конечную художественную цель, то для «Сна» это всего лишь исходный момент, за которым происходят главные события сюжета. Причём – и это принципиально важно – действие теперь устремляется в иные сферы, весьма удаленные по обстоятельствам времени и места от исходных.

Для Лермонтова это весьма характерный приём построения лирического сюжета: рисуя то, что реально присутствует перед нами, он переходит к изображению того, что реально отсутствует и что составляет, собственно, художественную цель его медитативной лирики. И именно это рознит исследуемые тексты так глубоко, что не оставляет, кажется, сомнений в принадлежности их, если не разным авторам, то, во всяком случае, разным способам поэтического мышления.

«Раненого» больше не включают в собрания сочинений Лермонтова. Но на этом история стихотворения не кончается: нам известны ещё, по крайней мере, два интересных перевода «Раненого» на русский язык. Такова, видимо, магия поэзии, что, соприкоснувшись однажды с великими именами, это стихотворение продолжает жить своей особой судьбой. Записки Дюма на русском языке выходили дважды: в 1861 году в Тифлисе и там же в 1988, когда издательство «Мерани» выпустило прекрасно иллюстрированную книгу с дополненным переводом и необходимыми комментариями. Подготовил эту книгу М.И. Буянов, предложивший ещё один перевод «Раненого»:

Акварель С.В. Иванова. Иллюстрация к стихотворению
М.Ю. Лермонтова «Сон»

*Узрели ль вы несчастного,
Что в корчах пал на землю
Пред лесом опустевшим?
Никто не облегчит его печали,
А кровь сочится из больного сердца.
И он ушел в свои воспоминанья,
Поняв, что всеми позабыт давно¹.*

В 1989 году московский поэт А. Бакалеев выполнил вольный стихотворный перевод с французского, который мы предлагаем суду читателя:

*Он ранен был в бою у леса
Шальной пулею черкеса.
Прошла навывлет в левый бок,
Судил ему так русский бог.
Земля чужая кровь впитает,
И смерть над ним уже витает.
Но что страшнее смертной муки,
Никто к нему не тянет руки.
Нет, он не пулею убит,
А тем, что здесь один забыт.*

Древние говорили, что книги имеют свою судьбу. Кто знает, не найдется ли тот рукописный альбом, в котором автор «Трёх мушкетёров» впервые увидел эти стихи? В истории «Раненого» есть еще не прочитанные страницы...

Эпистоляр

ВЛАДИМИР СКОРИК

ЮРКА-РАЗВЕДЧИК

В Отечественную войну немало было случаев, когда несовершеннолетние дети стремились попасть на фронт и добивались этого. Наравне со взрослыми участвовали в боевых действиях. Одна из них – наша героиня. В данном случае по сложившимся обстоятельствам, плюс – по тайной мечте.

На одной из вынужденных остановок эшелона с жителями прифронтовых городов четырнадцатилетняя девочка с чайником в руке побежала за водой и в это время тронулся эшелон. Догонять было бесполезно, поезд быстро набирал скорость. В вагоне среди эвакуированных осталась её мама с тремя младшими сестрёнками, одна из которых – грудная. Им так хотелось попить водички, а бачок для неё давно был пуст.

Со слезами на глазах она долго смотрела вслед удаляющемуся поезду, где её так ждали сестрички и мама.

Растерянную плачущую девочку увидел старший сержант из воинской части, двигавшейся к фронту. Он успокоил её, выслушав в каком положении та оказалась, и посоветовал обратиться к командиру части с просьбой хоть временно взять её на любую работу: «Скажи командиру, что встретила своего двоюродного брата, а я со своей стороны попрошу тоже».

Рассказав командиру части свою печальную историю, пообещав что готова выполнять всё: чистить картошку, стирать бельё. Старший сержант тоже вступился за «сестрёнку».

«Неужели исполнится моя заветная мечта – попасть на фронт...», – думала она. Командир долго не соглашался, но уступил просьбам своих с таким условием, что по прибытии на место дислокации, куда-нибудь определит её.

Вскоре воинская часть вступила в бой с противником, и будущая разведчица стала равноправным солдатом, отличившись в первом же бою смелостью и ловкостью как медсестра. Ей выдали воинскую форму, постригли наголо, и стала она похожа на хуленького мальчика. Кто-то из солдат назвал её Юркой. Так и осталось за ней это имя, Юрка-разведчица добавилось потом. Надолго 351-я стрелковая Шепетовская Краснознаменная дивизия стала её судьбой. Судьбой будущей героини Адели Николаевны Литвиненко – кавалера ордена Красной Звезды.

За короткое время военных действий ей пришлось быть медсестрой, связной комбата, ходить в разведку, где она особенно пригодилась. Переодетая в старую одеж-

СКОРИК Владимир Иванович (1922 г. рождения). Участник Великой Отечественной войны, член Союза писателей России, автор поэтического сборника «Версты, версты военной поры» и четырех книжек для детей. Награжден орденом Великой Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями, в том числе «За оборону Кавказа».

¹ Дюма А. Указ. соч.

ду мальчика, чаще одна, иногда с «нищим старцем», проникала в расположение противника, выполняла задания командования, рискуя жизнью, приносила ценные сведения. Трижды была ранена, из госпиталя снова возвращалась в свою воинскую часть.

Летом 1942 года шли тяжёлые бои с противником в Закавказье. Случайно в раненом бойце, которого мимо неё несли на носилках санитары, она узнала своего отца. Он был тяжело ранен на этом же участке фронта. Ада бросилась к нему, обняла, расцеловала. Слабым голосом отец спросил, как она оказалась здесь. Дочь распахнула шинель и показала боевую награду – орден Красной Звезды.

– Молодец, доченька! – улыбнувшись, кивнул, – как там мама и дети?

Она, волнуясь, коротко рассказала и попрощалась с ним. Это была первая и последняя их встреча. Отец после госпиталя погиб под Новороссийском в 1943 году.

Во время продолжительных боёв на Таманском полуострове, на Кубани, однажды её и восемнадцатилетнего солдата Володю Ахтырского послали в очередную разведку. В плавнях, где нельзя даже окопаться, по камышам, еле заметной тропкой, они пробрались к передовой линии. Необходимо было засечь огневые точки противника и найти брод. Выполнив задание, по-пластунски возвращались в своё подразделение. Проголодались и решили немножко перекусить. Нашли по пути укромное местечко, вроде небольшой воронки, открыли банку тушёнки, с аппетитом съели, и Володя по неопытности выбросил пустую банку в сторону. Банка сверкнула на солнце. Этого было достаточно, чтобы их засекли немцы.

Тут же последовало несколько выстрелов из миномётов. Когда тяжелораненная Ада очнулась, увидела только окровавленные ошметки одежды напарника. Почуввав неладное, посланные навстречу им разведчики подобрали её и то, что осталось от Володи.

В госпитале, в Баку, врач, который лечил Аду, сетовал:

– Мы ж тебя еле склеили прошлый раз. Ну, теперь, девочка, отвоевалась!

Но после госпиталя, собрав все свои силы и волю, она снова добилась, чтобы её отправили на фронт. Второй орден Красной Звезды украсил её грудь, о чём поведала фронтовая газета.

Как-то командующий 38-й армии, в которую тогда входила и наша 351-я стрелковая дивизия, услышал от солдат о бесстрашном Юрке-разведчике и попросил адъютанта пригласить его на беседу.

Командующему А.А. Гречко (будущему министру обороны СССР) доложили, что она в госпитале по ранению.

– Я не её приглашал, а Юрку-разведчика!

– Так это и есть Юрка-разведчик...

– После третьего тяжелейшего ранения, когда её разбил паралич и она почти два года, испытывая невероятные боли, еле передвигалась на костылях, и думать о фронте нельзя было. Третий боевой орден вручили Аде в госпитале.

– И тогда она победила болезнь: работала секретарём комсомольской организации, воспитателем в ФЗО, поступила учиться в девятый класс, а затем окончила металлургический институт. Стала первой женщиной-оператором в огромном цехе Макеевского металлургического комбината, где почти тридцать лет выполняла сверхсложную работу на прокатном стане. Адели Николаевне Литвиненко заслуженно присвоили высокое звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой Звезды. Позже избрали депутатом Верховного Совета Украины и делегатом XXIV съезда Компартии СССР.

– Как-то в перерыве между заседаниями съезда министр обороны А.А. Гречко увидел молодую женщину с Золотой Звездой героя и тремя боевыми орденами Красной Звезды на груди. Подойдя к ней, спросил, где воевала, за какие подвиги стала полным кавалером боевого ордена. Рассказала маршалу, где воевала, за что отмечена наградами. Тогда он вспомнил: «Так это вас на фронте называли Юркой-разведчиком, с которым мне тогда не удалось встретиться?» Она утвердительно кивнула и рассмеялась. На прощанье на красочной открытке с видом Кремлёвского Дворца съездов А.А. Гречко оставил такую запись: «Дорогая Адели Николаевна! Как все мы счастливы, что дожили до такого замечательного дня. Кто думал из нас в то трудное время войны, что останемся живы! Я благодарю Вас, славную разведчицу Армии, которой мне довелось

командовать. Было трудно, но была уверенность, что наш народ выстоит, победит и покарает противника. И это осуществилось.

Дорогая Адели Николаевна! Желаю вам счастья и самого лучшего в Ваших делах. С уважением А. Гречко».

Ада Николаевна в 1979 году во время встречи в Пятигорске ветеранов 351-й Краснознамённой Шепетовской орденов Суворова и Б. Хмельницкого стрелковой дивизии, освобождавшей в 1943 году города Кавминвод, подарила мне свою книжку «Я не хочу судьбы иной», в которой поведала о своей трудной, но счастливой судьбе.

Не однажды ветераны дивизии встречались в городах, по которым прошла наша славная дивизия: это Владикавказ – где формировалась, Нальчик, Пятигорск, Кисловодск, Невинномысск, Тихорецк, Краснодар, Киев, Мукачево, Ужгород, другие города за границей. На встречи приезжала и Адели Николаевна – наша гордость.

ДРУЗЬЯ-ФРОНТОВИКИ

Ну-с, друзья-фронтовики,
Как живёте, кунаки?
Что едите и что пьёте,
В песнях вы о чём поёте?
Вас спрошу (вы извините):
Почему мне не звоните.
Денег что ли у вас мало.
Что такое с вами стало?

Не являетесь на встречи.
Где б гремели ваши речи.
За пайком не ходите,
В гости дам не водите.
Мемуары пишете,
Иль на ладан дышите?
Из счастливых – вас, кто
Получил уже авто,
Или очередь свою
Нам закроют там, в раю?

Наливает ли кто вам.
Хоть на праздник по сто грамм?
Чай, не грех перед обедом
Рюмку выпить за Победу!
Разверните шире плечи!
Верьте мне: «Ещё не вечер!»
Вижу я по вашим лицам –
Порох есть в пороховницах!

Анатолию Трилисову – народному поэту
Карачаево-Черкесии – 70 лет

ЛЁВА КЛЁВЫЙ

ПОЛИГЛОТ

*Когда поэты Дагестана
Стихи читали, я внимал
Их голосам и,
Как ни странно,
Все языки я понимал.*

Анатолий Трилисов

Он отличный переводчик,
И с любого языка
Переводит быстро, точно,
Слово к слову – на века.

Он и лирик, он и трагик,
Он и в эпосах силен –
С ним теперь никто не сладит –
С президентом дружит он.

Он отличный переводчик –
Переводит всех подряд,
Даже с русского на русский
Переводит, говорят.

Он неспешно «переводит»
Все, что Бог с утра пошлет:
Шашлык, хичины, водку
Или все наоборот.

Он хороший и при этом
Я ведь сам в него влюблен,
Словом, верю, что поэтом
Всенародным станет он.

ВАЛЕРИЙ ХОТЛИН

«НЕХОРОШИЕ» СЛОВА

А ис мечтал о коньках еще тогда, когда жил далеко от Калмыкии. Местом жительства для семьи спецпереселенцев был определен город Омск, там и приобрёл свои первые жизненные опыты юный сибиряк. Ребята в Омске целыми днями пропадали на катке. Аис был мал, но ему обещали купить коньки, когда немного подрастет. Обещали и ... купили!!! Подарили в день рождения, в семь лет. Сколько подарков было в этот день... Ранец, новенькая школьная форма – синяя гимнастёрка под ремень, фуражка с кокардой совсем как у солдат. Всё это можно было надеть на себя, несмотря на немного большеватый размер (не на один же год покупается), воображать себя бывалым солдатом, пововавшим и повидавшим. Но коньки – новенькие «снегурки» – летом опробовать невозможно. Можно лишь любоваться ими, поглаживая их матовую поверхность, выдвигать и задвигать задники, которыми коньки подгоняются под размер обуви, и мечтать, мечтать о зиме. В детстве время как бы растягивается, и дни ожидания кажутся очень длинными, но долгожданный день настал. Хорошая новость – речка замёрзла. Лёд встал! Лёд держит! Дед крепко-накрепко затянул коньки на новых Аискиных валенках.

«Новенькие валеночки! Новенькие коньки!» – восторженно стучит Аискино сердце.

Коньки, притянутые к валенкам, можно было снять только вместе с валенками, но, если бы в тот момент кто-нибудь попытался бы это сделать, Аис отдал бы их только вместе с ногами. Он пошёл на речку один, решив в укромном местечке сначала поучиться кататься, а потом, потом он будет всех удивлять своим виртуозным умением.

Мороз, солнце! Ах, как скрипит под ногами упругий снежок: «Хр-р, скр-р... хр-р, скр-р». Ах, как слепит глаза зимнее солнышко, приходится зажмуриваться и опускать взор, но ярко-белый снег тоже слепит. Сердце стучит в груди от восторга и заставляет ускорять шаг. А вот перейти на бег не дают привязанные к валенкам коньки, которые проваливаются в снег. Аис немного устал и пыхтит себе под нос: «Ле- вой, пра- вой, ле- вой, пра- вой. Ти - ше е - дешь, даль - ше бу- дешь».

А вот и речка, голубой прозрачный лёд, сквозь него видны зелёные водо-

ХОТЛИН Валерий Германович (1951 г. рождения), член Союза российских писателей, прозаик, поэт, драматург, автор повести «Осколки» (1998), пьес «Что же там, в мешке?», «Волшебные вещи», «В поисках счастья» и др., которые были поставлены на сцене калмыцких театров.

росли причудливой формы, кажется, что это растения с другой планеты... Аис смело ступил на лёд, шаг... ещё шаг. Вдруг лёд помчался на него с такой скоростью, что он не успел даже вытянуть руки вперёд, чтобы защититься. Бэмц! Аис припечатался лбом к голубому льду, во рту стало солоно, красные капли заблестели на голубом.

– Кровь солёная, – подумал Аис, – учиться нужно осторожней.

Поднимаясь на колени, он оглянулся по сторонам. Не видел ли кто-нибудь его падения? Слава богу, нет.

– Сейчас быстренько научусь кататься, тогда и смотрите, – думал Аис. – С коленок на ноги, тихонько оттолкнёмся правой...

Вдруг небо, коварные облака стремительно полетели прочь от него. Бэмц! – Ударился Аис затылком о лёд. Шапка, добрая ушанка, завязанная тесемочками на подбородке, смягчила удар. В глазах у мальчишки потемнело, а противные облака закружились в хороводе, что-то напевая. Аис перевернулся на бок, а потом, уже стоя на четвереньках, сказал эти слова, зло, сплюнув кровью на предательский лёд. И, почувствовав от слов и от злости прилив сил, одним броском преодолел недружественное пространство и оказался на берегу.

Он слышал эти слова от взрослых дядек, чувствовал идущую от них сердитую энергию, но не совсем понимал. Поэтому спросил однажды у матери, что они означают.

– Это нехорошие слова, сынок, не слушай их и не говори.

– Почему не говорить?

– Во рту вырастут грибы.

Аис медленно, по-стариковски шаркая ногами, плёлся домой. Ш- ш- к... ш- ш- к... – шушали коньки по снегу. Голова кружилась, карьера конькобежца накрылась медным тазом, нос и губы в крови, да ещё и сказанул лишнего – невесёлый путь, невесёлые думки. Вдруг навстречу ватага знакомых старших ребят. Этого только не хватало. Аис торопливо утёр варежкой нос. Но от них ничего не укрылось.

– Ты чего, шкет? Разбился? Да-а-а. Ну и чудак, кто ж на снегурках по льду катается, они ведь лёд не режут, для льда – другие коньки.

«Не смеются, значит нечего стыдиться, – улыбнулся про себя Аис, – никто бы не сумел на снегурках по льду».

На душе стало светлее.

Придя домой, Аис, едва стащив валенки, бросился к зеркалу и, широко раскрыв рот, тщательно его обследовал. Потом ощупал языком нёбо и дёсны. Грибов пока не было. Болела голова, тошнило и хотелось прилечь. Аис заснул, во сне облака в обнимку с водорослями, хохоча, плясали вокруг него. Тем не менее, утром мальчуган проснулся здоровым. Всё в порядке, если бы не одно но... Вскочив, Аис стремглав подбежал к зеркалу и, оттянув руками губы, повторил вчерашнюю процедуру. Прекрасный розовый рот, замечательный язык, чудесные разбитые чёрные губы. Пронесло!

– Никогда больше не буду говорить эти дурацкие слова, – подумал счастливый Аис...

Он сдержал своё слово: никогда больше не употреблял бранную речь, ну почти никогда. И, видимо, поэтому за всю жизнь у него не выросло во рту ни одного гриба, ни подосиновика, ни подберёзовика, ни мухомора.

КАК АИС БРОСИЛ КУРИТЬ

«Как повзрослеем, сразу начнём курить», – так договорился Аис со своим приятелем. «Договор дороже денег» – такая поговорка бытовала в ребячьей компании. И это железное правило – обязательно выполнять договор – наполняло ребят, успевших прочесть кое-что из Марка Твена и Джерома, гордостью, позволяя ощущать себя в душе, несмотря на убогость застиранных штанишек, если не лордами, то, во всяком случае, джентльменами.

– Пора, – сказал однажды приятель, – нам уже по девять лет, куда уж дальше тянуть...

Необходимость исполнять договор привела двух босоногих «джентльменов» к дверям магазина, на которых красовалась гордая вывеска «СЕЛЬПО». Войдя в магазин, друзья сразу же прильнули к витрине, где были выставлены табачные изделия. Сжимая в кулаках мятые рубли, они елозили носами по стеклу, выбирая себе сорт курева на всю оставшуюся жизнь. Однако наличные средства позволяли им остановить свой выбор лишь на двух названиях – «Север» и «Прибой» (ядрёные папиросы для настоящих мужчин). Они перешёптывались, натирая носами витрину до блеска. Именно эта возможность, возможность сделать выбор, порой мешает нам совершить поступок. И неизвестно, приняли бы друзья, в конце концов, решение в тот день, если бы не вопросительно протяжный зевок в полный рот с придыханием продавщицы, сквозь дрему наблюдавшей за пацанами. Поступок совершился.

– Пачку «Севера».

– И спички.

Мятые рубли упали на прилавок, потом на их место шлёпнулась пачка папирос. Деньги превратились в товар, и выбора теперь уже не было.

«Джентльмены» отправились на поиски укромного местечка за посёлком, а продавщица смогла с чистой совестью задремать. Приятели устроились в камышах на берегу речки, здесь им никто не мог помешать.

– Будем сначала учиться затягиваться, потом пускать дым через нос, потом делать кольца, – приятель Аиса хорошо подготовился к началу новой взрослой жизни и теперь инструктировал друга.

Вопреки ожиданиям, едкий горький дым не приносил удовольствия, напротив, он доставил массу неприятных ощущений – кашель, в котором зашлись приятели уже на первой папиросе, и рвота уже на третьей.

– Передохнём, – сказал друг, – искупаемся, потом опять. Пачку нужно докурить.

Беда была в том, что папиросу нужно было всё время раскуривать, без этого она гасла. Пачке, казалось, не было конца. И когда он, наконец, наступил, два красноглазых, с зеленовато-чахоточным румянцем на щеках, человечка облегчённо вздохнули. Напившись речной воды и ещё немного порыгав, друзья поплелись по домам.

– В следующий раз купим «Казбек», – прервал молчание Аискин друг, – они лучше, вот только денег подкопим.

«Казбек», со скачущим на фоне гор джигитом, очень красивая пачка. Но Аис уже исполнил договор.

– Я это... больше не буду курить. Не хочу.

– Ты что, всю жизнь хочешь маленьким быть?

– Почему, вырасту, а курить не буду.

– А договор? – В глазах друга стоял укор, мало того, он, кажется, готов был вычеркнуть Аиса из высокой когорты джентльменов.

Но Аис тоже был не лыком шит. Он ответил гордо и учтиво, как и подобает джентльмену:

– Договор я выполнил, курить начал, а теперь бросаю.

Сэмюэл Клеменс, известный многим как Марк Твен, говорил: «Нет ничего проще, чем бросить курить, я лично бросал раз сто».

Аис бросил курить в первый раз.

ЖИЗНЬ – ШТУКА ТРУДНАЯ

В этот день Аис вернулся домой поздно, когда ласковый тихий летний вечер плавно вырос в ночь, а яркие крупные звёзды в небе сулили впереди много счастливых дней. Еще бы – каникулы только начались, денёк был прожит чудесно. С утра была замечательная рыбалочка, краснопёрка клевала так, словно цель жизни этих рыбёшек заключалась в том, чтобы попасть на крючок к Аису. Да что краснопёрка, на кукане в воде, лениво шевеля хвостами, красовались два чудных сазана! Дома была уха из пойманной рыбы. Нет ничего вкусней, чем такая уха.

Как только строения и деревья, отбрасывающие днём строгие контрастные тени от солнца, сменили их на пастельные, сумрачные, расплывчатые тени от луны, Аис выбежал во двор, где ребяташки собирались в условленном месте для игры в прятки. Жаль, что сегодня мальчишки-девчонки не играют в прятки, играто забавная.

На золотом крыльце сидели

Царь, Царевич.

Король, Королевич,

Сапожник, портной.

Кто ты будешь такой?

Говори поскорей,

Не задерживай добрых и честных людей.

Тараторит считалку ведущая, она определяет, кому голить, а кому прятаться. «Голя» становится лицом к стене, а остальные ребята, тем временем, врасыпную – прятаться. Уткнувшись лицом в стену, «Голя» громко оглашает правила, по которым намерен играть: «Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать». Он сейчас пойдёт искать спрятавшихся ребят и, обнаружив кого-нибудь, должен

подбежать к стене, у которой только что стоял, и, стукнув по ней, сказать: «Тук - тук». А потом назвать имя найденного им участника игры.

– Последняя курица – жмурится, – продолжает «Голя», и это означает, что «Голей» в следующий раз будет тот, кого «застукали» последним.

– Кто не спрятался, я не виноват, – эти слова «Голя» говорит, чтобы обезопасить себя от «жилды». Жилдой ребята называли различные споры и отговорки – несправедливые и необъективные. К слову сказать, «жилдить» умеют и взрослые и дети. Но дети, в отличие от взрослых, умеют пресекать «жилду». «Жилда на правду выйдет», – говорят они в таких случаях.

Царевич с портным нашли совершенно замечательный укромный уголок в сарайчике, дверь которого обычно была закрыта. Но в этот вечер её почему-то забыли закрыть. Возможно, так распорядился лукавый летний вечер, присвоив себе стрелы Амура. Ведь царевичем был Аис, а портной... Портным была Ольга – девчонка с соседней улицы, которая нравилась Аису. Они сидели в сарайчике, прижавшись друг к другу, и хихикали, наблюдая в щелочку за ходом игры. Когда «Голя» далеко покидал своё место, ребята подбегали к стенке и со словами: «Тук - тук, за себя» стучали по ней. «Голя» для них теперь был не опасен. Адреналина в кровь царевича и портного прибавляло то, что иногда «Голя» подходил совсем близко. Тогда они, затаив дыхание, зажимали друг другу рты, чтобы случайно не рассмеяться. Убежище было неуязвимо, никому не приходило в голову, что сарайчик может быть не заперт. Даже замочек болтался на петельке, но только на одной, и в сумерках этого не было видно. В конце концов, терпение потерял не только «Голя», но и все остальные участники игры. Их стали искать все вместе, громко выкрикивая имена. Ощувив неловкость положения, портной и царевич, несколько смущённые, вышли из убежища.

– Что это вы там делали? – задала вопрос беззубая дотошная девчонка, ехидно прищурился глаза, словно намекая на недопустимость альянса между портным и царевичем.

– Тили-тили тесто, жених и невеста, – подхватил кто-то.

Это было серьёзное обвинение, способное значительно усложнить жизнь и царевичу и портному.

– Ну и что, – тихо, но с вызовом произнесла Ольга.

Воцарившуюся тишину нарушила ведущая, она была постарше, а это обязывало быть мудрей.

– А сейчас давайте рассказывать страшные истории.

Инцидент был исчерпан, иначе быть не могло, ведь наступило время страшных историй...

«В одном чёрном-пречёрном доме была чёрная-пречёрная комната. В этой чёрной-пречёрной комнате стоял чёрный-пречёрный стол. На этом чёрном столе-е лежал чёрный-пречёрный... гроб!!!»

И так далее... Невзирая на социальный статус, тесно прижавшись друг к другу, слушали страшные истории царь и сапожник, король и портной. По накалу эмоций фильмы ужасов тут отдыхают. Наслушавшись страшных историй, ребята что есть духу бегут по домам.

Аис хотел тихонько, никого не разбудив, прокрасться к кровати. Но дома горит свет: мать не спит, складывает какие-то вещи, перевязывает верёвками коробки, не обращая внимания на Аиса. В комнатах всё как-то переменялось. Будь Аис повзрослей, он бы оценил это так – исчез уют.

– Переезжаем, сынок, – взглянув на Аиса, сказала мать.

– Куда? – Аис не поверил своим ушам.

– В город, будем жить в Элисте.

Как хорошо начался день, каким прекрасным был вечер. Неужели всё закончилось?

– Я не поеду.

– Ты не понял, сынок. Мы все уезжаем – и я, и папа, и ты, и сестрёнка. Все.

– Я никуда не поеду.

– Как?

– Здесь останусь.

– Один!?

– Один.

– О, горе мое. А кушать ты что будешь?

– А рыба?! – голос Аиса становился твёрже, уверенность его росла.

– А хлеб, сахар, чай, это ж покупать надо.

– Работать пойду, – Аис подумал о том, что школу, видимо, придётся бросить....

«Не будешь учиться – всю жизнь будешь грузчиком работать», – часто говорили ему родители. Аис не готовил себя в грузчики, но... тяжёлые жизненные обстоятельства сами определили его дальнейшую судьбу. Из разговоров тех же родителей Аис знал, что где-то неподалёку обитают грузчики, люди малоуважаемые, но очень много зарабатывающие. Непонятные слова «сдельно», «прогрессивка», звучащие из уст родителей, вслед за названием профессии «грузчик» навевали Аису мысли о самодостаточности этих людей.

– О боже! Да кто тебя возьмёт на работу? Ты ведь ещё ничего не умеешь. Хоть бы школу закончил.

– В грузчики пойду.

– В грузчики! Там сила нужна.

– Я сильный. Не курю. Пока все курят, буду таскать и таскать.

– Ну что ты будешь делать? – Мать не находила слов. Она подозревала, что Аис будет против переезда, но чтобы настолько.... Конечно, она могла прикрикнуть на упрямого мальчишку и прекратить разговор, но ей было жаль бедолагу. Она хотела решить всё мирно, поэтому приводила всё новые и новые аргументы.

– А жить ты где будешь?

– Как где? – Глаза Аиса округлились. – Здесь, дома.

– Папе дали эту квартиру на работе. Мы уедем – дом государство заберёт.

Какой удар испытал Аис со стороны государства! Но пути назад уже нет.

– Строиться буду.... – Аис видел, как загорелые жилистые мужики собирали камышитовые дома быстро, зло и одновременно весело. Они раскладывали плиты из камыша, в которых уже были проёмы для дверей и окон по периметру фундамента, потом быстро и ловко поднимали стены. Одновременно, разом: «Оп-ля» – и каркас дома стоит (может быть, будущие его друзья-грузчики помогут ему?).

– Беда моя! Кто тебе будет готовить, стирать, гладить?

– Женюсь, – голос Аиса осёкся: вспомнив об Ольге, он стал размышлять почему-то о том, умеет ли она стирать и готовить.

Теперь округлились глаза матери. Она потеряла дар речи. Начав с десяти-

летним сыном этот шутливо-серьёзный разговор, она уже не могла перевести его в другое русло.

– Ну всё, – сказала она, отвернувшись....

Аис прилёг на кровать в одежде. «Не разрешат», – подумал он. Лежа, уткнувшись носом в стенку, он услышал, как пришёл отец, который громко разговаривал с матерью.

– Отец, а сынок наш не едет с нами. Идёт работать грузчиком, жениться решил.

– Ну, раз так, значит так. Он уже большой. Пусть всю жизнь грузчиком работает, – громко сказал отец, обращаясь к матери, но при этом зачем-то взглянув в Аискину комнату.

Аис, не мигая, смотрел в стену, в голове его крутилась фраза, подслушанная у взрослых: «От суммы, да от тюрьмы не зарекайся». Груз тяжёлых взрослых забот навалился на него: где же искать этих грузчиков? А вдруг они не примут? А не разрешит ли государство пожить пока в кладовке, или на веранде? И опять: где искать это государство? Одновременно, вспоминая Ольгу, он по взрослому понимал, что непродолжительное randevу не может служить основанием для сватовства.

«Никому я не нужен, – думал Аис, – как легко родители согласились оставить меня. Вот т-а-а-к.... Где же всё-таки искать этих грузчиков? А может, передумать и поехать? А как сказать, что передумал? Интересно, эти грузчики не очень злые?»

Мысли Аиса путались, в горле стоял ком, а на сердце лежал камень. Но в глазах не было слёз, ведь детство закончилось. Взрослые от таких переживаний седеют.

Вдруг Аис почувствовал, что на его подушку прилегла мамина голова, а мягкая её рука обняла его.

– Сыночек, конечно, ты будешь здесь жить... потом. А сейчас поехали с нами. Не понравится, мы сразу отправим тебя назад, живи, как хочешь.

– А речка там есть?

– Есть, сынок, есть. Я сама не хочу переезжать. Если нам там не понравится, вернёмся вместе. Хорошо?

«А жизнь-то налаживается», – подумал, засыпая Аис, и сглотнул солёную слезу.

ДЕЛО ЧИЧИКОВА

ЭССЕ

Люблю перечитывать «Мёртвые души» Н.В. Гоголя (1809-52). Помните, с чего начинается четвёртая глава: «Подъехавши к трактиру, Чичиков велел остановиться по двум причинам. С одной стороны, чтоб дать отдохнуть лошадам, а с другой стороны, чтоб и самому несколько закусить и подкрепиться». Но была и третья причина, о которой Гоголь умолчал. Умолчал потому, что таков характер главного героя. Чичиков «избегал много говорить; если же говорил, то какими-то общими местами, с заметною скромностью, и разговор его в таких случаях принимал несколько книжные обороты: что он незначащий червь мира сего и не достоин того, чтобы много о нём заботились, что испытал много на веку своём, претерпел на службе за правду, имел много неприятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищет наконец место для жительства, и что, прибывши в этот город, почёл за неперменный долг засвидетельствовать своё почтение первым его сановникам». Вот и всё, что было известно горожанам о «приезде».

Гоголь несколько раз называет Чичикова этим неопределённым словом. Тем не менее «приезжий» произвёл впечатление на городских сановников, среди которых оказались губернатор, у которого он «был с почтением», вице-губернатор, прокурор, председатель палаты, полицмейстер, откупщик, начальник над казёнными фабриками... Чичиков посетил даже ин-

спектора врачебной управы и городского архитектора. Все, как оказалось, нужные люди «в предприятии», которое задумал Павел Иванович, и все они приметили «приезжего».

На бал к губернатору Чичиков отправился во фраке «брусничного цвета с искрой». Опять же, неслучайно, Гоголь одел героя поэмы во фрак столь необычного цвета. Все приглашенные были одеты только в чёрные фраки. Войдя в зал, «не успел Чичиков осмотреться, как уже был схвачен под руку губернатором, который представил его тут же губернаторше». Это заметили все собравшиеся на балу. И все считали за честь познакомиться с «приезжим», который был на одной ноге с губернатором. На балу Чичиков познакомился «с весьма обходительным и учтивым помещиком Маниловым и несколько неуклюжим на взгляд Собакевичем». И даже, когда Чичиков «с вежливым поклоном» принимает карту для игры в вист, его внимание по-прежнему занимают помещики Манилов и Собакевич. У председателя палаты и почтмейстера Павел Иванович мимоходом выведал, «сколько у каждого из них душ крестьян и в каком положении находятся их имения, а потом уже осведомился, как имя и отчество» Манилова и Собакевича. На протяжении всей поэмы Чичиков выглядит довольно осведомлённым человеком и с хорошей памятью, запомнил бы всех по имени-отчеству, как запомнил Настасью Петровну Коро-

бочку, Михаила Семёновича Собакевича и его жену Феодулию Ивановну, Степана Плюшкина, председателя палаты Ивана Григорьевича, Андрея Ивановича Тентетникова, Петра Петровича Петуха, Константина Фёдоровича Костанжогло, да Гоголь не назвал...

«На другой день Чичиков отправился на обед и вечер к полицмейстеру, где с трёх часов после обеда засели в вист и играли до двух часов ночи», где Павел Иванович и познакомился с ещё одним помещиком Ноздрёвым. Третий вечер Чичиков провёл у председателя палаты, четвёртый – у вице-губернатора. Потом был «на большом обеде у откупщика», «на небольшом обеде у прокурора, который, впрочем, стоил большого», наконец, обедал у городского главы... На губернатора Павел Иванович произвёл впечатление «благонамеренного человека», прокурор изъяснялся о нём как о «дельном человеке», жандармский полковник считал его «учёным человеком», председатель палаты говорил, что он «знающий и почтенный человек», полицмейстер к определению «почтенный» добавил «и любезный человек». Жена полицмейстера так была очарована Чичиковым, что говорила о Павле Ивановиче, какой это «любезнейший и обходительнейший человек». Даже скупой на похвалу Собакевич, рассказывая перед сном жене о том, что на вечере у губернатора он познакомился «с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым», и что затем это знакомство продолжилось на обеде у полицмейстера, сказал о нём: «преприятный человек!»

Но ни одна из этих характеристик не была полной правдой о Чичикове. В городе никто не знал, зачем на самом деле пожаловал Павел Иванович в их губернию.

В четвёртой главе, с которой мы начали разговор, Чичиков расспросил хозяйку трактира, когда та накрывала стол, «сама ли она держит трактир, или есть хозяин, и сколько даёт доходу трактир, и с ними ли живут сыновья, и что старший сын холостой или женатый человек, и какую взял жену, с большим ли приданым, или нет, и доволен ли был тесть, и не сердился ли, что мало подарков получил на свадьбе, – словом, не пропустил ничего».

В этом эпизоде Павел Иванович предстаёт перед читателями знатоком российской действительности. Так, видимо, считала и хозяйка трактира, любезно

отвечавшая на его расспросы. Главный вопрос Чичиков придержал до окончания сервировки стола. Павел Иванович полюбопытствовал, а какие в округности помещики живут, «и узнал, что всякие есть помещики: Блохин, Почитаев, Мыльной, Чепраков-полковник, Собакевич...». В своей жизни я перечитывал «Мёртвые души» не раз и не переставал восхищаться гоголевским слогом, и, конечно же, мне поэма дорога ещё и потому, что Николай Васильевич упомянул фамилию, которая досталась мне от моего отца Фёдора Петровича, а отцу от его отца, моего деда Петра Антоновича, а деду от его отца, моего прадеда Антона Алексеевича, а прадеду от его отца, моего прапрадеда Алексея Ивановича...

Я не раз думал, что стало бы с литературным героем, заверни Гоголь его коляску к помещику Блохину, каким бы предстал он со страниц поэмы, как выглядел его двор, крепким ли было его хозяйство, сколько могло быть у него крестьян и часто ли они умирали, угостил бы он Чичикова, а если угостил бы, то какими блюдами? Мы ничего не знаем о помещике Блохине, кроме одного маленького замечания трактирщицы, что в округе «всякие есть помещики».

Это «всякие» наводит на мысль, что, скорее всего, помещик Блохин не был похож ни на одного из тех, о ком мы узнаём со страниц поэмы, – ни на Манилова, который при совершении сделки сказал Чичикову, что он не станет брать деньги за души, «которые в некотором роде окончили своё существование», ни на Коробочку, которая взяла пятнадцать рублей ассигнациями за восемнадцать умерших крестьян и проданных Чичикову, как будто они живые, ни на Ноздрёва, кутилу, пьяницу, плута, пытавшегося выведать у Чичикова, с какой целью он скупает мертвецов, ни на Собакевича, который не проводит никакой грани между «несуществующими» и реальными ревизскими душами, запросившего «по сту рублей за штуку» подобно Коробочке, которая «уступила» Протопопову двух девок по сто рублей каждую, что Чичиков аж вскрикнул от удивления, услышав это, ни на Плюшкина, которого наш герой принял вначале «за бабу» и у которого «крестьяне умирали, как мухи».

И ещё обратим внимание на ночной разговор Чичикова с Коробочкой. Павел Иванович поблагодарил помещицу за пре-

БЛОХИН Николай Фёдорович (1952 года рождения), член Союза журналистов РФ, лауреат ряда литературных и журналистских премий.

доставленный ночлег и поинтересовался, куда он заехал и как проехать к поместью Собакевича, на что Настасья Петровна ответила, что она никогда не слыхала о нём и что помещика с такой фамилией в округе нет. А дальше прочитает диалог, записанный Гоголем:

– По крайней мере, знаете Манилова? – сказал Чичиков.

– А кто такой Манилов?

– Помещик, матушка.

– Нет, не слыхивала, нет такого помещика.

– Какие же есть?

– Бобров, Свинын, Канапатьев, Харпакин, Трепакин, Плешаков.

– Богатые люди или нет?

– Нет, отец, богатых слишком нет. У кого двадцать душ, у кого тридцать, а таких, чтоб по сотне, таких нет».

Последнее замечание Коробочки о том, что богатых среди местных помещиков нет, наводит на мысль о том, что писатель и не искал в этой среде состоятельных. Чичиков, несмотря на то, что «немел перед законом», – всё же мошенник, и искал себе подобных... Ведь помещики, продав Чичикову «мёртвых душ» как живых, снимали с себя обязанности платить за них подати.

Так что, заверни Гоголь коляску Чичикова к помещику Блохину, мы увидели бы нищую, патриархальную Россию под соломенной или камышовой крышей, какой она была примерно за двадцать лет до реформы 1861 года. Гоголь рассказывает о том, что «предприятие» Чичикова вызвано «вдохновеннейшей мыслью, какая когда-либо приходила в человеческую голову», называет «странным», «невероятным» составившийся в голове Павла Ивановича «сюжет», говорит, что ему «никто не поверит», однако в действительности спекуляция «мёртвыми душами» была издавна фактом довольно распространённым.

«...Да накупи я всех этих, которые вымерли, пока ещё не подавали новых ревизских сказок... вот уже двести тысяч капиталу!» – так в России рассуждал не один Чичиков. С основания дворянского банка залог умерших крестьян как живых вошёл в обиход ловких дельцов. Ещё в 1754 году, в первый же год деятельности государственного заёмного банка, получившего в обиходе название дворянского, некий прапорщик И. Бочаров заложил имение в 25 душ за 250 рублей; и когда вследствие

неуплаты в срок, была сделана опись его имущества, то в деревне оказалось живых только четыре крепостных крестьянина и пять четвертей земли. Бочарова по решению суда сослали в Сибирь на каторжные работы.

А.С. Пушкин (1799-1837) знал о залоге «убылых» крестьян. Такой случай произошёл около села Михайловского: один предприниматель попался на покупке и продаже умерших крестьян. Граф В.А. Соллогуб (1814-1882), писатель, также рассказывал, что Пушкину показывали на бегах некоего П., который нажил себе состояние на такой операции и не попал под суд. Подобные истории происходили и на Украине. Об одной из них рассказал В.А. Гиляровский (1853-1935). В Миргородчине, поведал Гиляровский, помещик Пивинский, знакомый Гоголя, накупил у соседей за горилку «мёртвых душ», записав их себе, чем обошёл закон, запрещавший мелкопоместным иметь собственные винокурни.

Мария Григорьевна Анисимова-Яновская, дальняя родственница Н.В. Гоголя, утверждала, что истоки сюжета поэмы следует искать в родном для писателя Миргороде: «Мысль написать «Мёртвые души» взята Гоголем с моего дяди Пивинского. У Пивинского было 200 десятин земли и душ 30 крестьян и пятеро детей. Богато жить нельзя, и существовали Пивинские винокурней. Тогда у многих помещиков были свои винокурни, акцизов никаких не было. Вдруг начали разъезжать чиновники и собирать сведения о всех, у кого есть винокурни. Пошёл разговор о том, что у кого нет пятидесяти душ крестьян, тот не имеет право курить вино. Задумались тогда мелкопоместные: хоть погибай без винокурни. А Харлампий Петрович Пивинский хлопнул себя по лбу да сказал: «Эге! не додумались!» И поехал в Полтаву да и внёс за своих умерших крестьян оброк, будто за живых. А так как своих, да и с мёртвыми, далеко до пятидесяти не хватало, то набрал он в бричку горилки, да и поехал по соседям и накупил у них за горилку мёртвых душ, записал их себе и, сделавшись по бумагам владельцем пятидесяти душ, до самой смерти курил вино и дал этим тему Гоголю, который бывал в Федунках, имени Пивинского, в 17 верстах от Яновщины; кроме того, и вся Миргородчина знала про мёртвые души Пивинского».

Сам Пушкин, несмотря на то, что не был бедным человеком – получал жалованье 5000 рублей в год, не был исключением и искал «способ создания новой отрасли», как он сам говорил, «промышленности». Впервые в русской литературе он понял, что такое авторское право, издательский договор и самое сладостное для любого писателя слово – гонорар. «Не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать», – и он умел продавать. Его гонорары по тем временам были баснословны. Только «Евгений Онегин» принёс Пушкину 37 тысяч рублей гонорара. За шесть лет книгоиздатель А.Ф. Смирдин (1795-1857) выплатил ему 109 тысяч рублей, другие издатели за это время уплатили 20 тысяч рублей, журнальные издательства ещё 50 тысяч рублей. Но всё это были маленькие деньги по сравнению с расходами. Пушкин всё время нуждался в деньгах. В письме Н.И. Гончаровой, будущей теще, он писал 5 апреля 1830 года: «Перейдём к вопросу о денежных средствах, я придаю этому вопросу мало значения. До сих пор мне хватало моего состояния. Хватит ли его после моей женитьбы? Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения...»

Но жизнь распорядилась иначе. 5 февраля 1831 года поэт заложил свои 200 душ в Московском опекуном совете, получив ссуду в 40 тысяч рублей под 5 процентов годовых. Но в 1832 году этих денег у него уже не было. И самое печальное, Пушкин на протяжении последних пяти лет жизни не платил ни процентов, ни пени, а это грозило продажей имения с молотка. За 1832-1833 годы Пушкин задолжал домовладельцу П.А. Жадимеровскому 1063 рубля за квартиру, которую у него снимал. Жадимеровский подал иск, поэт проиграл тяжбу, денег у него не было, и он вынужден был внести в залог семь своих крепостных душ. И их надо было ещё продать.

«Денежные мои обстоятельства, – писал поэт, – плохи. Я принуждён был приняться за журнал». Так из нужды возник «Современник».

Первый и второй тома «Современника» были отпечатаны небывало большим тиражом для нового издания – по 2400 экземпляров. Пушкин рассчитывал получить 60 тысяч рублей чистого дохода в год, но к концу июля 1836 года было распродано лишь по 700-800 экземпляров каждого тома. Это поставило Пушкина перед ли-

цом финансовой катастрофы. Результат издания – неоплаченные счета: типографии – 3175 рублей, бумажной фабрике – 2447 рублей. Дуэль и смерть, как известно, освободила Пушкина и его семью от долгов, от разорения, от краха. Долги оплатил царь.

В такой «затруднительной ситуации», о которой литературовед П.Е.Щёголев (1877-1931) с грустью заметил, что «бухгалтерия, очевидно, очень беспокоила Пушкина», были многие российские дворяне. К 1833 году в различных кредитных учреждениях России было заложено около четырёх миллионов крепостных душ. Дворянство всеми способами «раздобывало деньги в условиях их растущего обесценивания и растущей нужды», как заметил один из критиков. Все жили в долг. Каждый русский человек исходил из того, что «жить по доходам невозможно». Каждый русский человек не расходы соизмерял с доходами, а доходы стремился подверстать под расходы. Все брали в долг, закладывая в казну имения вместе с крепостными, живыми и мёртвыми, о которых секретарь опекунского совета на оговорку Чичикова о том, что половина крестьян, дескать, вымерла, скажет: «Да ведь они по ревизской сказке числятся?.. Ну, так чего же вы орбели? один умер, другой родится, а всё в дело годится».

До Гоголя подобное явление крепостнической действительности в русской литературе не было отражено. Пушкин первый задумал ввести в одно из своих произведений историю скупщика «мёртвых душ». Советуя Гоголю «приняться за большое сочинение», поэт в 1835 году подарил ему этот сюжет, внесший яркий штрих в изображение крепостной эпохи: крестьянин, и живой, и мёртвый, был объектом купли-продажи и наживы для дворянина. Гоголь воспользовался советом Пушкина, и на свет появилась его гениальная поэма.

Правда, историк литературы, русской общественной мысли, философ, переводчик Е.А. Бобров (1867-1933), один из исследователей творчества Гоголя, предположил, что «настоящим хозяином сюжета» является не Пушкин, не Гоголь, а В.И. Даль (1801-72). Один из героев его романа «Вах Сидоров Чайкин, или рассказ его о собственном своём житье-бытье, за первую половину жизни житей» помещик Василий Иванович Порубов

скупил до двухсот мёртвых душ по 5 и 10 рублей, «приписал их законным актом к лоскуточку болота», а потом заложил их в опекуновом совете по 200 рублей за душу, и, взяв 40 тысяч, предоставил совету «ведаться с болотом и покойниками».

Роман В.И. Даля был опубликован почти в одно время с «Мёртвыми душами», и это выдавалось за доказательство того, что Даль сообщил Пушкину, якобы мало знавшему русскую жизнь, о возможности такой спекуляции. О предположении Боброва можно прочитать в работах о Гоголе, например, в шестом томе Полного собрания сочинений Н.В. Гоголя (М.: Изд. АН СССР, 1951. – С. 900). Но в первом издании романа «Вах Сидоров Чайкин...» за 1843 год нет описания такой проделки с «мёртвыми душами». Даль внёс ее в текст только в 1846 году, то есть через четыре года после выхода в свет первого издания «Мёртвых душ» и в год появления второго.

«Мёртвые души» Гоголя отличает и точность отдельных исторических фактов: «А теперь же время удобное, недавно была эпидемия, народу вымерло, слава богу, немало. Осенью 1830 года центральные губернии России охватила эпидемия холеры. По этой причине Пушкин не мог выехать из Болдино и задержался в нём до самой зимы.

Чичиков рассчитывает, скупив мёртвых, заложить их в опекунский совет по 200 рублей за душу. Из книги А.В. Романович-Славатинского «Дворянство России с начала XVIII века до отмены крепостного права» (СПб., 1870. – С. 342-344) известно, что первый размер ссуды в 50 рублей за душу был установлен еще в 1754 году. Размеры ссуды и сроки их погашения менялись в 1758, 1759, 1761 годах. В 1786 году сроки погашения ссуды увеличивались до 20 лет. Дворяне получали ссуду на 20 лет под 5 процентов годовых. Манифестом Павла I от 1797 года «банк должен делать вспоможения тем дворянским фамилиям, имения которых обременены долгами», и давать в залог за крестьянскую душу 1-го класса – по 75 рублей, 2-го – 65 рублей, 3-го – 50 рублей и 4-го – 40 рублей.

Размер ссуды в 200 рублей установлен указом 1824 года и держался до 1839 года, когда были даны новые ссудные льготы дворянам и сумма залога увеличена. Поездка Чичикова, видимо, не могла происходить раньше 1824 года и поз-

же 1839 года. Чичиков покупает крестьян «на вывод», то есть без земли, и только «мужской пол». Такая покупка не могла происходить и позже 1833 года, так как в 1833 году Сенатом был издан закон, запрещающий продавать крепостных крестьян «с разлучением от семьи», а в 1841 году полностью «прекращён поодиночный торг людьми». До 1833 года такая продажа была обычным явлением: крестьян «продавали на ярмарках вместе с баранами и другими животными». Из Рязанской губернии «привозились на Урюпинскую ярмарку скованные помещичьи люди, для продажи их в розницу», поручик Гололобов «продавал крепостных без земли, а некоторые с разлучением от семейств».

А генерал Бетрищев (помещик из второго тома поэмы), которого рассмешила выдумка Чичикова, готов отдать ему «мёртвых душ» вместе с землёю и жильём: «Возьми себе всё кладбище!»

После закона 1833 года покупка Чичикова была бы явным преступлением. Но поэма Гоголя вышла из печати в 1842 году, когда «правила» продажи крестьян изменились, и на писателя посыпались упреки в неточностях. С.Т. Аксаков (1791-1859), в частности, заметил: «...крестьяне на вывод продаются семействами, а Чичиков отказался от женского пола; без доверенности, выданной в присутственном месте, нельзя продать чужих крестьян, да и председатель не может быть в одно и то же время и доверенным лицом и присутствующим по этому делу», как при покупке душ у Плюшкина.

А Гоголь и не отрицал сего факта: «Правда, без земли нельзя ни купить, ни заложить». Чичиков, предлагая сделку сомневающемуся Манилову, говорит: «Я привык ни в чём не отступать от гражданских законов... обязанность для меня дело священное, закон – я немею пред законом». Но в законе была лазейка, и поэтому наш герой покупает «на вывод»: земли в Таврической и Херсонской губерниях отдавались даром, только заселяя. Переселение в те годы шло и в Кавказскую область, но Чичиков, отвечая на расспросы председателя палаты, врёт, глазом не моргнув, что «своих крестьян» он решил поселить в Херсонской губернии, дескать, земли там «отличные» и «в достаточном количестве», там «и река и пруд есть», и травы тамошние отличаются «рослостью»...

«В Херсонскую их! пусть их там жи-

вут! А переселение можно сделать законным образом, как следует по судам. Если захотят освидетельствовать крестьян: пожалуй, я и тут не прочь, почему же нет? я представлю и свидетельство за собственноручным подписанием капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка или по имени, данному при крещении: сельцо Павловское», – примерно так рассуждал в уме герой «Мёртвых душ». Да, ещё и подёмные на переселение получил бы за них. Каждому переселившемуся крестьянину из Воронежской губернии в Кавказскую область Кавказская палата госимуществ выплачивала по 26 рублей 50 копеек серебром. Немалые деньги! Так что слободка Чичикова или сельцо Павловское могло появиться и в пределах современного Ставрополя.

Конечно, Павлу Ивановичу было страшно, как бы какая «история» из этого не вышла. На что рассчитывал он, приступая к своему «предприятию»?

«Помещики попроигрывались в карты, закутили и промотались как следует; всё полезло в Петербург служить; имения брошены, управляются как ни попало, подати уплачиваются с каждым годом труднее, так мне с радостью уступит их каждый уже потому только, чтобы не платить за них подушных денег...», – полагал Чичиков.

Да и «...предмет-то покажется всем невероятным, никто не поверит». Узнав, что Чичиков скупает «мёртвые души», не поверили этому ни «дама приятная во всех отношениях», ни «просто приятная дама». «Дама, приятная во всех отношениях», решила, что покупка «мёртвых душ» выдумана только «для прикрытия», на самом деле Чичиков «хочет увезти губернаторскую дочку».

Чиновников губернского города тоже не обеспокоил факт покупки 400 душ крестьян – одних мужчин, почти на 100 тысяч рублей. Перебирая все возможные и невозможные предположения, припоминая все незаконные дела, чиновники губернского города ни разу не задумались над этой стороной покупки. Лишь Иван Антонович Кувшинное рыло из крепостной экспедиции на просьбу Чичикова, «нельзя ли, например, кончить дело сегодня», ответил: «...сегодня нельзя. Нужно навести ещё справки, нет ли ещё запрещений». «Запрещения» появятся, но позднее. Из этого, видимо, можно предположить, что

происходила сделка до 1833 года. Ограничить время «предприятия» Чичикова именно 1833 годом следует ещё и потому, что именно в 1833 году в России началась очередная, восьмая ревизия, или перепись податных сословий, в первую очередь крестьянства.

Перепись податного сословия России, введённая Петром I Великим (1672-1725), проходила: 1-я – в 1722-1724 годах, 2-я – в 1743-1747, 3-я – в 1761-1765, 4-я – в 1781-1787, 5-я – в 1794-1808, 6-я – в 1811-1812, 7-я – в 1817-1826, 8-я – в 1833-1835 годах. Потом были 9-я в 1850 году и последняя 10-я в 1858-1860 годах. Переписные листы назывались «ревизскими сказками». Они сохранились до наших дней, пусть даже и не в полном объеме, но они есть практически в каждом областном архиве центральной части России. Есть они и в Государственном архиве Воронежской области. Именно из Воронежской губернии в 1848 году пришли на Маныч переселенцы, носившие фамилию Блохин. Я находил их в «Списке жителей села Дивенского» (ныне с. Дивное), хранящемся в Государственном архиве Ставропольского края. Они оказались моими прадедами и прапрадедами...

По переписи 1833-1835 годов помещики губернии, куда приехал Чичиков, вычеркнули бы из списков своих крестьян всех умерших, и Чичикову не было бы что покупать. Он поехал за своим «товаром», когда ревизии давно не было: предыдущая, седьмая ревизия происходила в 1817-1826 годах. Изображение среди персонажей поэмы выборных чиновников «нижнего земского суда», который состоял из земского исправника и земских заседателей, избравшихся дворянами, убеждает, что действие происходило до 1837 года, когда «нижние земские суды» были упразднены. Этот факт нашёл отражение в следующем: в коляску Чичикова было запряжено две лошади, у одной из них была кличка «заседатель».

В жизни плутоватого героя «Мёртвых душ» было ещё одно событие, которое можно довольно точно определить. Это его служба в комиссии «для построения какого-то казённого, весьма капитального строения», или в «комиссии построения храма божьего», как была она названа в одной из ранних редакций поэмы. Это была комиссия по сооружению огромного храма Христа-Спасителя в Москве.

Скандалная история воровства и взяток, всяческих злоупотреблений чиновников этой комиссии была широко известна и вызвала ревизию во главе с генерал-адъютантом Николая I С. С. Стрекаловым (1781-1856), произведённую «по высочайшему повелению» в 1826 году. Степан Степанович доложил государю о том, что комиссия по сооружению храма Христа-Спасителя в Москве завершила свою работу 16 апреля 1827 года, а её члены отданы под суд Московской уголовной палаты. Это громкое дело тянулось около десяти лет. В возмещение ущерба, причинённого казне, доходившего до 580 тысяч рублей, были конфискованы имения подсудимых. Можно предположить, что Чичиков, у которого, как и у других членов «комиссии построения», «очутилось по красивому дому гражданского архитектора», был отрешён от должности, а его имущество было обращено в казну в 1827 году, так как под суд он не попал. После долгих хлопот ему удалось добиться при помощи взятки «уничтожения запачканного послужного списка», перейти на другую службу – в таможенную на польской границе, примерно, в 1828-1829 годах. Гоголь не скрывает, что Павел Иванович давно мечтал перейти в таможенную, да «удерживали текущие разные выгоды по строительной комиссии». Теперь же, когда не стало и комиссии, и выгод, решился и перебрался в таможенную. Там он служил не очень долго, по крайней мере, года два – 1828-1830 годы, или 1829-1831 годы, но до 13 января 1831 года, когда сейм Польши «объявил династию Романовых лишённой польского престола».

Чичиков «в три-четыре недели уже так набил руку в таможенном деле», что «не было от него никакого житейского контрабандистам». «Такая ревностно-бескорыстная служба не могла не сделаться предметом общего удивления и не дойти наконец до сведения начальства»: Чичикову дали чин, повысили должностной оклад, одобрили его проект, как «изловить всех контрабандистов», вручили команду и «неограниченное право производить всякие поиски». Этому только и ждал Павел Иванович. Если раньше «подосланным подкупить» отказал, сухо ответил: «Ещё не время», а, получив же неограниченную власть, решил: «Теперь пора». В один год Чичиков сумел сколотить состояние, которое перевалило за 500 тысяч рублей, «по-

тому что был побойчее» других. Для сравнения: годовой доход графа Безухова из романа «Война и мир», у которого имения были по всей России, составлял тоже 500 тысяч рублей.

Но всё открылось после ссоры Чичикова с другим чиновником таможен, которого он втянул в своё «предприятие». Чичиков назвал товарища, с которым был в сговоре, «поповичем», а тот не согласился, сказав, что он «статский советник, а не попович, а вот ты так попович». И в отместку послал «куда следует» на Павла Ивановича тайный донос. Приехала комиссия, тайные отношения с контрабандистами открылись, награбленное конфисковали. Оба чиновника оказались в дураках. «Статский советник» с горя спился, а коллежский, то есть Чичиков, устоял, припрятав от следствия десять тысяч рублей, две дюжины голландских рубашек, бричку, в которой ездят холостяки, да двух крепостных – кучера Селифана и лакея Петрушку.

«Потерпев за правду» и увернувшись от уголовного суда за проделки на таможене, Чичиков, коллежский советник по чину, «принужден был заняться званием поверенного» (опять же в Москве) в 1830-1831 годах, не раньше. Поездки его и первые покупки начались в 1831-1832 годах, перед самой ревизией 1833 года. Эту дату подтверждают и слова Чичикова: «А теперь же время удобное, недавно была эпидемия, народу вымерло, слава богу, немало...» Это, очевидно, сказано про страшную холерную эпидемию 1830-1831 годов, распространившуюся по всей России.

В справочнике «Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях» инспектора народных училищ А.И. Твалчрелидзе (1854-1930), напечатанном в Ставрополе в 1897 году в типографии М. Н. Корицкого, среди сведений о сёлах губернии упоминаются и «достопамятные события», к которым автор относит и холеру 1830 года.

«Предприятие», затеянное Чичиковым, герой «Мёртвых душ» убеждённо считает делом честным и потому продолжает его даже после разоблачения и побега из губернского города. Испугавшись, как бы Ноздрёв не убил его, Чичиков думает о том, что, пропав, он не оставит будущим детям ни состояния, ни честного имени:

«Почему ж я? зачем на меня обрушилась беда? Кто ж зевает теперь на должности? – все приобретают. Несчастливым я не сделал никого: я не ограбил вдову, я не пустил никого по миру, пользовался я от избытков, брал там, где всякий брал бы; не воспользуйся я, другие воспользовались бы. За что же другие благоденствуют, и почему должен я пропасть червем? И что я теперь? Куда я гожусь? какими глазами я стану смотреть теперь в глаза всякому почтенному отцу семейства? Как не чувствовать мне угрызения совести, зная, что даром бременю землю, и что скажут потом мои дети? Вот, скажут, отец, скотина, не оставил нам никакого состояния!»

Честное имя для Чичикова связано не с честью, а с капиталом. Стремление «приобрести копейку» превратилось в смысл жизни. Этому с детства его учил отец: «Коли будешь угрождать начальнику, то, хоть и в науке не успеешь и таланту бог не дал, всё пойдешь в ход и всех опередишь. С товарищами не водись, они тебя добру не научат; а если уж пошло на то, так водись с теми, которые побогаче, чтобы при случае могли быть тебе полезными... больше всего береги и копи копейку: эта вещь надёжнее всего на свете. Товарищ или приятель тебя надует и в беде первый тебя выдаст, а копейка не выдаст, в какой бы беде ты ни был. Всё сделаешь и всё прошибёшь на свете копейкой». Чичиков с юных лет следовал завету родителя своего.

И будучи взрослым, «когда проносился мимо его богач на пролётных красивых дрожках, на рысаках в богатой упряжи, он как вкопанный останавливался на месте и потом, очнувшись, как после долгого сна, говорил: «А ведь был конторщик, волосы носил в кружок!» У богатого и имя честное, считал Павел Иванович.

Ещё в 1845 году русский литературный критик и публицист В.Г. Белинский (1811-48) писал, что «Чичиков как приобретатель не меньше, если ещё не больше Печорина, – герой нашего времени» (Белинский В. Г. ПСС, 1954. Т. IX. – С. 79). И чем дальше годы отдаляли читателей от времени, в какое жил главный герой «Мёртвых душ», тем острее ощущалась «неиссякаемая жизненность гоголевской поэмы». В 1861 году увидела свет повесть «Молоотов» русского писателя Н.Г. Помяловского (1835-63), где он впервые ввёл понятие «честной чичиковщины».

Главный герой его повести мечтает о «мещанском счастье» и безгрешном приобретательстве. Фабрикант из романа И.С. Тургенева (1818-83) «Новь», изданного в 1877 году, тоже наделён гоголевской характеристикой: «Сам шкуру дерёт – и сам приговаривает: «Повернитесь-ка на этот бочок, сделайте одолжение; тут есть ещё живое местечко... Надо его пообчистить!» Подобных примеров в русской литературе множество.

Как ни пытался Гоголь «припрятать подлеца», Чичиков выплывал из всяких ситуаций, потому он продолжает со спокойной совестью свою деятельность приобретателя и в XXI веке.

Разве сегодняшняя Россия не полна разоблачений, совершаемых махинаторами при строительстве квартир, продаже акций, покупке автомобилей, выдаче и погашении кредитов? В поле зрения правоохранительных органов оказываются начальники управлений, генеральные директора, мэры городов, губернаторы, банкиры, депутаты, заместители министров... На всех этажах нашего общества рядом с нами живут Чичиковы, от них зависит оформление и регистрация дачного земельного участка, автомобиля, квартиры, дома, подача и приём декларации, начисление пенсий... «Доходные места» в современной России заняли Молчалины, Хлестаковы, Чичиковы, Жадовы, Лопахины, Остапы Бендеры... Чиновников в России, о денежных окладах которых дённо и ночью печётся современная кремлёвская власть, больше, чем во времена Советского Союза. Это означает, что дело Чичикова, из которого мог бы выйти «весьма гладенько выточенный обыкновенный, опрятный человек», если бы не было у него «стремления приобрести копейку», живёт и побеждает не только в столице, но и в провинции. Как только в кресло садится новый руководитель, он забывает о своих обещаниях и вся его деятельность подчинена одной цели – самому стать богатым.

Гоголь хотел показать «всю Русь» в своей поэме. Но, начиная работу над «Мёртвыми душами», Николай Васильевич не предполагал, что его поэма обретёт бессмертие, и что он предскажет судьбу России на столетия...

Умирая, Николай I (1796-1855) скажет сыну: «В этой стране только мы с тобой не крадём». Отсюда и мудрый вы-

вод пушкинского скупого рыцаря: «Деньги нельзя доверять кому-нибудь, их надо прятать, всегда держать при себе».

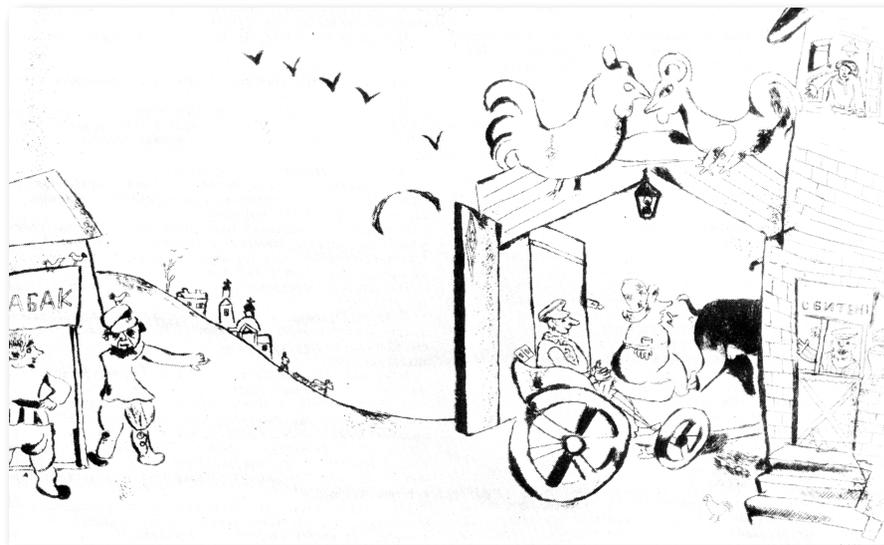
Ну, а что же случилось с делом Чичикова? Ответ, господа читатели, ищите у Гоголя. Может быть, даже в этих словах заключается он: «...гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемennых языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управленья, образовалось другое правление, гораздо сильнеее всякого законного».

Размах хищнического предпринимательства и накопительства в современной России приобрёл такие размеры, о которых не мог мечтать и Чичиков. Более того, оно перешагнуло границы современной России. Достаточно вспомнить, что за рекламным слоганом: «Московская недви-

жимость всегда в цене!» появится другой, не менее привлекательный: «Пражская недвижимость всегда в цене!».

Ещё князь, русский революционер, теоретик анархизма, географ и геолог П.А. Кропоткин (1842-1921) отмечал международное значение гоголевского персонажа: «Чичиков может покупать мёртвые души или железнодорожные акции, он может собирать пожертвования для благотворительных учреждений... Это безразлично. Он остаётся бессмертным типом: вы встретитесь с ним везде; он принадлежит всем странам и всем временам: он только принимает различные формы, сообразно условиям места и времени».

Так что дело Чичикова, думается, не окончено. «Мёртвые души» – вечная книга!

М. Шагaл. «Мертвые души» Н.В. Гоголя. Въезд Чичикова в город N. Офорт.

ХВАТИТ ПЕРЕПИСЫВАТЬ ЧУЖИЕ СЮЖЕТЫ!..

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Вопрос «Приходилось ли вам встречаться с театральным критиком?», сегодня, как мне кажется, звучит аналогично вот какому: «Давно ли случалось ловить тропических бабочек или выходить в открытый космос?» Но если бы вам посчастливилось познакомиться с Натальей Старосельской, были бы и бабочки в сачке открытых, и выход в безграничные просторы Вселенной, имеющей лаконичное, но такое многомерное значение: театр!

Критик со стажем. Закалена и выпестована на постановках Большого драматического театра имени Георгия Товстоногова (БДТ Санкт-Петербурга). Ну да, – всё по порядку, а пока представлю гостью: Наталья Давидовна – кандидат филологических наук, шеф-редактор журнала «Страстной бульвар, 10», главный редактор журнала «Иные берега».

Яркие минуты наших разговоров тет-а-тет перемежались выступлениями Натальи Давидовны на семинаре театральных критиков и завлитов театров III Южного форума театральных деятелей в Ростове-на-Дону.

– Может, и есть профессии, где лгать можно, – раздумчиво произносит Наталья Давидовна. – Но профессия критика не допускает никакой лжи! Ведь речь идёт о душе человеческой. Перехваленный режиссёр понесёт твою рецензию как орден и продолжит творить в том же духе, не осознавая ошибок. Так из мухи рождается слон. Надо весьма чётко различать, что критик может написать в рецензии, что – сказать человеку лично, а чего вовсе не говорить.

Моя собеседница убеждена: всё (как бы ни тривиально это ныне звучало) начинается с любви. В случае со Старосельской – любви к театру, а позже

– любви к профессии. Первые театральные потрясения случились в её жизни в семилетнем возрасте.

– Я попала в БДТ Георгия Товстоногова на спектакль «Идиот». Привели родители: просто не с кем было меня оставить. Испытала такой глубокий шок, что не спала несколько ночей. Могу и сегодня рассказать, что это был за спектакль от первого до последнего эпизода. Перед глазами всё: вижу, как открываются двери, слышу их скрип... Вот выходит князь Мышкин – Иннокентий Смоктуновский, вертит в руках нож. Впечаталось намертво, хотя театр был не в новинку: на детские спектакли-то ходила. А на этом, конечно, плохо понимала, что происходит, но уловила основное – людям плохо, они страдают, мучаются... А годы спустя такой же шок был на премьере чеховских «Трёх сестёр». Мы жили на даче в Комарово под Питером, и меня, шестнадцатилетнюю, в первый раз отпустили с мальчиком в театр. Посмотрели спектакль... Вышли из театра – я плачу, сели в электричку – плачу, всю дорогу проплакала. На платформе встречала бабушка. Когда она меня увидела, испугалась – что случилось? А это было потрясение от увиденного, пережитого.

– А потом Вы познакомились с Георгием Товстоноговым?

– Да. Когда стала приходиться в его театр уже взрослая, мы начали общаться. Всё за годы прочувствованное ему рассказывала. Он смотрел на меня, как на насекомое под микроскопом. Георгий Александрович был человеком не очень тёплым, скорее исследователем, изучающим механизм воздействия своих спектаклей на людей разного возраста. И ему было любопытно наблюдать такую мою реакцию. Рассказывая, я размахивала руками, нередко сокрушая вокруг себя какие-то предметы, трепе-

тала, волновалась, цепенела от уважения.

– То есть долгие годы в Вашей жизни существовал один театр – БДТ и альтернатив не было?

– Была уверена, что другим театр не имеет права быть. Только заставляющим переживать, думать, переворачивающим всё в голове и в душе. Товстоногов в хорошем смысле слова «испортил» меня, приучив максималистски судить о работе театра. Я стала откликаться, писать рецензии на его спектакли, мечтала служить заведующей литературной частью в Большом драматическом. Позже поняла: критик и завлит – профессии разные, и если я хочу писать, надо остановиться на первой. А тогда искреннюю мою писанину оценил Георгий Александрович. Потом наступили непростые для Товстоногова времена, когда многие от него отвернулись, перестали понимать. Состоялась его последняя премьера – «На дне» Горького. Я написала рецензию в поддержку спектакля. Товстоногов мне позвонил и спросил: «Вас не пугает, что вы не в русле моды?» – «Я буду самой последней крысой, которая убежит с этого корабля», – ответила я, имея в виду его театр.

– А что произошло после?

– Помню, после театра Товстоногова не могла заставить себя ходить в так называемые театры-«подвальчики». Годы спустя заглянула в Театр на Юго-западе. Влюбилась в него, очень высоко оценила. И долго сожалела, что пропустила десять лет его существования. Это был прямо противоположный (БДТ) театр, но там – всё живое: играл Виктор Авилов – необыкновенный и удивительный актёр. О нём я написала книгу, которая, надеюсь, выйдет осенью.

– В Вас органично сочетаются критик, исследователь, биограф, писатель. Какие книги уже изданы?

– Первая моя книга, поскольку я по образованию филолог, была выпущена в серии «Массовое литературоведение» издательства «Художественная литература», она увидела свет в 1991 году. Называлась «Роман Гончарова «Обрыв». Потом в «ЖЗЛ» вышли книги о Сухово-Кобылине, Товстоногове, в серии «Повседневная жизнь человечества» выпущена «Повседневная жизнь русского Китая», которая впоследствии была переведена на китайский язык. К двухсотлетию Малого театра подготовила книгу о его истории с 1975 по 2005 год. Обратилась в «ЖЗЛ» к жизни и творчеству Натальи Гундаревой, а недавно к 25-летию Театра у Никитских ворот Марка

Розовского написала книгу «Дом, который построил Марк»...

– Высокая планка в оценке работы любого театра – это принцип?

– Критик несёт очень большую ответственность за всё, что пишет и говорит. Просмотрев очередной спектакль, ты вступаешь в отношения не только с театром, но прежде всего с собой. Понять увиденное, не воспринимать спектакль в отрыве от театра и его истории, не торопиться и, повторяю, не лукавить, если спектакль неудачен. Может быть, этому театру нужен блистательный провал, чтобы подняться и идти дальше, чтобы понять: не туда движется. Если я испытываю боль от того, что у режиссёра и актёров задуманное не получилось, это правильно. Они не должны видеть во мне врага.

– Сейчас нередки постановки, в том числе и классических произведений, шокирующие зрителей примитивными приёмами, рассчитанные на «кассу», а не на душу. Это примета времени?

– Воспитательного значения театра никто не отменял. Забудь о нём постановщики, и театр станет цирком. А ведь театр должен постоянно повышать планку зрительского восприятия, не снисходить до тривиального и пошлого. Да, возможно, это не самый простой путь заработать деньги, но иначе мы утратим основу культуры, русскую театральную традицию. В работе с классиками режиссёру стократ необходима обоснованность приёмов. А драматургу, переписывающему классиков, – ещё и страх собственного слова. Иначе появляются такие спектакли, как «ОбломOFF», «Анна Каренина – 2» и прочие.

Хулиганство – не смысл искусства. В театре вообще люблю строгость. Но есть спектакли очень удачные в плане сочетания классических ходов и современной интерпретации. Приведу в пример гоголевского «Ревизора» в постановке Русского театра из Астаны (Казахстан). Первая мизансцена. Выходят двое молодых людей – один в джинсовом костюме, другой в плаще, в руках – клетчатая китайская сумка. Достает оттуда книжечку. Произносит: «Серия «Классики и современники» Гоголь «Ревизор» 125 страниц. Ну что, попробуем?» И дальше наблюдаем непривычную трактовку классики. Так, Держиморда ходит с надписью «Дембель, 1835 год». Привычного финала нет, Хлестаков, убега, бросает полученные деньги, а после те упомянутые двое ногами разбрасывают их, уходя со сцены...

– Говорят, все города делятся на театральные и нет?

– Приведу такой пример. В Ульяновский областной театр драмы пришёл новый режиссёр – Юрий Копылов. Упрямый, амбициозный, талантливый. Поддерживаемый директором театра, 12 лет «воспитывал» город, вызывая страшное сопротивление публики. Представьте, в зале по 50 человек, в репертуаре – «Обрыв» Гончарова, «Дьявол и Господь Бог» Сартра и тому подобные постановки, заставляющие думать. Наступил момент, в город приехали приглашённые режиссёры и поставили спектакли «Наполеон и корсиканка», «Правда – хорошо, а счастье – лучше», куда более простые для восприятия. Но зрители сказали: а ведь театр Копылова лучше, после него ночь не уснёшь, а это что? И тогда-то город повалил на спектакли режиссёра, работы которого развивали, обогащали. Так Ульяновск стал театральным и даже фестивальным городом: теперь там проводится Всероссийский фестиваль «Герои Гончарова на современной сцене».

– Наталья Давидовна, у Вас тоже есть опыт организации театрального фестиваля «с нуля»?

– Однажды возникла идея сделать фестиваль, в котором бы участвовали русские театры СНГ и стран Балтии. Так появился Международный театральный фестиваль «Соотечественники», который проводится в Саранске (Мордовия). Кстати, Саранск был не театральным городом. Организаторы начинали с малого: приехать на первый фестиваль откликнулись всего три театра! И случилось вот что. Театр из Минска, привёз спектакль, посвящённый 60-летию Победы – «Случайный вальс» режиссёра Бориса Луценко. Сюжет такой: пожилой человек залезает на чердак дома и находит граммофон с пластинками. Начинает слушать... Одна за другой разыгрывались песни военных лет. Попадание в самое сердце! Людей в зале – море! Я потом узнала, что по прошествии фестиваля на директора театра был подан иск в суд – оттого, что не все желающие попали в театр.

В этом году готовится уже V фестиваль «Соотечественники», и пройдёт он при стечении куда большего, чем раньше, количества участников и зрителей – уже в театральном городе Саранске.

Поэтому уверена: нетеатральных городов не существует. Бывает лень, нежелание работать, создавать и живописать историю театра.

– Вы читаете статьи коллег по

«цеху», случалось быть переубеждённой кем-то из них?

– Потрясением для меня в своё время стали статьи Александра Свободина, Юрия Рыбакова. Помню, была совсем юная, когда появилась удивительная статья Риммы Кречетовой в журнале «Театр». Она называлась «Шагреновая кожа». Римма Павловна писала об актёрах, великих, выдающихся, которые начинают сниматься Бог знает в чём... Об этой статье говорили и люди, не принадлежащие к театральному миру. Тогда Римма Кречетова проснулась знаменитой: её имя знали все.

Позже были статьи коллег, которые меня убеждали в чём-то. Но вот чтобы переубеждали, не помню.

– Что заложено в первооснову восприятия спектакля? Интуиция, логика, сердечная убеждённость...

– Я никогда не плачу в жизни. Случись трагедия, всё внутри камнеет, и ни слезинки. Но, Боже мой, как я плачу в театре! Когда у меня не хватает носовых платков, когда понимаю, что меня перевернули! Такой спектакль очень важен, и я знаю, он не может быть плохим, ведь – посмотрите – рыдаю не одна я, рыдают и те, кто вокруг. И если в самых разных людях, не знакомых, чужих друг другу, просыпаются одинаковые чувства – значит спектакль достучался до сердца.

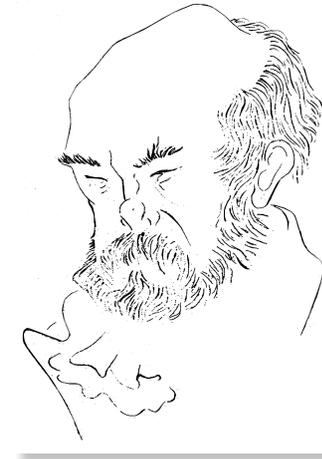
Один из моих любимых режиссёров – главный режиссёр Молодёжного театра на Фонтанке Семён Спивак – не случайно говорит: «Мой театр – это театр, который всегда обращён к сердцу». Его спектакль «Три сестры» смотрела девять (!) раз. И с удовольствием посмотрю в десятый. Это были девять спектаклей, каждый из которых становился следующей ступенью в познании происходящего.

– Вы передаёте опыт и знания критикам со всех уголков России. Что происходит на семинарах Натальи Старосельской?

– Цель нашей работы – чтобы критик мог чувствовать себя в спектакле как рыба в воде, понимая, как и для чего всё сделано, чтобы ничто не прошло мимо. Каков жанр этого произведения, произошло его изменение и так далее. Я требую от семинаристов, чтобы они как можно больше читали, узнавали. Очень важен и временной контекст, в котором произведение создано, а также тот, в котором оно рождается сегодня. Эти две вещи обязательно должны находиться в центре внимания. Тогда возникает иной угол зрения, мы иначе воспри-

Мир без границ

2010 — год Франции в России и России во Франции

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

*Я шёл, печаль свою
сопровождая...*

NEVERMORE¹

Зачем, зачем ты льнешь ко мне, воспоминанье?
Дрозда косою полет в осеннем увяданье,
Однообразный свет, бессильное сиянье
Над желтою листвою – и ветра бормотанье...

Мы шли, она и я, – и ни души вокруг, –
В мечты погружены; она спросила вдруг:
«Какой из дней твоих был самым лучшим, друг?»
О, голоса ее небесный, кроткий звук,

Живого серебра звук сладостный и зыбкий...
Я, затаив слова, ответил ей улыбкой
И губы приложил к её руке тогда...

Как первые цветы всегда благоуханны!
И первое в устах родившееся «да»,
И самые уста – как были вы желанны!

1865

Перевод А. Эфрон

ВЕРЛЕН Поль-Мари (1844-1896), французский поэт.

¹ Никогда (англ.)

нимаем увиденное. Бывает так, что спектаклем, который однозначно не понравился группе, на семинарах занимаемся по семь часов, приходя к самым неожиданным выводам.

– При всём этом профессия критик часто подменяется более широким понятием – журналист...

– Такова жизнь, и большинство участников моих семинаров – журналисты, которые пишут о театре, но не специализируются только на этом.

– Возможно, это происходит и потому, что узок круг периодических изданий о театре, и существующие журналы ориентированы на театральные столицы – Москву и Петербург?

– И это тоже. Однако не первый год при поддержке Союза театральных деятелей России существует журнал «Страстной бульвар, 10» – пожалуй, единственный из тех, которые, рассказывая о театре, ориентируются не только на два названных города, но на всю Россию. И он имеет своих узнаваемых и ожидаемых читателей авторов.

– Сегодняшний театр раздираем противоречиями. Он в поиске, и не всегда удачно. Почему?

– Театр сейчас переживает довольно трудное время. Это связано с временем вообще. И не потому, что у нас кризис, и мы стали маленькие зарплаты получать, а потому что ценности изменились. Каким бы плохим ни был социализм, какой бы плохой ни являлась идея коммунизма, – были ценности, которые мы верили. Не в то, что послезавтра мы построим коммунизм, а в то, что нельзя убивать, творить подлости, что надо жить ощущением добра...

Это очень странно, я недавно об этом думала, и пришла вот к какому выводу. Мы были как бы абсолютными атеистами, ну, по крайней мере большинство из нас. Но при этом все соблюдали постулаты Нагорной проповеди!.. А теперь мы такие верующие, из храмов не выходим, а вот основы забыли, национальной идеи нет. Это временной период, который в истории повторяется. Стоит вспомнить начало прошлого века, безумный декаданс, который всё охватил, с его идеей самоистребления. Тот этап миновал, завершившись очень страшно – Первой мировой войной.

Потом у людей появились иные ценности, они стали жить иначе. Мне кажется, и сейчас грядёт то же. Посмотрите,

ведь молодёжь, к которой я в принципе отношусь не очень хорошо, в каком-то смысле чище предыдущих поколений. Потому что откровеннее. То, что мы прятали в себе, они не скрывают, а значит пройдут быстрее свой период упадка, безверия, чем проходили его мы.

– Беда российских театров – отсутствие современной драматургии. Это тоже последствия безыдейности нашего существования?

– Драматургия очень отзывчива на реалии жизни. Те пьесы, которые пишутся сегодня, в большинстве своём сиюминутны, скоротечны, они ни о чём – и завтра позабудутся. Ненормативная лексика, обнажённые тела никому не нужны. Нужно другое, но разброд в умах не даёт шанса остановиться, оглянуться, заметить вечное, главное. Пока драматургия не чувствует почвы под ногами, она экспериментирует, выживает, и авторы тычутся во всё подряд, как слепые котята.

Хотя случаются и в наши дни озарения. Я не приверженец постановок по произведениям Николая Коляды. Но когда он написал пьесу «Персидская сирень», я смотрела спектакль и плакала, понимая, что это о главном, – о человеческом одиночестве. О том, как все мы друг от друга оторваны, отрезаны. Значит, может! Значит, когда что-то у человека болит всерьёз, когда он не собирается эпатировать, всё находится.

Хватит переписывать чужие сюжеты! Только когда у людей появится, о чём сказать, возродится российская драматургия.

– Вы приходите в театр на премьеру. Чего больше всего и с надеждой ждёте?

– Всегда жду, что будет очень хороший спектакль, настроена на открытие. Бывает, веду себя на премьеру, как говорится, «за шиворот», потому что уверена: надеяться не на что. И если вдруг оказывается, что спектакль удался, меня посещает чувство невероятного счастья. Я реалист с позитивным настроем.

– Какому театру на Руси жить хорошо?

– Театру с большой буквы будет жить на Руси хорошо. Хотя всегда сложно, ведь придётся постоянно доказывать, что он способен открывать вечное, думать, мучиться. Ему, а не тем, сугубо коммерческим, которые появляются на миг и исчезают бесследно.

ЖЕНЩИНЕ

За кроткий дар мечты, за милость утешенья,
Которые таит взгляд ваших глаз больших,
Из недр отчаяний жестоких этот стих –
Вам, чья душа чиста и вся — благоволенье.

Моя, увы, в тисках дурного наважденья,
Истерзанная тварь в когтях страстей слепых...
Безумье, ревность, гнев — кто перечислит их,
Волков, мою судьбу грызущих в исступленье?

О, как страдаю я! Каким огнем палим!
Что мука первого изгнанника из рая,
Что первый стон его в сравнении с моим?
А ваши горести подобны, дорогая,
Проворным ласточкам – в прозрачных, как стекло,
Сентябрьских небесах – когда еще тепло.

Перевод А. Эфрон

ВОСПОМИНАНЬЕ О ТАЙНЕ СУМЕРЕК

Воспоминанье в Сумерках печали
Чуть брезжится на небе, и закат
Надежды ярким пламенем объят,
А Прошлого тускнеющие дали
Одел туман, в котором, слившись в ряд,
Тюльпаны, розы, лилии, сабали
Сплетаются с решетками оград
И, шелестом своим наполнив сад,
Так запахами воздух пропитали –
Тюльпаны, розы, лилии, сабали, –
Что их тлетворный резкий аромат
Дурманит мозг, и тщетно ловит взгляд
Воспоминанье в Сумерках печали.

Перевод В. Васильева

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОГУЛКА

Струил закат последний свой багрянец,
Еще белел кувшинок грустных глянец,
Качавшихся меж лезвий тростника,
Под колыбельный лепет ветерка...
Я шел, печаль свою сопровождая;
Над озером, среди ив плакучих тая,
Вставал туман, как призрак самого
Отчаянья, и жалобой его
Казались диких уток пересвисты,
Друг друга звавших над травой росистой...
Так между ив я шел, свою печаль
Сопровождая; сумрака вуаль
Последний затуманила багрянец
Заката и укрыла бледный глянец .
Кувшинок, в обрамленье тростника
Качавшихся под лепет ветерка.

Перевод А. Эфрон

INITIUM¹

Стон флейт и скрипок смех, вдруг зазвучавший глухо,
Когда вошла она, – и вдруг померкший зал!
О, светлый завиток над раковиной уха,
К которой, был бы смел, приник бы и припал
Всей жаждой уст своих! – Кружился пестрый бал.

И подхватил ее мазурки безмятежный
Ритм, плавный, словно стих; блистая без прикрас, –
Как рифма этих нот, — она плыла небрежно,
И детская душа глядела, не таясь,
Из чувственных глубин зелено-серых глаз.

И Мысль моя с тех пор застыла в созерцанье
Видения того, чья непомерна власть
Над робостью Любви; вхожу в Воспоминанье,
Как в некий тайный храм, чтоб на колени пасть

И слушать, как грядет – неотвратимо – Страсть.

Перевод А. Эфрон

¹ Начало (*лат.*)

* *
*

От лампы светлый круг, софа перед огнем,
И у виска ладонь, и счастье быть вдвоем,
Когда легко мечтать, любимый взор встречая,
И книгу ты закрыл, и вьется пар от чая,
И сладко чувствовать, что день умчался прочь,
И суету забыть, и встретить вместе ночь,
Союзницу любви, хранительницу тайны.
Как тянется душа в тот мир необычайный,
Считая каждый миг и каждый час кляня,
Из тины тусклых дней, опутавших меня.

Перевод В. Левина

* *
*

В трактирах пьяный гул, на тротуарах грязь,
В промозглом воздухе платанов голых вязь,
Скрипучий омнибус, чьи грузные колеса
Враждуют с кузовом, сидящим как-то косо
И в ночь вперяющим два тусклых фонаря,
Рабочие, гурьбой бредущие, куря
У полицейского под носом носогрейки,
Дырявых крыш капель, осклизлые скамейки,
Канавы, полные навозом через край, –
Вот какова она, моя дорога в рай!

Перевод Б. Лившица

* *
*

Нежный строй голосов отзвучавших
Я в сегодняшнем лепете чую;
В робкой бледности – краску иную,
Трепет зарев, ещё не пылавших...

В дне вчерашнем иль завтрашнем – где мы?
Где мы, сердце? В тумане глубоком
Ты провидишь недремляющим оком
Всем поэтам присущую тему.

Умереть бы в печалях, весельях, –
О, любовь! – как часы и мгновенья,
В непрерывном и вечном движенье...
Умереть бы на этих качелях!

1872

Перевод А. Эфрон

223

Над городом тихо накрапывает дождь

Артур Рембо

* *
*

И в сердце растрava,
И дождик с утра.
Откуда бы, право,
Такая хандра?

О дождик желанный,
Твой шорох – предлог
Душе бесталанной
Всплакнуть под шумок.

Откуда ж кручина
И сердца вдовство?
Хандра без причины
И ни от чего.

Хандра ниоткуда,
Но та и хандра,
Когда не от худа
И не от добра.

1872

Перевод Б. Пастернака

* *
*

Целуемые хрупкою рукой,
Плывут, мерцают, звуки клавирина
В закатный сад, в сиреневый покой,
И слабый отзвук, милый и старинный,
Так оробело бродит по гостинной
Подобно взгляду, полному тоской.

Откуда эта странная отрада
Повеяла, печали утолив?
Смешной напев, чего тебе здесь надо?
О чем грустил ты, глупенький мотив, –
И навсегда затих, недогрустив,
В луче окна над сумерками сада?

1872

Перевод А. Гелескула

224

Соловью, глядящему с высокой
ветки на свое отражение, кажется будто
он упал в реку. Он сидит на вершине
дуба и все-таки боится утонуть.

Сирано де Бержерак

* *
*

Тени деревьев, таясь за туманом седым,
В озере тают, как дым,
А на вершине среди настоящих ветвей
Плачет навзрыд соловей.

Путник, не так ли и ты, отраженный на дне,
Видишь свой лик в глубине,
А на ветвях безутешней, чем трель соловья,
Плачет надежда твоя.

1872

Перевод О. Чухонцова

* *
*

О, прелесть женская! О, слабость! Эти руки –
Творительницы благ, гасительницы мук!
Оленья кротость глаз, «нет» говорящих вдруг
Нам, что искушены в дурной мужской науке!

О, женских голосов врачующие звуки,
Пусть лгущие порой! О, благодатный круг
Рыданий и рулад! О, песня, смех, испуг,
О, заглушённый стон в миг счастья, в час разлуки!

Как жизнь сама – жесток и страшен человек...
Ах, если бы вдали от схваток и от нег
Нам сохранить хоть край покинутой вершины!

Чтоб осенила нас младенческая твердь
Доверия, добра... Что нас ведет, мужчины?
И что оставим здесь, когда наступит смерть?

1875

Перевод А. Эфрон

* *
*

Печали, Радости, убогие скитальцы!
Ты, сердце, что опять, угаснув лишь вчера,
Пылаешь, — все прошло; окончена игра!
И тени от добыч не удержали пальцы!

Сонм ненасытных чувств – отмучились, страдальцы!
Отпелись, отклялись, отнежились – пора!
Истоптанной тропой плетутся со двора
Смех и старуха Грусть, – прощайте, постояльцы!
Безгрешен, отрешен, блаженной пустотой
Наполненный – теперь ты познаешь покой,
И в новой чистоте твой дух и ум – едины.

А сердце, что вчера, гордыней сожжено,
Отчаивалось, – вновь к любви вознесено
И постигает жизнь – предвестницу кончины.

1875

Перевод А. Эфрон

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

Она деревцом терпеливым
Растет у забытых могил,
Подобно кладбищенским ивам,
Которых никто не сажил.

И, верная давней поруке,
Пичуга звенит с деревца,
И чудится: наши сердца –
Те ветви и певчие звуки.

Ты – память, я – холод разлуки,
Которой не будет конца...
О, жить бы! Но горсточка праха

Развеется небытием...
Ну что же... Скажи, моя птаха, —
Хоть жил ли я в сердце твоём?

1893

Перевод А. Гелескула

свет на эту версию. Естественно предположить, что, направляясь из Петербурга в Тифлис, К. де Местр должен был следовать по Военно-Грузинской дороге и, таким образом, проехать через Владикавказ. В одном из французских периодических изданий начала XIX в. в журнале «Корреспондан», было опубликовано письмо К. де Местра к брату Жозефу от 14 февраля 1811 г., подтверждающее факт пребывания К. де Местра во Владикавказе и беседу его с комендантом Владикавказской крепости: «Этот город расположен между Большой и Малой Кабардой в стране чеченцев, – писал К. де Местр, – ... Генерал Дельпоццо, пьемонтец, является его комендантом. Это человек выдающийся во всех отношениях. Он известен своей безупречной честностью, чем заслужил доверие этого дикого народа, у которого даже был в плену». Как видим, в данное письмо включено упоминание о плене, что на наш взгляд является существенной деталью, связанной с историей сюжета о кавказском пленнике. Можно предположить, что К. де Местр и семья Фрейганг встречались во время поездки на Кавказ. Однако на страницах книги «Письма о Кавказе и Грузии» упоминаний имени К. де Местра нет.

Книга Ф. Фрейганг в свое время была достаточно популярна. Она написана в виде собрания писем к подруге, оставшейся в Петербурге. Такая форма была избрана не случайно. Эпистолярный жанр, популярный в литературе сентиментализма, (например, «Новая Элоиза Ж.Ж. Руссо, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина), оставался одним из самых любимых и во времена романтизма, то есть во время написания и издания данного источника. Вышедшая в Гамбурге книга продавалась в Петербурге, Лондоне, Париже. Она содержит шестьдесят два письма и хронологически включает в себя отрезок почти в четыре года – с 1 сентября 1811 по 18 января 1815 г. Владикавказу посвящены четыре письма 1811 г. – №11 – от 6 ноября, № 12 – от 7 ноября, № 13 – от 8 ноября и № 14 – от 10 ноября. Упоминаются в них и такие кавказские топонимы, как Моздок, Балта, Ларс, Коби, Гуд-гора, Койшаур, Мцхета, Тифлис и др.

В письмах просматривается образ автора – хрупкой женщины, обладающей мужеством и решимостью следовать за своим мужем, невзирая на трудности пути, и разделять с ним любую опасность. Причем отправляется она в дорогу со своими маленькими детьми: ее сыну Андрею нет и трех лет, а маленькой Катерине всего три недели. В первом же письме, от 1 сентября 1811 г., она объясняет этот поступок: «Отправиться в путь, да в такое время года, с двумя детьми, из которых один новорожденный, – какое безумие! Ах, дорогая, имейте мужа, любите, и вы меня поймете». С маленькими детьми она переправляется через Терек на грубо сколоченном плоту, в ноябре, в непогоду и снег, преодолевает Крестовый перевал в легком экипаже. Вероятно, все же, такой риск для женщины был неоправдан: на обратном пути 12 сентября 1812 г. дочь Фредерики Фрейганг заболевает и умрет – ее похоронят в Георгиевске.

Книга Ф. Фрейганг представляет интерес и как возможный источник сюжета «Кавказского пленника» К. де Местра, и как одно из первых оригинальных произведений на эту тему. Эти «Письма» также любопытны современному читателю взглядом на Кавказ, на его жителей, природу, свойственному путешественникам по этому краю двести лет тому назад. Почитаем:

«Владикавказ – это крепость, которую можно рассматривать как ключ к Кавказу и название которой аналогично ее положению. Комендант крепости, старый и уважаемый генерал, все более и более укрепляет и улучшает это место. Он – гроза чеченцев и всех горцев. Однако этот с виду угрюмый ворчун – любезнейший человек, какого только можно встретить.»

Очень интересный человек этот старый комендант. Мы провели в его обществе пару самых приятных часов. Он весел, он кричит, он чертыхается, он – медведь, но он бесконечно добр, образован и обладает чувством собственного достоинства. Сколько несчастий он испытал! Это, право, необыкновенный человек... Он не русский, но много лет находится на русской службе. Поверите ли,

моя дорогая, он решительно сочувствует этим дикарям, среди которых живет давно, и он сохраняет эту особенную любовь к ним, несмотря на страдания, которые вынес из чеченцев. Он страдал там более года в окопах полковником, как они похитили его из Ивановской крепости, когда он был просто полковником. Надо было слышать от него самого историю его несчастий; невозможно было удержаться одновременно от слез и смеха. Вот что рассказал он нам об этом приключении.

Однажды утром, сопровождаемый тремя казаками, он пересекал маленький лесок недалеко от своего дома. Раздался два ружейных выстрела, которые свалили двух сопровождавших его казаков; в то же мгновение множество чеченцев выскочило из леса и накинулось на третьего казака, который его охранял и стрелять в которого они не решились, рискуя в этом случае убить также и полковника, что противоречило их планам; несколько человек схватили его, и, отрезав головы трем казакам, связали бедного полковника, посадили его на лошадь и помчались галопом. Только через три дня пути, нередко сквозь кустарники и колючки, несчастный пленный, почти умирающий от усталости и отчаянья, прибыл со своими похитителями к месту их жилья.

Закованного по рукам и ногам, в мрачной и сырой темнице, на хлебе и воде вместо пищи – вот как его содержали, надеясь, что столь суровое обхождение сломит силы пленника и заставит просить у Императора выкуп в 50 тысяч рублей.

Постепенно его раны зажили; но разлученный с женой и сыном, он должен был собрать все душевные силы, чтобы не поддаться печали. Прошел целый год такого горького существования. Его постоянный отказ обратиться к Государю за помощью вызывал только все более суровое обращение; его не переставали бить, пока его жадные палачи не испугались, что, ослабев от страданий, он отправится на тот свет, и их надежды на желанный выкуп рухнут.

Несмотря на то, что с ним обращались так жестоко, полковник заметил, что завоевал доверие и уважение чеченцев, и они часто приходили к нему советовать по своим делам, или с просьбой рассудить их споры. Выносимые им решения сделали его в какой-то мере верховным судьей данного народа...

Местные женщины были его покровительницами и иногда приходили, чтобы угостить его национальными блюдами и утешить в его несчастьях. Они осмеливались проливать слезы, но не решились освободить его.

Наконец, когда чеченцы поняли, что желанная сумма не будет уплачена, и что они рискуют увидеть, как бедняга погибнет под грузом цепей и страданий, они решили торговаться из-за выкупа и получили десять тысяч рублей за освобождение несчастного мученика. А он был особенно доволен этим потому, что один из его друзей дал знать о его заключении Императору и из казны были уплачены деньги для его освобождения.

Он вернулся, но не увидел ни жены, ни сына, – они умерли с горя, и он нашел дом пустым».

Интересно сопоставить эти описания с сюжетом о кавказском пленнике, приведенным в книге Я. Потоцкого «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи», изданной в Париже в 1829 году:

«24 ноября 1797г. меня посетил молодой Таганов, сын коменданта Моздока. Три года назад он был захвачен чеченцами, его выкупили лишь спустя шесть месяцев, и вот, что он мне рассказал о своем приключении. Его полк стоял лагерем в четырех лье от Моздока; он получил разрешение отправиться повидать своих родителей и выехал, сопровождаемый одним казаком. Когда он спускался с холма, что находится в двух лье отсюда, он услышал множество ружейных выстрелов. Его казак был убит, а лошади испугались и опрокинули повозку. В то же мгновение его атаковали и нанесли ему удар саблей по голове, а другой – по руке. Затем его положили на лошадь и пересекли реку способом, описанным мною выше. Но,

потеряв много крови, он был в полуобморочном состоянии и пловцы вынуждены были его поддерживать.

Прибыв на место, ему перевязали раны, заковали в железо и повесили ему на шею цепь. Впрочем, с ним хорошо обращались и хорошо кормили. Его охранники не садились раньше его, по крайней мере, если он им это не разрешал: их уважение объяснялось тем, что молодой человек происходил из семьи князей ногайских, очень прославленных на Кубани. Его возили по всем чеченским деревням, которые по очереди должны были за ним следить и содержать его; однако прекрасный пол, всегда готовый посочувствовать несчастиям молодых людей, смягчал его тоску в неволе, принимая его в интимном кружке, там, где девушки работали вечерней порой, прядя грубую шерсть с невинным и в то же время с влюбленным видом.

В один из таких вечеров девушки отправили молодых людей, отвечающих за узника; затем с него сняли оковы и препоручили его новым надсмотрщикам, которые переправили его в зал. Там его посадили на пол, затем хозяйка дома принесла ему стакан свежей воды. Пока он пил, все стояли; когда же он выпил воду, он был принят в общество и ему предоставили довольно большую свободу, тем более, что молодой Таганов знал чеченский язык и мог принимать участие во всех играх. Молодые люди играли на двухструнных гитарах, девушки пели, танцевали, веселье продолжалось до ночи.

Узник также часто находился среди молодых женщин, которые не прятались и не закрывали перед ним лицо вуалью, так как там женщины живут в доме мужа, но не так как у черкесов. Те считают за великий грех показаться рядом со своими женами, которые живут в отдельном доме, куда муж приходит украдкой только ночью. Что касается чеченских мужчин (как сказал мне Таганов), они всегда веселы, даже когда у них ничего нет, но отчего они могут вспылить, так это оттого, если один из них захочет продемонстрировать свое превосходство над другими, что совсем не мешает их соглашательству с различиями, установленными другими народами, что я наблюдал в Кизляре. Есть даже чеченские деревни, находящиеся в подчинении кумыкских князей и других народов, имеющих князей. Хотя здесь не оспаривается то, что чеченцы – независимый народ и то, что его невозможно покорить, так как при попытке их завоевать, они покидают свои деревни и живут в лесах и скалах.

Наш узник провел, таким образом, пять месяцев в этом довольно благополучном плену, как вдруг чеченцы посадили его на лошадь, увезли в другие горы, препроводив его в страну Лезги-Анди (IX). Там он встретил нравы немного похожие на чеченские. Женский костюм у них отличается меньшей сдержанностью, их дома построены добротней и лучше обставлены, но они испытывают острый недостаток в том, что зовется пищей.

Затем узника отправили в более южные области, но, не имея возможности достоверно осветить эту часть его путешествия, я предпочел вообще этого не делать. Под давлением угроз чеченцы вынуждены были его вернуть. Молодой Таганов был возвращен своей семье, такова его романтическая история. Я слышал о ней в течение долгого времени, но по-разному, вот почему я предпочел услышать ее от него самого. Таким образом, в моем рассказе приведены его собственные слова».

Впрочем, в книге Ф. Фрейганг рассказывается еще об одной истории о другом кавказском пленнике:

«Один русский майор, очень храбрый, бич всех разбойников, которые поклялись ненавидеть и мстить ему, пересекал однажды лес со своим маленьким отрядом. Атакованный превосходящими силами чеченцев, он защищался долго и бесстрашно. Он уже потерял большую часть своего отряда и видел, что кончатся боеприпасы, когда враги, которым был нужен только майор, предложили прекратить битву при условии, что он сдастся им в руки. Чтобы спасти то

небольшое количество людей, которое еще оставалось в живых, он решил пожертвовать собой и сдался своим непримиримым врагам, сопровождаемый только одним денщиком, не захотевшим покинуть своего хозяина. Другие солдаты вернулись, а чеченцы увезли пленника в свое логово. Невозможно описать, каким страданиям подвергался в тюрьме несчастный майор, отданный во власть своих гонителей. Даже женщины все дни приходили к нему, чтобы рвать ему бороду, ломать ногти, щипать и плевать ему в лицо. Без помощи своего верного слуги, который оставался на свободе, он бы умер от голода и страданий.

Их тюремщик и вся его семья любили музыку; когда они узнали, что майор умеет играть на гитаре, они заставили его день и ночь играть на струнном инструменте, некоем подобии гитары, который вручил ему тиран. Тогда-то все и было решено, и майор с денщиком согласовали план побега. Старый тюремщик любил засыпать вечером под звуки этой музыки; сразу после концерта жена хозяина обычно снова надевала на пленника кандалы.

Однажды вечером – это был день, назначенный для побега, майор играл, как обычно, на гитаре, его охранник уже спал, солдат притворялся спящим, а старуха одна бодрствовала. Когда она приблизилась к майору, чтобы снова надеть ему цепи, солдат бросился на нее и убил ее ударом топора, который он заранее приберег; то же оружие освободило их от тюремщика: необходимость вынуждала их также уничтожить мальчика, которого разбудил шум, но орудие убийства трижды выпадало из руки, и они рисковали быть пойманными. Их страх усиливало и то, что начинало темнеть, огонь погас и нужно было отыскать ключ от двери.

Что за минута для этих несчастных! Между трупами и тьмой, охваченные страшной тревогой, они готовы были уже обрушить топор на самих себя, когда, к счастью, солдат нашел ключ. Двое пленников вырвались из своей темницы, унося на руках мальчика, ибо жалость помешала им убить его; они вдвоем бросились на одну лошадь, найденную на конюшне, посадили мальчика на колени и, доверившись Провидению, со всей возможной быстротой покинули аул.

Малейший шорох заставлял их вздрагивать; из-за большого смятения они сбились с дороги и, что переполнило чашу несчастий, встретили чеченцев, которые их схватили. Они объяснились и обнаружили с сердечным содроганием, что последние называют их кунаками, то есть гостями, любимцами, друзьями. Трудно заподозрить в чеченце сострадание; они, возможно, руководствовались другими мотивами, спасая беглецов, – надеждой заработать.

Чеченцы привезли их к себе, для надежности заперли их в укромной комнате и дали знать русским властям о том, что произошло.

Между тем, враги майора, взбешенные его побегом и убийствами, искали его повсюду и также явились в то место, где находились беглецы; но чеченцы, верные данному слову, притворились, что не понимают причины появления своих соотечественников, которые, находясь рядом с комнатой, где прятали майора, подняли ужасный шум и клялись вечно мстить бежавшим пленникам.

Наконец, прибыл посланец от русских, который освободил майора».

Описанные выше эпизоды, очень близки к сюжету повести Ксавье де Местра «Кавказские пленники». Вероятно, и Ксавье де Местр, и Фредерика Фрейганг слышали эти истории из уст коменданта Дельпоццо, или они были пересказаны де Местру Фредерикой еще до издания ее книги.

«Письма» Фредерики Фрейганг – своеобразный дневник ее путешествия. В них описываются и природа, и обычаи, и нравы народов Кавказа, увиденные путешественницей начала XIX века.

«Я так часто писала Вам о Кавказе, что хочу познакомить Вас с ним более подробно. Сведения, которые я Вам сообщу, были мне даны нашим добрым старым комендантом, хорошо знающим страну и ее обитателей.

Между Черным и Каспийским морями расположен Кавказ, жителей которого

не принимали в расчет до решения бессмертной Екатерины, распорядившейся признать эти народы.

В центре этих, если их можно так назвать, Альп, расположена вторая Швейцария, культура которой только начинает раскрываться. Гюльденштедт и Рейнеггс, которые путешествовали по этой интересной стране под покровительством русской императрицы, и, в особенности, Рейнеггс, совершивший пять поездок на Кавказ, дают нам его описание со всех точек зрения – физической, географической и политической. Протяженность этой огромной горной цепи не везде одинакова. От Моздока до Тифлиса 282 версты. Там, где горы пересекаются с севера Терек, а с юга Арагвой, расстояние от Балты до Мцхета 112 верст...

Менее высокие горы и ложбины Кавказа – это единственные места, пригодные к восприятию культуры. Жители же высокогорных мест живут только охотой и разведением домашнего скота.

Утверждают, что по точным подсчетам на Кавказе около миллиона человек, способных носить оружие, что делает население огромным, если добавить туда женщин и детей.

Этот народ образует множество племен, говорящих на разных языках и различающихся обычаями. Но общие черты их характеров – это страстное стремление к независимости, храбрость, любовь к оружию...

Храбрость жителей Кавказа проистекает от суровости их нравов. Они атакуют яростно, бешено сопротивляются и жестоко мстят... Никогда чеченец не выйдет из своего дома, не будучи вооружен, даже если это палка, на конце которой железный трезубец. Это смертоносное оружие называется топус».

Интересно отметить, что Ф. Фрейганг по-женски очень осторожна, описывая имена и события. Свою книгу она выпустила анонимно за границей, в письмах старалась не упоминать имен, за исключением официальных. Здесь можно привести аналогию с описанием кавказского путешествия А. Оммер де Гель, которая хоть и подписала своим именем книгу, посвященную описанию кавказского путешествия, но часто уходила в ней от упоминания конкретных дат и имен.

Пользовавшееся в свое время известностью собрание писем Ф. Фрейганг, с годами было забыто. Эти письма никогда не переводились на русский язык, тексты их мало известны современным исследователям. Научные изыскания о Кавказе, основанные на богатом фактическом материале, потеснили в наше время подобные записки, подчас наивные и восторженные. Однако «Письма о Кавказе и Грузии» являются интересным документом. Так, М.А. Тахо-Годи обращает внимание на тот факт, что «Если за 200 лет до Ф. Фрейганг в немецкой народной книге о докторе Фаусте характеристика Кавказа ограничивалась лишь одной фразой: «Кавказ – это высокая гора, где растет много перечных деревьев», то в начале XIX в. представление о Кавказе требовало большей конкретизации». Этой цели способствовали публикации личных впечатлений путешественников по этому краю. Написанные по-французски, изданные в Европе, где в эти годы царил романтизм, произведения участника русско-турецкой войны на Кавказе Ксавье де Местра и жены русского дипломата Фредерики Фрейганг – отличались уже не только романтическим восприятием природы Кавказа как дикой, неизведанной, полной опасностей, древней страны; романтической открытостью к восприятию чужой культуры; готовностью понять и принять особенности других людей; гуманным отношением к человеку любой национальности, но и отвечали повышенному интересу читательской аудитории ко всему экзотическому, восточному и, в частности, к Кавказу. Этот малоизвестный край, увиденный любознательными путешественниками, обретал конкретность изображения, точность деталей, подтвержденную свидетельствами очевидцев. Можно сделать вывод, что, включив в свои несколько сентиментальные письма к подруге документальный материал, Ф. Фрейганг во многом предвосхитила мастерскую очерковую манеру пушкинского «Путешествия в Арзрум».

Литературная страничка этого номера русскоязычного еженедельника «Англия», издаваемого в Лондоне, посвящена творчеству нашего земляка

ВЯЧЕСЛАВ БРУС

Я вспоминаю сцены из былого...

Лекции. Диспуты. Заседанья.
Бровь искривленная. Боль и страданья.
Прелесть улыбки на белых губах.
Взгляды, мне душу огнем полоснувшие!
Слезы, от резкого слова блеснувшие
В карих глазах.
Служба и долг. Никакого свиданья.
Чувствам нахлынувшим нет

послабленья.

Личным симпатиям нет оправдания
В стенах учебного заведения.
Все, что красиво – печально кончается.
Счастье убитое не возвращается.
Годы проходят... и письма все реже...

Мысли о встрече и счастье? –

Но где же?

Мысли о встрече и счастье? –

Когда же?

Страшно подумать об этом мне даже:
Кудри рдеют, глаза выцветают,
В сердце желанья затухают,
Нужно ль теперь ворошить нам

былое? –

Счастье уже невозможно с тобою.

ВЯЧЕСЛАВ БРУС (Шкарупин Вячеслав Иосифович, 1922 г. рождения), профессор Пятигорского государственного лингвистического университета. Автор ряда исследований по германской филологии. В 2002 году отмечен дипломом на международном поэтическом конкурсе на английском языке в г. Гастингсе. Член Союза писателей России.

ТАТАРНИК

Строгие четкие линии,
Он, как репейник, высок,
Шапки пурпурово-дымные, —
Знаю я этот цветок.
Нет, не из тех он, что плаваются
В полдень от знойных лучей,
И не из тех он, что валяются
От проливных дождей.
И не сорвать его даром! —
Только ценою слез...
Красным охвачен пожаром
Железнодорожный откос.
Мне бы такую живучесть:
Выстоять все, пережить!
Мне бы такую же участь:
Цвезть и нетронутым быть!

СТРОКА

Порой строка прямою трассой
Связует сердце со слезой,
И некуда тогда податься,
И ты рыдаешь над строкой.
Жизнь все не ладится, не спится
И сердце в горле — все комок.
И болью полные страницы
Кровоточат от этих строк.

ЧАША ПОЭЗИИ

Не пей из чашки той, нет, нет:
Не утолив, она заставит
Тебя терзаться и болеть
И жизнь цветущую отравит.
Ты будешь мучиться, страдать,
Строку терзая за строкою,
Чтоб не обречь свой стих звучать
Лишь колотушкою пустою.
Ты можешь, знаю, отличить
Звук серебра от песни ложной,
Но только избранным возможно
В металл их чувства перелить!

Как грустно видеть сад
с безлиственной кроной,
Как грустно слышать его
сетования, стоны,
И этот скрежет по стене,
могильный стук,
Когда осенний ветер раскачает сук.
Унылая пора в моем существованье!
Ты подкатилась сразу, вмиг я ощутил,
Что позади остались лучшие желанья,
Что жизнь прошла... а что
я совершил?!

ШЕКСПИР. СОНЕТ 30

Когда вдруг размышленьями объят,
Я вспоминаю сцены из бывшего —
Они встают в тот час за рядом ряд
И старой болью я болею снова.
И на глазах блистают слезы вновь:
Нельзя потерям тем же ужаснуться —
Здесь и моя погибшая любовь,
Здесь и друзья, что больше
не вернуться...
И мной тогда овладевает грусть,
И дорогим утраченным надеждам
Невольню я душою предаюсь
И вновь плачу, за что платил
уж прежде.
Но если о тебе я вспомню, друг,
То болям всем конец, приходит вдруг.

■

От редакции «ГК»:

поздравляем Вячеслава Иосифовича с этой публикацией в еженедельнике «Англия», желаем ему новых творческих успехов и в области родной поэзии и на ниве переводов на русский язык западно-европейской литературы.

НЕОБЫЧНЫЙ ДИАЛОГ

«Возможно, сюда придут молодые и не очень молодые люди, чтобы найти идеал братства и любви, который я стремился выразить своими формами и красками»

Марк Шагал

Проект, у истоков которого стоит московская кампания «Центр Евро-Арт», второй, но далеко не последний в серии «Имена, которые покорили мир» (в 2007 году была выставка «Гойя, Дали. Сны разума»).

Нынешний показ уникальной выставки «Марк Шагал. Библейские сюжеты», в стенах выставочного зала Союза художников России в Ставрополе осуществлен при поддержке правительства Ставропольского края, администрации города Ставрополя и краевой организации Союза художников России.

– Я видел выставочные проекты Шагала в Париже и Лондоне, в Израиле, – сказал на открытии выставки архиепископ Ставропольский и Владикавказский Феофан. – Этот художник мистичен и удивителен. Его работы воспринимаются не глазами – сердцем. Неспроста на Кавказ прибыла выставка произведений по библейским сюжетам. Библия являет для нас реальную школу жизни, по-

зволяет задуматься над многим и кроме чувства наслаждения искусством вынести важные духовные уроки.

Экспозиция семидесяти шести литографий мастера, приуроченная ко Дню города Ставрополя, получила необычное продолжение – ее дополнили работы молодых художников края. В итоге получился прецедент необычного, творческого диалога великого Шагала и творческой молодежи.

– Если в музеях Европы данная серия работ обычно представляется сообразно годам их появления на свет, – отметил арт-директор компании «Центр Евро-Арт» Александр Щеляков, – то, готовя эту экспозицию, хотелось соблюсти непрерывность библейского повествования, чтобы период от одной работы к другой был сопоставим с последовательным прочтением Ветхого Завета, раскрывающим историю человечества.

«Наше Ставрополье»

ВЛАДИМИР ОЛЬХОВ

СОБЫТИЕ ГОДА

Комитет Ставропольского края по информационной политике и массовым коммуникациям и Ставропольская государственная краевая универсальная научная библиотека им. М.Ю. Лермонтова (1852-2009) признали альманах «Голос Кавказа» победителем в номинации «Издание, ставшее событием года», о чем свидетельствует Диплом признания, врученный главному редактору альманаха в День Ставропольского края.

Учредителя, редакционную коллегию и авторов поздравили Глава Республики Калмыкия, президент ФИДЕ Кирсан Илюмжинов с верой в то, что «читатели и авторы найдут в альманахе свою надежную духовную опору и внесут достойный вклад в развитие литературы и искусств народов Северного Кавказа».

Президент Кабардино-Балкарской

Республики Арсен Каноков пожелал творческому коллективу редакции «достойно пройти славный путь от события года до события века».

Альманах поздравили коллеги из редакций журналов «Нана», «Дон», «Вайнах», «Иные берега», «Литературный Дагестан», доктор философских наук, профессор, президент Краснодарского государственного университета культуры и искусств Ирина Горлова, заслуженный работник культуры РФ, президент Клуба писателей Кавказа Салих Гуртуев, народный поэт Дагестана Абдулах Дагаев, народный артист РСФСР Муса Дудаев.

Коллектив редакции искренне благодарит всех за пожелание добра и новых успехов. Удачи всем нам!

АНОНС

Начиная с четвертого номера редакция альманаха приступает к публикации глав из романа Канта Ибрагимов «Детский мир» (второе название «Прямой наводкой по Ангелу»). По официальному уведомлению Нобелевского комитета при Шведской академии наук этот роман номинирован на Нобелевскую премию.

Канта Ибрагимов родился в Грозном в 1960 г. в семье ученого, доктора химических наук Хамзата Ибрагимова. Автор 6 романов, в 2004 г. стал лауреатом Государственной премии РФ в области литературы и искусства. В 2006 году на соискание Нобелевской премии были номинированы три его романа: «Седой Кавказ», «Прошедшие войны», «Учитель истории».

Библиотека альманаха «Голос Кавказа»

Георгий Пряхин. Хазарские сны. Роман. «Воскресенье». М., 2008.

Валерий Перевозчиков. Неизвестный Высоцкий. Пятигорский государственный лингвистический университет, ЦИИОТ, Пятигорск, 2008.

Анатолий Трилисов. Поезд времени. Стихи, поэмы, песни, переводы. Карачаево-Черкесское издательство, Черкесск, 2008.

Александр Мосиенко. Вашими молитвами. Рассказы, повести, трагедия. Северо-Кавказское издательство «МИЛ», Кисловодск, 2009.

Евгений Карпенко. Сезон дождей. Рассказы и повесть. Дониздат, Ростов-на-Дону, 2009.

Хасолт Акиев. Народы Северного Кавказа в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. ООО «Семена «Севкавгипроводхоз», Пятигорск, 2009.

Авторы и редакция альманаха «Голос Кавказа» выражают искреннюю благодарность меценатам, чья помощь стала решающей в издании первых томов библиотеки:

Ваховой Маргарите Георгиевне

Горбунову Александру Павловичу

Исаеву Леониду Никитовичу

Носову Константину Николаевичу

Хнычеву Валерию Альбертовичу

Редакционная коллегия

«ГОЛОС КАВКАЗА»

ОБЪЯВЛЯЕТ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИЕ

КОНКУРСЫ

- НА ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ЛИРИКИ ИМЕНИ ИЗВЕСТНОГО РОССИЙСКОГО ПОЭТА-ПЯТИГОРЧАНИНА ГЕННАДИЯ КОЛЕСНИКОВА
меценат В.А. Хнычѐв
- НА ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА И ОБ ИСКУССТВЕ
меценаты: В.Н. Арзуманов
О.Т. Басаев

Редакция оставляет право за творческими союзами Северо-Кавказского федерального округа вносить свои предложения для объявления новых конкурсов. Возможные средства с пометкой «ДЛЯ КОНКУРСА» просим перечислить на р/счет нашего учредителя – института ОАО «Севкавгипроводхоз»

*Р/с 40702810400000000147 в ОАО КБ «Евроситибанк», г. Пятигорск
БИК 040708774, ИНН банка 2632052342
ИНН/КПП 2632005141/263201001, кор/с 30101810200000000774*

Итоги конкурсов будут подводиться ежегодно на основании опроса читателей на сентябрьском заседании редколлегии альманаха.

Редакционная коллегия

Учредитель

Северо-Кавказский институт по проектированию водохозяйственного и мелиоративного строительства (ОАО «Севкавгипроводхоз»).
К 80-летию со дня основания

Директор проекта

Носов К.Н., заслуженный мелиоратор России

Главный редактор

Ольхов В.Н.

Редакционная коллегия

Арзуманов В.Н. (ред. отдела искусств)
Ахмедов М.А.
Басаев О.Т.
Бедоев Ш.Е.
Бекизова Л.А.
Ибрагимов К.Х.
Кауфов Х.Х.
Куликова Т.Д. (ред. отдела публицистики)
Маркелов Н.В. (ред. отдела истории и культурного наследия)
Мамакаев Э.А.
Мосиенко А.А. (ред. отдела критики и библиографии)
Мосинцев А.Ф. (ред. отдела литературы)
Пелешенко Н.А. (ответ. секретарь)
Пряхин Г.В. (зам. главного редактора)
Разумовская З.М. (ред. международного отдела)
Санджиев Н.Д.
Трилисов А.И. (ред. отдела переводов)
Ходов К.З.
Хамхоев В.В.

Технический редактор

Беяев В.И.

Над оформлением номера работали:

художники Арзуманов В.Н., Кондратенко Е.Ю.,
Эйзериков И.Б., Яковлев А.А.
компьютерная верстка, компьютерный набор – Сагинор Л.Г.
корректор – Пелешенко Н.А.

Адрес редакции: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Кирова, 78.
ОАО «Севкавгипроводхоз», альманах «Голос Кавказа».
Контактные телефоны: (8793) 39-34-08, 39-30-07. Факс (8793) 97-38-62, 33-90-64.
E-mail: skgvh@skgvh.ru
Международный отдел: erudit5@mail.ru

Альманах зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-26977 от 19.01.2007 г.

Подписано в печать 26.12.2009 г. Формат 72 x 104^{1/16}. Офсет. Тираж 1000 экз. Заказ 134.

Отпечатано в типографии ООО «Семена «Севкавгипроводхоз».

К сведению уважаемых авторов:

- Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своем решении.
- Рукописи, присылаемые на дом работникам редакции, не рассматриваются.
- Рукописи менее двух печатных листов редакция не возвращает.

Знакомьтесь: учредитель альманаха «Голос Кавказа»

ОАО «СЕВКАВГИПРОВОДХОЗ»

открытое акционерное общество
Северо-Кавказский институт
по проектированию водохозяйственного
и мелиоративного строительства

Генеральный директор – заслуженный мелиоратор России,
академик МАМР и АППЭР Константин Николаевич Носов

357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Кирова, 78.
Тел.: (8793) 39-34-08, 39-30-07, факс (8793) 97-38-62, 33-90-64.
E-mail: skgvh@skgvh.ru www.skgvh.ru

Более, чем 80-летний опыт коллектива ведущего в России института по проектированию водохозяйственного и мелиоративного строительства – надёжная гарантия высокого качества работы по всем направлениям:

- инженерно-геодезические, инженерно-геологические, инженерно-гидрометеорологические, гидрогеологические, инженерно-экологические изыскания
- комплексные лабораторные исследования грунтов, почвы, воды, строительных материалов, качества строительно-монтажных работ
- проектирование водохозяйственных, мелиоративных и других объектов, водо- и газоснабжения, сельскохозяйственного, промышленно-гражданского и коммунального назначения, здравоохранения, торговли и пищевой промышленности, хранения нефтепродуктов, АЗС, полигонов ТБО, аэродромов, объектов энергоснабжения и связи, разработки и рекультивации карьеров, землеустройства, защиты территории и объектов от эрозии, затопления, подтопления, камнепадов и оползней, снежных лавин и селей
- строительство зданий и сооружений 1 и 2 уровня ответственности с функцией генерального подрядчика

П.М. Гречишкин. Северный Кавказ. 1969.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ОЛЕГА ТЕМИРБОЛАТОВИЧА БАСАЕВА

заслуженного деятеля искусств Республики Северная Осетия-Алания, обладателя серебряной медали РАХ с избранием его членом-корреспондентом Российской академии художеств (РАХ).

ГЕОРГИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ПРЯХИНА

директора ФГУП «Издательство «Художественная литература», нашего земляка, удостоенного Всероссийской литературной премии имени Александра Грина за выдающийся вклад в развитие отечественной литературы, создание особо значимых литературных произведений для детей старшего возраста, подростков и юношества.

Ранее лауреатами этой премии становились такие известные авторы, как Альберт Лиханов, Владислав Крапивин, Кир Булычёв. Поздравляем Георгия Владимировича и с выходом в свет романа «Хазарские сны», открывшего серию «Библиотека альманаха «Голос Кавказа».

